

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Cultural Diplomacy in the USSR

Controversial Symbols of Moscow

Fear and Political Myth in Outsider Art

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 8 | 2020 | № 5

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

•
Дополнительный выпуск
•

•
Extra Issue
•

•
Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

•
Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

•
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

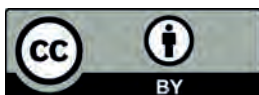
•
Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

•
«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный
журнал, сферой интересов которого явля-
ются исследования в области культуры, ис-
кусства, истории, археологии, лингвистики
и литературы России. Задача журнала – рас-
ширить представления о российском гума-
нитарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

•
“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, archaeology,
literature and linguistics. The journal aims
to broaden the idea of Russian studies within
discourse in the humanities to encompass
an international community of scholars.
Priority is given to articles that consider new
historical and literary sources, that observe
rules of academic writing and objectivity, and
that are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

•
Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

•
The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина, Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editor* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Reviews Section Editor* – Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).

Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo ; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); отдел рецензий – доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовой-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лapidус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<i>Dmitry Redin, Larisa Soboleva.</i> National Symbols: Cultural and Historical Roots1491	<i>Dmitry Redin, Larisa Soboleva.</i> National Symbols: Cultural and Historical Roots1491
---	---

Problema voluminis

Россия: многоголосие культурных смыслов и символов	Russia: The Polyphony of Cultural Meanings and Symbols
<i>Юлия Литвин.</i> Печь, кадка и самовар: символы статуса хозяйки в карельской традиционной культуре.1505	<i>Yulia Litvin.</i> The Stove, the Dough Bowl, and the Samovar: Symbols of a Housewife's Status in Traditional Karelian Culture1505
<i>Арсений Миронов.</i> Аксиология и символика мотивной системы в новгородских былинах1519	<i>Arseny Mironov.</i> The Axiology and Symbolism of the Motif System in Novgorod Bylinas.....1519
<i>Татьяна Никитина.</i> Москва как национальный символ в паремиологическом отображении: динамика культурных смыслов ...1534	<i>Tatiana Nikitina.</i> Moscow as a National Symbol: Dynamics of Cultural Meanings in Paremiology1534
<i>Светлана Королева.</i> Московский канон английской литературы: Moscow, Moscovia, Muscovite1549	<i>Svetlana Koroleva.</i> Moscow, Moscovia, Muscovite: <i>The Moscow Canon</i> of English Literature.....1549
<i>Николай Шимкевич.</i> Модели наименования политических партий и организаций в поздней Российской империи.1565	<i>Nikolai Shimkevich.</i> Nomination Patterns for Political Parties and Organisations in the Late Russian Empire1565
<i>Анна Суворова.</i> Александр Лобанов: рецепция политического в советском аутсайдерском искусстве1581	<i>Anna Suvorova.</i> Alexander Lobanov: The Reception of the Political in Soviet Outsider Art1581
Культурная дипломатия в эпоху социализма	Cultural Diplomacy in the Era of Socialism
<i>Оксана Нагорная.</i> Во имя социалистического содружества: культурная дипломатия Восточного блока1597	<i>Oksana Nagornaia.</i> Promoting the Socialist Community: Efforts and Effects of the Socialist Camp's Cultural Diplomacy1597
<i>Pia Koivunen.</i> The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War.1612	<i>Pia Koivunen.</i> The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War.....1612
<i>Jan-Hinnerk Antons.</i> Zu gast im Sozialismus: Skandinavische Touristen als Adressaten deutsch-sowjetischer Public Diplomacy1629	<i>Jan-Hinnerk Antons.</i> Visiting Socialism: Scandinavian Tourists as Addressees of German-Soviet Public Diplomacy1629

Origines

<i>Сергей Маловичко, Мария Нисковская.</i> История киевского князя Изяслава Ярославича в <i>Опыте повествования</i> о России Ивана Елагина.1647	<i>Sergey Malovichko, Mariya Niskovskaya.</i> The Story of the Kievan Prince Izyaslav Yaroslavich in <i>Ivan Yelagin's An Essay</i> of <i>Narration about Russia</i> 1647
---	--

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Сергей Соколов. Василий Татищев и деятельность губернской канцелярии в сочинении Джонаса Хенвея, английского купца и путешественника1667

Sergei Sokolov. Vasily Tatishchev and the Activities of a Provincial Chancellery in the Writings of Jonas Hanway, English Merchant and Traveller.....1667

Disputatio

Ольга Ермакова. Патенты, грамоты, свидетельства: что предшествовало найму иностранцев на русскую службу по контракту?1685

Olga Ermakova. Patents, Charters, and Certificates: What Preceded the Enlistment of Foreign Nationals into the Russian Service by Contract?.1685

Дмитрий Редин. Иностранцы выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города . .1695

Dmitry Redin. Foreign Nationals in Yekaterinburg: At the Dawn of the City's Social Organisation. . .1695

Екатерина Каменская. Проекты и реальность: промышленные стройки первых пятилеток на Среднем Урале1718

Ekaterina Kamenskaya. Projects and Reality: Industrial Construction in the First Five-Year Plans in the Central Urals.....1718

Владимир Камынин, Елена Лазарева. Иностранцы-специалисты на строительстве Магнитки в публицистике и эгодокументах. .1737

Vladimir Kamynin, Elena Lazareva. International Specialists in the Construction of the Magnitka in Journalism and Ego-Documents . .1737

Сергей Туров. «Огненный вал»: пиротехнологии в традиционном хозяйстве Западной Сибири и трансформация среды обитания1753

Sergei Turov. "Barrage Fire": Pyrotechnics in the Traditional Economy of Western Siberia and the Transformation of the Environment. 1753

Hereditas: nomina et scholae

Yakov Lazarev. Party Political Course and Ukrainian History in the USSR1769

Yakov Lazarev. Party Political Course and Ukrainian History in the USSR1769

Controversiae et recensioneones

Андрей Усачев. Новый взгляд на историю почитания князя Федора Черного1787

Andrei Usachev. A New Look at the History of the Veneration of Prince Fyodor the Black1787

Charles J. Halperin. Ivan the Terrible and Russian Feudalism in the Works of Hungarian and Russian Historians of the Soviet Era.1795

Charles J. Halperin. Ivan the Terrible and Russian Feudalism in the Works of Hungarian and Russian Historians of the Soviet Era.....1795

James M. White. Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation.1802

James M. White. Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation.....1802

Игорь Стасъ. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири1807

Igor Stas'. Studies of Urban Identities in Siberian Urban History1807

Evgeny Artemov, Evgeny Vodichev. The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography1822

Evgeny Artemov, Evgeny Vodichev. The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography.....1822

Об авторах.....1840

On the Authors..... 1840

Сокращения1847

Abbreviations1847

**NATIONAL SYMBOLS:
CULTURAL AND HISTORICAL ROOTS**

True symbolism does not leave the ground;
it wants to combine roots and stars and grows,
a star flower, from familiar, native roots.

Vyacheslav Ivanov. 1912

The last issue of *Quaestio Rossica* for 2020 opens with the words of Vyacheslav Ivanov, a symbolist poet and philosopher of last century, centring our attention on symbolism, which at times seems to penetrate into all spheres of being – from everyday life to politics and art. Scholarly research often focuses on the combination of antinomies in a given symbol's semantics, putting under scrutiny the material, the event, and the meaning, construction and disappearance, modernisation and loss, communication and disconnectedness. Turning to history, i. e. to sources and interpretations, allows one to see the pulsation of symbolic meaning, including deep historical inlays combined with modern reading and emotivity. Russia's multifaceted symbolism is put under scrutiny in this volume, beginning with a series of articles in the *Problema voluminis* section.

The symbolism of household items and utensils (such as ovens, dough tubs, and samovars) in Karelia, according to *Yulia Litvin* (Petrozavodsk, Russia), indicated the status of the mistress of a peasant household. The use of specific items related to cooking and the self-perception of the *bolshukha*, her power and rights in the space of the house, contributed to the assertion of gender identity associated with ethnic culture.

Arseny Mironov (Moscow, Russia) examines from an unusual perspective the well-known Russian epic tales of Sadko and Vasily Buslaev, which have since become a recognised artifact of the folklore of the Novgorod region. According to the author's understanding, the axiology of the motifs in these epic tales is associated with Christian ideas about sin and the salvation or fall of the soul, retold using folk imagery for natural elements and the values of the tribal world, where the denial of parental blessing is considered the greatest possible loss for the hero.

The two following articles concentrate on the symbolic nature of the Russian capital. In the work of *Tatiana Nikitina* (Pskov, Russia), based on a variety of sources, the ambiguity of paremiological statements about Moscow demonstrates the intertwined veneration and negativity of the “Moscow text” among the inhabitants of Russia. At the same time, such ambiguity might be a recognition of a unified Russian identity – those facets of it where class borders and regional differences disappear, and the loss of symbolic meaning and the renewal of Moscow symbols in new circumstances are revealed. A rather different type of material is given by *Svetlana Koroleva* (Nizhny Novgorod, Russia), who examines variation in the naming of Moscow and Russia in English-language texts and the development of meaning in these toponyms from the second half of the sixteenth century. Seeing the name of the capital in genetically different language units allows one to compare the views of the people who inhabited Russia and the views of travellers from different cultures on the Russian capital. Thus, the variety of symbolic readings of the “Moscow text” is clearly highlighted in cultural and historical contexts.

An innovative study by *Nikolai Shimkevich* (Yekaterinburg, Russia) is no less relevant today, offering a naming model for the political parties and movements (politonymy) between the Russian revolutions of 1905–1907 and 1917. The author, researching the prerequisites for the naming of various party units, uncovers the possibility for solidarisation and reveals subtle trends towards the unification and emergence of civil society, subsequently destroyed by the Bolsheviks during the construction of the one-party state. Linguistic observations often allow one to find sociostructures that reflect the mood of the masses and become symbols of democratic sentiments.

Anna Suvorova's (Perm, Russia) art history draws on unusual material – the work of the Soviet outsider artist Alexander Lobanov. A collection of his naïve and poignant emotional paintings, preserved by sheer chance, is connected to the political mythology of the time. The “childish” consciousness of the deaf-mute artist, invisibly catching contemporary symbolism with poster- and newspaper-like visualisations, transmitted through the iconography of leaders and their inner circle, unwittingly reveals the hidden dominant themes of the propaganda.

The second major theme of the section follows the international academic conference “Cultural Diplomacy of Socialism: Discourses, Institutions, and Actors” (October 2018), held with the support of the Russian Science Foundation and the German Historical Institute (Moscow)¹.

¹ The editorial board thanks Professor Oksana Nagornaia of Yaroslavl Pedagogical Institute for her constructive help in structuring this section.

Research by *Oksana Nagornaia* (Yaroslavl, Russia) on communication between functionaries and cultural leaders in socialist countries shows that the cultural diplomacy of socialism was not limited to the Soviet model. Socialist countries were not only the recipients, but also the authors of various cultural and diplomatic messages, which, while seriously competing with the “soft power” of the USSR, sometimes achieved a greater effect. The cultural diplomacy of socialism was either met with intense resistance or adaptation in the Cold War, confirming the role of the socialist camp as a serious player and sometimes a leader in the symbolic field of the global conflict.

Pia Koivunen (Turku, Finland) addresses the phenomenon of World Festivals of Youth and Students, long the most important venues for presenting the achievements of socialism, peacemaking rhetoric, and the symbolic unification of the youth in Eastern Europe. For the youth of Eastern European and newly independent postcolonial countries, these festivals became a space for formal and informal contacts, and for the transfer of cultural values and meanings. Above all, Soviet financial support provided unique opportunities for the cultural inclusion of young people who were excluded from transformation processes on social, racial, national and/or gender grounds, although, paradoxically, the state did everything possible to prevent the mass participation of their own youth. The article by *Jan-Hinnerk Antons* (Hamburg, Germany) analyses Baltic Sea Week, a joint project of the USSR and the GDR aimed at influencing the citizens of the Scandinavian countries. The GDR adopted not only Soviet peacekeeping slogans, but also the procedure for limiting private contacts and the desire to politicise spaces of communication. In turn, Soviet delegations considered it their duty to provide direct ideological support to their East German partners; for them, the “week” turned from a leisure event into a political mission. Criticism for fake sentiment during the display of socialist “achievements” developed in parallel with the initiatives of citizens of the Scandinavian countries to recognise the GDR, promote the inflow of tourists, and further revive a common Baltic identity.

The *Disputatio* section of *Quaestio Rossica* is traditionally a platform for the non-thematic exchange of opinions and the presentation of research results that are not necessarily related to the issue’s major topic or indeed to each other. However, it often turns out that the problems raised by the authors in this category, one way or another, demonstrate a certain unity, albeit one that is not so obvious.

Olga Ermakova’s (Yekaterinburg, Russia) source study, which opens the section, relates to diplomacy and studies the early stages of the evolution of legal acts, namely contracts of the Russian state with foreign specialists hired to serve the crown during Peter the Great’s reign. The author analyses variations of such contracts (“capitulations”, patents, award letters and

certificates), closely studying the development of their form and content into a full-fledged synallagmatic act, noting the influence of the Western European models available to the Posolsky Prikaz upon this process. Although such acts were quite pragmatic documents, their evolution can at the same time be considered as being filled with a clearly expressed symbolism, marking the transformation of Russia from a marginalised “sacred kingdom” into one of the central “political” European powers, which Peter the Great so aspired to.

An article by *Dmitry Redin* (Yekaterinburg, Russia), who aims to reconstruct the structure and status of the foreign community in Yekaterinburg in the late 1720s and early 1730s, is similar in chronology. Linking the social status of this population group with the conditions and places of foreigners’ residence and considering the specific features and circumstances that contributed to or hindered their internal integration, the author comes to the conclusion that in the first decade of the mining town’s existence, the foreign community was not yet a consolidated separate corporation. At the same time, the influence of foreigners, especially town leaders, on the overall spirit and appearance of the city made early Yekaterinburg, according to visitors, quite a “German” city, a symbolic embodiment of the new Russia on the borders of its Asian possessions.

Vladimir Kamynin and *Elena Lazareva* (Yekaterinburg, Russia) continue their research on the presence of foreigners in the economic life of Russia in the early Soviet period. The object of interest is the representation of one of the great construction sites and symbols of the communist era, the Magnitogorsk Iron and Steel Works, presented through a set of diaries, memoirs, and belletristic essays by foreign and Soviet specialists, production managers, journalists, and workers, all of whom were participants in and witnesses of the launch of the legendary Magnitogorsk. United by a common goal, albeit with differing motivations, the authors of these sources, people of various social statuses, educational levels, cultures and national traditions, together communicate not only the events, but, importantly, the mood and the complex network of relationships that prevailed on one of the most important construction sites of the five-year plan.

The article by *Ekaterina Kamenskaya* (Yekaterinburg, Russia), also telling the history of the industrial giants of the first five-year plans in the Ural region, is very consonant with the previous research. However, here the author has a different angle, considering Soviet pre-war industrialisation through a comparative analysis of projects and their implementation. She shows the collision between the ideological, symbolic, and largely propagandistic content of the plans with the reality of implementation: difficult deadlines, low-quality technical equipment, resource availability, and colossal labour on the verge of the possible.

The article by *Sergei Turov* (Tyumen, Russia) is written in a historical and ecological “genre” rare for Russian historiography. This study, instead of focusing on the industrial theme, takes into account the problems that arose in the organisation of traditional nature management between indigenous peoples and the *starozhiltsy* of Western Siberia at the turn of the twentieth century. The older tradition of the seasonal burning of last year’s grass and undergrowth, which had certain rational grounds for maintaining the land’s annual productivity, began taking on a threatening ecological character with the growth of the region’s population. Traditional seasonal man-made fires led to catastrophic forest fires, the damage from which prevailed over potential economic benefits. The study is highly relevant in view of the annual large-scale fires in taiga regions, which have become a seasonal national disaster for modern Russia.

The publication of sources in the *Origines* section of *QR* is represented in this issue by two texts. *Sergey Malovichko* (Moscow, Yekaterinburg, Russia) and *Mariya Niskovskaya* (Syktyvkar, Russia) endeavor to introduce the fifth and sixth chapters of the second part of I. P. Yelagin’s *An Essay of Narration about Russia* into academic circulation. Yelagin, a prominent nobleman of the Catherinian era, is better known in historiography as a public figure and educator, the head of theatres and Masonic lodges, rather than as a historian. Yelagin’s voluminous historical work, preserved as a manuscript and consisting of nine parts, has not yet been published in full. Through the efforts of A. I. Musin-Pushkin, the first three chapters of the second part were presented together with the first part of the work in 1803. This publication is thus the long-awaited continuation of an initiative started more than 200 years ago; here, modern archaeological and textual research introduce Yelagin’s original views on the historical process and methods of history writing, which appear to be the result of a bizarre combination of the nobleman’s Masonic ideas and his Slavophile orientation.

The second text is an extract from the book of the British merchant and traveller J. Hanway, *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea*, from its most complete third edition in 1764. The extract is translated into Russian and commented upon by *Sergei Sokolov* (Yekaterinburg, Russia). It is interesting because it features Hanway’s personal impressions of meetings with V. N. Tatishchev in Astrakhan in 1743–1744. In addition to rather precise characteristics of Tatishchev himself, his social circle, and reputation, Hanway provides important information about the work of the provincial administration and philosophises on the intertwining interests of Russia, Britain, and Persia in the Caspian region.

Reflections on the impact of personal relations between individual historians and the “internal politics” of the *Voprosy Istorii* journal in the difficult situation of assessing the history of Ukraine’s interactions with Russia

are presented by *Yakov Lazarev* (Yekaterinburg, Russia) in the *Hereditas: nomina et scholae* section. In an interesting, albeit minor incident (the fate of one editorial by L. Rubinstein), the author sees the manifestation of heterogeneous factors that could have affected the fate of concepts and ideas in Soviet academic journals.

The issue concludes with the *Controversiae et recensione*s section, which offers a variety of materials in the form of three reviews and two detailed critiques. The first review, by *Andrei Usachev* (Moscow, Russia), considers the book of American Slavist Gail Lenhoff, dedicated to the personality of Prince Fyodor Rostislavich the Black of Yaroslavl and Smolensk and his sons David and Konstantin, canonised by the Russian Orthodox Church and glorified in Russian history and culture. The second review, by *Charles Halperin* (Bloomington, Indiana, USA), is on a collection of historiographical and biographical essays by the Hungarian historian Gyula Szvák, a specialist on the history of the Russian Middle Ages and early modern period. *James White* (Yekaterinburg, Russia), in turn, analyses the collective study *Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation*, edited by Liliya Berezhnaya and Heidi Hein-Kircher, concerning the transformation of the *antemurale* (“bastion”) myth that existed in the border areas of Eastern Europe from the end of the fifteenth century. This reached conceptual completeness during the era of “nation-building” and is once again relevant in modern times. *Igor Stas’* (Tyumen, Russia) provides an overview of literature on urban identities in modern historical urbanism in Siberia, while *Evgeny Artemov* (Yekaterinburg, Russia) and *Evgeny Vodichev* (Novosibirsk, Tomsk, Russia) analyse the latest Russian and non-Russian historiography on the USSR’s economic policy during the Khrushchev decade.

Dmitry Redin, Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
Translated by Anna Dergacheva

Истинный символизм не отрывается от земли;
он хочет сочетать корни и звезды и вырастает
звездным цветком из близких, родимых корней.
Вячеслав Иванов. 1912

Открывая словами Вячеслава Иванова, поэта и философа прошлого века, этот номер журнала, хотелось бы обратить внимание на идею символизма, проникающего во все сферы бытия – от повседневности до политики и искусства. Исследовательский поиск сосредоточен на сочетании антиномий в семантике символа: материального, событийного и смыслового, конструирования и исчезновения, модернизации и утраты, коммуникации и разъединения. Обращение к истории, источникам и интерпретациям позволяет увидеть пульсацию символического осмысления, включающего глубинные исторические инкрустации в сочетании с современным прочтением и эмотивностью. Многогранная символика России рассматривается в серии статей рубрики *Problema voluminis*.

Символика предметов домашней обстановки и утвари (печи, кадки для теста и самовара) в Карелии, как описывается в статье *Юлии Литвин* (Петрозаводск, Россия), указывает на статус хозяйки крестьянского дома. Использование конкретных предметов, связанных с приготовлением пищи и соотносившихся с самоощущением «большухи», ее власти и прав в пространстве дома, способствовало утверждению гендерной идентичности, связанной с этнической культурой. *Арсений Миронов* (Москва, Россия) в необычном ракурсе рассматривает хорошо известные былины о Садко и о Василии Буслаеве, неоднократно записанные и ставшие признанным артефактом народного творчества новгородского региона. По его концепции, аксиология былинных мотивов связана с христианскими представлениями о грехе, спасении души и ее гибели, высказанными в соединении с фольклорными образами стихий и установками родового мира, где отрицание родительского благословения – величайшая утрата для героя.

Две статьи посвящены символической природе российской столицы. В работе *Татьяны Никитиной* (Псков, Россия), основанной на разнообразных источниках, многозначность паремиологических высказываний о Москве демонстрирует сложность настроений, соединявших почитание и негативность «московского текста» для жителей России. В то же время это признание единой российской идентичности, тех ее граней, где исчезают сословные границы и региональные разноречия, раскрываются факторы утраты символического содержания и обновления московской символика в новых обстоятельствах. Материал другого плана приведен в статье *Светланы Королевой* (Нижний Новгород, Россия), где рассматривается именование Москвы и России в англоязычных текстах и развитие

содержательной «нагруженности» топонимов начиная со второй половины XVI в. Обыгрывание имени столицы в генетически различных языковых единицах позволяет сопоставить взгляд народа, населяющего Россию, и взгляд путешествующего или воюющего человека иной культуры на столичные особенности. Разнообразие символического прочтения «московского текста» ярко высвечивается в культурно-исторических контекстах.

Не менее актуальным сегодня представляется новаторское исследование *Николаем Шимкевичем* (Екатеринбург, Россия) модели образования названий политических партий и движений (политонимии) в промежуток между революциями 1905–1907 гг. и 1917 г. Автор, открывая предпосылки появления обозначения партийных единиц, делает наглядными основы возможного процесса солидаризации и фактически выявляет малоуловимые тенденции к объединению и появлению гражданского общества, уничтоженные большевиками в последующем партийном строительстве. Лингвистические наблюдения позволяют выходить на социоструктуры, отражающие настроения массы и становящиеся символами демократических настроений.

В искусствоведческой статье *Анны Суворовой* (Пермь, Россия) привлечен необычный материал – творчество художника-аутсайдера советского времени Александра Лобанова. Случайно сохранившаяся коллекция его наивных и пронзительных по эмоциональной наполненности картин дана в связи с выявлением политической мифологии времени. «Детское» сознание глухонемого художника, улавливая незримым образом актуальную символику, транслировавшуюся плакатной и газетной визуальностью, передавало ее через иконографию вождей и близких, невольно выявляя скрытые доминанты пропаганды.

Второй проблемой рубрики стала тема Международной научной конференции «Культурная дипломатия социализма: дискурсы, институты, акторы» (октябрь, 2018), проведенной при поддержке Российского научного фонда и Германского исторического института в Москве². Исследование *Оксаны Нагорной* (Ярославль, Россия) о коммуникации между функционерами и культурными деятелями социалистических стран показывает, что культурная дипломатия социализма не ограничивалась советской моделью. Страны социалистического лагеря выступали не только реципиентами, но и авторами специфических культурно-дипломатических посланий, которые, составляя серьезную конкуренцию «мягкой силе» СССР, достигали порой большего эффекта. Культурная дипломатия социализма встречала интенсивное сопротивление либо адаптировались визави в холодной войне, что свидетельствует о роли социалистического лагеря как серьезного игрока, а иногда и лидера в символическом поле глобального конфликта второй половины XX в.

² Редколлегия журнала благодарит профессора Ярославского педагогического университета О. С. Нагорную за конструктивную помощь в формировании этой рубрики.

К феномену Всемирных фестивалей молодежи и студентов, наиболее значимых для представления достижений социализма, миротворческой риторики, инсценирования символического объединения молодежи Восточной Европы, обращается *Пия Койвунен* (Турку, Финляндия). Для молодежи стран Восточной Европы и государств, освободившихся от колониальной зависимости, фестивали превратились в пространство формальных и неформальных контактов, трансфера культурных ценностей и смыслов. Советская финансовая поддержка давала уникальные шансы на приобщение к культуре тем молодым людям, которые были вытеснены из трансформационных процессов по социальным, расовым, национальным и гендерным признакам, хотя всячески препятствовала массовому участию в них собственной молодежи. В статье *Яна-Хиннерака Антонса* (Гамбург, Германия) анализируется Неделя Балтийского моря – совместный проект СССР и ГДР, целью которого было оказание влияния на граждан скандинавских стран. ГДР переняла не только советские миротворческие лозунги, но и порядок ограничения частных контактов и стремление политизировать пространство общения. В свою очередь, советские делегации считали своей обязанностью оказывать прямую идеологическую поддержку восточногерманским партнерам: для них «неделя» из досугового мероприятия превращалась в политическую миссию. Критика фальши в показе достижений развивалась параллельно с инициативами граждан скандинавских стран по признанию ГДР и с увеличением потока туристов и дальнейшим возрождением балтийской идентичности.

Рубрика *Disputatio* традиционно является в нашем журнале площадкой для внетематического обмена мнениями и презентации результатов научных исследований, не обязательно связанных с темой номера и между собой. Тем не менее, нередко получается так, что проблемы, поднятые авторами в этой рубрике, так или иначе тоже демонстрируют некое, пусть и не столь очевидное единство. Источниковедческая работа *Ольги Ермаковой* (Екатеринбург, Россия), открывающая рубрику, относится к сфере дипломатики и посвящена изучению ранних этапов эволюции одной из разновидностей актов – контрактов российского государства с иностранными специалистами, нанимавшимися на службу короне в Петровское царствование. Автор анализирует различные вариации договоров («капитуляций», патентов, грамот и свидетельств) с точки зрения развития их формуляра и содержания в сторону полноценного синаллагматического акта, отмечая заметное влияние на этот процесс западноевропейских образцов, имевшихся в распоряжении Посольского приказа. Хотя подобного рода акты являлись документами вполне прагматического свойства, их эволюция в то же время может считаться исполненной отчетливо выраженным символизмом, знаменующим трансформацию России из обособленного «священного царства» в одну из «политических» европейских держав, к чему так стремился Петр Великий.

Близкой по хронологии является статья *Дмитрия Редина* (Екатеринбург, Россия), ставящая целью реконструкцию структуры и статуса иностранной общины в Екатеринбурге рубежа 1720–1730-х гг. Увязывая статусные характеристики этой группы населения с условиями и местами ее проживания, рассматривая идентификационные признаки и обстоятельства, способствовавшие и препятствовавшие ее внутренней интеграции, автор приходит к выводу, что в первое десятилетие существования города иностранцы так и не превратились в консолидированную обособленную корпорацию. В то же время влияние иностранцев, в первую очередь руководителей города, на его дух и внешний облик делало ранний Екатеринбург, по восприятию визитеров, «немецким» городом, символическим воплощением новой России на границах ее азиатских владений.

Тему иностранного присутствия в экономической жизни России уже в ранний советский период продолжает исследование *Владимира Камынина* и *Елены Лазаревой* (Екатеринбург, Россия). Объектом их научного интереса стала репрезентация одной из великих строек и символов коммунистической эпохи – Магнитогорского металлургического комбината, представленной через комплекс дневников, воспоминаний и публицистических очерков иностранных и советских специалистов, руководителей производства, журналистов и рабочих, участников и свидетелей пуска легендарной Магнитки. Объединенные общей целью, но различно мотивированные, авторы этих источников, люди разного социального статуса, уровня образования, представители разных культур и национальных традиций, в совокупности передают не только и не столько событийность, но, что важно, настроения и сложную гамму взаимоотношений, царивших на одной из важнейших строительных площадок пятилетки. Очень созвучна этому исследованию статья *Екатерины Каменской* (Екатеринбург, Россия), также посвященная истории промышленных гигантов первых пятилеток в Уральском регионе. Но автор задает своей работе иной исследовательский ракурс, рассматривая процесс советской довоенной индустриализации через сравнительный анализ проектов и их реализации, показывая идейную, символическую, во многом пропагандистскую нагрузку планов в столкновении с реальностью их воплощения, с проблемами трудно реализуемых сроков, с низкой технической оснащенностью, ресурсной обеспеченностью и колоссальным трудом на грани возможного.

В редком для отечественной историографии историко-экологическом жанре выполнена статья *Сергея Турова* (Тюмень, Россия). На первый план в этом исследовании выступает не промышленная тема, а проблемы, возникавшие в организации аграрных и присваивающих хозяйственных практик традиционного природопользования аборигенного и старожильского населения Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Укоренившаяся традиция сезонных «палов» – выжигания прошлогодней травы и подлеска, имевшая определенные

рациональные основания для поддержания продуктивности годового оборота угодий, при росте населения региона начинала принимать угрожающий экологический характер. Традиционные пиротехнологии приводили к катастрофическим лесным пожарам, ущерб от которых возобладал над потенциальной хозяйственной пользой. Исследование имеет ярко выраженную актуальность ввиду ежегодных масштабных пожаров в таежных регионах, превратившихся для современной России в сезонное бедствие национального масштаба.

Публикация источников в рубрике *Origines* представлена в этом номере двумя текстами. *Сергей Маловичко* (Москва, Екатеринбург, Россия) и *Мария Нисковская* (Сыктывкар, Россия) взяли на себя труд ввести в научный оборот пятую и шестую главы второй части «Опыта повествования о России» И. П. Елагина, видного вельможи Екатерининской эпохи, больше известного в историографии в роли общественного деятеля и просветителя, руководителя театров и масонских лож, нежели историка. Объемистый исторический труд Елагина, сохранившийся в рукописи и состоящий из девяти частей, не опубликован полностью до сих пор. Стараниями А. И. Мусина-Пушкина первые три главы второй части были представлены читателю в совокупности с первой частью труда в 1803 г. Настоящая публикация является логическим продолжением этой инициативы, начатой более 200 лет назад, и на современном уровне археографии и текстологии знакомит с оригинальными взглядами Елагина на исторический процесс и методы историописания, явившиеся результатом причудливого сочетания масонских идей и воззрений славянофильской направленности.

Второй текст – извлечения из книги английского купца и путешественника Дж. Хенвея *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea* по наиболее полному третьему изданию на английском языке 1764 г. Публикация подготовлена в русском переводе и прокомментирована *Сергеем Соколовым* (Екатеринбург, Россия). Она интересна тем, что содержит личные впечатления автора книги от встреч с В. Н. Татищевым, состоявшиеся в Астрахани в 1743–1744 гг. Помимо весьма точных характеристик самого Татищева, его круга общения и оценки репутации, Хенвей приводит важные сведения о работе губернской администрации и о переплетении интересов России, Британии и Персии в Каспийском регионе.

Размышления о влиянии личных отношений историков и «офисной политики» журнала «Вопросы истории» в сложной ситуации оценки истории Украины во взаимодействии с Россией представлены статьей *Якова Лазарева* (Екатеринбург, Россия) в рубрике *Hereditas: nomina et scholae*. В частном факте – судьбе статьи Л. Рубиншейна – автор увидел проявление разнородных факторов, влияющих на судьбу концепций и идей.

Завершает номер рубрика *Controversiae et recensione*, представленная разнообразными материалами в виде трех рецензий и двух обстоятельных обзоров. Рецензии принадлежат перу *Андрея Усачева*

(Москва, Россия) на книгу американского слависта Гейл Ленхофф, посвященную личности князя Ярославского и Смоленского Федора Ростиславича Черного и его сыновей Давыда и Константина, прославленных Русской православной церковью в лике святых, а также в русской истории и культуре; *Чарльза Гальперина* (Блумингтон, Индиана, США) на сборник историографических и биографических эссе венгерского историка Дюлы Свака, специалиста по истории русского Средневековья – раннего Нового времени; *Джеймса Уайта* (Екатеринбург, Россия), проанализировавшего коллективное исследование *Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation* под редакцией Лилии Бережной и Хайде Кайн-Кирхера о трансформации *antemurale* («бастионного») мифа, бытовавшего на пограничных территориях Восточной Европы в период с конца XV в., обретшего концептуальную завершенность в эпоху «нацистроительства» и актуализировавшегося в новейшее время. В работе *Игоря Стася* (Тюмень, Россия) дан обзор литературы по исследованию городских идентичностей в современной исторической урбанистике Сибири, а в рецензии *Евгения Артемова* (Екатеринбург, Россия) и *Евгения Водичева* (Новосибирск, Томск, Россия) проанализирована новейшая российская и зарубежная историография экономической политики СССР в эпоху «хрущевского десятилетия».

Дмитрий Редин, Лариса Соболева
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Problema voluminis

RUSSIA: THE POLYPHONY OF CULTURAL MEANINGS AND SYMBOLS
CULTURAL DIPLOMACY IN THE ERA OF SOCIALISM

Problema voluminis

РОССИЯ: МНОГОГОЛОСИЕ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ И СИМВОЛОВ
КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА

RUSSIA: THE POLYPHONY OF CULTURAL MEANINGS AND SYMBOLS

DOI 10.15826/qr.2020.5.541
УДК 316.728 + 39(470.22) + 394.1:641

ПЕЧЬ, КАДКА И САМОВАР: СИМВОЛЫ СТАТУСА ХОЗЯЙКИ В КАРЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ*

Юлия Литвин

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия

THE STOVE, THE DOUGH BOWL, AND THE SAMOVAR: SYMBOLS OF A HOUSEWIFE'S STATUS IN TRADITIONAL KARELIAN CULTURE**

Yulia Litvin

Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia

Since the early twentieth century, anthropologists have been including issues related to food into their scholarly scope (B. Malinowski, E. Evans-Pritchard, C. Lévi-Strauss, etc.). Food-culture studies (or culinary culture) examine the production, distribution, consumption, and ingredients of food products and analyse elements of culture related to food. One of the directions of food-culture studies is the gender approach, which considers subordination in female communities and ethno-social factors. The article's aim is to study the attributes of the *bol'shukha's* power (Rus.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190092-2), программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

** *Citation*: Litvin, Yu. (2020). The Stove, the Dough Bowl, and the Samovar: Symbols of a Housewife's Status in Traditional Karelian Culture. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1505–1518. DOI 10.15826/qr.2020.5.541.

Цитирование: Litvin Yu. The Stove, the Dough Bowl, and the Samovar: Symbols of a Housewife's Status in Traditional Karelian Culture // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1505–1518. DOI 10.15826/qr.2020.5.541 / Литвин Ю. Печь, кадка и самовар: символы статуса хозяйки в карельской традиционной культуре // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1505–1518. DOI 10.15826/qr.2020.5.541.

большуха) in Karelian peasant culture between the late nineteenth and early twentieth centuries, which was part of everyday practices and played a symbolic role in the in-group stratification of the female community. The author studies attributes connected with the “culinary” topic, i. e. the stove, the dough bowl, and the samovar, referring to testimonies of contemporaries published in the press. She also uses archival documents, the materials of ethnographic expeditions, and linguistic data (dialectal speech and dictionaries). The Russian history of the late nineteenth and early twentieth centuries was characterised by the preservation of certain elements of the rural population’s traditional lifestyle while it was being modernised in the course of reforms. For the purposes of the article, the author adds the samovar to the traditional symbols of a housewife (the stove and the dough bowl) as it had become widespread by the late nineteenth century and was placed on the women’s side of the table in Karelian households. Having certain household objects demonstrated a woman’s status in the in-group hierarchy. The research focus chosen by the author is relevant for cultural anthropology and women’s studies, helping us form an idea of how women organised and realised hierarchy within their communities. The gender approach adds to our knowledge about the social practices and life experience of women’s communities and takes into account factors of ethnicity.

Keywords: food-culture studies, traditional Karelian culture, gender approach, gender stratification.

С начала XX в. антропологи включали пищу в сферу исследовательских интересов (Б. Малиновский, Э. Эванс-Причард, К. Леви-Стросс). Характеристика культуры питания (*food-culture studies, culinary culture*) охватывает изучение производства, распределения, потребления и состава пищевых продуктов, а также включает анализ связанных с пищей элементов культуры. Одним из сюжетов изучения культуры питания является гендерный подход и субординация в женском коллективе с учетом этносоциального фактора. Цель статьи – рассмотреть атрибуты власти *большухи* в карельской крестьянской культуре конца XIX – начала XX в., которые были вписаны в повседневные практики и играли символическую роль во внутригрупповой стратификации женского коллектива. В качестве объекта были выбраны три атрибута, связанных «кухонной» темой: печь, кадка для теста и самовар. Основными источниками являются свидетельства современников конца XIX – начала XX в., опубликованные в прессе; архивные делопроизводственные документы; материалы этнографических экспедиций, включая авторские; данные лингвистики (образцы диалектной речи, словари). Российская история конца XIX – начала XX в. характеризовалась сохранением принципов традиционного уклада жизни сельских жителей и одновременно модернизировалась под влиянием реформ. Применительно к теме статьи печь и кадка – традиционные символы хозяйки – дополнились самоваром, получившим распространение к концу XIX в. и занявшим у карелов место на женской половине стола. «Владение» определенными предметами подчеркивало статус во внутригрупповой иерархии. Указанный исследова-

тельский фокус актуален для культурной антропологии и феминологии, дает представление о том, как женщины организовывали и реализовывали иерархические отношения внутри коллектива. Гендерный подход дополняет знания о социальных практиках и жизненном опыте женского коллектива с учетом этнического фактора.

Ключевые слова: культура питания, традиционная карельская культура, гендерный подход, гендерная стратификация.

Обращение к теме пищи неразрывно связано с развитием этнологии и культурной (социальной) антропологии в целом. В то же время в большинстве случаев еда не являлась центральной сферой интересов этнологов и антропологов, а включалась в исследовательское поле в связи с изучением других особенностей данного общества [Siewicz]. К. Леви-Стросс был первым, кто осмыслил феномен питания как символический процесс [Food and Cultural Studies; Siewicz; etc]. В российской антропологии и этнологии пища стала предметом внимания исследователей с 1970-х гг. Ученые анализировали систему питания как этническую традицию, социокультурный феномен, важнейший элемент материальной культуры народов. Огромный вклад в изучение пищи и питания внесли советские этнографы С. А. Арутюнян, Н. Л. Жуковская, С. А. Токарев и др. В постсоветской российской историографии традиция рассмотрения культуры питания различных этнических групп продолжается [Тимонина].

Интерес к гендерному символизму, женскому предметному миру в крестьянской культуре реализован в ряде исследований [Олсон, Адоньева; Щепанская, 2005а; Щепанская, 2005b; Кабакова; Кушкова и др.]. Так, Л. Олсон и С. Б. Адоньева на материалах Русского Севера рассмотрели ролевые модели и функциональные обязанности женщины на каждом этапе жизненного цикла во временной динамике, включая символы большухи. В энциклопедии «Мужики и бабы» обращение к символам хозяйки дома – кадке (деже), печи – вписано в отдельные статьи, посвященные пространственному делению дома на женскую и мужскую половины, женским праздникам. Г. И. Кабакова исследует различные обряды, в которых фигурируют печь и кадка, а также объясняет метафорическую соотнесенность данных предметов с женским чревом. В монографиях А. Н. Кушковой, И. И. Шангиной содержатся сведения о распространении культуры чаепития в России и о самоваре – статусном предмете крестьянского дома, показаны роли членов семьи за столом во время чаепития и правила поведения. Таким образом, в поле зрения авторов оказывается не только сама пища, но и тема символического значения продуктов питания и атрибутов, с ними связанных. Отдельные упоминания исследуемых объектов содержатся при описании пищи и утвари карелов [Тароева], обрядов жизненного цикла [Сурхаско; Paulaharju], застольного этикета [Лавонен]. Изучение символов большухи в карельской культуре

позволит дополнить знания о повседневных практиках взаимодействия внутри женского коллектива.

Историко-этнографические материалы, представленные отчетами этнографических экспедиций, документами волостных судов и приговорами сельских сходов, проливают свет на конфликтную сторону крестьянской повседневности, в частности, при решении имущественных споров. Поиск подобных прецедентов осложнялся социальной структурой, этноязыковой спецификой региона: обращения женщин в судебные инстанции повсеместно были редкими, в крае ситуация усугублялась незнанием карелками русского языка – языка делопроизводства. Эти и другие факторы (слабая сохранность дел «низовых» инстанций и т. д.) осложняют представление репрезентативной выборки. С долей условности укажем, что из 20 дел об имущественных спорах в шести фигурировал самовар (период конца XIX – начала XX в.)¹. Для автора важно было понять, фигурируют ли предметы кухонной утвари в делах волостных судов и какое им отводится место в документах. Для сбора сведений по указанной теме были предприняты экспедиционные выезды в районы проживания карелов (15 информантов в Петрозаводске Костомукше, Олонце)². Историко-этнографические источники дополнены данными словарей и образцами карельской речи – интервью, записанными российскими и финляндскими лингвистами для изучения диалектов карельского языка.

В статье речь идет о большой семье – расширенной или составной (отцовской или братской). В такой семье женщина проходила предусмотренные традицией этапы социализации. Объем статьи не позволил включить в текст некоторые сюжеты, например, роль исследуемых объектов в обрядах жизненного цикла, визуальные маркеры перехода из одного половозрастного статуса в другой.

Карелия и карельская семья в конце XIX – начале XX в.

В рассматриваемый период административно карелы (этнонимы – *karjalaiset*, *lyydiläiset*) входили в состав Олонецкой и Архангельской губерний. Неформально же Карелией называли области, заселенные преимущественно карельским населением. Традиционно в крае существуют три этнокультурные зоны – Южная, Средняя и Северная Карелия. Культура южных карелов формировалась в тесной связи с культурой русского и вепсского населения, они проживали в Олонцком и Петрозаводском уездах. Беломорские карелы обосновались в северо-западной части Кемского уезда и находились в контакте с поморами и финнами.

В основе разделения трудовых обязанностей в карельской семье лежал половозрастной принцип. Распределением работ на день зани-

¹ Речь идет о прошениях, в которых истицами выступали крестьянки, чаще всего в связи с нарушением их прав на приданое после семейного раздела.

² Материалы хранятся в ФА ИЯЛИ.

мался глава семьи, большак, обычно с вечера. Хозяйкой очерчивался круг задач, выполнявшихся по дому невестками и незамужними девушками. Содержание работ определялось производственным календарем, привязанным ко времени года. В этой связи любопытно обратить внимание на сужение и расширение «женского» пространства избы в зависимости от трудового цикла. Если летом пространственная ориентация крестьянского жилища имела четкую гендерную соотношенность³, то осенью и зимой она могла существенно расширяться, поскольку, помимо приготовления пищи, женщины занимались рукоделием [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 47. Л. 61].

Существенное влияние на экономику карельского крестьянского хозяйства оказывали неземледельческие занятия. Прежде всего речь идет об отхожих промыслах, во время которых трудоспособные взрослые мужчины, иногда вместе с девушками, отправлялись за пределы уезда на заработки⁴. В этом случае именно женщины почти на полугодовой период (осень – весна) выполняли не только свои привычные обязанности, но и функции главы семьи, в том числе представляя семью на сельском сходе. Недаром в промысловых местностях во время длительного отсутствия мужей дом считался женской сферой, а мужа называли «гостем» [Лавонен, с. 21].

Хозяйкой, большухой (*emäntä, emändy, emänd*) чаще всего становилась жена хозяина. Однако в братской семье хозяйкой могла стать младшая невестка, пришедшая из зажиточной семьи [Клементьев, Сурхаско, с. 260–278]. Пока «на большинстве» была свекровь, она готовила пищу, смотрела за маленькими детьми. Младшие невестки ухаживали за скотом, чинили одежду, выполняли мелкие поручения старших членов семьи, работали в поле [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 414. Л. 9]. Материалы о карелах прихода Салми Выборгской губернии подтверждают приведенные выше данные и детализируют их. Так, например, существовали занятия исключительно для невесток – уход за скотом, уборка, рукоделие, работа на огороде, молотья, выращивание льна, ношение воды. Иногда невестки участвовали в заготовке дров [Mannila, s. 59–61]. Процесс получения заданий на день был ритуализирован: поклон свекрови и просьба дать работу были способом укрепления внутренней иерархии семьи. Таким образом невестка получала возможность узнать о традициях ведения хозяйства в семье мужа и избежать конфликтов [Sarmela, p. 194]. Схожий обычай бытовал у русских Поморья [Бернштам, с. 130].

Штрихами обозначив некоторые черты трудового календаря карельской семьи, мы прояснили роль женщины, на которую была воз-

³ Традиционно изба делилась на мужскую половину, расположенную у передней стены по диагонали от печи, с «большим» или «мужским» углом (*suurisuuri, ugošsuuri*), и женскую, в пространство которой входила и «детская» половина (*akkojenisuuri* – бабий угол, *reğisuuri* – задний угол, *raččisuuri* – печной угол) [Лавонен, с. 21; Орфинский, Гришина, с. 272].

⁴ Об участии карельских женщин в отхожих промыслах см.: [Литвин].

ложена двойная нагрузка во время отсутствия мужской части коллектива. Данные обстоятельства не в последнюю очередь определили высокий статус карелки в семье и сельском социуме. В Поморье – зоне межэтнического контактирования карелов и русских – чиновником и публицистом А. А. Чарушиным было сделано характерное наблюдение: «умная и энергичная женщина иногда так прибирает дом и хозяйство к рукам, что большак свою власть сохраняет номинально» [Чарушин]. Это описание во многом подходит для карельской семьи, особенно северной. Для обретения статуса большухи, символические атрибуты которого были связаны с пищевыми ресурсами – гарантиями экономического благополучия семьи, молодая женщина должна была пройти ряд этапов социализации. Обратимся к их рассмотрению в контексте статьи.

Печь и кадка – маркеры статуса хозяйки

Впервые войдя в дом мужа, молодая жена должна была «заручиться» поддержкой предков его семьи. Одним из первых действий, осуществлявшихся девушкой в статусе молодой жены, было установление «контакта» с печью – местом обитания предков (см. ил. 1). Войдя в избу, она бросала заранее приготовленную серебряную монету на печь или в запечь. Схожие действия осуществляла невестка в соседних с карелами вепских деревнях [Винокурова, с. 316]⁵. Антропологи указывали, что смысл данного действия заключался в жертвоприношении покровителю семьи и рода [Сурхаско, с. 173; Sarmela, p. 216]. Однако печь – это также метафора женского начала. В Беломорской Карелии существовало поверье, в котором прочитывается соотнесение устья печи с материнским лоном: «Когда поленья клали в печь, то надо было класть их комлем (то есть толстой частью дерева. – Ю. Л.) вперед, иначе дети могли родиться вперед ногами» [Конкка, с. 326]. С целью повышения своего репродуктивного здоровья в различных областях Финляндии новобрачная садилась на некоторое время перед устьем печи [Sarmela, p. 216]. Отношения с домашним очагом для молодой женщины были крайне важны: она могла унаследовать власть над печью только от свекрови и после рождения детей [Кабакова, с. 188]. Рождение ребенка не только обновляло иерархические отношения внутри конкретной семьи, но и расширяло права молодой матери в женском сельском сообществе. Данный «социальный лифт» отразился в карельском обычае навещать роженицу замужними родственницами и соседками [СКЯ, с. 171; Тароева, с. 138; Paulaharju, p. 54]. Схожий обычай бытовал у вепсов, а также в локальных традициях Русского Севера [Винокурова, с. 333; Щепанская, 2005b, с. 39].

⁵ Тогда как, например, в некоторых восточнославянских традициях (Подольская губерния) замужние женщины не позволяли молодой подходить к печи, тесно становясь и закрывая ее туловищами [Страхов, с. 157].

1. Хозяйка дома Романайнена поднимается из «каржины» (подполья), расположенной под избой. Фото И. К. Инхи. 1894. Ювалакша (*карел. Jyvöälahti*)

The Romanainen housewife goes up the stairs from the cellar (*karel. karsina*), located under the peasant's house. Photograph by I. K. Inha. 1894. Yuvalaksha (*karel. Jyvöälahti*)

Как отмечено выше, одной из основных обязанностей хозяйки было приготовление пищи в целом и контакт с хлебом в частности. Хлеб являлся символом богатства и счастья, репродукции, жертвы, обладал юридическим значением. Кроме того, «хлебная» утварь имела символическую функцию в системе женской внутрисемейной иерархии. Например, у карелов-ливвиков глаголы «стряпать», «хозяйничать» обозначались термином *emändöijä*, а существительные «стряпня», «кушанье» – понятием *emändus* (ср.: *emändy* – хозяйка) [СКЯ, с. 48]. Основа этих слов прибалтийско-финская – ‘*emä*’ (мать, самка) [Suomen sanojen alkuperä, s. 104]. Таким образом, процесс приготовления пищи и главное действующее лицо в данном случае «слились» в термины, имеющие единую основу, указывающую на пол и социальный статус деятеля.

Необходимый предмет женской части дома – это кадка (*taiginane*, *taigin* – также в значении «опара, забродившее тесто»). Она являлась атрибутом хозяйки дома, символизировавшим ее обязанность и право печь хлеб для всей семьи: *Taiginan sotkendu oli miataman guado* – *Месить квашню было мамино дело* [СКЯ, с. 342]. Повсеместно в России простое прикосновение мужчины к женским орудиям труда оказывалось обоюдно опасным, особенно запрет на такой контакт относился к хлебной кадке [Кабакова, с. 225]. При анализе состава приданого, в который обычно входила кухонная утварь, обращает на себя внимание отсутствие кадки для теста. Обычно молодая привозила в дом мужа горшок, чугунок, котел, ведро, ушат, подойник, скалку, валец, пралку, а также некоторые сельско-

хозяйственные орудия [Сурхаско, с. 199]. Кадка для замешивания теста должна была перейти к женщине после того, как свекровь уже не могла выполнять свои функции⁶.

Введение в круг домашних работ также предполагало контакт с кадкой, дополнительное одаривание молодухой свекрови за посвящение в обязанности члена семьи. Большинство их связывалось с каким-нибудь хозяйственным делом, к которому молодуха приступала впервые. Так, известен обряд первого прикосновения невестки к квашне с тестом, после чего она должна была накрыть кадку платком или полотенцем, предназначенными в подарок свекрови [Сурхаско, с. 198]. Иной обряд был записан от вохтозерской сказительницы А. Ф. Никифоровой:

Как проснешься утром, умоешься... принесет [матушка] муки, принесет лукошко с мукой: «Вот мука!» Тут сама и думай [что делать]... А [до свадьбы] подсказывали, что, как [матушка] принесет муку, опусти руки в муку, пусть запачкаются руки в муке... [Макаров, Рягоев, с. 271].

Ритуал приобщения молодой к новому дому через контакт с кадкой был известен соседям южных карелов вепсам. У них он входил в послесвадебный банный ритуал и был направлен на то, чтобы свекровь и невестка жили в согласии [Винокурова, с. 60].

Символика хлеба и связанные с ним атрибуты присутствуют в обряде передачи большины. Так, у русских Вологодской области она происходила путем совместного приготовления рыбника свекровью и невесткой [Олсон, Адоньева, с. 89]. Автору удалось обнаружить следы бытования традиции в карельской культуре. Собеседница 1977 г. рождения рассказывала, что в один из праздничных дней, когда за столом собралась вся семья, ее мать произнесла:

Ну, доченька, бедняжка, родная, сейчас твое время настало. Мои ноги больше не выдерживают. Здесь твоя лопатка для пирогов. Сейчас твоя очередь пришла – вот хозяйство, вот дом, калитки пеки.

С этими словами она отдала 30-летней дочери хлебную лопату. Право выпекать традиционное карельское блюдо было передано младшей незамужней дочери, которая жила с ней. Этот факт указывает на трансформацию традиции, согласно которой сложение большины сопряжено со сменой социальных статусов: невестки – на бабу после рождения у нее детей, свекрови – на старуху (в социокультурном смысле слова) после появления внуков [Олсон, Адоньева, с. 75; Винокурова, с. 60; Sarmela, p. 158].

⁶ В этой связи процитируем текст, бытовавший в Северном Белозерье – на сопредельной с Карелией территории. В нем упоминаются предметы, символизирующие переход власти от большухи к невестке: «Слава тебе, Господи, / Свекровка умерла! / Все мутовоцьки, квашоноцьки / Мне передала» [Духовная культура Северного Белозерья, с. 42].

Самовар на женской половине стола

Одним из направлений модернизации карельской кухни стало распространение самоваров (*samovuaga, samvuagu*) в деревнях и культуры чаепития. Карелы были большими любителями чая и кофе. Эти напитки стали популярны в крае во второй половине XIX в., попадая в Карелию преимущественно из Финляндии посредством разносной торговли. Чаем поили гостей, его обязательно заваривали во время праздников, а наличие в доме самовара являлось символом зажиточности хозяйства (ил. 2). В семьях с небольшим достатком чай заваривали в котле [Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века, с. 145].

2. Когда много гостей, разжигают два самовара.
Фото И. К. Инхи. 1894. Ювалакша (*карел. Jyvöälähti*)
When there are many guests, two samovars are set to boil.
Photograph by I. K. Inha. 1894. Yuvalaksha (*karel. Jyvöälähti*)

Со временем в Карелии самовар получил место на женской половине стола, возле хозяйки⁷ [Лавонен, с. 126]. Данная традиция утверждалась не везде. Например, в северодвинском доме чай также разливала хозяйка или старшая дочь [Бернштам, с. 101; Кулешов, с. 256]. В то же время в Череповецком уезде Новгородской губернии в конце XIX в. за разливание чая по чашкам отвечал хозяин [Кушкова, с. 77].

В конце XIX в. хорошие самовары нередко давали дочерям в приданое [Шангина, с. 453; СКЯ, с. 419]. Поскольку приданое считалось

⁷ При этом обращает на себя внимание соотносительность формы самовара с мужским репродуктивным органом. Карельская загадка: «Загорелся в середке, / У доброго молодца / Покаплю с конца». Отгадка: кран самовара [Лойтер, с. 164].

неотъемлемой собственностью женщины, все вопросы, связанные с нарушением этого права, могли отразиться в делопроизводственных документах. Так, например, в июне 1906 г. крестьянка деревни Спасская Губа обратилась к волостному старшине с прошением об изъятии ее приданного самовара из списка вещей, которые планировалось отдать за недоимки свекра [НА РК. Ф. 53. Оп. 3. Д. 26/1206]. В архиве сохранились примеры других прецедентов, когда в качестве объекта имущественных споров фигурировал самовар [НА РК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 3/567; Д. 8/603; Ф. 110. Оп. 1. Д. 3/24; Ф. 125. Оп. 1. Д. 8/13 и др.]. Традиция включать самовар в состав приданого сохранялась по крайней мере до начала Второй мировой войны [Макаров, Рягоев, с. 85].

Во время поездки 2018 г. к олонецким карелам автору статьи удалось зафиксировать данный обычай и его значимость с точки зрения статусных позиций внутри женского коллектива. Отрывок приведен практически полностью (стиль собеседницы сохранен):

– Раньше спрашивали друг у друга: еще ли за крана держат?

– Еще ли за крана держат? (Ю. Л.)

– Угу. Значит, еще она хозяйка в доме. Если кран снимут, то все, хозяйкой не будет... (Смеется.) Дочка [свекрови] приехала с мужем. И мы собирали стол. Мы пирогов-то там повкуснее [напекли], что-то вместе сделаем. И вот поднимет самовар. Я говорю: «Ой, самовар тут, много народу – мешать будет... Давайте, на тумбочку тут [переставлю со стола]». Ведь так было бы по-теперешнему уютнее – вся еда, и в кругу сидеть, а самовар полстола займет... Как она подняла шум да гам... [Свекровь говорит]: «Ага, уже с крана меня снимает!» Да нафиг он нужен мне, этот кран! (Смеется.) Нельзя спокойно кушать – все наливай одному да второму... Наливала только она, кран стоял в ее сторону. Она владела чаем и самоваром. У всех было так [ФА ИЯЛИ. № 3857].

Рассказчица вела речь о 1960-х гг. В этом отрывке отражена угасающая традиция южных карелов – невестка уже не была заинтересована в подтверждении своего статуса посредством «владения краном» и правом разливать чай. Расположение самовара на женской половине стола подтверждают данные от некоторых других собеседников, которые, однако, не содержат столь развернутую информацию о традиции [ФА ИЯЛИ. № 3865–3875].

Структура большой патриархальной семьи предполагала строгую иерархическую систему взаимоотношений, перемещение внутри нее зависело от пола, возраста и статуса человека. Этапы социализации и смена ролей женщины (от невестки к молодой и большухе) были вписаны в повседневную жизнь. Традиционные атрибуты женской власти были связаны с хозяйственными функциями и пищевыми ресурсами семьи: кадка находилась в руках большухи, а выпечка хлеба была ее правом и обязанностью. Подобные негласные правила укрепляли стратификацию внутри женского коллектива. Новации конца

XIX в. включались в систему традиционных социальных отношений, в том числе в структуру вертикальных связей внутри женского коллектива. Такая адаптация коснулась самовара, который являлся символом зажиточности, включался в состав приданого молодой карелки, занял место на женской половине стола.

Дальнейшее изучение подобных сюжетов позволит комплексно исследовать структуру крестьянской повседневности.

Список литературы

- Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. : этногр. очерки. Л. : Наука, 1983. 231 с.
- Винокурова И. Ю.* Мифология велсов : энциклопедия. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
- Духовная культура Северного Белозерья : этнодиалектный словарь / отв. ред. И. А. Морозов. М. : ИЭА РАН, 1997. 432 с.*
- Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М. : Ладомир, 2001. 334 с.
- Клементьев Е. И., Сурхаско Ю. Ю.* Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М. : Наука, 2003. С. 260–278.
- Конкка А. П.* Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.) : Исследования. Материалы. Документы / сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2014. С. 320–332.
- Кулешов А. Г.* Посуда в северодвинском застолье // Традиционное русское застолье : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин. М. : ГРЦРФ, 2008. С. 250–257.
- Кушкова А. Н.* Крестьянская ссора. Опыт изучения деревенской повседневности : По материалам Европейской части России второй половины XIX – начала XX века. СПб. : Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2016. 318 с.
- Лавонен Н. А.* Стол в верованиях карелов. Петрозаводск : Периодика, 2000. 175 с.
- Литвин Ю. В.* Неземледельческие занятия карелов в конце XIX – начале XX в. (этногендерный аспект) // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской) / науч. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2017. С. 97–115.
- Лойтер С. М.* Устно-поэтическое искусство села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура / отв. ред. Т. В. Краснополяская, В. П. Орфинский. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 159–167.
- Макаров Г. Н., Рязоев В. Д.* Образцы карельской речи : Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л. : Наука, 1969. 283 с.
- Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века / отв. ред. Е. И. Клементьев. Л. : Наука, 1981. 262 с.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 47, 414.
- НА РК. Ф. 53. Оп. 3. Д. 26/1206; Ф. 109. Оп. 1. Д. 3/567, 8/603; Ф. 110. Оп. 1. Д. 3/24; Ф. 125. Оп. 1. Д. 8/13.
- Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс : Миры русской деревенской женщины. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 440 с.
- Орфинский В. П., Гришина И. Е.* Традиционный карельский дом. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. 480 с.
- СКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. и ред. Г. Н. Макаров. Петрозаводск : Карелия, 1990. 496 с.
- Страхов А. Б.* Культ хлеба у восточных славян. Мюнхен : Изд-во Отто Сагнера, 1991. 244 с.
- Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX века). Л. : Наука, 1977. 236 с.

- Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР) : этногр. очерк. М. ; Л. : Наука, 1965. 223 с.
- Тимошина Н. Р. Материалы к библиографии по пище и застолю народов России // Традиционное русское застолье : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин. М. : ГРЦРФ, 2008. С. 324–351.
- ФА ИЯЛИ. № 3857, 3865–3875.
- Чарушин А. А. Имущественные отношения в крестьянской семье // Исследования Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 10. С. 411–418.
- Шангина И. И. Русский традиционный быт : энцикл. словарь. СПб. : Азбука-Классика, 2003. 684 с.
- Щепанская Т. Б. Бабий кут // Мужики и бабы : Мужское и женское в русской традиционной культуре : илл. энцикл. / науч. ред. И. И. Шангина. СПб. : Искусство-СПб, 2005а. С. 30–35.
- Щепанская Т. Б. Бабняк // Мужики и бабы : Мужское и женское в русской традиционной культуре : илл. энцикл. / науч. ред. И. И. Шангина. СПб. : Искусство-СПб, 2005б. С. 37–43.
- Food and Cultural Studies / ed. by B. Ashley, J. Hollows, S. Jones, B. Taylor. L. : Routledge, 2004 // Questia Online Library : [website]. URL: <https://www.questia.com/library/107537085/food-and-cultural-studies> (accessed: 23.12.2018).
- Mannila O. Karjalainen suurperhe ja sen hajoaminen Salmin kihlakunnassa // Helsingin yliopiston sosiologian laitoksen tutkimuksia. Helsinki : Helsingin yliopisto, 1969. 156 s.
- Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 247 s.
- Sarmela M. Finland Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland 2. 4th ed. / transl. by A. Silver. Helsinki : [S. n.], 2009. 669 p.
- Siewicz A. Anthropology as an Inspiration to Food Studies: Building Theory and Practice // Antropowebzin : [website]. 2011. № 3. P. 143–148. URL: <http://www.antropoweb.cz/en/anthropology-as-an-inspiration-to-food-studies-building-theory-and-practice> (accessed: 10.02.2019).
- Suomen sanojen alkuperä : Etymologinen sanakirja : 3 vols. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. Vol. 1. 486 s.

References

- Ashley, B., Hollows, J., Jones, S., Taylor, B. (Eds.). (2004). Food and Cultural Studies. L., Routledge. In *Questia Online Library* [website]. URL: <https://www.questia.com/library/107537085/food-and-cultural-studies> (accessed: 23.12.2018).
- Bernshtam, T. A. (1983). *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v. Etnograficheskie ocherki* [The Russian Folk Culture of Pomorye in the 19th – Early 20th Centuries. Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka, 231 p.
- Charushin, A. A. (1916). Imushchestvennye otnosheniya v krest'yanskoi sem'e [Property Relations in the Peasant Family]. In *Issledovaniya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. No. 10, pp. 411–418.
- FA IYaLI [Audio Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. No. 3857, 3865–3875.
- Kabakova, G. I. (2001). *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoi traditsii* [The Anthropology of the Female Body in the Slavic Tradition]. Moscow, Ladimir. 334 p.
- Klement'ev, E. I. (Ed.). (1981). *Material'naya kul'tura i dekorativno-prikladnoe iskusstvo sagozerskikh karel kontsa XIX – nachala XX veka* [The Material Culture and Arts and Crafts of Karelians in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Leningrad, Nauka. 262 p.
- Klement'ev, E. I., Surkhasko, Yu. Yu. (2003). Sem'ya i obryady zhiznennogo tsikla [Family and Life Cycle Rites]. In Klement'ev, E. I., Shlygina, N. V. (Eds.). *Pribaltiisko-finskie narody Rossii*. Moscow, Nauka, pp. 260–278.
- Konkka, A. P. (2014). Grekhi i zaprety v povsednevnom i obryadovom povedenii kak chast' traditsionnoi kartiny mira u karelov [Sins and Taboos in Everyday and Ritual Behaviour as Part of the Traditional Worldview among Karelians]. In Ilyukha, O. P.

(Ed.). *Kul'tura povsednevnosti karel'skoi sem'i (konets XIX – pervaya tret' XX v.). Issledovaniya. Materialy. Dokumenty*. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 320–332.

Kuleshov, A. G. (2008). Posuda v severodvinskom zastol'e [Dishes of the Severodvinsk Feast]. In Kargin, A. S. (Ed.). *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 250–257.

Kushkova, A. N. (2016). *Krest'yanskaya ssora. Opyt izucheniya derevenskoi povsednevnosti. Po materialam evropeiskoi chasti Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [The Peasant Quarrel. An Attempt at Studying Rural Everyday Life. According to Materials from the European Part of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 318 p.

Lavonen, N. A. (2000). *Stol v verovaniyakh karelov* [The Table in the Beliefs of Karelians]. Petrozavodsk, Periodika, 175 p.

Litvin, Yu. V. (2017). Nezemledeľcheskie zanyatiya karelov v kontse XIX – nachale XX v. (etnogensernyi aspekt) [Karelian Nonagricultural Work in the Late 19th – Early 20th Centuries (Ethno-Gender Aspect)]. In Vinokurova, I. Yu. (Ed.). *Istoriya i traditsionnaya kul'tura narodov Karelii i sopredel'nykh oblastei v svete novykh istochnikov, metodov i podkhodov (pamyati R. F. Nikol'skoi)*. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, pp. 97–115.

Loiter, S. M. (1997). Ustno-poeticheskoe iskusstvo sela Suisar' [Oral and Poetic Art of Suisar Village]. In Krasnopol'skaya, T. V., Orfinskii, V. P. (Eds.). *Selo Suisar': istoriya, byt, kul'tura*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 159–167.

Makarov, G. N., Ryagoev, V. D. (1969). *Obraztsy karel'skoi rechi. Govory livvikovskogo dialekta karel'skogo yazyka* [Samples of Karelian Speech. The Livvi Dialect of the Karelian Language]. Leningrad, Nauka. 283 p.

Mannila, O. (1969). Karjalainen suurperhe ja sen hajoaminen Salmin kihlakunnassa. In *Helsingin yliopiston sosiologian laitoksen tutkimuksia*. Helsinki, Helsingin yliopisto. 156 p.

Morozov, I. A. (Ed.). (1997). *Dukhovnaya kul'tura Severnogo Belozer'ya. Etmodialektnyi slovar'* [The Spiritual Culture of North Belozero. An Ethno-Dialect Dictionary]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 432 p.

NA KarNTs RAN [Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences]. Stock 1. List 29. Dos. 47, 414.

NA RK [National Archives of the Republic of Karelia]. Stock 53. List 3. Dos. 26/1206; Stock 109. List 1. Dos. 3/567, 8/603; Stock 110. List 1. Dos. 3/24; Stock 125. List 1. Dos. 8/13.

Olson, L., Adon'eva, S. (2017). *Traditsiya, transgressiya, kompromiss. Miry russkoi derevenskoi zhenshchiny* [Tradition, Transgression, Compromise. The Worlds of Russian Village Women]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 440 p.

Orfinskii, V. P., Grishina, I. E. (2009). *Traditsionnyi karel'skii dom* [The Traditional Karelian House]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 480 p.

Paulaharju, S. (1995). *Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 247 p.

Sarmela, M. (2009). *Finland Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland 2*. 4th ed. / transl. by A. Silver. Helsinki, S. n. 669 p.

Shangina, I. I. (2003). *Russkii traditsionnyi byt. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Traditional Life. An Encyclopaedic Dictionary]. St Petersburg, Azbuka-Klassika. 684 p.

Shechepanskaya, T. B. (2005a). Babii kut [The Woman's Angle]. In Shangina, I. I. (Ed.). *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya*. St Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 30–35.

Shechepanskaya, T. B. (2005b). Babnyak [Babnyak – Adult Married Women]. In Shangina, I. I. (Ed.). *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya*. St Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 37–43.

Siewicz, A. (2011). Anthropology as an Inspiration to Food Studies: Building Theory and Practice. In *Antropowebzin* [website]. No. 3, pp. 143–148. URL: <http://www.antropoweb.cz/en/anthropology-as-an-inspiration-to-food-studies-building-theory-and-practice> (accessed: 10.02.2019).

SKYa – Makarov, G. N. (Ed.). (1990). *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskii dialekt)* [Karelian Language Dictionary (The Livvi Dialect of the Karelian Language)]. Petrozavodsk, Kareliya. 496 p.

Strakhov, A. B. (1991). *Kul' khleba u vostochnykh slavyan* [The Cult of Bread among the Eastern Slavs]. München, Izdatel'stvo Otto Sagnera. 244 p.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1. 3 Vols. (1992). Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Vol. 1. 486 p.

Surkhasko, Yu. Yu. (1977). *Karel'skaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX – nachalo XX veka)* [Karelian Wedding Rites (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Leningrad, Nauka. 236 p.

Taroeva, R. F. (1965). *Material'naya kul'tura karel (Karel'skaya ASSR). Etnograficheskii ocherk* [Karelian Material Culture (Karelian ASSR). An Ethnographic Essay]. Moscow, Leningrad, Nauka. 223 p.

Timonina, N. R. (2008). Materialy k bibliografii po pishche i zastol'yu narodov Rossii [Biographical Material on Russian Food and Feasts]. In Kargin, A. S. (Ed.). *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 324–351.

Vinokurova, I. Yu. (2015). *Mifologiya vepsov. Entsiklopediya* [The Mythology of the Vepsians. An Encyclopaedia]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 524 p.

The article was submitted on 16.02.2019

АКСИОЛОГИЯ И СИМВОЛИКА МОТИВНОЙ СИСТЕМЫ В НОВГОРОДСКИХ БЫЛИНАХ*

Арсений Миронов

Московский государственный институт культуры,
Москва, Россия

THE AXIOLOGY AND SYMBOLISM OF THE MOTIF SYSTEM IN NOVGOROD BYLINAS

Arseny Mironov

Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russia

This article carries out an axiological analysis of Novgorod bylinas about Sadko and Vasily Buslayev, which leads the author to interpret epic motifs as a semantic unity that help reveal the hero's motives, his actions, and their consequences. The borders of the motif as part of the plot are determined by the hero's central values and his resulting (and, as a rule, altered) state. The elements of the epic motif are studied through the prism of the character's evaluations, as well as those of the epic bard and the listener. As a result, the author develops a principle of value classification for bylina motifs. The motifs of the Russian epic are also divided depending on whether they make part of parallel constructions with other motifs of the same type, and according to the presence of an opposition in the form of an antipode motif. The author reveals the function of the motif in bylina plots which, according to the author, the bard could easily keep in his memory, as it is connected with simple causal logic and is based on the hero's motives and moral state (pride, lechery, greed, etc.). Targeting a traditional audience, the bard could combine, rearrange, and contaminate motifs, creating a unique version of the song for a particular spiritual and therapeutic purpose of communication. The author concludes that micro-topics, termed "epic motifs" by adherents of the structural and semantic approach, have a "semantics", but this meaning is not enough for the bard to realise and remember the functional effect of the motif, i. e. the correcting effect produced on the listener.

Keywords: folklore, axiology, heroic epic, epic motif, Sadko, Vasily Buslaev.

* *Citation:* Mironov, A. (2020). The Axiology and Symbolism of the Motif System in Novgorod Bylinas. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1519–1533. DOI 10.15826/qr.2020.5.542.

Цитирование: Mironov A. The Axiology and Symbolism of the Motif System in Novgorod Bylinas // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1519–1533. DOI 10.15826/qr.2020.5.542 / *Миронов А. Аксиология и символика мотивной системы в новгородских былинах // Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1519–1533. DOI 10.15826/qr.2020.5.542.

Представлен аксиологический анализ новгородских былин о Садко и Василии Буслаеве, на основании которого эпические мотивы трактуются автором как смысловое единство, выявляющее мотивировки героя, его поступка и последствия этого поступка. Границы мотива в составе сюжета определяются первичным состоянием ценностного центра героя и его результирующим (как правило, измененным) состоянием. Элементы эпического мотива рассматриваются в динамике оценок самого персонажа, эпического певца и слушателя. Результатом является разработка принципа ценностной классификации былинных мотивов. Мотивы русского эпоса также различаются в статье по критерию вовлеченности в параллельные конструкции с другими мотивами того же типа, по наличию противопоставления мотиву-антиподу. Выявляется функция мотива в былинном сюжете, которую, по мнению автора, певец мог без труда удерживать в памяти, потому что она связана с простой каузальной логикой и отталкивается от мотивировки героя, его конкретного духовного состояния («превозношение», блуд, алчность и др.). Ориентируясь на традиционную аудиторию, певец мог нанизывать, сочетать и контаминировать мотивы, порождая уникальный вариант песни для решения конкретной духовно-терапевтической задачи коммуникации. Автор приходит к выводу, что микротемы, которые сторонники структурно-семантического подхода называют эпическими мотивами, обладают своей семантикой, но этого значения недостаточно, чтобы певец осознал и запомнил функциональный эффект мотива, то есть корректирующее воздействие, производимое на слушателя.

Ключевые слова: фольклор, аксиология, героический эпос, эпический мотив, Садко, Василий Буслаев.

Один из первооткрывателей русского эпоса А. Ф. Гильфердинг в 1871 г. писал: «Когда слушаешь наших народных рапсодов, прежде всего дивишься тому, до какой степени все они все без исключения верно выдерживают характеры действующих в былинах лиц». Это побудило ученого-собираателя предположить, что «в сохранении и преемственной передаче былин, кроме механического действия памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно так выразиться, поэтическое чутье в народе» [Гильфердинг, с. 24–25].

Каждый былинный мотив обладает для русского эпического сознания специфическим функциональным смыслом, связанным с задачей терапии духовно-психологических проблем слушателя и развития его дарований. Положение вытекает из аксиологического понимания эпического мотива как элемента содержания и сюжета, в котором при помощи причинно-следственной связи духовно-психологического характера скреплены в неразделимое целое мотивация героя, преобразованная в поступок, и его последствия, определяющиеся эпическим сознанием [Миронов, с. 77]. Соглашаясь с А. П. Скафтымовым в том, что мотив репрезентирует не само действие, но его проекцию в психологическую плоскость внутреннего мира героя, и является недели-

мой тематической единицей, выражая целостное психологическое состояние действующего лица [Скафтымов, с. 20–22], нужно уточнить: мотив отражает психологическое состояние героя, данное в динамике конкретного проявления. Поэтому он предполагает несколько этапов: это мотивировка, поступок, последствие. Они не обладают собственным логическим, этическим или эстетическим значением.

Логическая, этическая, эстетическая взаимосвязь мотивации, действия и последствия вполне осознается певцом как смысл мотива и таким образом закрепляется в памяти. Границы мотива в сюжете определены как первичным состоянием «ценностного центра героя» [Бахтин, т. 6, с. 56], так и его изменением. Мотив обретает функциональный смысл с воздействием на слушателя и вызовом аналогичного изменения ценностного центра последнего как результата сопереживания герою. Нужно отметить и такое свойство былинного мотива, как системность. Как отмечала О. М. Фрейденберг, в мифе «кажущаяся несвязанность отдельных эпизодов или мотивов оказывается стройной системой... случайных, не связанных с основой сюжета мотивов нет» [Фрейденберг, с. 222]. Перефразировав это наблюдение, рискнем утверждать, что в аутентичной былине не может быть случайных мотивов, не связанных с конкретной задачей певца по изменению ценностного центра слушателя.

Системность мотива определена, таким образом, его функцией: «нанизывание» мотивов задано логикой терапии. Если певцу нужно снова и снова «прижечь» страсть слушателя или развить его дарование, пробудить духовное движение, он будет нанизывать подходящие мотивы, даже «отбирая» их у других героев¹.

Основаниями для ценностной классификации былинных мотивов можно считать характер стартовой оценки героем (и слушателем) будущего поступка на фазе мотивации (помысла) и скорректированную оценку того же поступка, свидетельствующую об изменившемся статусе ценностного центра героя (и, предположительно, слушателя).

Условиями описанных ниже изменений ценностных центров певца и слушателя является традиционный формат самого акта исполнения, когда певец видит и чувствует свою аудиторию, и наличие обратной связи между ними, обеспечивающей возможность непосредственного восприятия певцом информации, которая может свидетельствовать о возрасте, поле, роде деятельности слушателей, а также об их духовных проблемах и дарованиях. Это характеристика традиционной для певца аудитории.

В свете аксиологического подхода ясно, что микротемы, которые сторонники структурно-семантического подхода называют мотивами [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал; Путилов; Черняева;

¹ Например, включение в некоторые варианты песни о Василии Буслаеве мотива детских игр, завершившихся увечьями для товарищей юного героя (заимствован из песни про молодого Добрыню), представляется оправданным с учетом функциональной задачи былины о новгородском удалце.

Мелетинский; Левинтон; Неклюдов], будучи лишены связи с характером героя, его мотивировкой и оценками, не являются мотивами русского эпоса уже потому, что не обладают смыслом. Будучи словосочетаниями, они обладают своей семантикой, но этого значения недостаточно для того, чтобы эпический певец осознал (и запомнил) эффект мотива, производимый на ценностный центр слушателя.

Так, в микротеме «герой женится на дочери владыки иного царства» содержатся предикат, агенс и пациенс с дополнением, но вовсе нет смысла и нет функции, потому что мы не знаем мотивировку героя и не учитываем, как меняется его собственная оценка этой женитьбы. Мотивировка героя и динамика его оценки события – вовсе не случайные фабульные формы общечеловеческого культурного инварианта, якобы обусловленные ментальностью конкретного народа в данный исторический период, но важнейшие атрибуты самого действия, без учета которых оно легко переходит в собственную противоположность. Если мы проанализируем мотивировку Садко и осознаем, что герой всеми силами избегает брака с дочерью Морского царя, нам не придет в голову объявить былинную микротему проекцией универсального семантического инварианта. Предположения о смене ритуально-обрядовой парадигмы при переходе от одной общественной формации к другой не могут оправдать простой подмены одного действия другим.

Былинный мотив связан с фабулой, поскольку не существует в отрыве от определенной черты характера героя, порождается его конкретной мотивировкой и пронизан фабульной каузальностью. Мотив включается в сюжет для того, чтобы показать изменения в ценностном центре героя, поэтому целью мотива становится герой, а не оцениваемое им действие. Фокус внимания певца сосредоточен на внутреннем мире героя, а не на внешних событиях (действиях). Нельзя сказать, что предикат является главным элементом мотива; нельзя утверждать и того, что субъект и объект, равно как и мотивировка субъекта действия, подбираются певцом «под действие». Напротив, скорее действие «подбирается» певцом таким образом, чтобы получить желаемую динамику ценностного центра героя (особенно это справедливо в отношении однотипных мотивов, которые добавляются в пару к основному мотиву).

Определение мотива основано, в частности, на установлении его границ в фабульном плане. Мотива не существует до мотивировки героя; он завершен, как только мы узнали о последствии действия, и герой (вместе со слушателем) переоценил поступок. Однако это не означает, что исчерпана тема: певец может вслед за первым мотивом «нанизывать» другие, в том числе однотипные. Нельзя сказать, что мотив неотделим от конкретного былинного сюжета; собственно, идеального сюжета какой-либо былины не существует, русский эпос дан нам во множестве конкретных исполнений, обусловленных спецификой аудитории и условиями коммуникационной ситуации.

В соответствии с эпическим логосом одно и то же действие может быть вызвано различными мотивациями и потому влечет за собой последствия разного характера.

Аксиологический аспект мотивов в былинах о Садко и Василии Буслаеве

История Садко – талантливого гуслера, вступившего в сделку с морским дьяволом из превозношения и жажды богатства, – складывается из двух былин: *Садко-спорщик* и *Садко – богатый гость*. Понимание духовной логики сюжета формируется ключевыми мотивами, выявляющими ценностные координаты поступка героя (болезненное тщеславие непризнанного таланта; гордое противопоставление себя толпе; желание превосходства и первенства; страсть к богатству и т. п.).

*Прилог*² (атака греховного помысла) происходит во время первой и второй встреч героя с морским царем. Действие прилога изображено с поразительной точностью: уязвленное самолюбие гуслера толкает его на сговор с морским царем с единственной целью – доказать обидчикам, что он не простой человек, которым можно пренебречь. Даже не золото нужно герою, но победа в споре с Великим Новгородом.

Пленение грехом. Победа в первом споре с новгородскими купцами и богатство, полученное без трудов и усилий, разжигают тщеславие. Охваченный гордостью, герой отваживается на второй спор, в котором бросает вызов целому городу. Вызов, брошенный в хмельном состоянии, является по сути похвальбой *прежде* подвига, негативно маркирующей поступок в глазах традиционной аудитории.

Момент преступления. Сам по себе спор с Новгородом «о велик заклад» уже есть преступление: уповая на помощь дьявола, герой ставит на кон саму жизнь, дарованную Богом, и тем самым приносит эту жизнь в жертву своей горделивой мечте. В одном из вариантов былинного сюжета морской дьявол помогает Садко выиграть второй спор, и герой, утолив жажду гордости победой над целым городом, делается сказочно богатым. Ему становится скучно в Новгороде, тщеславие требует новых замыслов, и Садко отправляется «осваивать» новые земли. В ином варианте морской дьявол обманывает героя, и тому удается избежать гибели только с помощью Николы (святого Николая Мирликийского). Выиграв спор при содействии святителя, Садко забывает про данный ему обет. В обоих случаях страсть полностью захватывает его душу.

Герой попадает во власть морского царя, который теперь имеет полное право требовать его к себе, поэтому останавливает корабль Садко в море. Садко не дерзает вновь обратиться за помощью к Николе, ведь прежний обет святому не выполнен, и тщетно пытается откупиться бочками с золотом, но морской дьявол требует его душу. В этой си-

² О прилоге в сочинениях отцов церкви и в современных исследованиях см.: [Иоанн Лествичник, с. 116–135; Феофан Затворник, с. 100; Петр Дамаскин; Ужанков].

туации Садко идет на подлость: при помощи мошеннических операций с жребиями он пытается отправить вместо себя на дно морское кого-нибудь из корабельщиков, своих товарищей. Таким образом, грех сговора с дьяволом, заключенный для удовлетворения страсти, делает героя рабом и лишает его свободы выбора.

Наказание – попадание в рабство к морскому царю: теперь Садко будет вечно развлекать его игрой на гуслих. Путь покаяния, доступный герою, требует подвига, усилия души: святой Никола просит героя проявить жалость к гибнущим корабельщикам и перестать играть на гуслих. Это именно подвиг самоотвержения, ведь речь идет об угрозе жизни Садко, прогневившего морского владыку. Герой проявляет сострадание, жалость к гибнущим; обрывая струны, он ставит их жизнь выше собственной; по сути, одним этим движением он обеспечивает себе освобождение от греха. Ранее он готов был жертвовать товарищами ради спасения своей жизни, теперь жертвует собой ради корабельщиков.

Вырваться из-под власти морского царя возможно, только избавившись от главной страсти – гордыни («превозношения»). Герою придется смирить себя, выбрав из сотен прекрасных дочерей Морского царя самую некрасивую, нечистую. Морской царь обрушивает на героя всю мощь обольщения, он устраивает фантастическое представление самых привлекательных иллюзий, надеясь, что гордость подтолкнет его к соответствующему выбору. Но Садко выбирает Чернавку (в некоторых вариантах она названа «шелудивкой»). Этот смиренный выбор помогает герою вырваться из плена страсти к новой жизни, преобразующей его.

Духовным смыслом былины является представление, что талант, направленный на удовлетворение жажды гордости и превозношения, есть смертельная угроза для человека; упование на помощь дьявола оборачивается рабством еще при жизни; богатство приводит к новым искушениям, усиливая страсти; превозношение может довести человека до крайней подлости и предательства; сострадание и самопожертвование способны примирить человека с Богом и дают надежду на исправление; смирением побеждается гордость.

Другой противник Великого Новгорода Василий Буслаев – образ почти статичный, его ценностный центр изменяется незначительно. Духовного развития и преобразования не происходит, хотя герой проходит путь от соблазна к преступлению и затем к наказанию. Статичность внутреннего мира героя расценивается сказителем как отрицательное изменение, отказ от спасения и деградация. Предлагаем рассмотреть мотивную структуру былины на следующих основаниях.

Слабости или страсти героя, вызывающие поначалу симпатию слушателя: удаль, своеволие, привычка ценить товарищество выше всего, независимо от этической оценки поступка товарища. Значительная часть русской аудитории могла симпатизировать простому нраву героя: Василий своеволен и груб, «не верит ни в сон, ни в чох»,

более всего ценит надежных товарищей и дорожит своей честью отважного главаря банды, который не должен ни в какой жизненной ситуации проявлять малодушие, колебаться или сомневаться. Своеволие Буслаева могло восприниматься как проявление свободолубия и непокорности.

Действие греховного прилога. Герой узнает об отцовском завете отвезти на Святую землю золото и помолиться, чтобы Бог простил прегрешения покойного Буслая. Он начинает подбирать спутников для будущего паломничества, но собирает, по сути, банду разбойников – «дружинушку», которая начинает бесчинствовать в Новгороде.

Пленение грехом. Герой находится во власти гордости, своеволия; он не терпит, не уважает ничьих прав, никого не жалеет, попирает законы Божьи и человеческие, кощунствует. По верному наблюдению А. Н. Сиротинина, герой не имеет над собой никакой «сдерживающей силы»: «”Я так хочу – и конец” – вот его вера, нравственность и закон» [Сиротинин, с. 136–137]. Гордость не позволяет Василию направить свою силу на добрые дела, от его действий страдают невинные люди. Эмоционально сопереживая герою, традиционная аудитория сталкивается с необходимостью оценивать его действия в этическом плане негативно. Ключевым является момент, когда герой наносит страшный удар своему крестному отцу и при этом произносит пасхальное приветствие: «Христос воскрес!» Невозможно предположить себе, чтобы кто-то из слушателей эпического певца в эпоху живого бытования старин мог одобрить такой поступок, даже симпатизируя герою изначально. Традиционная аудитория осознает глубочайшую степень духовного падения героя.

Тем приятнее для слушателей оказывалось известие о сборах Буслаева в Святую землю для покаяния. Мотив должен был свидетельствовать о преображении героя. Но формула материнского благословения, в которой содержится скрытый упрек, как справедливо замечают Г. и Н. Чедвик, может намекать на подлинную мотивацию поездки Василия – пиратство [Chadwick H. M., Chadwick N. K., p. 35]:

Коли ты, дитя, на розбой пойдешь,
И не дам благословение великова,
А и не носи Василья сыра земля!
[Кирша Данилов, с. 92].

Момент преступления: ложное, показное покаяние на Святой земле. Подлинное покаяние героя предполагает его отказ от гордости и своеволия, подчинение Божьим и человеческим законам, смирение сердца и сострадание, жалость, уважение к тому, что почитается в народе «честным» (святые места, воинские захоронения, мощи святых). Буслаев демонстративно купается в Иордане нагим, нарушая благочестивый обычай, он отказывается с почтением отнестись к останкам героя, погибшего за Христа и за веру в борьбе с иноплеменниками.

Действие духовного закона: покаяние – последний шанс души, которая порабощена страстью. Ложное покаяние – еще больший грех, разлучающий героя с его высшим предназначением.

Наказание: после паломничества в Святую землю Васька продолжает кощунствовать, превозноситься, своевольничать – покаяния не произошло, и герой гибнет бессмысленно, по собственной прихоти. Чудесная богатырская сила, данная ему для подвигов сострадания, была растрчена героем на похвальбу, бесконечные и беспричинные драки со своими же земляками-новгородцами.

Духовный смысл былины о Василии Буслаеве – в том, что своеволие и корысть лишают помощи Божией и мешают применить данные силы. Необходимость смирения перед святыней, перед чужим страданием и подвигом дает человеку возможность исцелиться от губительных страстей.

Поэтические приемы мотивной семантики в новгородских былинах

Параллелизм мотивов. До прибытия в Новгород Садко приносит жертву водяному духу Волги: пускает по реке краюху хлеба с солью; впоследствии он пытается таким же образом – жертвуя бочки с золотом – тщетно умилостивить морского царя.

Обратный параллелизм мотивов. Садко поначалу готов отправить товарищей на дно к морскому царю, лишь бы остаться в живых. Раскаявшись, он готов рискнуть жизнью и прогневать поддонного владыку, лишь бы корабельщики остались в живых. В начале первой былины Садко тяжело переживает, что его не зовут на пиры, а впоследствии делается узником не прекращающегося и потому похожего на пытку пира на дне морском. Формально морской царь исполняет желание героя быть «звездой» пира в качестве гусяря, чему тот совсем не рад и обрывает струны.

Ложное паломничество Буслаева сопоставлялось с другим паломничеством, участники которого принимали на себя строжайшие нравственные заповеди («Сорок калик со каликою»). Касьяну и его спутникам тоже было в чем покаяться («с молодю было много бито-граблено»), однако на этом сходство заканчивается: 40 калик идут в Палестину сухопутным путем, это исключает занятия грабежом в пути, чем вполне могла грешить Васинькина, как ласково называет его певец, «дружинушка хоробрая», отправившаяся в путь на кораблях. Кроме того, только на кораблях можно привезти в Иерусалим «золоту казну», которую батюшка Василия завещал пожертвовать; Касьян с каликами путешествуют налегке и без оружия, их приношение имеет духовный характер, тогда как Василий, по сути, пытается откупиться от Бога и собственной совести, не утруждая себя духовной работой. Понятно, что сравнение двух богомолий, «Васиньки» и калик переходящих, оставалось за текстом былины, однако в сознании певца, хранившего в памяти множество сюжетов, оно, на наш

взгляд, могло закрепляться в форме ценностно маркированного противопоставления.

Символы страсти. Игра Садко на гусях – не для людей, а «против» людей (от нее гибнут корабельщики). Это игра не на «утишие» синего моря, а для того, чтобы возмутить его. Она нравится нечистым духам, потому что выражает протест гордой души, она вызывает из глубин дьявола.

Своеволие Василия, нежелание героя смириться прекрасно иллюстрирует эпизод, в центре которого – образ матери, цепляющейся за ногу Васьки, чтобы удержать его от «драки-кровопролития»:

Захватилась ему да за праву ногу –
Волочилась бы она да по чисту полю
[Былины, т. 2, с. 207].

Просьбы матери мало значат для своевольного героя. И здесь не простое непослушание, как в случае, например, с Добрыней, который нарушил заповедь матери не купаться в реке, однако впоследствии оказывал ей особое уважение [Там же, с. 250], но подчеркнутое пренебрежение, свидетельствующее о девальвации ценности:

Да што за тряпича за ногой волочитче,
Да што за онуча привязаласе?
[Там же, с. 212].

Символы наказания, указывающие на цену преступления. В сюжете о Садко таковым является вопрос морского царя о цене золота и железа, который выражает его притязания на душу героя. Царь сделал Садко богатым благодаря небывалой рыбе «златые перья», а в конце былины колдовскому золоту противопоставлен булатный жребий «в десять пуд» с его именем, который по воле морского владыки не тонет [Новгородские былины, с. 212–217]. Царь не принимает бочки с золотом, предложенные Садко, по его мнению, «булат» (душа героя) стоит дороже. Метафорическое «уравнение» морской дьявол намерен решить не в пользу Садко – и приговорить героя к вечному рабству на дне морском.

Мертвая голова – «сухая кость», которую Василий Буслаев пинает на Святой земле, – напоминает слушателю о том, как герой принял собственную мать, упавшую ему в ноги, за «привязавшуюся» к сапогу веревку. «Веревка» оказывается матерью, а «сухая кость» – останками великого богатыря, сражавшегося с «сорочиной долгополой» на Святой земле. Богатырская голова предупреждает Василия о том, что его собственной голове придется лежать неподалеку.

Символы покаяния, указывающие путь к спасению. Для Садко это выбор наиболее безобразной из дочерей морского царя. Приравнивая себя к «чернавке», «шелудивке», герой наносит удар по собствен-

ной гордости, которая прежде требовала превосходства и понуждала выбирать самую прекрасную из обитательниц Поддонного царства.

Оставленный Василию покойным отцом завет совершить паломничество знаменует решение о необходимости искупления – о том, чтобы пожертвовать награбленное золото на церкви и монастыри. Образ грядущего паломничества формирует духовную перспективу всей жизни Василия Буслаева, что позволяет традиционной аудитории оценивать бесчинства героя именно с этой возвышенной точки зрения.

Как видно из некоторых вариантов, свою «дружинушку» Васинька набирает для того, чтобы удалыцы сопровождали его на Святую землю (и охраняли в пути отцовское золото). Однако он проводит время в пирах и «побоищах», отбытие в Палестину затягивается, и вот уже самому Василию, подобно покойному отцу, нужно каяться в тяжких грехах. Матушка Василия, а вместе с нею и слушатели ждут, что покаяние героя действительно состоится.

Первая часть этого эпического диптиха завершается временным торжеством героя, и только из второй песни мы узнаем о том, как страсть в его душе развивается, подталкивает к преступлению и обрекает его на гибель. Заметим, что если бы старина «Паломничество Василия Буслаева» не дошла до нас, то из одной только первой части невозможно было бы понять истинное отношение певца к герою. Его характер, показанный в первой старине удивительно живо, вызывал и вызывает симпатию многих толкователей эпоса, говоривших об идеализации Василия в русском эпическом сознании.

Былины о новгородских героях содержат парные однотипные мотивы. Так, мотивы «Герой заключает спор с городом о богатстве» и «Герой мошенничает с жребиями» принадлежат одному аксиологическому типу: «гордость (превозношение) – гибель». Подбирая парный мотив нужного типа, певец удваивает воздействие на слушателя; здесь наблюдается художественный прием, эффективность которого основана на аналогии духовного смысла событий.

Мотиву «Герой нарушает обет и попадает во власть дьявола», который относится к типу «гордость – несвобода», противопоставлен мотив-антипод «Герой не соблазняется лучшей из красавиц» (тип мотива – «отказ от гордости – свобода»). Показав закономерное негативное последствие поступка, мотивировка которого нацелена на антиценность (гордость/превозношение), певец затем подтверждает истинность духовного закона при помощи доказательства «от противного».

Коммуникативная функция былинного мотива

Функцию каждого мотива сказитель мог без труда удерживать в памяти, потому что она прямо зависит от очевидного смысла, который связывает мотивировку действия с поступком и его последствиями. Любой мотив из арсенала русской эпопеи можно было маркировать связью с конкретным духовным состоянием героя, его слабостями и дарованиями (гордость/превозношение, блуд/прелю-

бодяние, алчность, зависть и др.). Вглядываясь в аудиторию, вникая «духовным чувствилищем» (термин И. А. Ильина) [Ильин, 2002, с. 5; Ильин, 2011, с. 12] в ее запросы и реакции, интуитивно предчувствуя духовные проблемы слушателя и вызовы, стоящие перед ним (с учетом пола, возраста, рода деятельности, социального положения – «молодежь», «семейный», «военный», «представитель власти» и др.), певец мог подбирать мотивы, подходящие для решения конкретной духовно-терапевтической задачи, и порождая вариант, функционально оправданный текущей коммуникативной ситуацией.

Выбор мотива сказителем был предопределен темой: вокруг каждого былинного героя сформирован круг мотивов с нужным эффектом, и ключевой задачей сказителя было правильно подобрать героя, вызывающего одобрение данной аудитории. Нерасторжимая связь каждого былинного мотива со стартовой мотивировкой героя позволяла выявлять нужные мотивы не умом, а сердцем: певец чувствовал, какой именно мотив «предназначен» конкретному слушателю здесь и сейчас. Таким образом, первым действием певца было уловить потребности слушателя и соотнести его настроения с тем или иным былинным героем. В идеальном акте традиционной фольклорной коммуникации певец как бы вводил слушателя в былинный мир, подбирая ему эпического героя со сходным ценностным кодом и отводя ему должное место за пиршественным столом князя Владимира. Можно предположить, что про Василия Буслаева пели своевольным, сильным, искренним и порывистым мужчиной, в том числе склонным к насилию и жестокости; про Добрыню – наоборот, тем, кому недоставало смелости и самоотвержения; про Дуная – склонным к блудной страсти, хвастовству; про Потыка – влюбленным, увлекающимся, тяготящим к вину натурам; про Садко – гордым, обидчивым и «непризнанным талантам», а также богачам, и т. д. Задачей певца было связать ценностный центр слушателя с ценностным центром героя на основе симпатии или сходства греховного желания – «единострастия». Если это удавалось, то коррекция ценностного центра героя в результате функционального действия былинного мотива приводила к аналогичной коррекции ценностного центра слушателя. В начале изложения слушатель, разделяя мотивировку героя, оценивал тем самым предстоящий поступок богатыря, а затем, наблюдая последствия, переоценивал его, корректируя его ценностные координаты до нового значения (включая отрицательное).

Подчеркнем: если стартовые ценностные координаты поступка совпадали у слушателя и героя, то финальная оценка аудитории приближается к оценке сказителя (поначалу скрытой, не озвучиваемой прямо). Воспринимая конкретный концепт эпического сознания, отраженный в мотиве, слушатель превращался в потенциального исполнителя, когда речь шла о реализации конкретного мотива. В основе былинного мотива лежит действие, данное в разности оценок *до* и *после*. Мотив длится до тех пор, пока не происходит финальная

переоценка действия, которая может возникнуть и в другой песне о том же герое. Например, оценка Садко нарушения обета Николе не содержится в большинстве вариантов былины о споре героя с Новгородом, она осуществляется в былине «Садко богатый».

Аксиологический подход к определению былинного мотива позволяет подчеркнуть такие его свойства, как предикативность, неделимость, связь с психологией героя, системность. Цельный, непротиворечивый, понятный традиционной аудитории смысл, который заключается в установлении причинно-следственной связи между мотивировкой, поступком героя и его последствиями, является условием возникновения и жизнеспособности былинного мотива. Отсутствие этой связи указывает на то, что мотив разрушен или не является аутентичным (например, заимствован из книги). Принадлежность мотива к типу определяется исключительно его смыслом (указанием на конкретные мотивировки и последствия поступка героя).

По воле певца мотив может быть включен или не включен в конкретный выпеваемый вариант. Очевидно, что выбор мотива певцом обусловлен результатами его оценки духовного состояния слушателей, их индивидуальных проблем. Таким образом, русский эпос есть арсенал мотивов, применяемых для воздействия на аудиторию.

В этическом плане мотив есть путь от конкретного действия к действию идеальному (модельному, с точки зрения эпического сознания). В эстетическом плане мотив есть напряжение, созданное разностью ценностных реакций героя, слушателя и певца. В идеальном акте сказывания мотив завершается преодолением этой разности оценок: ценностные центры героя, слушателя и певца сближаются и отождествляются в отношении конкретного действия героя. Постигая транслируемые эпическим сознанием закономерности, связывающие действие с его последствиями, слушатель с высоты ценностного центра сказителя получает возможность заглянуть в собственное будущее и предсказать последствия собственных грядущих действий на основании известных ему мотиваций (собственных страстей и дарований).

Аксиологическое приближение, а точнее, «возрастание» ценностного центра слушателя до уровня безличного, надвременного ценностного центра эпического певца, обладающего знанием духовных законов всего былинного мира, дает слушателю возможность увидеть собственные слабости и страсти. Тем самым создается возможность для очищения от греховных желаний и страстей – по сути, катарсиса. Такой эффект достигается, как можно видеть, не проповедями и морализаторством, но эстетическим путем. В отличие от античной трагедии, которая, по мнению Аристотеля, способна посредством трагического пафоса корректировать страстную область души зрителя [Аристотель, VI, 1449b], былина корректирует этос слушателя, вызывая у него чувство «духовной очевидности» собственного будущего (термин И. А. Ильина, см.: [Ильин, 1957]) через демонстрацию

действия духовных законов, связывающих «оба полы» человеческого времени – *до* и *после* каждого действия. В идеальном акте эпической коммуникации певец, используя нужные мотивы, не просто корректирует ценностный центр слушателя, но в известной мере создает его, расширяя тем самым актуальную область эпического сознания за счет сознания аудитории.

Список литературы

- Аристотель*. Поэтика. Об искусстве поэзии / пер. с древнегреч. В. Г. Апеллерота ; ред. пер. и коммент. Ф. А. Петровского. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. 184 с.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Рус. словари : Языки славян. культуры, 2002. Т. 6. 799 с.
- Былины : в 25 т. СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. Т. 2. 784 с.
- [*Гильфердинг А. Ф.*] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб. : Тип. Акад. наук, 1873. LVI с., 1336 стб.
- Ильин И. А.* Путь к очевидности. Мюнхен : Тип. обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене-Оберменцинге, 1957. 155 с.
- Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта : в 2 т. М. : Рус. книга, 2002. Т. 1. 550 с.
- Ильин И. А.* Путь духовного обновления. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. 1216 с.
- Иоанн Лествичник, преп.* Лествица, или Скрижали духовные. М. : Белый город, 2016. 280 с.
- [*Кириша Данилов.*] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М. : Наука, 1977. 488 с.
- Левинтон Г. А.* К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. в память В. Я. Проппа. М. : Наука, 1975. С. 303–319.
- Мелетинский Е. М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Труды по знаковым системам. Тарту : [Б. и.], 1983. Вып. 16. Текст и культура. С. 115–125. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 635.)
- Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту : [Б. и.], 1969. Вып. 4. С. 86–135. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 236.)
- Миронов А. С.* Изменение ценностного центра героя как смысл былинного мотива // *Literra*. 2020. № 1. С. 75–93. DOI 10.25136/2409-8698.2020.1.32154.
- Неклюдов С. Ю.* О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография : У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л. : Наука, 1984. С. 221–229.
- Новгородские былины. М. : Наука, 1978. 456 с.
- Петр Дамаскин.* О различении помыслов и прилогов // [Петр Дамаскин.] Творения Преподобного и Богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина : в 2 кн. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1905. Кн. 2. С. 217–222.
- Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. в память В. Я. Проппа. М. : Наука, 1975. С. 141–155.
- Сиротинин А. Н.* Беседы о русской словесности. СПб. : Я. Башмаков и К^о, 1913. 140 с.
- Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. М. : Худ. лит., 1972. 543 с.
- Ужанков А. Н.* Учение о прилоге как духовная основа художественного образа Анны Карениной // Новый филол. вестн. 2017. № 2 (41). С. 89–100.
- Феофан Затворник, свят.* Начертание христианского нравоучения. М. : Правило веры, 2010. 686 с.

Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета // Монтаж : Литература. Искусство. Театр. Кино. М. : Наука, 1988. С. 216–237.

Черныяева Н. Г. Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР : Поэтика и стилистика. М. : Наука, 1980. С. 101–134.

Chadwick H. M., Chadwick N. K. *The Growth of Literature*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1936. Vol. 2. 420 p.

References

Aristotle (1957). *Poetika. Ob iskusstve poezii* [Poetics. On the Art of Poetry] / transl. by V. G. Appel'rot, ed. by F. A. Petrovsky. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 184 p.

Bakhtin, M. M. (2002). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii v 7 t.* Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury. Vol. 6. 799 p.

Byliny v 25 t. [Bylinas. 25 Vols.] (2001). St Petersburg, Nauka, Moscow, Klassika. Vol. 2. 784 p.

Chadwick, H. M., Chadwick, N. K. (1936). *The Growth of Literature*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. Vol. 2. 420 p.

Chernyaeva, N. G. (1980). Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) [Studying Epic Memory (with Reference to Bylinas)]. In *Tipologiya i vzaimosvyazi fol'klora narodov SSSR. Poetika i stilistika*. Moscow, Nauka, pp. 101–134.

Freidenberg, O. M. (1988). Sistema literaturnogo syuzheta [The System of the Literary Plot]. In *Montazh. Literatura. Iskusstvo. Teatr. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 216–237.

[Hilferding, A. F.] (1873). *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega Bylinas Written down by Alexandr Fedorovich Hilferding in the Summer of 1871]. St Petersburg, Tipografiya Akademii nauk. LVI p., 1336 columns.

Il'in, I. A. (1957). *Put' k ochevidnosti* [The Path to Obviousness]. Munich, Tipografiya Obiteli prepodobnogo Iova Pochaevskago v Myunkhene-Obermentsinge. 155 p.

Il'in, I. A. (2002). *Aksiomy religioznogo opyta v 2 t.* [The Axioms of Religious Experience. 2 Vols.]. Moscow, Russkaya kniga. Vol. 1. 550 p.

Il'in, I. A. (2011). *Put' dukhovnogo obnovleniya* [The Path of Spiritual Renewal]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 1216 p.

John Climacus, prep. (2016). *Lestvitsa, ili Skrizhali dukhovnye* [The Ladder of Divine Ascent]. Moscow, Belyi gorod. 280 p.

[Kirsha Danilov.] (1977). *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* [Ancient Russian Poems Collected by Kirsha Danilov]. Moscow, Nauka. 488 p.

Levinton, G. A. (1975). K probleme izucheniya povestvovatel'nogo fol'klora [On the Issue of Narrative Folklore]. In *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sbornik statei v pamyat' V. Ya. Proppa*. Moscow, Nauka, pp. 303–319.

Meletinskii, E. M. (1983). Semanticheskaya organizatsiya mifologicheskogo povestvovaniya i problema sozdaniya semioticheskogo ukazatelya motivov i syuzhetov [The Semantic Structure of Mythological Narrative and the Problem of Creating a Semiotic Index of Motifs and Plots]. In *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, S. n. Iss. 16. Tekst i kul'tura, pp. 115–125. (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 635)

Meletinskii, E. M., Neklyudov, S. Yu., Novik, E. S., Segal, D. M. (1969). Problemy strukturnogo opisaniya volshebnoj skazki [Issues of the Structural Description of Fairy Tales]. In *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, S. n. Iss. 4, pp. 86–135. (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 236)

Mironov, A. S. (2020). Izmenenie tsennostnogo tsentra geroya kak smysl bylinnogo motiva [Changes in the Hero's Value Centre as a Meaning of the Bylina Motif]. In *Litera*. No. 1, pp. 75–93. DOI 10.25136/2409-8698.2020.1.32154.

Neklyudov, S. Yu. (1984). O nekotorykh aspektakh issledovaniya fol'klornykh motivov [On Certain Aspects of the Research into Folklore Motifs]. In *Fol'klor i etnografiya. U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov*. Leningrad, Nauka, pp. 221–229.

Novgorodskie byliny [Novgorodian Bylinas]. (1978). Moscow, Nauka. 456 p.

Peter of Damascus (1905). O razlichenii pomyslov i prilogov [On the Distinction between Evil Thoughts and Pretexts for Sin]. In [Peter of Damascus.] *Tvoreniya Prepodobnogo i Bogonosnogo ottsa nashogo svyashchennomuchenika Petra Damaskina v 2 kn.* Kiev, Tipografiya Kievo-Pecherskoi Uspenskoï lavry. Book 2, pp. 217–222.

Putilov, B. N. (1975). Motiv kak syuzhetoobrazuyushchii element [Motif as a Plot-Forming Element]. In *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sbornik statei v pamyat' V. Ya. Proppa*. Moscow, Nauka, pp. 141–155.

Sirotnin, A. N. (1913). *Besedy o russkoi slovesnosti* [Conversations about Russian Literature and Folklore]. St Petersburg, Ya. Bashmakov and Co. 140 p.

Skaftymov, A. P. (1972). *Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelei* [The Moral Search Undertaken by Russian Writers]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 543 p.

Theophan Zatvornik, hierarch. (2010). *Nachertanie khristianskogo nravoucheniya* [The Grounds of Christian Moral Teaching]. Moscow, Pravilo very. 686 p.

Uzhankov, A. N. (2017). Uchenie o priloge kak dukhovnaya osnova khudozhestvennogo obraza Anny Kareninnoi [The Pretext for Sin Conception as a Spiritual Basis of Anna Karenina's Artistic Image]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. № 2 (41), pp. 89–100.

The article was submitted on 14.01.2020

МОСКВА КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ОТОБРАЖЕНИИ: ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ*

Татьяна Никитина

Псковский государственный университет,
Псков, Россия

MOSCOW AS A NATIONAL SYMBOL: DYNAMICS OF CULTURAL MEANINGS IN PAREMIOLOGY**

Tatiana Nikitina

Pskov State University,
Pskov, Russia

This article studies the possibilities of reconstructing the symbolic image of Moscow, referring to traditional Russian proverbs and their modern transformations. Proverbs are examined from the point of view of the linguistic-cultural aspect, taking into account their cultural and historical symbolic semantics and modern socio-cultural background. The research aims to identify the symbolic meanings of the image of Moscow and represent the techniques of dictionary interpretation of this image. The innovative character of the article lies in the fact that it reveals the dynamics of the symbolic image of Moscow both at the level of one proverb and in the system of proverbs as a whole. The need to understand the socio-cultural factors determining these dynamics makes the study relevant. Also, the concept of the lexicographical representation of proverbs in their current condition provided by the author is innovative and relevant to paremiology. The research methodology is based on the principles of integration and interdisciplinarity. Additionally, the author employs diachronic and synchronic methods, as well as contextual and component

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

** *Citation*: Nikitina, T. (2020). Moscow as a National Symbol: Dynamics of Cultural Meanings in Paremiology. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1534–1548. DOI 10.15826/qr.2020.5.543.

Цитирование: Nikitina T. Moscow as a National Symbol: Dynamics of Cultural Meanings in Paremiology // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1534–1548. DOI 10.15826/qr.2020.5.543 / Никитина Т. Москва как национальный символ в паремиологическом отображении: динамика культурных смыслов // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1534–1548. DOI 10.15826/qr.2020.5.543.

analysis. The main source of the material is the paremiological database of the Phraseological Seminar of St Petersburg State University, which combines materials of about 300 paremiological collections and other lexicographic works released between the eighteenth and the twenty-first centuries, recordings of live speech made by members of the seminar in different regions of Russia, and materials from websites, forums, and chats from 2018–2020. The author reveals the mechanisms of the structural and semantic transformations of traditional proverbs and demonstrates the socio-political and socio-cultural background of desymbolisation and resymbolisation of the image of Moscow in proverbs. She presents this in the format of a paremiological dictionary, *Proverbs in Modern Speech*, using the example of a dictionary entry and axiological index. She draws conclusions about the relevance of certain symbolic meanings of the image of Moscow for modern Russian speakers.

Keywords: Moscow, symbol, proverb, proverb transformations, paremiological dictionary, dictionary entry, axiological index.

Исследуются возможности реконструкции многомерного символического образа Москвы на материале традиционных русских пословиц и их современных трансформов. Пословицы рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте – с учетом культурно-исторической составляющей символического компонента их семантики и современного социокультурного фона. Цели работы – выявление символических смыслов образа Москвы и репрезентация приемов словарной интерпретации символики столицы. Новизна исследования заключается в выявлении динамики символического образа Москвы как на уровне отдельных паремий, так и в их целостной системе. Необходимость осмысления социокультурных факторов, определяющих эту динамику, обусловлена актуальностью исследования. Инновационной и актуальной для паремиологии является и представляемая в статье концепция лингвокультурологической словарной репрезентации пословиц в их современном состоянии. Методология исследования базируется на принципах интеграции и междисциплинарности, что позволяет использовать принятые в лингвистике и культурологии диахронический и синхронический методы, приемы контекстуального и компонентного анализа, применить лингвокультурологическую технологию в паремиографии. Основные использованные источники – паремиологическая база данных фразеологического семинара СПбГУ, объединившая материалы около 300 паремиологических сборников и других лексикографических трудов XVIII–XXI вв., записи живой речи, сделанные членами семинара в разных регионах России, материалы интернет-сайтов, форумов и чатов 2018–2020 гг. В соответствии с целью исследования раскрываются механизмы структурно-семантических преобразований традиционных паремий, показаны социально-политические и социально-культурные предпосылки десимволизации и ресимволизации образа Москвы в пословицах. Приводится образец словарной статьи, в полном объеме отражающей трансформации паремии, что позволяет проследить транслируемую ей

традиционную символику Москвы и ее динамику. На основе всей совокупности отобранного материала разрабатывается тематический блок «Москва» для указателя аксиологем в проектируемом словаре «Пословицы в современной речи». Аксиологические рубрики данного блока позволяют сделать выводы об актуальности тех или иных символических смыслов образа Москвы и об их оценочной интерпретации современными носителями русского языка.

Ключевые слова: Москва, символ, пословица, трансформации пословицы, паремиологический словарь, словарная статья, аксиологический указатель.

Национальный символ «Москва» традиционно получает отражение в философских, культурологических, правоведческих, политологических работах последних лет как воплощение социокультурно детерминированных представлений о государственной власти, государственном суверенитете, прогрессе и развитии [Берендс; Комова; Сабаева].

В лингвокультурологическом плане ценным материалом для исследования образа Москвы и его символических смыслов наряду с единицами уже исследованного в этом аспекте деривационно-фразеологического гнезда «Москва» [Березович, Кривошапова] могут стать русские пословицы¹.

Отдельные паремии данного типа получают научно-популярную культурологическую интерпретацию в связи с конкретными фактами из истории Москвы [Муравьев; Шейдлин]. И только лишь несколько наиболее употребительных паремий с компонентом «Москва» (*Москва слезам не верит; Москва не сразу строилась; Москва от копейки свечки сгорела*) сопровождаются профессиональными лингвокультурологическими комментариями, позволяющими проследить становление символических смыслов образа [Мокиенко, с. 165–168]. Более полно и системно интерпретировать образ Москвы как национального символа в его паремиологической репрезентации и динамике культурных смыслов представляется возможным с привлечением не только традиционных пословиц, но и их современных трансформаций, а также новых паремий, активно функционирующих в живой разговорной речи и медиадискурсе. Цель статьи – представить результаты интерпретации, осуществляемой в ходе разработки материалов словаря «Пословицы в современной речи» в рамках проекта «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезента-

¹ К пословицам мы относим логически законченное изречение афористического характера, употребляющееся в прямом и переносном или только в прямом смысле, имеющее обобщающий смысл и, как правило, характеризующееся ритмической организацией [МНН, с. 5]. Для их обозначения используется отражающий родовое понятие термин «паремия» (к паремиям – устойчивым фразам или цепочкам фраз – наряду с пословицами относятся загадки, приметы, скороговорки и пр.) [Пермяков, с. 80].

ция», реализуемого членами фразеологического семинара СПбГУ под руководством профессора В. М. Мокиенко.

В отличие от опубликованных паремиологических словарей, представляющих либо традиционные пословицы [МНН; Мокиенко], либо их современные трансформы [Walter, Mokienko], разрабатываемый словарь объединяет эти материалы, дополненные на первом этапе исследования примерами употребления пословиц, зафиксированными в последние годы. Лексикографическая методика алфавитно-стержневой систематизации материала, использованная на следующем этапе реализации проекта, позволила выявить наиболее активные в процессе образования паремий культурологически значимые стержневые компоненты, одним из которых является топоним «Москва». Использование методики гнездового макроструктурирования словаря, приемов структурно-семантического, компонентного и контекстуального анализа обеспечило объединение паремиологического материала вокруг таких социокультурно маркированных стержней и дало возможность представить их целостные паремиологические портреты, сделать выводы о стабильности или смене аксиологических векторов пословиц и о трансформации спектра культурных коннотаций у компонентов, репрезентирующих этнокультурно маркированные реалии и национальные символы, как и будет показано далее на материале паремиологического образа Москвы.

Символика и десимволизация образа Москвы в традиционной пословице и ее современных трансформах: возможности словарной репрезентации

Символ определяется в лингвокультурологии как «перцептивный образ, характеризующийся смысловой глубиной, обозначающий идею, которая обладает высокой ценностью, генерирующий новые смыслы, допускающий множественное истолкование, отсылающий к сверхчувственному опыту» [Карасик, с. 26]. Вслед за С. С. Аверинцевым [Аверинцев] лингвисты относят символ к понятиям социально-коммуникативной сферы, подчеркивают его включенность в процесс культурного функционирования [Шилина, с. 157]. В этом смысле пословицы как оценочные языковые единицы, аккумулирующие многовековой народный опыт, представляют особую ценность для исследования символики отображаемых ими реалий.

Для реконструкции паремиологического образа российской столицы и выявления его символических смыслов было использовано 130 пословиц с компонентом «Москва» и производными от основы данного астионима, отобранных для нового словарного проекта и ранее лексикографически описанных его исполнителями по материалам XVIII–XX вв. [МНН].

Лишь 35 из 130 отобранных пословиц, представляющих собой «московский текст» в его паремиологическом варианте, мы обнаружили в художественных произведениях и публицистических материалах

постперестроечного периода в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], на интернет-сайтах центральных и региональных СМИ («Ведомости», «Газета.ру», «Российская газета», «Вечерняя Москва», «Эхо Москвы», «Московский комсомолец», «Молодой дальневосточник», «МК Екатеринбург» и др.), а также на специальных интернет-форумах и в чатах, где обсуждается этот паремиологический материал [ППМ; Статусы про Москву²]. И только некоторые из этих живых русских пословиц³ используются в современной коммуникации в традиционной форме: *Все дороги ведут в Москву; Москва – всем городам мать; Москва бьет с носка; Москва от копеечной свечки сгорела* [МНН, с. 556]. Большинство же паремий, связанных своим происхождением с Москвой и московскими реалиями, зафиксированы нами в различных семантических и структурно-семантических трансформациях.

Активизацию трансформационных процессов, охвативших в последние десятилетия паремиологическое пространство Европы и Америки, Х. Вальтер и В. М. Мокиенко объясняют развитием смеховой культуры, усилением конфронтации здорового юмора с назидательностью, стереотипностью пословиц [Walter, Mokienko, p. 4]. На русском материале пословичные трансформы начинают активно создаваться в конце прошлого века в условиях демократизации языка, когда вместе с идеологией советского периода объектом отторжения и осмеяния становится и отражаемая пословицами каноническая, официально признанная система ценностей.

Идеологизированные паремии советского периода могут выступать в качестве интертекстуальной основы новых паремий, хотя изначально и сами были продуктами ресемиотизации народных выражений⁴. Например, на базе русской пословицы *Сила – уму могила* [МНН, с. 808] в свое время была создана паремия героико-патриотического характера *Москва – сила, врагу могила* [ППМ], которая в постсоветский период деидеологизируется, а образ Москвы наполняется новой символикой в условиях сложных отношений столицы и периферии, усугубляемых идеалами «местного» патриотизма: *Подмосковье – сила, Москва – могила; Унеча – сила, Москва – могила; Нск (Новосиб) – сила, Москва – могила*⁵. «Смену системы референций» символа в рамках корпоративной идеи наблюдаем в трансформе *«Москва» – сила,*

² Статус на странице в социальной сети – фраза, открывающая зону информации о пользователе и отражающая его настроение, убеждения, интересы. В роли статуса часто используются шуливые трансформации пословиц.

³ Автор «Школьного словаря живых русских пословиц» В. М. Мокиенко определяет живые пословицы как «наиболее употребительные», «активно бытующие в наше время» [Мокиенко, с. 2].

⁴ Под ресемиотизацией понимается «процесс изменения семиотических способов и знаковых форм представления образов с целью продвижения определенных способов интерпретации социальной реальности» [Смирнов, с. 112].

⁵ Здесь и далее без ссылок даются материалы открытых интернет-чатов 2018–2020 гг.

«Спартак» – могила (запись 2007 г.), где «Москва» – название футбольного клуба (2004–2010), фанаты которого строят свою речевку, используя полифункциональность лексической единицы «Москва» и символику исходной паремии.

Не только пословицы советского периода, но и некоторые древние народные выражения представлены в современной коммуникации лишь своими структурно-семантическими трансформами, которые характеризуются и преобразованием символических смыслов образа Москвы. Так, дистанционная символика столицы в трансформах пословицы *В тереме высоко, до Москвы далеко* [МНН, с. 903] приобретает дополнительный социально детерминированный смысл – Москва (центральные властные структуры, руководящие органы) не решает и не намерена решать проблемы регионов: *До Москвы далеко, до губернатора высоко* (заголовок статьи о проблемах развития машиностроения на Урале) [Лютов, Вепрев].

Зачастую в вариациях одной пословицы можно наблюдать и исходный символический смысл образа, и его ресимволизацию, и полную десимволизацию. Так, известное выражение *Говорят, что в Москве кур доят*, образованное экспликацией оборота *говорят, что кур доят* (выражение недоверия к собеседнику, ссылающемуся на непроверенные источники: «говорят, что...»), с введением топонимического компонента не только приобретает дополнительный заряд экспрессии, но и обогащается в лингвокультурологическом плане: прототип оборота, построенный по «формуле невозможного», представляет Москву как город чудес, больших возможностей, изобретательных людей. Следующее, уже шутовское «доставление» пословицы опровергает исключительность Москвы: *Говорят, что в Москве кур доят, а там их только шупают*. Еще один вариант расширения образной структуры паремии привносит в ее внутреннюю форму противопоставление столицы и провинции: *Говорят, что в Москве кур доят, а к нам привезут – они только яйца несут* [Анекдоты из России].

В трансформах этой пословицы популярен и мотив нелегкой судьбы приезжих – простаков, которые становятся жертвами мошенников, нечестных работодателей: *Говорят, что в Москве дур доят, и дураков (приезжих) научились* [Там же]. Буквализация исходной паремии с расширением образной структуры приводит к созданию паремиологической «шутки ради шутки» без символического подтекста: *Говорят, в Москве кур доят и делают торт «Птичье молоко»* [Там же].

В разрабатываемом в СПбГУ словаре, комплексно отражающем современное состояние пословичного фонда, будут представлены употребления пословицы в художественно-литературном и публицистическом дискурсе, где ее основное значение, зафиксированное словарями, реализуется в целом спектре речевых смыслов. В ряде случаев словарные фиксации паремии позволяют констатировать ее полисемию и еще шире проследить динамику символического компонента семантики.

Так, в середине XIX в. В. И. Даль связывал поговорку *Питер бока вытер, а Москва бьет с носка* с дороговизной жизни в столичных городах и в сборнике «Пословицы русского народа» поместил паремию в раздел «Торговля» с комментарием «(т. е. все дорого, убыточно)» [Даль, с. 630]. На более высоком уровне обобщения паремию в наши дни толкует Н. А. Синдаловский: «И в Петербурге, и в Москве живет-ся несладко» [Синдаловский, с. 220]. Трудности жизни в столице (дороговизна, сложности интеграции приезжих) отражают контексты употребления и самостоятельной (и, возможно, исходной) поговорки *Москва бьет с носка*, которые размещаются в статье словаря «Пословицы в современной речи» под первым значением.

Формулируя второе значение паремии, мы основываемся на точке зрения фольклориста и паремиографа И. М. Снегирева, который еще в 1834 г. предположил, что образ поговорки отражает решительность действий московской (центральной) власти Ивана III и связан с событиями XV в., когда «пала вольность Новгорода, и попрана его старина» [Снегирев, с. 131–132]. Мотив жесткого стиля руководства в контекстуальной интерпретации образа поговорки развивается в современных публицистических текстах, затрагивающих проблемы внешней политики, взаимоотношений центральных органов власти и периферии. Примеры использования поговорки, актуализирующие эти и другие речевые смыслы, даются в словарной статье под знаком употребления – // . По таким материалам можно проследить конкретизацию, сужение значения паремии в соответствии с коммуникативно-прагматической целью автора, переосмысляющего народное выражение без его формальных преобразований или трансформирующего при этом и формальную сторону (такие структурно-семантические трансформы размещаются под знаком **).

В конце словарной статьи представлен блок употреблений поговорки в трансформированном виде вне связи с ее исходными значениями. Трансформы здесь представляют собой результат буквализации как приема языковой игры, обеспечивающего комический эффект с опорой на многозначность и особенности лексической сочетаемости компонентов паремии.

Рассмотрим пример словарной статьи.

МОСКВА БЬЕТ С НОСКА. < Образ поговорки восходит к древней народной забаве – кулачным боям в Москве, в частности – связан с одним из бойцовских приемов – ударом сзади носком стопы по ногам противника [Муравьев, с. 123–131]. 1. О нелегкой жизни в Москве [Даль, с. 630; Синдаловский, с. 220]. *Он-то уже давно не мальчонка и знает, что такое Москва. Москва бьет с носка, не вчера придумано. Множество строк, огранных рифмами, сложили о ее доброте и о ее очаровании, потом их положили на музыку. <...> Но он не позволит забить себе голову и задурить ее сладким мотивчиком* (Л. Зорин. Глас народа. 2008). *Москва – суровый город, она, как известно, бьет с носка и слезам не верит* (Н. Леонов, А. Макеев. Смерть расписывается кро-

вью. 2014) // О дороговизне жизни в Москве [Даль, с. 630]. ** *Москва бьет с носка по карману. Шутл.* О дороговизне в московских магазинах (mikle1.livejournal.com). < Контаминация: Москва бьет с носка + бить по карману. // Об особых трудностях, испытываемых приезжими в Москве. – *Ты только имей в виду, – сказала мама, – Москва в самом деле бьет с носка и слезам не верит, так что если тебе там станет худо, возвращайся* (Е. Арсеньева. Ведьмин коготь. 2019). 2. О жестком стиле руководства, решительных действиях центральной власти [Снегирев, с. 131–132]. // О жесткой, бескомпромиссной внешней политике России. В роли заголовка. (<https://vk.com>; <https://www.zarubejom.ru>). < Москва – метонимическое обозначение правительства РФ // О строгих требованиях к регионам, предъявляемых из центра. В роли заголовка. (<https://kgd.ru>). < Москва – метонимическое обозначение центральных органов управления различными сферами деятельности. // О соревнованиях по боевым искусствам, обучении боевым искусствам в Москве. В роли заголовка (<http://unionmma.ru>; <http://ukalitki.ru>). < Буквализация сочетания *бить с носка*. // О победах московских спортсменов в соревнованиях по футболу. В роли заголовка (<http://pravdapskov.ru>). < Буквализация сочетания *бить с носка*. // О модной тенденции: носить носки с босоножками. *Шутл.* В роли заголовка (<https://www.vogue.ru>). < Использование компонента *носок* в значении ‘короткий чулок, не доходящий до колена’. ** *«Москва» бьет с носка. Шутл.* О победе футбольной команды «Москва» (<https://lokomotiv.info>). < Языковая игра основывается на многофункциональности слова «Москва». << «Москва» – футбольный клуб, выступавший в высшей футбольной лиге России в 2004–2010 г.

Таким образом, в современных контекстах употребления и актах трансформации данной поговорки мы видим развитие изначально заложенного в ней представления о Москве как символе жесткой центральной власти, городе, требующем больших материальных затрат, предъявляющем высокие требования к приезжим, вступающим в конкуренцию с москвичами.

Паремиографический портрет Москвы: аксиологические доминанты

Если лексикографу необходимо показать динамику не только образно-символического компонента семантики отдельных паремий, но и целостного паремиологического образа столицы, то эта задача может быть решена в словаре пословичных аксиологем⁶ или, как в нашем случае, в тематическом аксиологическом указателе, оформленном как приложение к основной части словаря «Пословицы в современной речи».

В таком указателе аксиологем образные стержневые компоненты пословиц станут именами гнезд (например, МОСКВА), внутри гнезд

⁶ Под пословичной аксиологемой вслед за К. А. Жуковым мы понимаем сжатую обобщающую репрезентацию смысла поговорки [Жуков, с. 6].

да паремии будут объединяться под рубриками, в названиях которых найдут отражение культурные смыслы, передаваемые аксиологемами.

При такой реконструкции символического образа Москвы не будут использоваться потерявшие актуальность идеологизированные «паремиологические продукты» советской эпохи типа *Москва с Советом дружит со всем добрым светом* [МНН, с. 556]. В отличие них, устаревшие традиционные пословицы (*В Москве недорода хлебу не бывает; Москвы к боку не пододвинешь* и т. п. [Там же, с. 556–557]) будут учитываться при разработке этого паремиологического портрета Москвы, так как они продолжают транслировать ее символику, известны носителям языка, хотя и не употребляются в современной речи. Значение и происхождение таких пословиц обсуждается на интернет-форумах, образовательных порталах, в любой момент они могут быть использованы в качестве заголовка или элемента медиатекста, актуализироваться, подвергнувшись трансформации, или послужить моделью для создания новых паремий. Пока этого не произошло, данные паремии в аксиологическом указателе будут сопровождаться знаком (–).

В указатель будут включены и новые паремии, которые создаются носителями языка без опоры на известные пословичные модели и широко распространяются по интернет-каналам: *Москва – она как шампанское: такие же пробки и такие же газы; В Москве из чисто русского осталась только погода* и т. п. [Прикольные статусы; Статусы про Москву]. Такие фразы в большинстве своем не ритмизированы, в отличие от традиционных пословиц, но сближаются с ними по таким характеристикам, как обобщающий смысл, устойчивость, оценочность, и обсуждаются в Интернете как «неопословицы» [Неопословицы]. Пока паремиологический статус таких образований официально не определен, мы будем говорить и них как о новых пословицах, а в словаре «Пословицы в современной речи» представим отдельным списком.

В аксиологическом указателе объединение традиционных пословиц, их трансформов и новых паремий под рубриками-аксиологемами, эксплицирующими те или иные культурные смыслы символического образа Москвы, позволит увидеть константы и динамику символа во всех его проявлениях.

Так, наиболее объемной в нашем материале оказалась группа паремий, отражающих взаимоотношения Москвы и периферии в интерпретации немосквичей. Здесь на первом плане – с давних пор приписываемая Москве символика потребительства. Под заголовком-аксиологемой «Москва хорошо живет за счет провинции» объединяются традиционные паремии: (–) *Москва стоит на болоте, в ней хлеба не молотят, а больше нашего едят (да чище нашего ходят)* [Даль, с. 178]; (–) *Москва у всей Руси под горой: всё в нее катится* и др. [МНН, с. 556] и новые пословицы, которые развивают идею: *Говорят, Москва хорошо живет, потому что много работает, вот и остальная Рос-*

*сия много работает, чтобы Москва хорошо жила; Интересно, почему у нас Москва – Третий Рим, а вся остальная Россия – второй Гондурас?*⁷ [Прикольные статусы].

Представляя в порядке уменьшения объема следующие группы паремий, отметим новые социокультурные реалии, попадающие в поле зрения современных создателей пословиц, и формирующиеся нюансы новой символики столицы. «Москва – город, требующий больших затрат, город высоких цен» – под этой рубрикой могут быть представлены традиционные паремии (–) *В Москву бресть – последнюю деньгу нести; Москва деньги любит* [МНН, с. 556–557]. В новых паремиологических материалах акцент сдвигается на самый актуальный аспект московской дороговизны: *В номинации «Доступное жилье в Москве» победил Казанский вокзал; Продам квартиру в центре Москвы или поменяю на поселок городского типа в Курской области* и др. [Прикольные статусы; Статусы про Москву].

Многokrратно возросла в последние годы актуальность темы перенаселенности Москвы, причем современного носителя языка волнует прежде всего этнический состав жителей столицы. Если среди традиционных пословиц находим нейтральные и даже положительно окрашенные (–) *Москва людей не боится; (–) Москва людна и хлебна* [МНН, с. 556], то в новых пословицах, собранных под аксиологемой «Москва – город мигрантов», явно прослеживается ирония: *Москвичи как зубы – с каждым годом все меньше коренных; Москва – интернациональный город, здесь встречаются даже русские; Московское метро – новая столица Таджикистана* и др. [Прикольные статусы; Статусы про Москву].

Приведем паремиологическое наполнение остальных рубрик указателя пословичных аксиологем, где пословицы даются без лексикографического комментирования, которое читатель получит в основной части словаря, представленной выше. Проследить динамику паремиологического образа столицы позволит расположение материала под каждым аксиологическим заголовком: вслед за традиционными паремиями, отражающими символические смыслы образа, под знаком (+) даются пословичные трансформы и новые паремии, и далее пользователю словаря предлагается сравнить («Ср.») с основной культурологической аксиологемой наметившийся «антисимволический» смысл образа при наличии отражающего эту тенденцию материала.

Жизнь в Москве нелегка: (–) *Был в Москве, ходил по доске да в грязь попал; (–) В Москву идти – только голову нести; (–) Жить на Москве – быть и в тоске; (–) Москва кому мать, [а] кому мачеха; (–) Москву не разжалобить; (–) Не хвались в Москву, а хвались из Москвы; (–) Хотел с Москвы сапоги снести, а рад с Москвы голову унести; (–) Царство Москва, а мужикам тоска; Москва бьет с носка; Москва слезам не верит.*

⁷ Ср.: гондурасить (сленг.) – выполнять грязную, тяжелую работу.

Москва – символ власти: (–) *Говорят в Москве, а слушают по всей стране*; (–) *Москва – голова, а страна – руки и ноги*; (–) *Москва узнает – пожить не даст + В Москве лес рубят – к нам щепки летят; Лес рубят, щепки летят в Москву; «Ореховских» рубят – только щепки летят и др. Ср.: (–) Москва деревне не указ.*

Москва – точка отсчета в системе пространственных координат: (–) *В одну корячку не дошагнешь до Москвы*; (–) *В тереме высоко, а до Москвы далеко*; (–) *Москвы к боку не пододвинешь; Все дороги ведут в Москву; Новгород Нижний – сосед Москвы ближний. + До Москвы далеко, до губернатора высоко.*

Москва – древний город с богатой историей: (–) *Москва веками строилась*; (–) *Москва не вдруг (не разом) построена*; (–) *Москва от искры загорелась*; (–) *Не в день (не в сутки) Москва построена; Москва не сразу строилась; Москва от копеечной свечки сгорела (загорелась).*

Москва и Санкт-Петербург – традиционные соперники: (–) *Москва – матушка, Петербург – батюшка*; (–) *Москва создавалась (строилась) веками, Питер – миллионами*; (–) *Славна Москва калачами, Петербург усачами. + В Москву приезжают по работе, а в Петербург – по любви; Если Санкт-Петербург – культурная столица России, то тогда Москва – ее бескультурная столица и т. п.*

Москва – символ великих военных побед: (–) *Был не опалён [Наполеон], а из Москвы вышел опалён*; (–) *Москва что гранит: никто Москву не победит*; (–) *На Москву «хох!», а от Москвы «ох!»*; (–) *Немного француз нагостил в Москве, а нагостился*; (–) *От Бородинской пушки под Москвой земля дрожала.*

Москва – символ богатства и изобилия: (–) *В Москве все найдешь, кроме родного отца да матери*; (–) *В Москве недорода хлеба не бывает*; (–) *В Москве только птичьего молока нет*; (–) *Москва людна и хлебна.*

Москва – город огромных размеров: (–) *И новый платок наденешь, да половина Москвы не проведает. + Гастарбайтеры начали активно уезжать из Москвы, но Москва, расширяясь, возвращала их обратно; Если в Москве отключить метро, то 80 % людей не найдут, где живут.*

Москва – олицетворение России: (–) *Кто в Москве не бывал, тот России не видал*; (–) *Кто в Москве побывал – всю Россию повидал. + Ср.: Москва еще не вся Россия.*

Москва – объект всенародной любви: (–) *Москва верстой далека, а сердцем (да сердцу) рядом*; (–) *Москва от глаз далека, да сердцу близка. + Ср.: Люблю Москву, но это совершенно не мешает мне ее ненавидеть.*

Москва – город деловых людей: (–) *В Москве по одежке встречают и провожают, а по уму деньги платят*; (–) *Москва словам не верит, ей дела подавай. + В Москву едут по работе, в Питер – по любви.*

Москва – город удовольствий, развлечений: *В Москву за песнями [идут]; [Поехали] в Москву разгонять тоску. + В России кризис, а в Москве пятница!*

Москва – символ гостеприимства, хлебосољства: (–) *В Москве калачи как огни горячи*; (–) *Зовет Москва хлеба-соли покушать, красного звона послушать*.

Москва – идеал красоты: (–) *Кто в Москве не бывал, тот красоты не видал*. Ср.: *Родная сторона краше Москвы*.

Новые пословицы могут проиллюстрировать и новые направления иронической «символизации» Москвы. Москва – город пробок: *Обзорная экскурсия по Москве – лучшие пробки столицы*; *Вчера в Москве из-за ужасных пробок в вытрезвитель привезли трезвого человека* и т. п. Москва – город экологических проблем: *По оценкам экологов, в ближайшем будущем вода из Москвы-реки будет стоить 50 долларов за баррель*; *Вчера из-за окурка, брошенного в Москву-реку, сгорело 7 тысяч кубометров воды*. Москва – город олигархов: *В школах Москвы вновь ввели розги: теперь дети олигархов могут в любой момент выпороть провинившегося учителя* и др. [Статусы про Москву; Прикольные статусы].

Таким образом, результаты анализа образной и аксиологической составляющих национального символа «Москва» по данным русской паремиологии в ее современном состоянии позволяют заключить, что устойчивость и воспроизводимость исконных паремий обеспечивают актуализацию традиционных для русской лингвокультуры символических смыслов образа столицы, представляемой как социокультурный центр страны и символ власти, центр притяжения, город надежд и в то же время город проблем и разочарований, город жесткий, но и гостеприимный, хлебосољный. Трансформационные процессы, затронувшие более половины активных пословиц, отражающих московские реалии, свидетельствуют об обновлении содержания паремий в современном социокультурном контексте, о десимволизации или ресимволизации отдельных компонентов паремиологического образа Москвы в соответствии с новыми ценностными приоритетами носителей языка и их установкой на языковую игру как элемент смеховой культуры. Наряду с пословичными трансформами, современные московские реалии и их оценку передают и новые пословицы.

Целостный паремиологический образ Москвы может быть представлен в словаре «Пословицы в современной речи», где рубрики макростатьи «Москва» и материалы указателя пословичных аксиологем отразят все символические смыслы образа столицы в его интерпретации современными носителями языка и создателями паремий. Более 200 ссылок на интернет-источники нового паремиологического материала, отраженного в словаре (развлекательные сайты, электронные СМИ), позволяют говорить об определяющей роли Интернета в динамизации русского паремиологического фонда. При этом, учитывая его общепризнанное влияние на массовое сознание, необходимо отметить возможности манипуляционного тиражирования обновленной оценочной семантики паремий как одного из приемов, активизирующих переосмысление национальных символов.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М. : Совет. энцикл., 1971. Т. 6. С. 826–831.
- Анекдоты из России : [сайт]. URL: <https://www.anekdot.ru/last/aphorism/> (дата обращения: 10.07.2020).
- Березович Е., Кривошапова Ю.* Образы Москвы в зеркале русского и иностранного языков : Человек. Культура. Политика и экономика // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 129–152. DOI 10.15826/qr .2015.1.083.
- Берендс Я. К.* Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое лит. обозрение. 2015. № 3 (133). С. 18–29.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. М. : Университет. тип., 1862. 1095 с.
- Жуков К. А.* Языковое воплощение концепта «труд» в пословичной картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород : [Б. и.], 2004. 26 с.
- Карасик В. И.* Символические концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 24–28.
- Комова В. А.* Столица как социокультурный феномен // Дискуссия. 2014. № 8 (49). С. 24–28.
- Люттов В., Вепрев О.* До Москвы далеко, до губернатора высоко // Раритет. История Южного Урала : [сайт]. 12.02.2010. URL: http://raritet-chel.ucoz.ru/publ/otdelnye_proektyu/novejsaja_istorija/do_moskvu_daleko_do_gubernatora_vysoko/11-1-0-26 (дата обращения: 17.06.2020).
- МНН – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
- Мокиенко В. М.* Школьный словарь живых русских пословиц. СПб. : Нева, 2002. 352 с.
- Муравьев В. Б.* История Москвы в пословицах и поговорках. М. : Алгоритм, 2007. 368 с.
- Неопословицы // Liveinternet : [сайт]. 2007. 18 февр. URL: https://www.liveinternet.ru/users/g_no_m/post31614880 (дата обращения: 10.09.2020).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.09.2020).
- Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. 236 с.
- ППМ – Пословицы и поговорки о Москве // Сборник народной мудрости : [сайт]. URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-moskve/> (дата обращения: 11.09.2020).
- Прикольные статусы про Москву // Статусы.ру : [сайт]. URL: <https://statusy.ru/c/prikolnye/pro-moskvu/page/2/> (дата обращения: 30.08.2020).
- Сабаяева С. В.* Объединительная функция столицы Российской Федерации – символа суверенитета государства // Право и политика. 2011. № 4. С. 535–541.
- Синдаловский Н. А.* Словарь петербуржца. СПб. : Норинт, 2002. 320 с.
- Смирнов Д. Г.* К вопросу о ресемантизации как форме символической политики («Родина-мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт. 2015. № 4. С. 96–112.
- Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах : в 4 кн. М. : Университет. тип., 1834. Кн. 4. 213 с.
- Статусы про Москву // Лучшие статусы для социальных сетей : [сайт]. URL: <https://status-y.ru/moskva> (дата обращения: 25.08.2020).
- Шейдлин Б.* Москва в пословицах и поговорках. М. : Никитинские субботники, 1929. 76 с.
- Шилина М. Г.* Десимволизация интернета // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 9. С. 156–167.
- Walter H., Mokienko V.* Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2002. 153 S.

References

- Anekdoty iz Rossii* [website]. URL: <https://www.anekdot.ru/last/aphorism/> (accessed: 10.07.2020).
- Averintsev, S. S. (1971). Simvol khudozhestvennyi [Artistic Symbol]. In *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya v 9 t.* Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 6, pp. 826–831.
- Berends, Ya. K. (2015). Stroitel'stvo novoi Moskvy: menyayushchiysya simvol sovetskoi modernosti [Building a New Moscow: A Changing Symbol of Soviet Modernity]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 3 (133), pp. 18–29.
- Berezovich, E., Krivoshchapova, Yu. (2015). Obrazy Moskvy v zerkale russkogo i inostrannogo yazykov. Chelovek. Kul'tura. Politika i ekonomika [The Image of Moscow in the Mirror of the Russian and Foreign Languages. Man. Culture. Politics and Economy]. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 129–152. DOI 10.15826/qr.2015.1.083
- Dahl, V. I. (1862). *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 1095 p.
- Karasik, V. I. (2009). Simvolicheskie kontsepty [Symbolic Concepts]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 11, pp. 24–28.
- Komova, V. A. (2014). Stolitsa kak sotsiokul'turnyi fenomen [A Capital as a Socio-Cultural Phenomenon]. In *Diskussiya*. No. 8 (49), pp. 24–28.
- Lyutov, V., Veprev, O. (2010). Do Moskvy daleko, do gubernatora vysoko [Moscow is Far Away, the Governor is too High to be Reached]. In *Raritet. Istoriya Yuzhnogo Urala* [website]. 12 February. URL: http://raritet-chel.ucoz.ru/publ/otdelnye_proekty/novejschaja_istorija/do_moskvy_daleko_do_gubernatora_vysoko/11-1-0-26 (accessed: 17.06.2020).
- MNN – Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits* [Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Group. 1024 p.
- Mokienko, V. M. (2002). *Shkol'nyi slovar' zhivikh russkikh poslovits* [School Dictionary of Living Russian Proverbs]. St Petersburg, Neva. 352 p.
- Murav'ev, V. B. (2007). *Istoriya Moskvy v poslovitsakh i pogovorkakh* [The History of Moscow in Proverbs and Sayings]. Moscow, Algoritm. 368 p.
- Neoposlovitsy [New Proverbs]. (2007). In *Liveinternet* [website]. 18 February. URL: https://www.liveinternet.ru/users/g_no_m/post31614880 (accessed: 10.09.2020).
- NKRYa – Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language] [website]. (N. d.). URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 10.09.2020).
- Permyakov, G. L. (1988). *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Basics of Structural Paremiology]. Moscow, Nauka. 236 p.
- PPM – Poslovitsy i pogovorki o Moskve [Proverbs and Sayings about Moscow]. (N. d.). In *Sbornik narodnoi mudrosti* [website]. URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-o-moskve/> (accessed: 11.09.2020).
- Prikol'nye statusy pro Moskvu [Funny Internet Statuses about Moscow]. (N. d.). In *Statusy.ru* [website]. URL: <https://statusy.ru/c/prikolnye/pro-moskvu/page/2/> (accessed: 30.08.2020).
- Sabaeva, S. V. (2011). Ob'edinitel'naya funktsiya stolitsy Rossiiskoi Federatsii – simvola suvereniteta gosudarstva [The Unifying Function of the Capital of the Russian Federation – a Symbol of State Sovereignty]. In *Pravo i politika*. No. 4, pp. 535–541.
- Sheidlin, B. (1929). *Moskva v poslovitsakh i pogovorkakh* [Moscow in Proverbs and Sayings]. Moscow, Nikitinskie subbotniki. 76 p.
- Shilina, M. G. (2011). Desimvolizatsiya interneta [The Desymbolisation of the Internet]. In *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. No. 9, pp. 156–167.
- Sindalovskii, N. A. (2002). *Slovar' peterburzhitsa* [A Dictionary of the Petersburger]. St Petersburg, Norint. 320 p.
- Smirnov, D. G. (2015). K voprosu o resemiotizatsii kak forme simvolicheskoi politiki ("Rodina-mat'" v politicheskikh praktikakh sovremennoi Rossii) [On the Issue

of Resemiotisation as a form of Symbolic Politics (“Motherland” in the Political Practices of Modern Russia)]. In *Labirint*. No. 4, pp. 96–112.

Snegirev, I. M. (1834). *Russkie v svoikh poslovitsakh v 4 kn.* [Russians in Their Proverbs. 4 Books]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Book 4. 213 p.

Statusy pro Moskvu [Internet Statuses about Moscow]. (N. d.). In *Luchshie statusy dlya sotsial'nykh setei* [website]. URL: <https://status-y.ru/moskva> (accessed: 25.08.2020).

Walter, H., Mokienko, V. (2002). *Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter*. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. 153 S.

Zhukov, K. A. (2004). *Yazykovoe voploshchenie kontsepta “trud” v poslovichnoi kartine mira* [The Linguistic Implementation of the Concept of “Work” in the Proverbial Picture of the World]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Velikii Novgorod, S. n. 26 p.

The article was submitted on 28.07.2019

МОСКОВСКИЙ КАНОН АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: MOSCOW, MOSCOVIA, MUSCOVITE*

Светлана Королева

Нижегородский государственный лингвистический университет,
Нижний Новгород, Россия

MOSCOW, MOSCOVIA, MUSCOVITE: THE MOSCOW CANON OF ENGLISH LITERATURE

Svetlana Koroleva

Nizhny Novgorod State Linguistics University,
Nizhny Novgorod, Russia

This paper focuses on the formation and modifications of the “Moscow canon” in English literature. The author refers to some 16th-century travelogues and English literary texts from different epochs. The work aims to provide a systematic description of how motifs and images that constitute the “Moscow canon” of English literature was formed and modified. The author reveals the main connotations present in the notes of English travellers which they took while travelling around Russia in the sixteenth century. The name “Moscovia” was used as a synonym for “Russia” and had peculiar connotations in travelogues connected with the historical context of its appearance in English culture. The connotations used by English travellers in their notes for the words “Moscow”, “Moscovia”, and “Muscovite” had a considerable influence on the image of Russia in English literature both in the seventeenth century and until the present day. It is argued that the “Moscow canon” (as a literary phenomenon, apart from inter-genre travel books) started in Elizabethan literature with a fragmentary use of images borrowed from travels around Moscovia as striking phenomena of a different, non-English part of the world. It is demonstrated how in the English literature of the Enlightenment, the motifs connected with the image of Moscovia are perfected in their form and function and, at the same time, re-evaluated. Starting with the early nineteenth

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310.

** *Citation*: Koroleva, S. (2020). Moscow, Moscovia, Muscovite: *The Moscow Canon of English Literature*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1549–1564. DOI 10.15826/qr.2020.5.544.

Цитирование: Koroleva S. Moscow, Moscovia, Muscovite: *The Moscow Canon of English Literature* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1549–1564. DOI 10.15826/qr.2020.5.544 / Королева С. Московский канон английской литературы: Moscow, Moscovia, Muscovite // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1549–1564. DOI 10.15826/qr.2020.5.544.

century, the “Moscow canon” was more and more often used in plots focusing on the opposition between British and Russian characters, or a British character plunging into the Russian world. The corresponding images and motifs acquire a deeper and more complicated interpretation in literary works: through them, English writers and poets search for the keys to understanding both Russia and the fundamental problems of modernity. In different historical periods and in the framework of different aesthetic systems, authors chose different “Moscow” motifs and interpreted them in diverse ways. Each time, entering a new created world, these motifs were adapted to certain functions and ideas.

Keywords: Moscow canon, Moscovia, English literature, image of Russia, travelogues, functions of motifs in fiction.

Рассматриваются пути формирования и способы модификации «московского канона» в английской литературе. Материалом исследования является корпус текстов путешествий второй половины XVI в. и художественных произведений разных эпох. Цель исследования – системное описание формирования и модификаций комплекса мотивов и образов, вошедших в «московский канон» английской литературы. Устанавливается основной комплекс коннотаций, возникающих в записках английских путешественников о России во второй половине XVI в. Название «Московия» в этих текстах впервые в рамках английской книжной культуры использовалось в качестве синонима названия «Россия» и имело в записках особые коннотации, связанные с историческим контекстом его вхождения в английскую культуру. Ряд коннотаций, закреплённый в записках английских путешественников за именами «Москва», «Московия», «московит», оказывал существенное влияние на образы России, возникающие в английской литературе как XVII в., так и последующих эпох, вплоть до наших дней. «Московский канон» собственно в литературе (а не в межжанровом пограничье путешествий) начинает складываться в литературе Елизаветинской эпохи из фрагментарных обыгрываний образов, заимствованных из записок английских путешественников о Московии, как поразительных явлений иной, неанглийской части мироздания. В эпоху Просвещения комплекс мотивов, связанных с образом Московии, получает окончательное оформление и переосмысление. С начала XIX в. «московский канон» все чаще проявляется в сюжетах, связанных либо со столкновением британских и русских героев, либо с погружением британского героя в русский мир. Соответствующие образы и мотивы начинают разрабатываться в идейно-философском плане: писатели и поэты находят в них ключи к изображению не только русского мира, но и глубоких проблем современности. В разные исторические эпохи, в разных эстетических направлениях и у разных авторов на первый план выходят один-два мотива, связанных с «московским каноном». Органично входя в художественный мир произведения, они интерпретируются, приспособляясь к определенным функциям.

Ключевые слова: «московский канон», Московия, английская литература, образ России, записки путешественников, функция мотива в художественном тексте.

В середине XVI в. английские купцы и путешественники открыли прямой морской путь в Русское государство. В их записках так же, как в последовавших за ними книгах английских дипломатов и послов, Россия получила два основных наименования: традиционное *Russia*, отсылающее не только к русскому самоназванию, но и к тому, как называли древнерусское государство в английских хрониках и энциклопедических трудах XII–XIV вв. – *Russie, Ruissie, Rusia, Russia, Ruthenia, Ruthia, Ruthena*¹, а также новое *Moscovia/Muscovy*, связанное с русскими названиями «Москва», «княжество Московское» и «Московское государство». Вопросы лингвистического характера, которые возникают в связи с этим, касаются: а) происхождения слова *Moscovia* в английском языке; б) его основного значения и частотности его использования в текстах второй половины XVI в.; в) лексического фона и коннотативных значений, которое это слово, его варианты и дериваты приобретают в текстах.

Этимологический словарь английского языка и фонетический и буквенный облик слова *Moscovia* указывают на то, что слово восходит к новолатинскому названию *Moscovia* [*Muscovite*]. Остается неясным, из какого именно источника, написанного на латыни новолатинского периода (следовательно, не ранее 1500 г.), заимствовано английское слово и почему следует возводить английское наименование к латинскому, а не итальянскому названию?

По данным словаря *Merriam-Webster*, в качестве точки отсчета в использовании слова в английских текстах указан 1535 г. Эта дата исключает из перечня возможных источников знаменитые записки о Московии австрийского посла при русском дворе Зигмунда фон Герберштейна (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, первая публикация в 1549 г.) и дает основание предположить, что источником возникновения слова в английском языке могла послужить книга итальянского ученого-гуманиста епископа Павла Иовия (Паоло Джовио) «Посольство от Василия Иоанновича, Великого князя Московского, к папе Клименту VII» (*De legatione Basilii Magni Principis Moschouiae ad Clementem VII*). Написанная в 1525 г. и изданная в Базеле в 1527 г., она быстро обрела статус авторитетного описания России [см.: Graham, p. 142].

Однако если предположить, что английское *Moscovia* восходит не к латинскому, а к итальянскому *Moscovia*, то мы вполне можем признать книгу другого итальянца, венецианского купца и дипломата Амброджо Контарини, о его путешествии в Персию (*Questo e el Viazo di misier Ambrosio Contarini... al signer Uxuncassam, re de Persia*), впервые изданную в 1487 г. в Венеции, возможным источником английского наименования. За эту версию выступает буквенный облик английского

¹ В «Истории англо» Жеффрея Гаймара находим *Russie*, в «Житии и чудесах святого Фомы» Уильяма Кентерберийского – *Rusia*, в «Императорских досугах» Гервазия Тильберийского – *Russia* и *Ruthenia*, в «О свойствах вещей» Бартоломея Английского – *Ruthia* и *Ruthena*, в «Великой хронике» Матфея Парижского – *Ruscia* [Матузова, с. 38, 41, 65, 77, 114, 129].

слова *Moscovia*, полностью совпадающий с итальянским (венетским). Против нее – то, что в тексте Контарини это наименование закреплено только за главным городом Московского княжества, само же княжество неизменно обозначается словом *Rossia* [Скржинская], тогда как у Павла Иовия слова *Moschouia* и *Moschouitas* используются в значении «Московское княжество» и «московиты» соответственно [Giovio].

Эти наблюдения и умозаключения приводят нас к однозначному утверждению: слово *Moscovia* появилось в английском языке примерно двумя десятилетиями ранее публикации первых записок английских путешественников о России под непосредственным влиянием европейских, предположительно итальянских источников. Его использование английскими путешественниками в значении «Московское княжество» опиралось на уже укоренившуюся при папском дворе (равно как в Великом княжестве Литовском и Короне Польской) традицию обозначать новое восточноевропейское государство словом *Moscovia* [Комментарий, с. 279]. При своем вхождении в английский язык оно начало конкурировать и отчасти оттеснять позиции слов *Russie*, *Rusia* (и т. п.), использовавшихся в английском языке по крайней мере с XII в.

В отношении значения и частотности использования слова *Moscovia* в текстах этого периода показательны названия писем и записок путешественников, документов, включенных в состав знаменитого сборника Ричарда Хаклюта «Основные навигации, путешествия, передвижения и открытия английской нации» (*Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, 1589–1600*; впервые издан в 1589 г.). В его содержании, в частности, указаны «Книга о великом и могущественном императоре России и князе Московии» (*The booke of the great and mighty Emperor of Russia, and Duke of Muscovia*) Р. Ченслора; копии писем «князя Московии и императора России» английскому королю Эдуарду; рассказ о первом путешествии Э. Дженкинсона «из города Лондона в землю России» (*The first voyage made by Master Anthonie Ienkinson, from the Citie of London toward the land of Russia...*) и его же воспоминания о путешествии «из Лондона в Московию» (*A very briefe remembrance of a voyage made by M. Anthony Ienkinson, from London in Moscouia...*). И если три первых (из вышеперечисленных) названия с возможной точностью воспроизводят титул Ивана Грозного – «великий князь московский и всея Руси», – то в последнем, так же как и в названиях некоторых других текстов этого сборника, наблюдается замещение-синекдоха: именование «Московия» используется в значении всего Русского государства.

Фактически название центральной части территорий Русского государства (в том виде, в котором оно сложилось во время царствования Ивана Грозного) в некоторых описаниях английских (как и других европейских) путешественников с середины XVI в., а в дальнейшем и в самых разных литературных и публицистических текстах стало использоваться как синоним названия всего государства. Это, однако, был весьма своеобразный синоним: слово *Moscovia* (а также его вари-

ант *Muscovy* и его производное *Muscovite*) имело особые коннотации, связанные с историко-культурным контекстом его вхождения в английскую культуру, а именно со стремлением англичан к покорению пространств и ресурсов в эпоху Великих географических открытий и с резким переходом к протестантскому мироощущению [Королева, с. 92–98]. Понятие *Moscovia* (и здесь мы отвечаем на третий вопрос лингвистического характера) не просто означало территорию государства, страны или его (ее) части, но оказалось обременено особым рода коннотативными значениями и фоновыми знаниями. В их основу легли ассоциации с выделенным своей стихийностью и грандиозностью природным миром – миром огромных пространств и больших природных явлений, снегов и холода, богатых природных ресурсов – зерна, пушнины, рыбы, пеньки, меда, воска. Другой важной опорой этих коннотаций стал ряд ассоциаций с особым человеческим миром – миром туземно-варварским, некультурным и неупорядоченным, псевдохристианским и даже имморальным. Ряд ассоциаций, впервые появившихся в английских образах России именно в эту эпоху, закрепился в памяти английского мифа о России навсегда и навсегда оказался связан с названием *Moscovia*.

Самый ранний образец записок английских путешественников XVI в. о России, «Книга о великом и могущественном императоре России и князе Московии...» (*The Booke of the Great and Mighty Emperor of Russia*, 1553) Ричарда Ченслора, начинается с описания ресурсов:

Россия изобилует землей и людьми и очень богата теми товарами, которые в ней имеются. <...> У них много масла... В северной части страны находятся места, где водится пушнина – соболя, куницы, молодые бобры, белые, черные и рыжие лисицы, выдры, горностаи и олени... растет много хорошего льна и конопли, а также имеется очень много воска и меда [Ченслор, Адамс, с. 56].

В варианте этого путешествия, изложенном К. Адамсом, описания природных богатств сопровождаются гиперболизацией явлений русской природы: на Русском Севере, куда первоначально попал капитан Ченслор, «совсем не было ночи, но постоянно сиял ясный свет солнца над страшным и могучим морем» [Там же, с. 53]; мороз в северных и центральных частях России «ужасен» и «достигает крайних размеров» (*great is the sharpnesse of that colde climate*), и только в южных районах он несколько мягче (*but as for the South parts of the Countrey, they are somewhat more temperate*) [Hakluyt, p. 63].

Человеческий мир, кроме численности, очерчен резкими и однозначно «туземными» характеристиками – русские рыбаки, которые были первыми, кого увидел Ченслор на русской земле, названы им «варварами» (*barbarous Russes, barbarians*) [Ibid., p. 60]. Основными в описаниях «туземного» (или варварского) мира становятся темы деспотии власти, отсутствия порядка в различных внешних формах

социальной жизни, физической выносливости и интеллектуальной, эстетической, моральной неразвитости народа.

Неограниченная власть великого князя влечет за собой бесправие всех и вся, что для англичанина, конечно, является нарушением социально-политического устройства и порядка. Этого не хватает в планировке города (о Москве (*Mosco*) в «Книге» Ченслора говорится как о «большом» (*great*), «грубом» (*rude*) и беспорядочно построенном (*standeth without all order*) городе [Ченслор, Адамс, р. 41]), в быту (подаче блюд), в ведении военных действий (*They are men without al order in the field* [Ibid., р. 43]). Выносливый русский человек может спать на снегу и питаться одним овсяным киселем [Ibid.]. Об этической неразвитости русского «туземца» свидетельствует его склонность к «суевериям» (*superstitions*), «идолопоклонству» (*idolatry*), «пьянству» (*drunkenness*) и «разврату» (*whoredome*) [Ibid., р. 49–51]. Особую роль играет обличение лживой религиозности русских, сопровождаемое абсолютизацией выявленного порока:

Русские соблюдают греческий закон с такими суеверными крайностями, о каких и не слышано. <...> К своим писанным иконам они относятся с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слышали [Ченслор, Адамс, с. 65].

Похожие мотивы в изображении «Московии» прослеживаются и в других английских «путешествиях». В самой масштабной по объему и охвату материала книге Джайлса Флетчера «О государстве русском» (*Of the Russe Commonwealth*, 1591), значительно повлиявшей на дальнейшее развитие английских представлений о России, также подробно описываются природные богатства России: обилие рек, озер, лесов, изобилие птиц, зверей, рыбы; произрастание зерновых, торговля пчелиным воском, медом, пушниной и пр. (гл. 1–3) [Cross, 2012, р. 3]. Но в основном Флетчер сосредоточивается на грубом правлении, бесправии народа, его склонностях к пороку и безграмотности служителей церкви в «Московии» – именно так, по его наблюдению, обыкновенно называют Россию. Полное название книги отражает именно это наблюдение: *Of the Rvsse Common Wealth. OR Manner of Gouvernement by the Russe Emperour, (commonly called the Emperour of Moskovia) with the manners and fashions of the people of that Countrey* [Fletcher, р. 1]². Примечательно, что в самом тексте книги название *Moskovia* не встречается: Флетчер предпочитает устоявшиеся еще в XIII–XIV вв. в Англии названия *Russia* и *Russe*.

Изложение описаний государственного и административного устройства пронизано эпитетами «варварский» (*barbarous*), «турецкий» (*Turkish fashion*), «рабский» (*slaverie*), «тиранический» (*tyrannical*,

² В переводе на русский, опубликованном в 1867 г., название книги значителен следующим образом: «О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским)» [Флетчер, с. 1].

tyrannous, oppression) [Fletcher, p. 26, 44, 45, 54]. Религии присваивается характеристика «ложная» (*false religion*), она оценочно трактуется как «проклятая ересь» (*damnable heresie*) [Ibid., p. 28, p. 126]. Порабощенность рождает в народе имморализм поведения. Русский народ в целом обрисован «вялым», «недеятельным» (*enweldy, inactive* [Ibid., p. 146]), склонным к пьянству и всевозможным порокам:

...нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране – жестокость или невоздержание. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Все государство преисполнено подобными грехами [Флетчер, с. 128].

Ассоциации образа Москвы-Московии, а через него и всей России с миром грубым, варварским, псевдохристианским, деспотическим, лживым, диким, богатым ресурсами и ужасающе холодным оказываются востребованными в английской литературе на протяжении веков. Не всегда, разумеется, воспроизводится весь комплекс этих мотивов; в разные исторические эпохи, в разных эстетических направлениях, у разных авторов, как правило, на первый план выходит та или иная их часть. Более того, мотивы могут моделироваться, видоизменяться. Но и в XVII, и в XVIII, и в XIX в., и вплоть до наших дней английские писатели и поэты, говоря о Москве, в той или иной степени подразумевают ту Московию, которая была когда-то «открыта» английскими путешественниками. В связи с этим можно говорить о своеобразном «московском каноне» английской литературы.

Под «московским каноном» здесь понимается воспроизведение и использование в английской художественной литературе в том или ином виде, в той или иной функции комплекса мотивов, который сформировался вокруг слов «Московия» и «московит» (*Moscovia, Muscovy, muscovite*) в записках английских путешественников во второй половине XVI в. Этим каноном, естественно, не исчерпываются ни образ России в английской литературе в целом, ни те многосторонние русские образы, которые возникают в различных произведениях английской художественной литературы по крайней мере с XVIII в. Более того, им не исчерпываются и образы самой Москвы, созданные в английских художественных произведениях в XVIII – начале XXI в. Однако этот канон становится существенным фактом и английского коллективного сознания, и английской литературы в том, что касается восприятия и изображения русского мира. В этом общем утверждении настоящее исследование в целом следует положениям, четко выраженным и доказанным в работах Н. П. Михальской и Л. Ф. Хабибуллиной, о существенном воздействии записок английских путешественников XVI в. на образ России в английской культуре [Михальская, с. 7–44; Хабибуллина, с. 17–44].

В нашем исследовании предлагается новый взгляд на сущность воздействия. Во-первых, в нем учитывается лингвистический аспект, а именно связь системы мотивов с именами «Москва», «Московия»,

«московит», и, во-вторых, принимаются во внимание особенности художественного творчества и исторического развития английской литературы. Отталкиваясь от собственно имагологического взгляда на литературные явления, мы вслед за В. П. Трыковым [Трыков] предлагаем имагопоэтический подход к анализу художественных текстов и обращаемся к канону как к направлению осмысления.

Писатели не единообразно воспроизводят в своем художественном творчестве систему «московских» мотивов, но используют их, зачастую деконструируя и пересоздавая и саму структуру мотивов, и связи между ними в той смысловой и эстетической функции, которая становится единственно необходимой в пространстве художественного произведения. Его художественный мир и особенности его формы прочно связаны с историческими процессами – как собственно литературными, так и социально-политическими. В связи с этим сущностным представляется не только определение исторических этапов формирования и модификации комплекса мотивов, закрепленных в «московском каноне» английской литературы, но и выявление специфики их содержательного наполнения и функционирования в художественных текстах разных эстетических направлений и систем.

* * *

Мотивы холода, варварства, бесправия и деспотии неизменно сопровождают краткие упоминания о «московитах» в лирике и драматургии Елизаветинский эпохи. «Московский канон» собственно в литературе (а не в межжанровом пограничье путешествий) начинает складываться во фрагментарном обыгрывании образов, заимствованных из записок английских путешественников о Московии, как поразительных и даже ужасающих явлений иной, неанглийской части мироздания.

Во втором сонете Филипа Сидни из цикла «Астрофил и Стелла» (ок. 1580) поэт, описывая состояние страстной влюбленности, сравнивает его с рабством «московита»: *like slave-born Muscovite* [Sidney, p. 3]. В комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви» (*Love's Labour's Lost*, впервые издана в 1598 г.) Фердинанд Наваррский и его придворные одеваются, «как московиты или русские» (*like Muscovites or Russians* [Shakespeare, p. 212]), что рождает в сознании французской принцессы ассоциацию с дикарями (*savages*) и холодом (*my frozen Muscovites* [Ibid., p. 212–213]).

Ужасать призваны эпизодические образы огромных диких русских медведей не только у Шекспира в его исторической хронике «Генрих V» и трагедии «Макбет», но и в комедиях Б. Добриджкурта «Ганс Пивная Кружка» (*Hans Beer Pot, his Invisible Comedy of See me and See me not*, ок. 1618) и Т. Мултона и Т. Деккера «Рычащая девушка» (*The Roaring Girl*, 1607–1610). В трагедии У. Девенанта «Жестокий брат» (*The Cruel Brother*, ок. 1627) приводятся поразительные сведения о том, что люди в России промерзают до такой степени, что плюют снегом [Алексеев, с. 44]. Русские образы возникают в литературе Елизаветинской

эпохи как экзотические элементы принципиально чужого пространства за пределами познанного и окультуренного англичанами мира. Их характеризует общая эстетическая функция резкого контраста, будь то противопоставление или гиперболическое сопоставление.

Эпоха Просвещения привнесла в оформление «московского канона» английской литературы свои акценты. Они были обусловлены не только видоизменением мотива варварства в связи с противопоставлением просвещенной Англии (вместе со всей Западной Европой) непросвещенной, деспотичной и безграмотной России, но и с симпатиями, которые закрепились за личностью Петра I. Основной функцией образов, связанных с этим канонам, становится иллюстрация (или демонстрация): они призваны показать как то, что значит «тьма неведения», так и то, что с ней необходимо бороться (поэма А. Хилла «Северная звезда»; русский эпизод в поэме Дж. Томсона «Времена года» и др.).

Образ «Москвы-Московии» проецируется на образ Российской империи времен Петра I и в романе Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» (*The Farther Adventures of Robinson Crusoe*, 1719). В описаниях петровской России немаловажное место занимают упоминания о «московских владениях» и городах, принадлежащих «московскому царю», о «набожных» (*devout*) «москвитах», которые «едва ли заслуживают названия христиан», о долгой (восьмимесячной!) суровой зиме и огромных пустынных пространствах [Defoe, p. 302, 304, 305].

Обращает на себя внимание отсутствие мотива рабства-деспотии, с одной стороны, и акцентирование внимания на уникальных товарах, которые можно привезти из России, – соболях, чернобурых лисицах и других дорогих мехах. Собственно, «владения» «московского царя» поражают героя-англичанина не только своей обширностью и богатством, но и своей устроенностью: русские впервые под влиянием общеевропейской положительной оценки «просвещенной» личности Петра I [Дмитриев; Cross, 2001] в английской литературе предстают народом окультуривающим, цивилизующим племена Сибири. Именно с этим следует связывать отсутствие в тексте таких характерных семантических комплексов «московского канона», как «деспотия – рабство» и «варварство – дикость». На активизацию нового цивилизующего мотива в образе Московии-России работает неоднократно озвученное противопоставление «московского царя» (построившего везде, где только было возможно, города и селения) диким татарам-«язычникам».

В романе Д. Дефо канон получает окончательное оформление и в то же время переосмысление. Его черты предстают не в образе экзотического и незнаемого мира, но как специфические качества русского мира, стоящего в ряду изображений дальних стран и островов, не входящих в просвещенное пространство (Бразилия, Мадагаскар, Китай). Это объясняется и тем, что едва ли не впервые английский литературный герой сам свидетельствует о личном опыте путешествия по России.

В дальнейшем развитии английской литературы «московский канон» все чаще появляется в сюжетах столкновения британских (или западноевропейских) и русских героев либо погружения британского героя в русский мир. Его образы и мотивы начинают разрабатываться в идейно-философском плане: писатели и поэты зачастую находят в них ключи к изображению не только русского мира, но и общих, глубинных проблем современности.

Первую глубокую многоаспектную разработку «московский канон» английской литературы получает в поэзии эпохи романтизма, в первую очередь в творчестве Байрона. В контексте столкновения военно-политических интересов Британии и России за образами последней в британской культуре закрепляются новые ассоциации: «политический враг», «военная мощь», «агрессия» [Королева, с. 114–115]. Смысловым фундаментом для новых ассоциаций становятся мотивы деспотии царского режима и рабства русского народа, закрепленные за образами «Московии».

В «русских главах» поэмы «Дон Жуан» (*Don Juan*, 1816–1824) основным мотивом наравне с признанием политической «деспотии – рабства» в характеристике России и русских становится варварство, скрываемое под видимостью цивилизации, причем усиленное и доведенное деспотией до звериной жестокости³. «Московитов»-варваров (*Moscovite*) под маской «новой и утонченной нации» (*new and polished nation*) Байрон видит в русских дворянах и казаках [The Works Of Lord Byron, vol. 6, p. 306]. В седьмой главе поэмы это разоблачение происходит на сюжетном и образном уровнях. Русские солдаты и офицеры во главе с «героем, буффоном, полудемоном и полудурком» Суворовым (*hero, buffoon, half-demon, and half-dirt* [Ibid., p. 320]) не просто захватывают Измаил, но постоянно проявляют по отношению и к противнику, и к мирному населению бесчеловечную жестокость; ключевая характеристика их поведения – «жестокость и кровожадность» (*grim and gory*) [Ibid., p. 323]. Изобличение «игры в цивилизованность» происходит здесь и на произносительно-фонетическом и орфографическом уровнях: чего только стоят *Tschitshakoff* и *Chrematoff*, над которыми иронизирует автор-рассказчик [Ibid., p. 305]. В восьмой главе, описывая преследующих турецкую девочку казаков, он иронически именует их «воцивилизованными медведями» (*the bear is civilized*), наученными деспотами-царями «разрушать» (*to destroy*) [Ibid., p. 351, 358]. В то же время внешняя и внутренняя политика Российской империи предстает эпизодом в ряду подобных, поэтому агрессия екатерининской политики оказывается одним из «сладких плодов» (*sweet consequence*) цивилизации и человеческого общества [Ibid., p. 351]. Это расширение смысла осуществляется в авторских отступлениях восьмой главы, подводящих сюжет к проблемам современной Англии.

³ Об источниках «русских эпизодов» в «Дон Жуане» см.: [Cochran].

В 70–90-е гг. XIX в. в политической поэзии А. Ч. Суинберна *Muscovite* также увязывается с мотивом деспотии, которая приписывается исключительно образу русского царя. Выстраивание оппозиции «русский народ – российское государство (царь)» в творчестве поэта возникает в согласии с общими изменениями британского общественного мнения в отношении России и русских на рубеже XIX–XX вв. «Распространение понимания того, что российское правительство и российский народ – это два очень далеких друг от друга явления» [Stepniak, p. VIII]⁴, стало одним из важнейших результатов деятельности русских политических эмигрантов в Англии.

В стихотворении 1877 г., посвященном венгерскому революционеру, идеологу национальной венгерской независимости Л. Кошуту, поэт приветствует героя, посмеявшего поднять свой голос против «московита» (русского царя с его репрессивно-захватнической политикой), и тех, кто склоняют перед ним голову [Swinburne, 1917]. Это же прочтение *Muscovite* получает в более поздней оде Суинберна «Россия» (*Russia*, 1890). В ней русский царь предстает страшным демоном, и его существование объявляется резко противоречащим закону Божескому и человеческому. Даже Данте в аду не встречал «злодеев, подобных Московиту» (*whose fiends could match the Muscovite*), – правителю России, царю (*prove thee regent, Russia – praise thy mercy, Tsar*) [Swinburne, 1911].

В XX в. «московский канон» продолжает участвовать в создании той идейно-эстетической ткани, из которой рождаются английские литературные образы России. При этом, однако, и ткань становится многоцветней, и сам канон модифицируется. Роман Г. Уэллса «Джоанна и Питер» (*Joan and Peter. The Story of an Education*, 1919) написан под впечатлением от путешествия по Европе и России в 1914 г., а также под влиянием М. Бэринга. Мода на русское, увлеченность русским искусством, очарованность русским характером, столь характерные для британской – и, шире, европейской – культуры 1900–1920-х гг. [Klimova], оставляют заметный след в литературных образах этого романа.

Образ России – Москвы, Петербурга, подмосковных деревень – складывается в романе Уэллса из самых разнородных элементов – из пестрых магазинов и золотых крестов Москвы, из величественных стен Кремля и «варварской карикатуры» (*barbaric caricature*) собора Василия Блаженного, из «разукрашенного» великолепия (*painted magnificence*) Троице-Сергиевой лавры и благородной красоты Исаакиевского собора, из долгой езды в санях по замерзшей реке и бескрайних деревенских полей, из бесчисленных бородатых священников и людей, поголовно одетых в меха «и посему выглядящих абсурдно богатыми» (*so looking absurdly wealthy*) [Wells, p. 380]. В целом это образ одновременно «нечистый» и «значительный» (*untidy, the dingier, vaster effects of Russia*),

⁴ Здесь и далее в случаях, если не указан иной источник, перевод с английского мой. – С. К.

величественный и странный, разнородный и богатый, «живописный» (*picturesqueness*) и неоднозначный [Wells, p. 380].

Особая роль в этом образе принадлежит элементам, связанным с «московским каноном» английской литературы. В первую очередь это мотив деспотии царского режима. Показательны в этом смысле впечатления Освальда, главного героя романа, от огромного портрета царя – портрета, изображающего милитаристски настроенного «автократа» (*autocrat*) с «неумным лицом» (*unintelligent visage*), как бы попирающего ногами головы членов собрания. Возмущенный Освальд видит в этом портрете проявление «отвратительной системы репрессивного аппарата» (*very corrupt system of repression*), от которого Россия, по мнению героя, должна избавиться, чтобы смело шагнуть в будущее [Ibid., p. 388].

Воздействие «московского канона» на образ России в романе находим и в архитектурном облике Москвы, в котором не раз подчеркивается «неряшливость» (*untidy, sprawling, slushy*) [Ibid., p. 389], и в описаниях зимней стужи: все действие романа происходит зимой, и рассказчик многократно упоминает мороз (*the frozen Neva, the frozen fen*), снег (*the crisp snow, a background of white snow, snowy spaces*) и лед (*the ice of a frozen river*) [Ibid., p. 380–382, 384, 388]. Эти впечатления он обобщает в характеристике, также имеющей отношение к канону: «дикий зимний пейзаж» (*the wild wintry landscape*) [Ibid., p. 381].

Не случайно слово *Moscovites* фигурирует в характеристике зрителей в Московском художественном театре. Несмотря на то, что в целом рассказчик одобрительно и даже с некоторым восхищением отмечает их пылкость (*keen*), требовательность и восприимчивость (*intensely critical and appreciative*), в этом описании проскальзывает снисхождение [Ibid., p. 389]. Оно отчасти эксплицируется в удивлении, с которым рассказчик и герои отмечают, что русская зрительская аудитория похожа не на немецкую, а на британскую. Но основной его маркер – слово *Muscovites*, столь же неотделимое от ассоциаций с миром «варварским» и «диким», сколь и описания русской зимы. Мотивы «московского канона» в романе Уэлса работают на двойное противопоставление в образе России: прошлого, связанного с деспотией и всяческого рода угнетением, будущему, в котором рассказчик и герои надеются разгадать свободу личности и социальную справедливость; инертной дикости, некультурности народа – заряженным вдохновенной мыслью интеллектуалам.

В английской литературе второй половины XX – начала XXI в. мотив деспотии политического режима увязывается с форматом сталинской репрессивной власти и вседозволенностью власть имущих. Отпечаток «московского канона» обнаруживается в романах И. Флеминга «Из России с любовью» (*From Russia with Love*, 1957) и Э. Миллера «Подснежники» (*Snowdrops*, 2011), где находим обобщения, относящиеся ко всей русской истории. Для английского читателя это означает историю со времен «открытия» России-Московии. У Флеминга один из протагонистов (Джеймс Бонд) утверждает, что

русские «мазохисты. Они любят кнут. Именно поэтому они любили власть Сталина» [Fleming, p. 240].

У Миллера не менее категорично звучит высказывание героя относительно того, что все «русские лидеры» являются «массовыми убийцами» (*a mass murderer, like all Russian leaders*) [Miller, p. 135]. И хотя в самом высказывании ничто не указывает на Москву, «подсказку» можно найти в другом эпизоде: когда Маша – главный женский персонаж романа – ведет Ника в Третьяковскую галерею, тот обращает внимание только на картины святых и на изображения завоеваний и разорения. Последние невольно связываются в его сознании с именем Ивана Грозного [Ibid., p. 211]. С «московским каноном» в романе Миллера соотносятся мотивы холода, дикости и беспутства. Особенно ясно выделен в его структуре мотив зимнего холода, непереносимого мороза и снега. Герой с огромным удивлением отмечает: «Я знал теперь, что это правда: страшный холод, ледяной воздух до самого апреля» [Ibid., p. 43], – а ниже обобщает: «снег является частью того, что делает их [русских] ими и никем другим» [Ibid., p. 77]. Снег и холод становятся базовыми образами в московском хронотопе романа. Москва, да и вся Россия только на поверхности – пространство неона и шансона. Во вневременном существовании это мир снега и мороза, доминирующих над человеком.

Глубинно связанными с властью природной стихии оказываются особые черты русского характера: первобытная дикость, иррациональность в поведении, некая туземная цельность. О главной героине Маше сказано, что в ней, в отличие от англичан, есть некая «первичная земная энергия» (*She had a kind of basic earthy energy*) [Ibid., p. 46], а о русских – что, несмотря на всю свою тягу к «насилию», «поглощенность земными заботами и страдания», они «просто дети» [Ibid., p. 127]. «Московский канон» не полностью окрашивает собой образы русских, хотя мотив общей порочности, извращенной греховности русских людей, столь характерный для него, озвучивается с завидным постоянством: Москва здесь – город «неоновой похоти и иступленного греха» (*city of neon lust and frenetic sin*) [Ibid., p. 224]. Однако в целом Россия в романе очерчивается противоречиво и даже полярно, как в афористическом высказывании его героя:

Это странная страна, Россия, с ее талантливыми грешниками и неожиданно являющимися святыми – теми истинно святыми, произвести на свет которых может только пространство, отмеченное изощренной жестокостью [Ibid., p. 98].

Изображение в романе Миллера современного российского хронотопа со своеобразным акцентом на «московском каноне» дает, как видим, перспективу вневременного «русского». Это перспектива мира не просто дикого, деспотичного, порочного, но мира, разорванного крайностями, и в силу этого аномального.

В британской культуре фундаментом и источником при создании образов русского мира стала система особых коннотаций, закреплённых за именами «Москва», «Московия» и «московит» в записках английских путешественников (дипломатов, купцов) второй половины XVI в., сохраняющаяся до настоящего времени в разных модификациях и функциях, воплощающих «московский канон» английской литературы.

Список литературы

- Алексеев М. П.* Первые литературные встречи // Литературное наследство. Т. 91. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М. : Наука, 1982. С. 17–109.
- Дмитриев Е. Е.* Петр I в восприятии британцев конца XVII – первой половины XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов : [Б. и.], 2005. 224 с.
- Комментарий // Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 2. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. С. 279–479.
- Королева С. Б.* Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М. : Direct Media, 2014. 314 с.
- Матузова В. И.* Английские средневековые источники (IX–XIII вв.) : тексты, пер., коммент. М. : Наука, 1979. 267 с.
- Михальская Н. П.* Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М. : МПГУ, 1995. 152 с.
- Скржинская Е. Ч.* Комментарий к тексту и переводу Контарини // Барбаро и Контарини о России : К истории итало-русских связей в XV веке. Л. : Наука, 1971. С. 235–247.
- Трыков В. П.* Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 120–129.
- Флетчер Дж.* О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским). 3-е изд. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906. XXII, 138 с.
- Хабидуллина Л. Ф.* Миф России в современной английской литературе. Казань : Казан. ун-т, 2010. 206 с.
- Ченслор Р., Адамс К.* Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 47–66.
- Cochran P.* Byron, Don Juan, and Russia // A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture. Cambridge : Open Book Publ., 2012. P. 37–52.
- Cross A.* Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. 208 p.
- Cross A.* By Way of Introduction: British Reception, Perception and Recognition of Russian Culture // A People Passing Ruse: British Responses to Russian Culture. Cambridge : Open Book Publ., 2012. P. 1–36.
- Defoe D.* The Farther Adventures of Robinson Crusoe: Being the Second and Last Part of His Life, and Strange Surprizing Accounts of His Travels Round Three Parts of the Globe: To Which is Added a Map of the World, in Which is Delineated the Voyages of Robinson Crusoe. L. : W. Taylor, 1722. 380 p.
- Fleming I.* From Russia with Love. L. : Vintage Books, 2012. 356 p.
- Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth : Or, Maner of Government by the Russe Emperour, (commonly Called the Emperour of Moskovia) with the Manners and Fashions of the People of that Countrey // Russia at the Close of the Sixteenth Century. L. : Printed for The Hakluyt Society, 1856. P. 1–152.

Giovio P. Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII. Basileae : [Johann Herwagen & Hieronymus Froben], [1527]. 40 [p.].

Graham H. F. Notes // Possevino A. The Moscovia of Antonio Possevino. Pittsburg : Univ. Centre of Intern. Studies, 1977. P. 140–171.

Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation : in 6 vols. Edinburgh : E. & G. Goldsmid, 1886. Vol. 4. North-Eastern Europe and Adjacent Countries. 368 p.

Klimova S. “A Gaul Who Has Chosen Impeccable Russian as His Medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century // *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture (Collected Essays).* Cambridge : Open Book Publ., 2012. P. 215–230.

Miller A. D. Snowdrops. L. : Atlantic Books, 2011. 273 p.

Muscovite // Merriam-Webster : Dictionary : [website]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/muscovite> (accessed: 17.02.2020).

Shakespeare W. Love’s Labour’s Lost // Shakespeare W. Complete Works. N. Y. : P. F. Collier, 1925. P. 191–221.

Sidney Ph., sir. Astrophel and Stella. L. : Vid Stott, 1888. 233 p.

Stepniak S. At the Dawn of a New Reign: A Study of Modern Russia. L. : Chatto and Windus, 1905. XII, 347 p.

Swinburne A. Ch. Russia // The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne : in 6 vols. L. : Chatto and Windus, 1911. Vol. 6. P. 366.

Swinburne A. Ch. To Louis Kossuth // The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne : in 6 vols. L. : William Heinemann, 1917. Vol. 3. P. 132.

The Works of Lord Byron : in 7 vols. / ed. by E. H. Coleridge. L. ; N. Y. : John Murray : John Scribner’s Sons, 1903–1904. Vol. 6. 612 p.

Wells H. G. Joan and Peter. The Story of an Education. N. Y. : Macmillan Comp., 1919. 596 p.

References

Alekseev, M. P. (1982). *Pervye literaturnye vstrechi [First Literary Meetings].* In Alekseev, M. P. *Literaturnoe nasledstvo. Vol. 91. Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka).* Moscow, Nauka, pp. 17–109.

Chancellor, R., Adams, C. (1937). *Kniga o velikom i mogushchestvennom tsare Rossii i knyaze Moskovskom [The Book of the Great and Mighty Tsar of Russia and Prince of Moscow].* In *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v. / transl. by Yu. V. Got’ye.* Moscow, Sotsekgiz, pp. 47–66.

Cochran, P. (2012). *Byron Don Juan, and Russia. In A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture.* Cambridge, Open Book Publ., pp. 37–52.

Coleridge, E. H. (Ed.). (1903–1904). *The Works of Lord Byron.* 7 Vols. L., N. Y., John Murray, John Scribner’s Sons. Vol. 6. 612 p.

Cross, A. (2001). *Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 208 p.

Cross, A. (2012). *By Way of Introduction: British Reception, Perception and Recognition of Russian Culture. In A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture.* Cambridge, Open Book Publ., pp. 1–36.

Defoe, D. (1722). *The Farther Adventures of Robinson Crusoe: Being the Second and Last Part of His Life, and Strange Surprising Accounts of His Travels Round Three Parts of the Globe: To Which is Added a Map of the World, in Which is Delineated the Voyages of Robinson Crusoe.* L., W. Taylor. 380 p.

Dmitriev, E. E. (2005). *Petr I v vospriyatii britantsev kontsa XVII – pervoi poloviny XVIII v. [Peter I in British Perceptions in the Late 17th – First Half of the 18th Centuries].* Dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, S. n. 224 p.

Fleming, I. (2012). *From Russia with Love.* L., Vintage Books. 356 p.

Fletcher, G. (1856). Of the Russe Common Wealth : Or, Maner of Governement by the Russe Emperour, (Commonly Called the Emperour of Moskovia) with the Manners and Fashions of the People of that Country. In *Russia at the Close of the Sixteenth Century*. L., Printed for The Hakluyt Society, pp. 1–152.

Fletcher, G. (1906). *O gosudarstve russkom, ili Obraz pravleniya russkogo tsarya (obyknovenno nazyvaemogo tsarem moskovskim)* [Of Russian State, or The Manner of Rule of the Russian Tsar (Commonly Called Muscovite)]. 3rd Ed. St Petersburg, published by A. S. Suvorin. XXII, 138 p.

Giovio, P. (1527). *Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII*. Basileae, [Johann Herwagen & Hieronymus Froben]. 40 [p.].

Graham, H. F. (1977). Notes. In Possevino A. *The Moscovia of Antonio Possevino*. Pittsburg, Univ. Centre of Intern. Studies, pp. 140–171.

Hakluyt, R. (1886). *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. 6 Vols. Edinburgh, E. & G. Goldsmid. Vol. 4. North-Eastern Europe and Adjacent Countries. 368 p.

Khabibullina, L. F. (2010). *Mif Rossii v sovremennoi angliiskoi literature* [The Myth of Russia in Modern English Literature]. Kazan, Kazanskii universitet. 206 p.

Klimova, S. (2012). “A gaul who has chosen impeccable Russian as his medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century. In *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture (Collected Essays)*. Cambridge, Open Book Publ., pp. 215–230.

Kommentarii [Commentary]. (2008). In Herberstein, S. *Zapiski o Moskovii v 2 t.* / ed. by A. L. Khoroshkevich. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 2. Stat'i, kommentarii, prilozheniya, ukazateli, karty, pp. 279–479.

Koroleva, S. B. (2014). *Mif o Rossii v britanskoi kul'ture i literature (do 1920-kh godov)* [The Myth of Russia in British Culture and Literature (until the 1920s)]. Moscow, Direct Media. 314 p.

Matuzova, V. I. (1979). *Angliiskie srednevekoveye istochniki (IX–XIII vv.): teksty, perevod, kommentarii* [English Medieval Sources (9th–13th Centuries): Texts, Translation, Commentary]. Moscow, Nauka. 267 p.

Mikhlskaya, N. P. (1995). *Obraz Rossii v angliiskoi khudozhestvennoi literature IX–XIX vv.* [The Image of Russia in English Fiction of the 9th–19th Centuries]. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet. 152 p.

Miller, A. D. (2011). *Snowdrops*. L., Atlantic Books. 273 p.

Muscovite. (N. d.). In *Merriam-Webster Dictionary* [website]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/muscovite> (accessed: 17.02.2020).

Shakespeare, W. (1925). Love's Labour's Lost. In Shakespeare, W. *Complete Works*. N. Y., P. F. Collier, pp. 191–221.

Sidney Ph., Sir. (1888). *Astrophel and Stella*. L., Vid Stott. 233 p.

Skrzhinskaya, E. (1971). Kommentarii k tekstu i perevodu Kontarini [Commentaries to the Text by Contarini and the Translation]. In *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV veke*. Leningrad, Nauka, pp. 235–247.

Stepniak, S. (1905). *At the Dawn of a New Reign: A Study of Modern Russia*. L., Chatto and Windus. XII, 347 p.

Swinburne, A. Ch. (1911). Russia. In *The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne*. 6 Vols. L., Chatto and Windus. Vol. 6, p. 366.

Swinburne, A. Ch. (1917). To Louis Kossuth. In *The Collected Poetical Works of Algernon Charles Swinburne*. 6 Vols. L., William Heinemann. Vol. 3, p. 132.

Trykov, V. P. (2015). Imagologiya i imagopoetika [Imagology and Imagopoetics]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 3, pp. 120–129.

Wells, H. G. (1919). *Joan and Peter: The Story of an Education*. N. Y., Macmillan Comp. 596 p.

МОДЕЛИ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Николай Шимкевич

Независимый исследователь,
Екатеринбург, Россия

NOMINATION PATTERNS FOR POLITICAL PARTIES AND ORGANISATIONS IN THE LATE RUSSIAN EMPIRE

Nikolai Shimkevich

Independent scholar,
Yekaterinburg, Russia

This paper considers the peculiarities of politonymy (political ergonymy) between the two revolutions of 1905–1907 and 1917. The author studies the onomastic patterns that were used to name political parties, movements, and parliamentary associations in the State Duma. In such situations, in order to distinguish political associations from other similar ones, it is important to emphasise different indicators which influence the existing names of associations. The article provides some nominations given by outsider nominators which causes certain peculiarities in politonyms. Methodologically, the article relies on relevant approaches used to study artificial onomastics and conclusions made by the author with reference to the Russian politonymy of the late twentieth and early twenty-first centuries. The author singles out the most vivid differences and loans from earlier politonymy to later politonymy. Additionally, the author provides a classification reflecting the division of parties into ideological groups in national historiography. The author demonstrates that each ideological group has its own dominant model. This may be explained both by objective and subjective reasons. The objective ones are explained by the fact that parties were similar ideologically, had similar structures

* *Citation*: Shimkevich, N. (2020). Nomination Patterns for Political Parties and Organisations in the Late Russian Empire. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1565–1580. DOI 10.15826/qr.2020.5.545.

Цитирование: Shimkevich N. Nomination Patterns for Political Parties and Organisations in the Late Russian Empire // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1565–1580. DOI 10.15826/qr.2020.5.545 / Шимкевич Н. Модели наименования политических партий и организаций в поздней Российской империи // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1565–1580. DOI 10.15826/qr.2020.5.545.

and history, and were different from other ideological groups. The subjective reasons, i. e. the existence of dominant models, are connected with the functioning of politonyms as elements meant to promote sympathy for the party among a wide range of supporters with the same ideological views. The need to influence different target groups may be explained psychologically, which is reflected in many practical guidelines on advertising and propaganda described in works on commercial ergonomy.

Keywords: onomastics, ergonymy, politonymy, political parties, nomination models.

Рассматриваются особенности политонимии периода между революциями 1905–1907 гг. и 1917 г. Исследуются модели, использованные при наименовании политических партий, движений, депутатских объединений Государственной думы. В этих ситуациях для выделения политических объединений среди однородных имеют значение разные признаки, что влияет на имеющиеся наименования этих объединений. Представлены некоторые наименования, данные сторонними номинаторами, что придает политонимам свою специфику. Методологической базой послужили актуальные подходы, применяемые при изучении искусственной ономастики, а также выводы исследования, проведенного автором на материале русской политонимии конца XX – начала XXI в. Демонстрируются наиболее яркие отличия, а также заимствования из более ранней политонимии в более позднюю. Предлагается классификация в соответствии с разделением партий на идеологические группы, ранее апробированная на вышеуказанном современном материале. Группы соответствуют выделяемым в работах по отечественной историографии. Автор демонстрирует, что каждой идеологической группе присуща своя доминирующая модель. Этому усматриваются как объективные, так и субъективные причины. К объективным относятся сходная идеологическая направленность партий, близкая структура и история возникновения, отличающие их от других идеологических групп. К субъективным – функционирование политонима как элемента привлечения симпатий широкого круга сторонников, придерживающихся сходных с партией идеологических установок. Необходимость воздействия на различные целевые группы обусловлена психологически, что нашло отражение в многочисленных практических руководствах по рекламе и пропаганде, описанных в исследованиях по коммерческой эргонимии.

Ключевые слова: ономастика, эргонимия, политонимия, политические партии, номинативные модели.

Политическая эргонимия, или *политонимия* (от др.-греч. πολιτική ‘общественная деятельность, политика’ + ὄνομα ‘имя’), то есть совокупность наименований политических партий, движений, союзов, избирательных блоков, по сравнению с другими разрядами эргонимов изучена мало. Существующие публикации носят по преимуществу постановочный характер [Попова; Ткаченко]. Ключевым моментом

осмысления материала видится политонимическая ситуация, под которой понимается совокупность политонимов, функционирующих в определенных пространственно-временных и ситуативных рамках (Россия, начало XX в.).

В исследовании используется классификация политонимов по пяти номинативным моделям, предложенная ранее [Шимкевич]. Первые четыре модели отражают различные стороны политического действия: идеологическая указывает на декларируемую идеологию; представительская – на социальную базу либо на предполагаемых исполнителей; манифестационная – на цель политического действия; концептуальная – на отношение к действию либо его результатам, представленное в виде идеалистического образа. Пятая модель – десемантизированная – реализуется в тех случаях, когда политоним никак не отражает политическое действие, необходимость осуществления которого декларирует партия.

Многие политонимы содержат географические указания на государство, регион или город. В рамках данной классификации эти элементы не образуют отдельной модели, так как не имеют никакого отношения к политическим декларациям и предполагаемым политическим действиям поименованного объединения.

Выделенные модели могут сочетаться в рамках одного онима, например: *Российская социал-демократическая рабочая партия* (идеологическая + представительская), *Боевая интернациональная группа анархистов-коммунистов* (идеологическая + представительская + манифестационная). Смешанная модель особо не выделяется, вышеуказанные онимы будут учтены, соответственно, дважды и трижды. Цели определения наиболее популярных моделей, отражающих стратегии номинатора, это не мешает и даже помогает, в то время как выделение отдельной смешанной модели привело бы либо к выпадению довольно большого числа материала из анализа, либо к его неоправданному усложнению.

Если рассчитывать популярность модели в процентах от общего числа онимов (это возможно, когда число онимов конечно – например, в политонимии депутатских объединений парламента), учет одного онима два или даже три раза приведет к тому, что сумма процентов всех моделей окажется более ста. Здесь можно усмотреть кажущееся противоречие, на самом деле его нет: при 60 % идеологических и 70 % представительских онимов мы имеем 40 % неидеологических и 30 % непредставительских, то есть число онимов, относящихся и не относящихся к каждой конкретной модели, вместе дает 100 %, при этом более популярная модель будет все так же иметь больший процент.

При описании политонимической ситуации сохраняется традиционное деление партий по идеологическим группам, применяемое в историографии и политологии.

Наличие доминирующих моделей, специфичных для каждой из идеологических групп, может показаться неожиданным: при существующей конкурентной среде их названия должны тяготеть к неким общим наи-

более успешным моделям. Но этот момент получает объяснение при учете того, что партии разного идеологического спектра ориентируются на разные слои общества и проходят разный путь становления¹.

Важной чертой политонимической ситуации является наличие ядра и периферии каждой из идеологических групп. К ядру относятся названия массовых партий и движений, достаточно крупных, чтобы играть заметную роль в политическом процессе империи; к периферии – названия малых объединений (кружков, локальных партий, внутрипартийных течений и т. п.) В ядерных онимах доминирующая модель видна более четко, чем в периферийных. Отнесение нами политических объединений (и, соответственно, политонимов) к ядру или периферии также базируется на оценках историографов.

Принадлежность к именам собственным собирательных наименований внутрипартийных течений, точнее, групп последователей этих течений (*марковцы, дубровинцы, оборонцы, интернационалисты, большевики, меньшевики* и проч.) – вопрос дискуссионный. Формально эти обозначения близки к отонимным апелляциям типа *спартаковцы, динамовцы, уралмашевцы*; в русском языке данный способ обозначения членов организации является одним из основных [Суперанская, с. 194]. С другой стороны, в отличие от указанных апеллиативов, здесь отсутствует породившее их название коллектива или организации (соответственно, *Спартак, Динамо, Уралмаш*). Более того, в политонимии возможен обратный путь: как известно, сначала появились *большевики*, и только потом – партия РСДРП(б). Структурно наименования внутрипартийных течений близки некоторым классам лексики, традиционно относимых к онимам – например, к этнонимам или к соционимам (термин введен В. Поповым, понимавшим его как «обозначение социальных группировок и статусов» [Попов, с. 60]). Сознывая пограничный характер этих наименований, автор не отказывается от их рассмотрения: они не только поддаются анализу с помощью предлагаемой классификации, но и подвержены тем же тенденциям, что и несомненные онимы – названия партий.

Говоря о внутрипартийной политонимии, следует также учитывать, что это наименования объединений, имеющих менее строгую структуру, чем партии, и ставящих перед собой иные задачи (внутрипартийная борьба нетождественна борьбе партии за власть). Данные наименования используются в ином дискурсе – внутрипартийном, а не внешнем. Поэтому можно говорить о них как об отдельной группе – микрополитонимах, обладающих несколько иными свойствами, чем политонимы, называющие партии, движения и т. п. По сравнению с основной группой политонимов, они обладают структурной и функциональной спецификой: зафиксировано использование только двух моделей – манифестационной и представительской (причем исклю-

¹ М. Дюверже выделяет «три или четыре социологических типа [партий], различающиеся по базовым элементам, способам их интеграции в определенную целостность, внутренним связям и руководящим институтам» [Дюверже, с. 41].

чительно аттрактивной субмодели); характерны тяга к упрощенным наименованиям, отсутствие рекламной функции.

Историческим контекстом формирования русской политонимии начала XX в. являются революция 1905–1907 гг. и ее последствия, в том числе работа Государственной думы. Появившаяся в этот период достаточно разнообразная и хорошо структурированная партийная система окончательно исчезла в 1920-х гг. в связи с установлением однопартийности. Современная историография отмечает наличие в этот период времени свыше ста политических объединений различной степени состоятельности. Из них «50 были наиболее крупными, около пяти десятков имели общероссийский характер, остальные – национальный» [Зевелев, с. 11]. Часть этих объединений была представлена в Государственной думе, которая также послужила центром формирования ряда новых партий.

Справочник «Политические партии России (первая четверть XX в.)» выделяет пять идеологических групп партий: консерваторы-охранители, буржуазные либералы, неонародники, социал-демократы, анархисты [Политические партии России, 1993]. Можно добавить шестую группу, не сводимую полностью к этим пяти, – автономисты (партии национальных окраин). Подобному делению следуют и другие исследователи [История политических партий России; и др.].

Описание политонимии начнем с **консервативно-охранительной группы**. К ее ядру относятся *Союз русского народа (СРН)*; *Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА)*; *Русская монархическая партия (РМП)*; *Совет объединенного дворянства (СОД)*; *Союз земельных собственников*; *Союз землевладельцев* [Политические партии России, 1993, с. 13–37].

Доминирующей здесь является представительская модель: каждый из политонимов ядра данной группы имеет компонент, апеллирующий к «русскому народу», «землевладельцам», «московским дворянам, верным присяге» и т. п. Некоторые из ядерных политонимов образованы по двум моделям: *Русская монархическая партия* (представительская + идеологическая модели), *Русский народный союз имени Михаила Архангела* (представительская + концептуальная). К ядру относится и широко известный внешний политоним *Черная сотня* (для СМА) [Там же, с. 21], в котором объединены представительская и концептуальная модели.

Периферийную подгруппу образуют наименования мелких объединений, часть из которых в процессе развития вошла в более крупные, часть, напротив, выделилась из них, но не образовала крупного политического объединения: *Союз русских людей*; *Русское собрание*; *Кружок московских дворян, верных присяге*; *Русский монархический союз* [Политические партии России, 1993, с. 13–37]. Имелись также партии регионального масштаба: *Астраханское русское патриотическое общество*, *Тамбовская партия патриотов*, *Боевая партия русских людей* и др. [Шевцов, с. 3–6]. В этих названиях также наблюдается доминирование представительской модели.

В микрополитонимах, обозначающих течения внутри партий (*марковцы; дубровинцы; национально-историческое течение* [Политические партии России, 1993, с. 13–37]), в первых двух случаях реализована аттрактивная субмодель представительской модели, в третьем – манифестационная модель.

В ядре **либерально-буржуазной политонимии** выделяются следующие наименования: *Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы, кадеты, 1905–1917); Союз 17 октября (октябристы), 1905–1917; Партия мирного обновления (мирнообновленцы), 1906–1907; Прогрессивная партия (прогрессисты), 1912–1917; Прогрессивный блок (1915–1917)* [Политические партии России, 1993, с. 41–76]. Во всех этих онимах реализована манифестационная модель. Интересно, что единственная партия, первоначально поименованная по идеологической модели – *Конституционно-демократическая партия*, – через год своего существования обрела дополнительное манифестационное наименование: *Партия народной свободы*. Второй (манифестационный) элемент в название партии кадетов был добавлен, когда уже функционирующая партия активно начала работать над расширением социальной базы: «В пропагандистских целях на II съезде партия кадетов получила название “конституционно-демократическая партия народной свободы”» [Шелохаев, с. 178]. Таким образом, для лучшей коммуникации с целевой аудиторией номинатору пришлось модифицировать оним в соответствии с моделью, доминирующей в данной идеологической группе.

Сокращенное наименование членов партии конституционных демократов – *кадеты* < аббревиатура КД [кадэ] + «лишняя» буква «т»; формально (но не семантически) сближается с апеллятивом *кадет* ‘воспитанник кадетского корпуса’ < фр. *cadet* [ka ‘dɛ] ‘младший’. Это можно расценивать как зарождение десемантизированной модели.

Остальные политонимы группы манифестируют в качестве цели политического действия опору на Манифест 17 октября либо абстрактные идеи – прогресс или мирное обновление.

Среди периферийных партийных объединений этой группы упоминаются девять [Политические партии России, 1993, с. 106], модели именования которых распределяются следующим образом: идеологическая – три (*Радикально-демократическая партия; Либеральная республиканская партия; Истинные либералы*); представительская – две (*шиповцы; Союз союзов*); манифестационная – две (*Союз освобождения; Партия порядка*); концептуальная – одна (*Беседа*); идеологическая + представительская – одна (*Союз земцев-конституционалистов*).

Отметим, что доминирующая в ядре данной группы манифестационная модель здесь уже не является самой популярной (всего 18 % от общего числа онимов). Ряд онимов имеет достойные внимания вторичные коннотации: *Союз освобождения* явно корреспондируется с декабристскими *Союзом благоденствия* и *Союзом спасения* (на самом деле союз сформировался вокруг журнала «Освобождение», издавав-

шегося за границей [Союз освобождения, с. 341]); *Союз союзов* столь же явно позиционирует себя как представителя широкого ряда других организаций; наконец, концептуальный политоним *Беседа*, на наш взгляд, декларирует не столько отношение к действию либо к его результатам, сколько к самому процессу, что в данной политонимической ситуации необычно.

В периферии данной идеологической группы имеются также наименования, формально сходные с ядерными. К примеру, фиксируется не менее 16 периферийных *Союзов 17 октября* [Шевцов, с. 3–6]. Помимо манифестационного, часть этих политонимов включает представительский компонент: *Екатеринославская народная партия 17 октября*; *Партия крестьян, объединенных на почве Манифеста 17 октября*; *Русское общество в Варшаве, основанное на началах Высочайшего Манифеста 17 октября*; *Союз конституционной партии на основах Манифеста 17 октября Полесских железных дорог* (также имеет идеологический компонент) и др.

В других названиях представлен идеологический компонент: *Самодержавно-монархическая партия в г. Иваново-Вознесенске на основах, дарованных Государем Императором Манифестами 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 г. (Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия)*; *Союз конституционной партии на основах Манифеста 17 октября Полесских железных дорог* (также отражен представительский мотив).

Третья группа октябристских названий манифестирует другие политические цели: *Коломенское общество правового порядка и Манифеста 17 октября*; *Партия прогрессивного развития страны на началах Манифеста 17 октября* и др.

Наконец, названия четвертой группы эквивалентны ядерному ониму: *Казанская партия Манифеста 17 октября*; «*Манифест 17 октября*», *общество*; и др.

Ядро **неонароднической политонимии** образуют главным образом названия различных организаций эсеров: *Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры)*, *Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов)* – она же ПЛСР, *Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП, энесы)*, *Союз социалистов-революционеров максималистов* [Политические партии России, 1993, с. 79–110]. Доминирующей моделью является идеологическая, при этом указание на *революционеров* означает ее сочетание с манифестационной, а политоним *ТНСП* – с представительской моделями. Указание на *интернационализм* мы также склонны рассматривать как реализацию идеологической модели (как противопоставление актуальному в то время национализму).

На периферии продолжается доминирование идеологической модели: *Северный союз социалистов-революционеров* (чисто идеологическая); *Рабочая партия политического освобождения России* (идеологическая + представительская + манифестационная); *Аграрно-социалистическая*

лига (идеологическая + представительская); *Партия народников-коммунистов* (чисто идеологическая: *народники*, в отличие от *народа* – носители соответствующей идеологии); *Партия революционного коммунизма* (идеологическая + манифестационная).

Сокращение частотности идеологической модели на эсеровском фланге начинается только во время Гражданской войны, когда с участием эсеров и энесов создаются различные контрреволюционные, а затем белоэмигрантские организации: *Союз возрождения России* (манифестационная модель); *Русское политическое совещание* (идеологическая); *Союз трудового крестьянства* (представительская) и др. [Политические партии России, 1993, с. 79–110].

Ядро **социал-демократической группы**, по сути, состоит из названия одной партии – *Российской социал-демократической рабочей партии* (РСДРП). Политоним образован с использованием идеологической и представительской моделей.

Частью периферии этой группы можно считать названия организаций, предшествовавших созданию партии: *Петербургский, Московский, Киевский и Екатеринославский союзы борьбы за освобождение рабочего класса*, а также *Бунд* [Политические партии России, 1993, с. 113]. *Союз борьбы за освобождение рабочего класса* – манифестационный политоним. О политониме *Бунд* (< идиш ‘союз’) скажем подробнее при рассмотрении политонимии автономистов. Можно упомянуть и *Освобождение труда* (манифестационный политоним) – название первой русской марксистской группы, созданной в эмиграции [Там же, с. 132]. Таким образом, политонимия социал-демократов эволюционировала от манифестационной к идеологическо-представительской модели (в дальнейшем – к чисто идеологическому политониму *Коммунистическая партия Советского Союза*), причем вектор эволюции коммунистов диаметрально противоположен тому, который наблюдается у кадетов и эсеров.

В микрополитонимии коммунистов проявляются те же самые тенденции, что были отмечены у консерваторов-охранителей. Помимо широко известных *большевиков* и *меньшевиков*², имеется целый ряд микрополитонимов, значение которых без погружения в контекст просто непонятно. К примеру, *ликвидаторы* получили свое наименование в силу того, что «хотели ликвидировать, уничтожить революционную нелегальную партию пролетариата» [История Всесоюзной Коммунистической партии, с. 128], а *отзовисты* – поскольку в 1908 г. часть большевиков потребовала отзыва социал-демократических депутатов из Государственной думы [Там же, с. 130]. По той же модели образованы

² Обозначения *РСДРП(м)* и *меньшевики* являются внешними, сами *меньшевики* предпочитали называть свою партию просто *РСДРП* [Российская социал-демократическая рабочая партия]. Некоторое время наряду с *большевиками* и *меньшевиками* действовала *Всероссийская социал-демократическая организация «Единство»* (элемент *всероссийский*, в отличие от *российский*, можно считать представительским, *единство* – манифестационным).

названия *ультиматисты, оборонцы, интернационалисты*. Поскольку эти политонимы предназначались для адресата, владеющего внутрипартийным дискурсом, мы относим их не к десемантизированной, а к манифестационной модели.

Представительская модель в версии аттрактивной субмодели также популярна: *чайковцы, искровцы, «Вперед»* (они же *впередовцы* [Там же, с. 151]), *новожизненцы* – все наименования, кроме *чайковцев*, образованы от гемеронимов.

Что касается **анархистов**, то они так и не сформировали политической партии; исследователи подразделяют их на ряд течений, деление между которыми «осуществляется исходя из различий прежде всего тактического характера» [Политические партии России, 1993, с. 141]. Поэтому выделить в этой политонимии ядро на тех же основаниях, что и в четырех приведенных выше группах, представляется невозможным, однако с известным допущением можно говорить о протоядре, критерии для выделения которого подобны, но не тождественны.

На периферии этой идеологической группы наиболее значимыми течениями указанный выше источник называет *анархо-коммунистическое (хлебовольческое), чернознаменское, анархо-синдикалистское*, а также *махаевцев*. Далее упомянуты *безмотивники, безначальцы, ассоциационисты, индивидуалисты, оборонцы, единый анархизм, анархисты-универсалисты*. После Октябрьской революции появляются *анархисты подполья* (не принявшие революцию). Названия *хлебовольческого и чернознаменского* течений образованы от гемеронимов: «*Листки хлеба и воли*» и «*Черное знамя*».

В целом картина напоминает внутривнутрипартийную микрополитонию: из моделей фиксируются как представительская (аттрактивная субмодель), так и манифестационная. Однако здесь же присутствует ряд идеологических онимов: *анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты, анархо-универсалисты*. Возможно, дискурс анархистов был более ориентирован во внешний мир, чем внутривнутрипартийный дискурс социал-демократов и охранителей.

Отметим названия отдельных анархических групп и организаций, имеющих более строгую структуру, чем вышеуказанные течения. Они уже приближены к названиям партий. Зафиксированы два политонима, образованные смешанным способом: *Боевая интернациональная группа анархистов-коммунистов* (идеологическая + представительская + манифестационная модели) и *Федеративная группа анархистов-коммунистов* (идеологическая + представительская), а также пять чисто манифестационных: *Борьба; Свобода; Свободная коммуна; Безвластие; Солидарность*. Два названия (*Набат и Черная гвардия*) [Политические партии России, 1993, с. 142–146] отражают концептуальную модель. Можно принять (только лишь как гипотезу), что перед нами результат незавершенного процесса формирования ядерной группы, в которой бы доминировала в случае завершения этого процесса манифестационная модель.

Этот же источник дает пример специфической внешней политонимии: «В эмиграции четыре центра анархистов (в Англии, США, Франции и Швейцарии, хотя отдельные группы анархистов существуют и в других странах, например в Бельгии). Российская полиция активно пытается не допустить их сближения» [Политические партии России, 1993, с. 144]. В данном случае мы имеем описательное обозначение политических объединений без наименования как такового, которое, тем не менее, может употребляться как политоним: *английский центр* (или *английский центр анархистов*); *американский центр*; *французский центр* и *швейцарский центр*. Ср. самоназвание: *большевистский центр* [Антонов].

Шестая группа – **автономисты** – представляет собой совокупность партий национальных окраин. К этому же блоку мы отнесли сионистов (пример трансграничного национализма, стремящегося не к сецессии, а к выезду и созданию государства за пределами Российской империи). Здесь, как и у анархистов, ядро выделить трудно, но по другим причинам: партии создавались в специфических исторических условиях, зачастую процесс активного их формирования проходил либо заметно раньше, либо заметно позже, чем у общеимперских партий. Тем не менее, как ни парадоксально, общеимперская организация сепаратистов все же возникла: уже в I Государственной думе был образован *Союз автономистов*, «насчитывавший в себе 120 депутатов, из которых, однако, только 63 не принадлежали одновременно и к другим партиям» [Мякотин, с. 192]. Как видно из приведенной цитаты, автономисты охотно блокировались с другими партиями, однако основным вопросом считали именно самоопределение вплоть до отделения. (Союза с русскими националистами возникнуть не могло – на этой позиции находились консерваторы-охранители, выступавшие за сохранение империи.) Предшественниками *Союза автономистов* в Думе были *польское коло*, *литовский кружок*, *украинские демократы*, *латышские демократы*, *мусульмане* [Томсинский, с. 296]. К созыву III Государственной думы *Союз автономистов* распадается на три группы депутатов: *польско-литовско-белорусскую*, *мусульманскую* и *польское коло*.

Партийная структура на местах была достаточно развитой и разнообразной: «в Царстве Польском и на Украине было по 12 партий, в Литве – 11, Латвии – 9, Финляндии – 8, Эстонии – 5 и т. д. Существовало также около десятка еврейских партий и союзов...» [Политические партии России, 2000, с. 79]. Движения различной степени структурированности имелись и в Средней Азии.

Русскоязычные наименования этих партий часто несли в себе этнический элемент: *Национально-территориальная автономия Алаш* (Алаша – древнетюркский племенной союз); *Шура-и-Исламия* (араб. ‘исламский совет’); *Шура-и-Улемия* (араб. ‘совет духовенства’); *Мусульманская демократическая партия «Мусават»* (араб. ‘равенство’); *Армянская социал-демократическая партия «Гнчак»* (арм. ‘колокол’) – АСДП; *Армянская революционная партия Дашнакцутюн* (арм. ‘союз’) – АРПД;

Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, он же просто *Бунд* (идиш 'Союз'); *Еврейская социал-демократическая рабочая партия Поалей Цион* (идиш 'Рабочие Сиона') – *ЕСДРП ПЦ*; *Эндеция* (польск. *Endecja < Narodowa Demokracja*), она же *Национально-демократическая партия* [Политические партии России, 2000, с. 260–298].

Данные онимы можно рассматривать либо как первые примеры десемантизированной (с точки зрения русского языка) модели, либо как примеры модели концептуальной. Нам ближе вторая точка зрения: политонимы имеют ярко выраженную этническую окраску, осознаваемую всеми участниками речевого акта. Хотя эта концептуализация и отличается от той, которую мы видим в русскоязычных по происхождению политонимах, она актуальна только в русскоязычном дискурсе и, таким образом, является вторичной.

Для славянских языков соответствующие элементы названий могли встраиваться в русское наименование как знаменательные и значимые слова: *Украинская партия социалистов-самостийников – УПСС* (укр. *самостійність* – 'самостоятельность'); *Белорусская социалистическая громада, БСГ* (белор. *громада* – 'общество') [Политические партии России, 2000, с. 260–298]; *Польское коло* (польск. *koło* – 'кружок') [Мякотин]. Включение в политоним этнонима можно расценивать как реализацию концептуальной модели (семантика славянских слов носителями русского языка, судя по всему, осознавалась, так что о десемантизированной модели речь не идет). Интересно, что в конце XX в. правило включения славянского слова в русское наименование как знаменательного уже не работает – ср. *Украинское движение за перестройку «Рух»* (*рух* – 'движение'; таким образом, здесь присутствует тавтология).

Иногда автономистская идея была выражена элементом, указывающим на религиозную принадлежность (*Шура-и-Исламия*) или территорию (указание на территорию предполагаемой автономии не тождественно указанию на географическую принадлежность). «Территориально ориентированные» партии возникали в процессе конвергенции национальных движений соседствующих ареалов: *Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии (ККП)*; *Партия активного сопротивления Финляндии (ПАСФ)*; *Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ)*; *Балтийская конституционная партия (БКП)*, представляющая немецкую общину [Политические партии России, 2000, с. 260–298].

Иноязычность происхождения политонимии автономистов, разумеется, выделяет ее в особую группу, отличную от предыдущих. Мы рассматриваем этот материал в общем контексте по следующим причинам. Во-первых, знак, возникший как результат перевода с другого языка, не тождественен исходному. Русскоязычное наименование *Армянская революционная партия Дашнакцутюн (АРПД)* не тождественно армяноязычному *Ай хэхапохакан дашнакцутьюн* (арм. 'Армянское революционное содружество'). Во-вторых, апеллятивы типа *мусаватист* образованы по правилам русского языка, таким образом, фактами языка,

из которого был заимствован политоним, эти апеллятивы не являются. В-третьих, названия наиболее значительных автономистских партий употреблялись не только в моноэтническом дискурсе окраин.

Можно считать концептуальную модель доминирующей для данной группы политонимов.

Политонимия Государственной думы Российской империи требует отдельного рассмотрения. С идеологической точки зрения, здесь можно найти весь имевшийся политический спектр, за исключением анархистов, которые в выборах не участвовали. Политические условия работы парламента отличаются от условий работы партии вне него: на первый план выходит коммуникация депутатов между собой и с другими органами власти, а не с широкими массами потенциальных сторонников. Поэтому возможно рассмотреть эту политонимию без разделения на идеологические группы. Нами использованы два источника [Мякотин; Томсинский], данные которых в целом совпадают.

В истории Думы наличествуют два периода, разграниченные между собой так называемым Третьеиюньским переворотом (введением нового избирательного закона от 3 (16) июня 1907 г.) В политонимии первого периода (I и II Думы) фиксируются следующие политонимы:

– идеологические: *кадеты; социал-демократы; Социалисты вне партий; энесы, эсеры* (20 %);

– представительские: *Польское коло; Трудовая группа; Союз автономистов; Крестьянская партия; Крестьянский союз; Социалисты вне партий; Свободомыслящие; Литовский кружок; Торгово-промышленная партия; украинские демократы; латышские демократы; мусульмане; Казачья группа; организованные беспартийные; неорганизованные беспартийные* (60 %). Представительская модель (наиболее популярная) характеризуется тем, что большинство политонимов представляют собой аттрактивную субмодель, то есть указание не столько на социальную базу, сколько на представляемую политическую группировку. Аналогичную тенденцию мы видели в политонимии внутрипартийных течений;

– манифестационные: *Партия демократических реформ; октябристы; Партия мирного обновления; Свободомыслящие; Радикальная партия; Умеренно-прогрессивная партия; Союз автономистов* (28 %);

– концептуальные: *Польское коло* (4 %).

Учтены дважды как образованные с применением более одной модели: *Социалисты вне партий; Свободомыслящие; Польское коло*. В случае учета отдельной смешанной модели их доля составила бы 12 %.

Ряд мелких объединений был поглощен более крупными, некоторые так и не состоялись как политические единицы, например, *Крестьянская партия* – неудачный проект создания лоялистской фракции в Думе.

Присутствуют и другие черты, роднящие политонимию Думы с политонимией внутрипартийных течений: краткость наименований, тяготение к описательности, трудность различения внешней и внутренней номинации (к примеру *неорганизованные беспартийные* никак не может являться самоназванием – в реальности это было наимено-

вание неструктурированной группы не определившихся, со временем сокращавшейся), непонятность без привлечения контекста (те же *автономисты* не намного прозрачнее для понимания, чем *отзовисты* или *безмотивники*).

Политонимия второго периода (III и IV Думы) выглядит следующим образом:

- идеологические: *Фракция правых; Фракция умеренно правых; Партия центра; Группа национал-прогрессистов; Группа независимых националистов; Группа правых октябристов; Фракция народной свободы (к.-д.); Социал-демократическая фракция (40 %);*

- представительские: *Русская национальная фракция; Группа независимых националистов; Фракция земцев-октябристов; Польско-Литовско-Белорусская группа; Польское коло; Мусульманская группа; Трудовая группа; Беспартийные; Независимая группа (45 %);*

- манифестационные: *Группа правых октябристов; Фракция земцев-октябристов; Фракция Союза 17 октября; Группа национал-прогрессистов; Фракция прогрессистов; Фракция народной свободы (к.-д.); Третьеиюньский блок (35 %);*

- концептуальные: *Польское коло (5 %).*

Учтены по два раза: *Группа национал-прогрессистов; Группа независимых националистов; Группа правых октябристов; Фракция земцев-октябристов; Фракция народной свободы (к.-д.) (25 %).*

Среди поименованных объединений присутствует одно межгрупповое объединение – *Третьеиюньский блок*, октябристско-кадетское большинство сторонников Третьеиюньского переворота.

По сравнению с первым периодом, наблюдается тенденция к снижению популярности представительской модели и росту популярности идеологической и манифестационной. Идеологическая модель уже не столь зависима от партий: появляются новые политонимы, судя по всему, возникшие уже в Думе.

В первые годы советской власти многопартийность отчасти нашла свое продолжение в политонимии антисоветской эмиграции. Также в конце XX – начале XXI в. при разработке новых политонимов были попытки использовать дореволюционный политономический материал, но эти заимствования носили главным образом формальный характер. В современной русской политонимии можно обнаружить *эсеров* (одно из сокращенных наименований *Справедливой России*) и *Партию народной свободы* (она же *Парнас*).

Наиболее важный вывод из вышеизложенного исследования состоит в наличии корреляции между идеологической ориентацией партии и доминирующей моделью образования политонима. Уверенно выделяются три целевых аудитории. Первая склонна доверять представительской модели, при этом симпатизирует консерваторам-охранителям. Вторая доверяет манифестационной, симпатизирует либерально-буржуазным партиям. Третья доверяет идеологической модели, при этом ее симпатии делят между собой левые партии (неонародники и социал-демократы).

Доминирование манифестационной модели в протоядре анархистов в этой связи представляет интерес: по этому признаку они смыкаются не с левыми, а с правыми. Четвертую группу, ориентированную на автономистов и при этом доверяющих концептуальной модели, мы не выделяем: партии национальных окраин единой общеимперской базы сторонников не имели.

Микрополитонимия внутрипартийных течений демонстрирует другие тенденции, что, по всей вероятности, вызвано отсутствием необходимости привлечения широких масс сторонников.

Особый интерес представляют зафиксированные эволюционные процессы: *кадеты*, первоначально обозначив свою партию по идеологической модели, впоследствии используют манифестационную. Кроме того, политонимия Думы, где первоначально доминирует аттрактивная субмодель представительской модели, затем демонстрирует рост популярности идеологической и манифестационной моделей. Для сравнения, в этом же русле эволюционировала политонимия Госдумы РФ, в настоящий момент состоящей из двух фракций, поименованных по идеологической модели (*КПРФ* и *ЛДПР*), и двух – по манифестационной (*Единая Россия* и *Справедливая Россия*). Таким образом, выявлены два типа упрощения политонимической ситуации: для названий, ориентированных на внутрипартийный круг (представительская аттрактивная + манифестационная) и на внешний (идеологическая + манифестационная). Возможно, это является подтверждением нашей гипотезы об особенностях эволюции политонимии анархистов, где присутствуют не две, а три модели: манифестационная, аттрактивная представительская и идеологическая.

Список литературы

- Антонов Г. В.* Большевицкий центр // Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1970. Т. 3. С. 538.
- Доверже М.* Политические партии. М. : Академ. проект, 2002. 560 с.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : краткий курс. М. : Правда, 1938. 341 с.
- История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М. : Высш. шк., 1994. 447 с.
- Мякотин В.* Государственная дума // Энциклопедический словарь : [в 59 т.] 7-е изд. М. : Т-во бр. А. и И. Гранат и К°, 1912. Т. 16. С. 174–210.
- Политические партии России (первая четверть XX в.) : справочник / под ред. Л. И. Семенниковой. Брянск : Грани, 1993. 151 с.
- Политические партии России / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2000. 631 с.
- Попов В. А.* Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник // *Africana* : Африканский этнографический сборник. Т. 13. Л. : Наука, 1982. С. 50–79.
- Попова Е. А.* Политические партии как вид эргонимов на примере польской и русской эргонимической лексики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 183–191.
- Российская социал-демократическая рабочая партия // Большая российская энциклопедия : в 35 т. М. : Большая рос. энцикл., 2015. Т. 28. С. 670–672.

Союз освобождения // Большая советская энциклопедия : в 65 т. 1-е изд. М. : Совет. энцикл., 1947. Т. 52. С. 341–343.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 367 с.

Ткаченко О. А. Названия политических партий в Германии: терминологическая составляющая // Уч. зап. Новгород. гос. ун-та : [электрон. науч. журн.]. 2018. № 3 (15). URL: <https://www.novsu.ru/file/1450186> (дата обращения: 22.09.2020).

Томсинский С. Государственная дума // Большая советская энциклопедия : в 65 т. 1-е изд. М. : Совет. энцикл., 1930. Т. 18. С. 294–308.

Шевцов А. В. Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века : библиогр. указ. СПб. : РНБ, 2002. 416 с.

Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М. : Наука, 1983. 328 с

Шимкевич Н. В. Эволюция русской политонимии в новейшее время // Вопр. ономастики. Т. 16. 2019. № 2. С. 178–198. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021.

References

Antonov, G. V. (1970). Bol'shevistskii tsentr [The Bolshevik Centre]. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 30 t.* 3rd Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 3, p. 538.

Duverger, M. (2002). *Politicheskie partii* [Political Parties]. Moscow, Akademicheskii proekt. 560 p.

Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs [A History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A Short Guide]. (1938). Moscow, Pravda. 341 p.

Myakotin, V. (1912). Gosudarstvennaya Duma [The State Duma]. In *Entsiklopedicheski slovar' [v 59 t.]*. 7th Ed. Moscow, Tovarishchestvo brat'ev A. i I. Granat i Co, pp. 174–210.

Popov, V. A. (1982). Sistemy terminov rodstva akanov kak etnosotsiologicheskii istochnik [The Terms of Kinship System in the Akan as an Ethno-Sociological Source]. In *Africana. Afrikanskii etnograficheskii sbornik*. Vol. 13. Leningrad, Nauka, pp. 50–79.

Popova, E. A. (2009). Politicheskie partii kak vid ergonimov na primere pol'skoi i russkoi ergonimicheskoi leksiki [Political Parties as a Type of Ergonyms with Reference to Russian Ergonymical Vocabulary]. In *Zyzyk, soznanie, kommunikatsiya*. Iss. 38. Moscow, MAKS Press, pp. 183–191.

Rossiiskaya sotsial-demokraticeskaya rabochaya partiya [The Russian Social Democratic Labour Party]. (2015). In *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya v 35 t.* Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 28, pp. 670–672.

Semennikova, L. I. (Ed.). (1993). *Politicheskie partii Rossii (pervaya chetvert' XX v.)*. *Spravochnik* [Political Parties in Russia in the First Quarter of the 20th Century. A Reference]. Bryansk, Grani. 151 p.

Shelokhaev, V. V. (1983). *Kadety – glavnaya partiya liberal'noi burzhuazii v bor'be s revolyutsiei 1905–1907 gg.* [The Kadets – the Main Party of Liberal Bourgeoisie in Fighting against Revolution in 1905–1907]. Moscow, Nauka. 328 p.

Shevtsov, A. V. (2002). *Neperiodicheskie izdaniya russkikh liberal'nykh i konservativnykh partii nachala XX veka. Bibliograficheskii ukazatel'* [Non-Periodical Publications of Russian Liberal and Conservative Parties in the Early 20th Century. Bibliographical Index]. St Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. 416 p.

Shimkeвич, N. V. (2016). Evolyutsiya russkoi politonimii v noveishee vremya [The Evolution of Russian Politonymy in the Post-Soviet Era]. In *Voprosy onomastiki*. Vol. 16. No. 2, pp. 178–198. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021.

Soyuz osvobozhdeniya [The Union of Liberation]. (1947). In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 65 t.* 1st Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 52, pp. 341–343.

Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka. 367 p.

Tkachenko, O. A. (2018). Nazvaniya politicheskikh partii v Germanii: terminologicheskaya sostavlyayushchaya [Names of Political Parties in Germany: The

Terminological Component]. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [website]. No. 3 (15). URL: <https://www.novsu.ru/file/1450186> (accessed: 22.09.2020).

Tomsinskii, S. (1930). Gosudarstvennaya дума [The State Duma]. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 65 t.* 1st Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 18, pp. 294–308.

Zevelev, A. I. (Ed.). (1994). *Istoriya politicheskikh partii Rossii* [A History of Political Parties in Russia.] Moscow, Vysshaya shkola. 447 p.

Zevelev, A. I., Sviridenko, Yu. P., Shelokhaev, V. V. (Eds.). (2000). *Politicheskie partii Rossii* [Political Parties in Russia]. Moscow, ROSSPEN. 631 p.

The article was submitted on 05.03.2020

АЛЕКСАНДР ЛОБАНОВ: РЕЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО В СОВЕТСКОМ АУТСАЙДЕРСКОМ ИСКУССТВЕ*

Анна Суворова

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

ALEXANDER LOBANOV: THE RECEPTION OF THE POLITICAL IN SOVIET OUTSIDER ART

Anna Suvorova

Perm State National Research University,
Perm, Russia

The analysis of the oeuvre of the outsider artist Alexander Lobanov (1924–2003) reveals the mechanisms of influence of Soviet visual propaganda. This article examines the total influence of ideology and visual narratives on an artist even when they seem to have been completely excluded from artistic life (in Lobanov's case, due to his deaf mutism). The author refers to Irving Goffman's self-presentation theory, the works on political power and its influence by Boris Groys, and the works of psychologists on the peculiarities of compensatory activity in the deaf and mute. The work is relevant as it reflects the importance of outsider artists as part of the art process. The author mostly refers to works by Lobanov in non-Russian and Russian private and institutional collections, as well visual propaganda from the Soviet period. Works by Lobanov and other Soviet outsider artists have not been studied from the perspective chosen by the article's author. The artist's oeuvre is examined by Élisabeth Anstett from the discourse point of view, connected with visual images from Soviet propaganda. The author of the article singles out the peculiarities of the appropriation by the outsider artist of the ideological visual narrative, the circle of borrowed images (militarism, hero, Stalin – “the father of nations”), and certain approaches (recurrence, ornamentality, and the presence of text). As a result of an artistic and formalist analysis, the author reveals specific borrowings

* *Citation:* Suvorova, A. (2020). Alexander Lobanov: The Reception of the Political in Soviet Outsider Art. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1581–1596. DOI 10.15826/qr.2020.5.546.

Цитирование: Suvorova A. Alexander Lobanov: The Reception of the Political in Soviet Outsider Art // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1581–1596. DOI 10.15826/qr.2020.5.546 / Суворова А. Александр Лобанов: рецепция политического в советском аутсайдерском искусстве // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1581–1596. DOI 10.15826/qr.2020.5.546.

of approaches and stylistics from the Soviet art (poster, illustration, and easel painting) of the 1930s to the mid-1950s. Additionally, an important aspect of the study is that the author reveals the peculiar intellectualisation of compensatory mechanisms in the construction of social representation addressing the dominant images of visual Soviet propaganda. The interdisciplinary approach of the research, with certain exceptions, could be used to analyse the creative work of other Soviet outsider artists. *Keywords:* outsider art, Alexander Lobanov, ideology, Soviet culture, self-presentation theory.

Анализ произведений художника-аутсайдера Александра Лобанова (1924–2003) выявляет механизмы влияния советской визуальной пропаганды. Статья отвечает на вопрос о тотальном воздействии идеологии и визуальных нарративов и тогда, когда художник вследствие здоровья (глухонемоты), казалось бы, полностью исключен из контекста художественной жизни. Исследование основано на теории социальной драматургии Ирвинга Гофмана, трудах о политической власти и ее влиянии Бориса Гройса, работах психологов о специфике компенсаторной активности у глухонемых. Его актуальность обусловлена признанием деятельности художников-аутсайдеров значительной частью арт-процесса. Основными источниками послужили произведения А. Лобанова из зарубежных и российских частных и институциональных коллекций, а также материалы визуальной пропаганды советского периода. В обозначенной методологической перспективе произведения А. Лобанова, равно как и работы других советских художников-аутсайдеров, ранее не анализировались; дискурсивное изучение произведений художника в связи с образами визуальной советской пропаганды присутствует в работе Э. Анстетт. В ходе исследования выявлены специфика апроприации художником-аутсайдером идеологического визуального нарратива, круг заимствованных образов (милитаризм, герой, Сталин – «отец народов») и приемов (повторяемость, орнаментальность, наличие текста). В ходе художественно-формального анализа определены специфические заимствования приемов и стилистики советского искусства (плаката, иллюстрации и станковой живописи) 1930-х – середины 1950-х гг. Важным аспектом является выявление специфической интеллектуализации компенсаторных механизмов, проявившейся в конструировании социальной репрезентации, которая обращена к доминантным образам визуальной советской пропаганды. Междисциплинарный подход в методологии данного исследования может, за некоторыми исключениями, применяться для анализа творчества других советских художников-аутсайдеров.

Ключевые слова: аутсайдерское искусство, Александр Лобанов, идеология, советская культура, теория самопрезентации.

Анализ советской культуры связан с процессом нормализации (в терминологии М. Фуко – специфическим механизмом дисциплинарной власти) и дисциплинарными практиками, формируемыми со-

ветским идеологическим авторитетным дискурсом [Фуко]. Типологически границы аутсайдерского искусства подразумевают изоляцию; художник-аутсайдер не связан с художественными сообществами, образность его произведений формируется независимо. Но обращение к жизненным историям и творчеству художников-аутсайдеров показывает, что они не исключены из какого-либо социального взаимодействия и хранят память о социальном окружении и жизненных ситуациях прошлого [Outliers and American Vanguard Art]. Жизненные стратегии художников-аутсайдеров, смысл их произведений и визуальный язык обусловлены влияниями внешнего окружения. При этом внешние связи художника-аутайдера не ограничены привычными для художников-инсайдеров профессиональными студиями: копированием, изучением анатомии, пленэром и т. д. Минуя все названное, художники-аутсайдеры оказываются погружены в контекст современной им визуальной культуры и смысловых нарративов (за исключением случаев серьезной психической патологии). В ситуации советского и постсоветского ар брютя и аутсайдерского искусства возможно выявить большую интенсивность внешних влияний на нарративы творчества «исключенных» художников, что обусловлено тотальностью власти и значимостью политического дискурса в отечественной культуре [Суворова].

Творческая история Александра Лобанова (1924–2003), одного из самых известных художников-аутсайдеров, охватывает большую часть XX в., он начал рисовать в детстве и создавал рисунки и коллажи до конца жизни на протяжении почти всего времени пребывания в ярославской психиатрической больнице «Афонино». Работы Лобанова впервые были показаны на выставках, организованных психиатром Владимиром Гавриловым, но мировая известность приходит к художнику в 2000-е гг., когда организуются его персональные выставки за рубежом (см. ил. 1–8 на цв. вклейке). Анализ произведений А. Лобанова и публикация сведений о его жизни, произведенные В. Гавриловым, обозначили некоторые подходы к изучению личной истории художника-аутайдера [Гаврилов]. В период 2000-х гг., преимущественно за рубежом, было издано несколько книг, статей и каталогов [Alexandre Lobanov et l'art brut en Russie; Janody; Lommel; и др.]. Наиболее интересным представляется оригинальный текст «Ар брют и одержимость: рисовальщики Данциг Балдаев и Александр Лобанов» Элизабет Анстетт [Anstett]. Антрополог сопоставляет образность работ Александра Лобанова и Данцига Балдаева – людей с очень разными судьбами, но хронологически почти равной историей жизни в одной стране. Оба имели опыт жизни в специфической изолированной среде: ГУЛАГ и тюрьма – для Балдаева, который был надзирателем, коллекционером тюремных татуировок, и психиатрическая больница – для Лобанова, который содержался там более полувека. По мысли исследовательницы, рисунки обоих имеют навязчивый характер (постоянное изображение оружия у Лобанова и аналогия с татуиро-

ванным телом у Балдаева) [Anstett]. Кроме того, тысячи изображений Лобанова и Балдаева демонстрируют тесную связь с фотографией и автобиографическими основаниями творчества. Важен вывод антрополога: искусство А. Лобанова и Д. Балдаева, как бы тот и другой ни были уникальны по своим масштабам, богатству и сложности, позволяет говорить о существовании некоторого советского жанра, в котором репрезентируются свойственные времени навязчивые идеи насилия и массовых преступлений [Anstett]. Работа Э. Анстетт, убедительность применения ею идеологической оптики позволяют продолжить исследование в данном направлении.

В ходе исследований личности и жизни художника-аутсайдера выявлено отсутствие у А. Лобанова психиатрического диагноза, что позволяет снять вопрос о его глубокой личностной деструкции и отказаться от анализа его произведений в контексте психопатологии [Гаврилов]. В качестве базового подхода логично использовать теорию дискурса [Фуко], дополнив ее трудами о политической власти и ее влиянии [Гройс]. Также применима теория социальной драматургии Ирвинга Гофмана [Гофман], отдельные аспекты личностной акцентуации Лобанова возможно прояснить работами о специфике компенсаторной деятельности у глухих [Зайцева, Засядько; Кошелева; Рахманов]. Ключевым является дискурс-анализ, который дополнен семиотическим и формальным анализом в рассмотрении конкретных произведений и формально-стилистическим анализом [Rose]. Аспекты, связанные с влиянием властного дискурса на поле творчества отечественных художников-аутсайдеров, выявленные в последних исследованиях [Суворова, с. 86–112], дополнены расширенным кругом анализируемых произведений.

Идеология советского государства, ориентированная на создание нового человека, постоянно производила образы и смыслы. Каждый в Стране Советов (даже вынужденные или добровольные изолянты) жил внутри советской идеологической машины, трансформирующей образ мысли и психику. Производные советской идеологии, конструирующие дискурс, – язык, практики, ритуалы, события, визуальность – были направлены на формирование нового коммунистического человечества. Продуктом этой идеологической работы стала «некая коллективная душа – психическая территория, сувереном которой являлось государство» [Гройс, с. 327]. Давление и тотальность официальной советской идеологии, по сути, подчинили любую частную психологию, которая была подвергнута огосударствлению. Художник же является своеобразным (иногда невольным) апроприатором различных художественных стилей, религиозных и идеологических символов, визуальности массовой культуры, рекламы, образов искусства прошлого. Профессиональный художник рефлексивен, действуя «на территории» коллективных переживаний, он стремится получить отзыв публики. В случае аутсайдерского искусства художественная приватизация являет-

ся неререверсируемой, художник неотделим от этого коллективного опыта [Outliers and American Vanguard Art].

Трансляция смыслов и визуальности советской идеологии имела не только нисходящий, но и горизонтальный характер – равные структурируют поведение равных, у всех есть рычаги влияния на других [Фуко]. В случае с А. Лобановым анализируется не случай глубокой психопатологии, а ситуация личностной акцентуации и изоляции, усиленная глухонемой, что дает возможность использовать методологические подходы, применяемые к репрезентации личности. Лобанов конструирует иного себя в своих рисунках и коллажированных фотопортретах, его «маска» становится частью «я» художника-аутсайдера [Aleksander Pavlovitch Lobanov; Гаврилов]. Как описывает И. Гофман, индивид может быть полностью захвачен собственной игрой и искренне верить, что создаваемая им реальность или впечатление о ней – это и есть доподлинная действительность. Маска представляет роль, которую индивид старается оправдать своей жизнью, и «эта маска есть наше более истинное Я, чем то Я, каким нам хотелось бы быть» [Гофман, с. 52]. В итоге понятие о роли становится «второй натурой» индивида и составной частью его личности.

В рамках обозначенного фокуса исследования творческой истории А. Лобанова можно поставить несколько исследовательских вопросов:

– Является ли исключенный тотально исключенным? Описание художника-аутсайдера как человека «за пределами сообществ» является ли абсолютизирующим определением или касается только поля принятого «правильного» искусства, «правильных» сообществ? А также являются ли смыслы и образы тотальными для советской идеологии, и как они функционируют, проникая в изолированные сообщества?

– Как влияла специфика личностного опыта и мироощущения на конструирование образности и на процесс ее производства?

Ментальный статус Александра Лобанова неоднозначен. В комментариях зарубежных выставок и статьях акцентировались отсылки к безумию, тогда как психиатр В. Гаврилов склоняется к версии о личностной акцентуации, что является крайним вариантом нормы [Гаврилов]. Это в совокупности с глухотой, отсутствием педагогической коррекции (что обусловило сниженный, согласно возрастной норме, интеллект) приводит к нарушению адаптации в обществе. В сложный момент жизни все эти факторы провоцируют у А. Лобанова психопатизацию, и, как следствие, его помещают в психиатрическую больницу, ставшую для аутсайдера в условиях послевоенного времени не лечебным, а коррекционным учреждением.

Специалисты описывают психологические особенности глухонемых следующим образом: такие люди могут быть легко ранимы, чувствительны, их внутренний мир состоит из внутренних переживаний и травм [Рахманов, с. 5]. В случае с Лобановым «стали замечать и повышенную обидчивость: озлобленным мог выгнать младших

детей из комнаты или на их глазах во дворе сжечь свои рисунки... он не слушается родственников, и в очередной период нервной взвинченности юный бунтарь сжигает документы семьи и облигации» [Гаврилов]. Психологи также отмечают, что глухие дети менее социально зрелы, чем их слышащие сверстники. Их морально-этические представления в целом соответствуют социальным критериям общества, но страдают односторонностью; может отмечаться не критичность самооценки, ее завышенность [Кошелева, с. 672–673]. Указанные характеристики стали базисом для специфической личностной акцентуации А. Лобанова и обусловили формирование определенных механизмов творчества и специфическую образность его произведений.

В ряде исследований выдвигается гипотеза о психотической вспышке, вызванной затоплением места его детства – Мологи – и помещением Лобанова в психиатрическую больницу в 1947 г. [Anstett; Гаврилов]. В интерпретациях исследователей появляются и мотивы мистификации этого момента (идея, что Лобанов оказывается в состоянии радикальной деперсонализации, которое должен пройти, чтобы получить доступ к новой творческой силе, трансформироваться в преображенную личность [Janody]). Но момент «перерождения» в новую личность не может быть подтвержден в ходе анализа пребывания Лобанова в больнице в первые годы. Напротив, можно наблюдать сопротивление обстоятельствам. Как описывает психиатр: «Первое десятилетие в стационаре он протестовал: то по неделе застывал во внутриутробной позе (не кататония, а доступная его пониманию реакция ухода из жизни!), то становился крайне злобным, агрессивным, возбужденным: мычал и плевался» [Гаврилов].

Нарушение адаптации, а также сниженный интеллект, что могло быть также связано и с нарушением социализации в связи с глухонемой, привели к описываемой психопатизации. Поведение А. Лобанова укладывается в реакцию человека на помещение в чуждую, враждебную ему среду и, как следствие, проявляются различные механизмы психологической защиты в подобной ситуации. Исследователи разделяют такие механизмы по уровню зрелости на две группы: 1) проективные (вытеснение, отрицание, регрессия, реактивное образование) и 2) дефензивные (рационализация, сублимация, интеллектуализация, проекция, компенсация). Согласно исследованиям, у глухих людей более развиты дефензивные механизмы психологической защиты [см.: Зайцева, Засядько].

Анализируя последние годы нахождения Лобанова-подростка в семье и первый период нахождения в интернате, можно наблюдать проективные формы психологической защиты: он лежит в кровати, завернувшись в покрывало, пытается покончить с собой, пишет в тетрадях: «покойник хорошо» [Гаврилов]. Эту ситуацию агрессии и протеста против насильственной медикализации (процесс интерпретации проблемы общественных норм как следствий медицинских и биологических причин) в первое время после помещения в больни-

1. А. Лобанов. Без названия. 1970-е. Бумага, смешанная техника.
20,5 x 29,5 см. Коллекция «Иные»

A. Lobanov. Untitled. 1970s. Paper, mixed-media painting techniques.
20,5 x 29,5 cm. *Inye* Collection

цу можно увидеть в его рисунке 1970-х гг., повторяющем более раннюю композицию художника-аутсайдера (ил. 1).

К середине 1960-х гг. механизмы психологической защиты у Лобанова прогрессируют, проективные сменяются дефензивными. Современные исследования показывают, что интеллектуализация (в том числе сублимация) для глухих становится одним из ключевых механизмов психологической защиты (в два раза чаще, чем у других подростков) [Зайцева, Засядько, с. 92]. Иными словами, происходит переключение импульсов, социально нежелательных в данной ситуации (агрессивности, сексуальной энергии), на другие, социально желательные для индивида и общества формы активности. Интеллектуализация – один из наиболее зрелых механизмов защиты, которые часто наблюдается у людей с большим уровнем разрыва притязаний и возможностей [Зайцева, Засядько, с. 93].

Художественное отражение действительности для Лобанова становится инструментом психологической защиты, он начинает рисовать в середине 1960-х после смерти матери. Отсутствие слуха делает в его картине мира визуальные образы смыслообразующими основаниями реальности. Более того, Лобанов использует рисование как инструмент социальной репрезентации, что заменяет для него возможность реального конструирования своего места в социальной иерархии. Именно рисование, создание идеального мира позволяет Лобанову мыслить себя не бесправным пациентом закрытой лечебницы, а ча-

стью тотального советского универсума, который проникал и в психиатрическую больницу благодаря кинофильмам и плакатам.

Общее число работ А. Лобанова – около тысячи, это рисунки альбомного формата и вдвое больше, фотоколлажи с нарисованными рамками, а также сами рамы, вырезанные двухмерные разрисованные ружья и тексты в записных книжках. Большую часть наследия Лобанова составляют автопортреты, образы героев многих его работ приобретают автопортретные черты. При анализе мотивов обращения художника к автопортрету неизменно отмечается его стремление к утверждению себя: «Собственное самоутверждение художника, подавленное в силу его умственных и физических недостатков, выплескивалось в желании изображать себя с оружием, символизирующим его мужское начало и являющимся символом “отпугивания”» [Гаврилов]. В этих механизмах действует стремление к утверждению себя в пределах данного социума, а не психическая патология и конструирование инореальности, свойственные искусству аутсайдеров.

Лобановым движет стремление продемонстрировать себя другим – не бесправным больным закрытой больницы, живущим в 16-местной палате, а героем, обладающим силой и готовым защититься. Из различных источников визуальных нарративов, которые были доступны в психиатрической лечебнице, Лобанов выбирал те, что ассоциировались с силой; он «начинает активно собирать и складывать в свой чемоданчик под кроватью вырезки из газет и журналов (таких как “Охота и охотничье хозяйство”, “Огонек”, “Смена”), листки отрывных календарей, открытки, объединенные единой тематикой охотничьего или военно-исторического сюжета» [Гаврилов]. В этом явственно заимствование смыслов и образности официального советского плаката и другой наглядной агитации. Этот «захват» Лобановым смыслов и визуальности направлен на усиление своего «я» посредством визуальной репрезентации.

Специфика изображения, его формат подтверждают гипотезу о социальной самопрезентации в автопортретах художника. Его портретные рисунки сделаны по единому «канону», отсылающему к репродукции или фотографии, в кустарной рамке, что смыслово подразумевает идиллический, «образцовый» образ представляемой персоны. Маркеры, приближающие автопортреты Лобанова к «парадному» портрету советского агитпропа: статичная, клишированная композиция и ракурс, орнаментированные рамки и подпись изображаемой персоны в нижней части композиции (ил. 2 на цв. вклейке).

В этом конструировании своей личности посредством презентации в автопортрете Лобанов как бы вводит себя в иную социальную реальность, которая ему недоступна: «Мы приходим в этот мир как биологические особи, приобретаем характерную роль и становимся личностями» [Гофман, с. 52]. В сконструированных в своих рисунках образах Лобанов становится личностью, которая имеет статус в обществе. В категориях теории И. Гофмана «личный передний план»,

конструируемый индивидом, согласуется с информацией, которую передают визуальные маркеры и социальные переменные состояния индивида [Там же, с. 56].

С середины 1970-х гг. Александр Лобанов меняет медиа автопортрета, от рисованного изображения он переходит к приемам коллажа, соединяя собственные фотографии и рисованные символические и декоративные элементы (ружья, рамки). В более ранних исследованиях фотоколлажи Лобанова, созданные между 1975 и 1990 г., описываются как опирающиеся на компульсивную практику фотографического автопортрета, при этом фотографический носитель берет на себя функцию идеального рисунка, точно воспроизводящего индивида [Анстетт]. Но важно также учитывать тотальность идеологизированной визуальности. Эпоха 1960–1970-х гг. – время изменения языка агитационной пропаганды, меняется и характер иллюстраций в журналах: рисованные или очень сильно ретушированные фотографии вытесняются акцентно фотографическими изображениями, более непосредственными композициями. Эти изменение «глобальной» визуальности приводит к появлению у Лобанова фотоколлажа (ил. 3 на цв. вклейке).

Тотальность средств наглядной агитации инспирировала большой спектр образов, мифов и представлений, формировавшихся и бытовавших в массовом сознании советской эпохи. Какие именно образы стали наиболее мощными и оказали влияние на искусство Лобанова? Какие смысловые и визуальные нарративы проникли за стены провинциальной психиатрической больницы? Согласно свидетельствам биографа А. Лобанова, собираемые им вырезки из журналов и газет, листки отрывных календарей, открытки были объединены единой тематикой – охотничьей или военно-исторической [Гаврилов].

Милитаризированная визуальность и образность были одной из ключевых интенций эпохи. Они появляются во всех рисунках Лобанова вне зависимости от тем и жанров. Милитаристские мотивы используются им в качестве функционально оправданных предметов в сценах охоты, а также и как некоторые символические атрибуты или элементы орнаментики. Специфика и трансформация видов оружия в рисунках Лобанова описаны в текстах 2000-х гг. [Aleksander Pavlovitch Lobanov]. Другими символическими предметами являются символы и мотивы, связанные с государственной идеологией: гербы и флаги СССР, армейская и флотская символика. Милитаристский дух Страны Советов транслировался в военных парадах, нормативах ГТО, военизированных пионерских «Зарницах» и других практиках. Подобная реальность многократно воспроизводилась в кинофильмах, картинах, плакатах. В пространстве советского универсума военные пользовались почетом и уважением; человек в форме был героем: портреты маршалов и простых солдат печатали на обложках журналов, о героях войны рассказывали в документальных хрониках.

Это становится некоторой желанной маской для социальной репрезентации А. Лобанова и определяет характер образности его работ. Но для Лобанова важной становится не некоторая идея советского патриотизма и милитаристического духа, а именно материальные объекты, воплощающую абстрактную силу и мощь: «Глухой и немой человек искренне и глубоко усваивал эту единственно доступную ему сторону жизни. Однако его интересовала не сама патриотическая идея, а только материальные предметы, нередко сопутствующие при утверждении этих идей, – разного рода огнестрельное оружие» [Гаврилов]. То есть визуальные коды идеологии апробировались и интерпретировались художником-аутсайдером с точки зрения усиления собственного символического статуса.

Но в символическом пространстве советской идеологии возраст не властен только над вождями. Образ вождя является одним из важных для всего визуального нарратива тоталитарного периода: профессиональные художники за портреты вождей получали государственные премии, изображения вождей печатались на страницах газет и журналов, тиражировались в репродукциях, впоследствии размещавшихся в школах, на проходных заводах и т. д. [Bown]. Изображения Сталина, реже – Ленина, появляются у Лобанова на протяжении нескольких десятилетий его творческой истории: «Изображая их, художник как бы отказывался от “я” – идеала, заменяя его массовым, воплощенным в вожде. Возможно, “отца народов” он воспринимал обобщенным образом заступника» [Гаврилов] (ил. 1 на цв. вклейке).

Возможно ли говорить о «я» художника в данном случае? В своих рисунках художник следует ключевым паттернам изображения Сталина. Его образ почти всегда статичен, это соответствовало наиболее часто тиражировавшимся образам [Bown]. В произведениях Лобанова Сталин всегда в гимнастерке, без головного убора (редко – в фуражке), под портретом всегда есть подпись «И. В. Сталин», как делали на портретах эпохи культа личности. Но далее в конструировании образа Лобанов идет по пути наращивания, усиления символической значимости изображения. Образ Сталина дополняется милитаристскими элементами – ружьями (что является исключительным иконографическим изображением).

Биографы А. Лобанова отмечают, что среди газетных вырезок, плакатов и журналов, бережно им хранимых, были и изображения вождей. В качестве наиболее популярных иконографических изображений, которые формально пересекаются с образностью его рисунков, можно привести плакаты, которые тиражировались сотнями тысяч и миллионами экземпляров. В число таких визуальных источников образности произведений Лобанова можно включить плакат 1950 г. Владислава Правдина «Да здравствует партия большевиков, партия Ленина-Сталина, закаленный в боях авангард советского народа, вдохновитель и организатор наших побед!», напечатанный миллионным тиражом. В этом плакате представлен архетипический образ

2. В. Правдин. «Да здравствует партия большевиков, партия Ленина – Сталина, закаленный в боях авангард советского народа, вдохновитель и организатор наших побед!» Плакат. М. ; Л. : Искусство, 1950. 64,5 x 87,5 см

V. Pravdin. 'Long live the Bolshevik Party, the Lenin – Stalin Party, the vanguard of the Soviet people forged in battle, the inspiration and organiser of our victories!' Poster. 1950. Moscow, Leningrad, Iskusstvo. 64,5 x 87,5 cm

Сталина в военном френче со специфическим портретным трехчетвертным поворотом головы, проработанными и идеализированными в сравнении с реальным человеком чертами лица, канонически закрепленными в многочисленных формально и смыслово выверенных изображениях вождя (ил. 2).

Благодаря средствам пропаганды образ Сталина начал обладать магией власти и силы, влияющей на «маленького человека» большой страны: «Художники создали образ Сталина как харизматичного лидера с мифической образцовой агиографией, все более и более сверхчеловеческими способностями, превозносимого основателя государства. Сталин стал символом партии, государства и нации, а также более абстрактных концепций, таких как новый человек, новое общество и большевистское видение» [Pisch, p. 164]. Именно эти характеристики, приписываемые образам Сталина и Ленина массовой пропагандой, привлекают Лобанова, служат мотивом для повторения иконографических схем, символики и образности портретов вождей, а также имплицирования этих приемов на автопортреты.

Другие вариативные элементы в подобных изображениях Лобанова – символы государственности: гербы и флаги СССР, значки РКК,

аэропланы, зенитки и пулеметы, якоря и другие символы флота. Эти символы часто воспроизводились в различных видах визуального искусства эпохи соцреализма [Bown]. Есть и вольные, «негосударственные» мотивы, которые преимущественно образуют пространство рамы, – цветы, растения, птицы. Все портреты имеют акцентированно декоративный характер, почти всегда они обрамлены овальной орнаментированной рамой и типологически близки автопортретным изображениям Лобанова.

3. А. Мытников. «26 лет без Ленина, но по ленинскому пути». Плакат. Ростов н/Д : Росизо, 1950

A. Mytnikov. '26 years without Lenin, but still on Lenin's path'. Poster. 1950. Rostov-on-Don

В советском плакате образы вождей часто дополнялись символическими объектами, транслирующими установки властного дискурса: изображение символов государственности (гербы, флаги и др.), символических зданий и пространств (башни Московского Кремля, Красная площадь), государственные награды, геральдические мотивы (ветви дуба, лавровые гирлянды), знаки отличия и объекты военной техники на плакатах военного и послевоенного времени (аэропланы, зенитные установки и пр.). Подобную символизацию портрета Сталина можно увидеть, например, на плакате 1950 г. «26 лет без Ленина, но по ленинскому пути», в котором соединяются образы Ленина и Сталина (ил. 3). Распространенным композиционным и смысловым решением для плаката советского времени также являлось соединение текста и изображе-

ния – прием, который часто встречается в рисунках А. Лобанова.

Корни и механизмы заимствований Лобановым идеологического текста эпохи можно проанализировать, рассматривая композиционные изображения Сталина. Явным обращением к сложившейся иконографии становится портрет Сталина и Гели Маркизовой с фотографии 1936 г., многократно тиражированной. По этому рисунку заметно, что художник сохраняет основные формальные характеристики (внешность, детали одежды), но при этом добавляет несколько фантастических деталей: розовые поля на заднем плане, символы государственности (гербы и звезды) и якоря на рамке (ил. 4, 5 на цв. вклейке).

Включение идеологических нарративов в произведения Александра Лобанова зависело от формировавшихся системой нормирования установок. В советских психиатрических больницах существовала практика демонстрации кинокартин, ротация кинолент была небольшой, и часто один и тот же фильм показывали многократно. Именно из «идеологически верного» советского кино Лобанов заимствует визуальные коды. Один из его рисунков отсылает к кинофильму «Мы из Кронштадта» (1936) Следуя основной фабуле и композиции киноплаката, Лобанов удаляет лишнего, по его мнению, персонажа, и включает в рисунок элементы, усиливающие символическое значение. В правой части изображения появляются знаки эпохи, своеобразный исторический обзор вооружения: танк, пулемет времен Гражданской войны, револьверы и винтовка. Логика Лобанова ориентирована на апроприацию символических объектов властного советского нарратива. При этом он не точно перерисовывает композицию плаката, а удаляет седовласого героя (у Лобанова достаточно стереотипная иконография героев его картин – люди с чертами старости им не изображаются) (ил. 6 на цв. вклейке).

Тотальность идеологии обуславливает и формальный язык рисунков Лобанова. В его работах заметно заимствование ряда стилистических аспектов, характерных для визуальности советской культуры. Одним из специфических маркеров советской пропаганды является повторяемость, клишированность образов и стилистических приемов, это касалось композиционных схем, специфики тонального и цветового решения иллюстраций и плакатов. Репетативность формального решения – один из узнаваемых приемов и у Лобанова: постоянно появляются одни и те же элементы, изображенные почти одинаково. Герои его рисунков всегда даны в одном ракурсе, их тела и лица неподвижны. Как описывает Э. Анстетт, это может быть проявлением психопатологии [Анстетт]. Но в равной степени этот прием заметен и в работах профессиональных оформителей и иллюстраторов массовой продукции сталинского периода [Bown].

Другим объединяющим аспектом советской визуальности и работ Лобанова становится соединение в одной композиции текста и изображения. Советские плакаты, иллюстрированные инструкции, иллюстрации в журналах – то, что было доступно для пациента психиатрической больницы «Афонино» – были выстроены в сочетании текста и изображения. Назидательность и нарративность – характерные черты советского агитпропа – заимствуются им. Текст в изображении обладает интенцией власти, он приказывает, побуждает к действию, нормирует поведение человека. Для Лобанова текст становится одним из важных элементов его рисунков, иногда занимая до четверти поверхности листа, и имеет также компенсаторный характер: немой художник таким образом обретает голос в театре социальной драматургии.

Визуальная и нарративная риторика текста в произведениях А. Лобанова отчасти стилистически имитирует образность и вербальные

конструкции советских плакатов и инструкций. Большая часть таких «инструктирующих» рисунков посвящена обращению с оружием; структура текстов и их риторика повторяют надписи на советских плакатах и часто включают упоминания о себе и о личных воспоминаниях:

НЕ ДОБИВАЙ ПОДРАНКА СТВОЛАМИ ИЛИ ЛОЖЕЙ РУЖЬЯ
НЕ ПОЛЬЗУЙСЯ РУЖЬЯ ДЛЯ ТОГО. ЧТОБЫ ДОСТАТЬ ДИЧЬ ИЗ ВОДЫ;
ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ УБИРАЙ ОТ ДЕТЕЙ. А. П. ЛОБАНОВ
РИСОВАНЬЕ ПИСАТЬ ХОРОШО;

НА ЗАБОР МЕЖЕНЬ ВЕШАТЬ НЕЛЬЗЯ ОПАСНО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА
ПОЛНОСТЬЮ ЗАБОР ЧЕЛОВЕКУ НЕВИДАТЬ ПОДНИМАЮЩАЯ
ПЫЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ ЧЕЛОВЕКУ СТРЕЛЯТЬ МОЖНО ХОРОШО. ДАВНО
БЫЛО 1939 ГОДА.

Эти поясняющие тексты созданы в специфической авторской орфографии и пунктуации, обусловленных уровнем грамотности художника-аутсайдера и невозможностью обучения в связи со спецификой медиализации этого круга людей в советский период (ил. 7 на цв. вклейке).

Типографика, используемая А. Лобановым, близка к стилистике шрифтов советских инструкций и просветительских плакатов – это утрированный гротеск (общее название группы шрифтов без засечек с равной толщиной вертикальных, диагональных и горизонтальных элементов), отрисованный художником-аутсайдером вручную. Композиционная структура «инструктирующих» рисунков Лобанова также близка формальным схемам советской массовой визуальной пропаганды середины XX в.: она характеризуется четким разделением поля рисунка и текста, четким изображением ключевых деталей, доскональностью и предметностью рисунка (ил. 8 на цв. вклейке).

Связь с визуальной риторикой эпохи имеет и такая черта его рисунков, как искусственность, или имитирующий характер изображений. Это качество также совпадает с визуальной риторикой визуальности массовой изобразительной продукции – дидактично прорисованных, предметных, но не «живых» плакатов, отретушированных до состояния картины, фотографий. Визуальный язык рисунков Лобанова отмечен печатью имитационности: изображения очень детализированы, но при этом лишены энергии движения, пластичности и спонтанности. Его рисункам присущи искусственность и имитационная орнаментальность. Пропорционально в соотношении с общей площадью листа бумаги цветы, арабески, орнаментальные полосы иногда занимают более половины изображения. Эта черта связывается со стилем рыночной массовой изобразительной продукции, с китчевыми портретами и картинками, продававшимися на рынках. Смысловые окрашенные символы и элементы композиций выстраиваются художником-аутсайдером по принципу бесконечных двоящихся, повторяющихся фракталов в рамках и фоне рисунков. В этой же логике можно рассматривать и их серийный характер.

Тотальность идеологии не позволяет говорить об абсолютной исключенности художника-аутсайдера советской эпохи. Смыслы и визуальные нарративы проникают в мир «исключенных» посредством плакатов, открыток, инструкций, лозунгов, кинофильмов. Идеологические нарративы, проникая в изолированные сообщества, оказываются функциональны, они заимствуются и адаптируются для своих целей, например, позволяют сконструировать доминантный образ в театре социальной репрезентации. Наиболее мощными и влиятельными нарративами советской эпохи становятся милитаризм, образы героев и вождей, а также специфический язык советской визуальной пропаганды, обладающий такими чертами, как повторяемость, имитационность, включение текста.

В случае с Александром Лобановым специфика личностного опыта и мироощущения оказала влияние на конструирование образности и сам процесс ее производства, а именно – на склонность к интеллектуализации компенсаторных механизмов, стремление к нарративности изображений вследствие глухоноты.

Список литературы

Гаврилов В. В. «Давно – хорошо...» (история жизни художника – диалог психопатологии и творчества) // Прикладная психология и психоанализ : электрон. науч. журн. : [сайт]. 2008. № 1–2. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/-1-2-2008> (дата обращения: 20.04.2020).

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.

Гройс Б. Поэтика политики. М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. 400 с.

Зайцева С. Д., Засядько К. И. Особенности механизмов психологической защиты у глухих подростков, обучающихся в учреждениях начального профессионального образования // Изв. Юж. федер. ун-та. Педагогические науки. 2009. № 10. С. 89–94.

Ковшелева Е. А. Психологические особенности глухих и слабослышащих людей и их проявления в общении // Изв. Самар. науч. центра РАН. Т. 14. 2012. № 2–3. С. 672–675.

Рахманов В. М. Медико-социальные аспекты воспитания и обучения детей с нарушениями слуха. Харьков : Основа, 1990. 153 с.

Суворова А. А. Аутсайдерское искусство в России: тенденции, темы, образы. М. : Городец, 2020. 160 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 416 с.

Aleksander Pavlovitch Lobanov, auteur d'art brut russe / sous la dir. de D. de Miscault et A. Escudier. Paris : Aquilon, 2007. 240 p.

Alexandre Lobanov et l'art brut en Russie / préface de B. Decharme ; textes de J.-L. Lanoux et R. Gayraud. Paris : ABCD, 2003. 73 p.

Anstett É. Art brut et obsession: Dantsig Baldaev et Alexandre Lobanov, dessinateurs // Témoigner par l'image / sous la dir. de P. Bernard-Nouraud et L. Jurgenson. Paris : Pétra, 2015. P. 147–172.

Bown M. C. Socialist Realist Painting. N. Heaven ; L. : Yale Univ. Press, 1998. 506 p.

Janody P. À propos de l'œuvre d'Aleksander Pavlovitch Lobanov, de sa production et de son devenir // Essaim. Vol. 23. 2009. № 2. P. 23–36. DOI 10.3917/ess.023.0023.

Lommel M. L'aracine et l'art brut. Neuilly-sur-Marne : L'Aracine, 2004. 282 p.

Outliers and American Vanguard Art / ed. L. Cooke. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2018. 448 p.

Pisch A. *The Personality Cult of Stalin in Soviet Posters, 1929–1953: Archetypes, Inventions and Fabrications*. Acton : Australian National Univ. Press, 2016. 538 p.

Rose G. *Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials*. N. Y. : SAGE, 2007. 287 p.

References

Alexandre Lobanov et *l'art brut en Russie* / préface de B. Decharme, textes de J.-L. Lanoux et R. Gayraud (2003). Paris, ABCD. 73 p.

Anstett, É. (2015). Art brut et obsession: Dantsig Baldaev et Alexandre Lobanov, dessinateurs. In Bernard-Nouraud, P., Jurgenson, L. (Eds.). *Témoigner par l'image*. Paris, Pétra, pp. 147–172.

Bown, M. C. (1998). *Socialist Realist Painting*. N. Heaven, L., Yale Univ. Press. 506 p.

Cooke, L. (2018). *Outliers and American Vanguard Art*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 448 p.

Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem. 416 p.

Gavrilov, V. V. (2008). “Davno – khorosho...” (istoriya zhizni khudozhnika – dialog psikhopatologii i tvorchestva) [“It has long been good...” (The Life Story of the Artist is a Dialogue of Psychopathology and Creativity)]. In *Prikladnaya psikhologiya i psichoanaliz. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [website]. No. 1–2. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/-1-2-2008> (accessed: 20.04.2020).

Goffman, E. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of the Self in Everyday Life]. Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole. 304 p.

Groys, B. (2012). *Poetika politiki* [The Poetics of Politics]. Moscow, Ad Marginem Press. 400 p.

Janody, P. (2009). À propos de l'œuvre d'Aleksander Pavlovitch Lobanov, de sa production et de son devenir. In *Essaim*. Vol. 23. No. 2, pp. 23–36. DOI 10.3917/ess.023.0023.

Kosheleva, E. A. (2012). Psikhologicheskie osobennosti glukhikh i slaboslyshashchikh liudei i ikh proyavleniya v obshchenii [The Psychological Features of Deaf and Hearing-Impaired People and Their Manifestations in Communication]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. Vol. 14. No. 2–3, pp. 672–675.

Lommel, M. (2004). *L'aracine et l'art brut*. Neuilly-sur-Marne, L'Aracine. 282 p.

Miscault, D. de, Escudier, A. (Eds.). (2007). *Aleksander Pavlovitch Lobanov, auteur d'art brut russe*. Paris, Aquilon. 240 p.

Pisch, A. (2016). *The Personality Cult of Stalin in Soviet Posters, 1929–1953: Archetypes, Inventions and Fabrications*. Acton, Australian National Univ. Press. 538 p.

Rakhmanov, V. M. (1990). *Mediko-sotsial'nye aspekty vospitaniya i obucheniya detei s narusheniyami slukha* [The Medical and Social Aspects of the Education and Training of Children with Hearing Impairments]. Kharkiv, Osnova. 153 p.

Rose, G. (2007). *Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials*. N. Y., SAGE. 287 p.

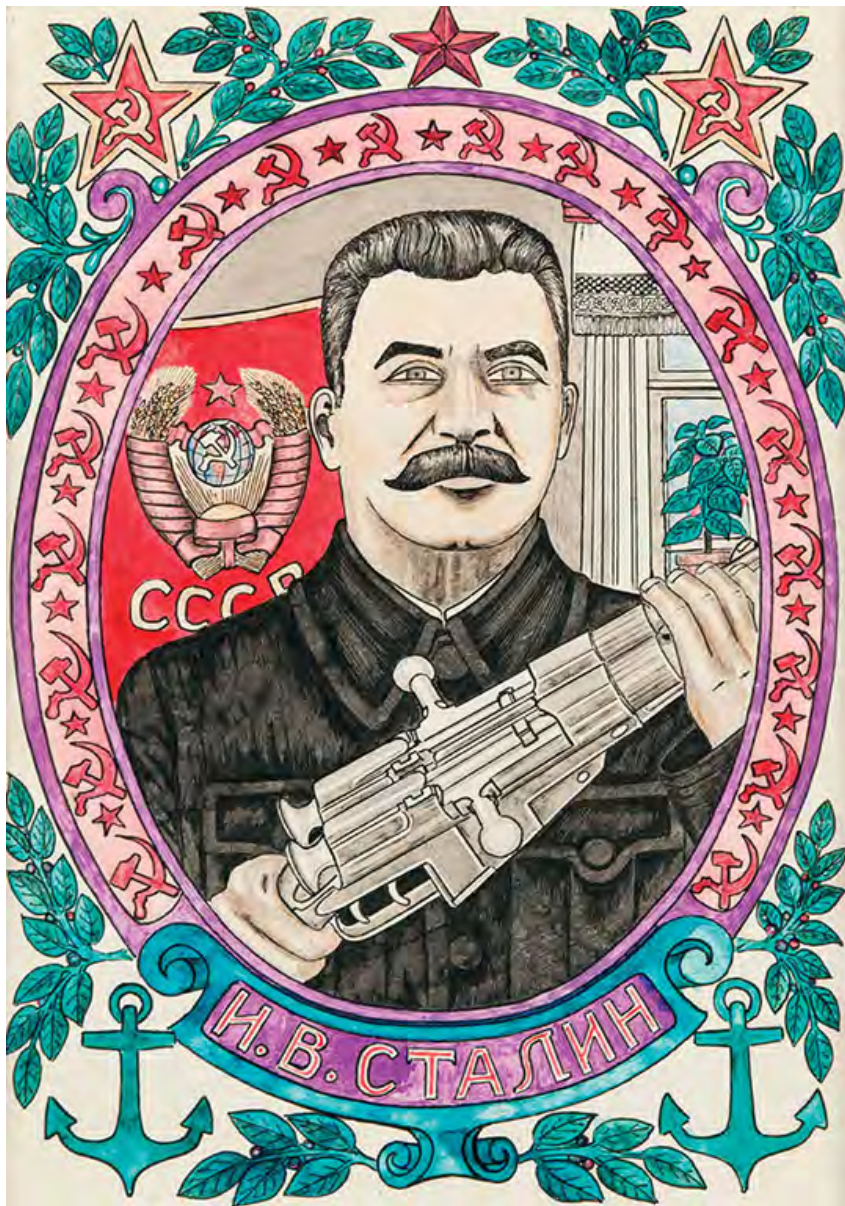
Suvorova, A. A. (2020) *Autsaiderskoe iskusstvo v Rossii: tendentsii, temy, obrazy* [Outsider Art in Russia: Trends, Themes, Images]. Moscow, Gorodets. 160 p.

Zaitseva, S. D., Zasyad'ko, K. I. (2009). Osobennosti mekhanizmov psikhologicheskoi zashchity u glukhikh podrostkov, obuchayushchikhsya v uchrezhdeniyakh nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya [The Peculiarities of Psychological Protection Mechanisms for Deaf Adolescents Enrolled in Primary Vocational Education Institutions]. In *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*. No. 10, pp. 89–94.

The article was submitted on 30.05.2019

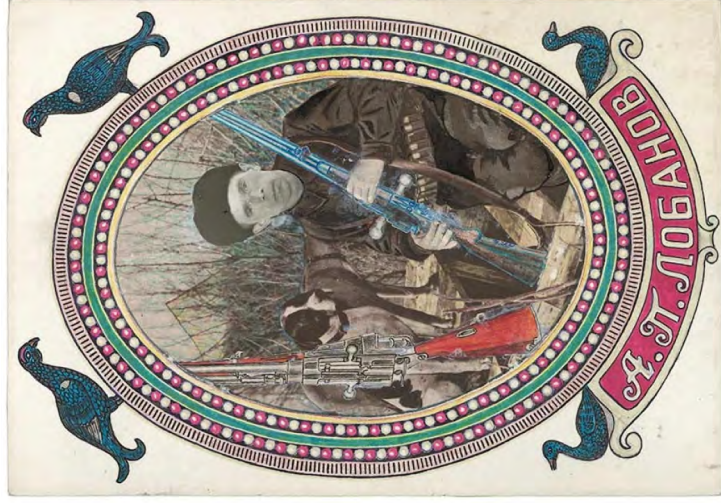
Иллюстрации к статье: Анна Суворова. Александр Лобанов:
рецепция политического в советском аутсайдерском искусстве

Illustration for the article: Anna Suvorova. Alexander Lobanov:
The Reception of the Political in Soviet Outsider Art

1. А. Лобанов. Без названия. Около 1980-х. Бумага, гуашь, цветные карандаши,
шариковая ручка. 29 x 21 см. Центр искусств *Oliva* (Núcleo de Arte da Oliva)

A. Lobanov. Untitled. Around 1980s. Gouache, crayons, and ballpoint pen on paper,
29 x 21 cm. Núcleo de Arte da Oliva

3. А. Лобанов. Без названия. Между 1970 и 1990. Картон, аппликация, акварель, графитный карандаш, фломастер, шариковая ручка, фотография. 30,3 x 21 см. Коллекция Ар Брют в Лозанне
- A. Lobanov. Untitled. Between 1970 and 1990. Sticking, watercolor, graphite, felt-tip, ballpoint pen, and photomechanical printing on cardboard. 30,3 x 21 cm. Collection de l'Art Brut, Lausanne

2. А. Лобанов. Граница РСФСР литовская. 1960–1970-е. Бумага, тушь, карандаш. 29,5 x 40,2 см. Музей русского лубка и народного искусства
- A. Lobanov. The Lithuanian Border of the RSFSR. 1960s–1970s. Ink, graphite on paper. 29,5 x 40,2 cm. Museum of Russian lubok and naive art

4. А. Лобанов. Сталин и Геля Маркизова. 1970-е. Бумага, смешанная техника. 42 x 29 см. Частная коллекция
A. Lobanov. Stalin and Gelya Markizova. 1970s. Paper, mixed-media painting techniques. 42 x 29 cm. Private collection

5. Сталин и Геля Маркизова. 1936. Фото М. Калашникова
Stalin and Gelya Markizova. 1936. Photograph by M. Kalashnikov

6. А. Лобанов. Г. Молога Саша Лобанов Видение фильма Мы из Кронштадта... 1970–1980-е. Бумага, смешанная техника. 29,5 x 42 см. Коллекция «Иные»

A. Lobanov. Mologa Sacha Lobanov The Vision of movie The Sailors of Kronstadt... 1970s – 1980s. Paper, mixed-media painting techniques. 29,5 x 42 cm. *Inye* Collection

7. А. Лобанов. Без названия. 1970-е. Бумага на картоне, тушь, акварель. 19 x 25,5 см. Коллекция «Иные»

A. Lobanov. Untitled. 1970s. Paper on cardboard, ink, watercolor. 19 x 25,5 cm. *Inye* Collection

8. А. Лобанов. И. В. Сталин. 1970–1980-е. Бумага, смешанная техника.
29,5 x 20 см. Коллекция «Иные»

A. Lobanov. I. V. Stalin. 1970s–1980s. Paper, mixed-media painting techniques.
29,5 x 20 cm. *Inye* Collection

Иллюстрации к статье:
Jan-Hinnerk Antons. Zu gast im Sozialismus:
Skandinavische Touristen als Adressaten deutsch-sowjetischer Public Diplomacy

Illustration for the article:
Jan-Hinnerk Antons. Visiting Socialism: Scandinavian Tourists As Addressees of German-Soviet Public Diplomacy

Plakat der Ostseewoche // Landesarchiv Greifswald.
Rep. 210 Komitee Ostseewoche. Nr. 617

CULTURAL DIPLOMACY IN THE ERA OF SOCIALISM

DOI 10.15826/qr.2020.5.547

УДК 930(470)"19" + 327.54 + 327.51(1-11) + 316.75

ВО ИМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА: КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВОСТОЧНОГО БЛОКА*

Оксана Нагорная

Ярославский государственный педагогический университет,
Ярославль, Россия

PROMOTING THE SOCIALIST COMMUNITY: EFFORTS AND EFFECTS OF THE SOCIALIST CAMP'S CULTURAL DIPLOMACY

Oksana Nagornaia

Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russia

Based on an analysis of modern Cold War historiography, the article considers current discussions, topics, and perspectives in the chosen research landscape. Taking into account the modern circumstances, the author concludes that in the latest publications, there is a tendency to reconsider the dichotomic model “Sovietisation vs Americanisation” and, instead, take a closer look at the representations of socialism and the structures and actors of cultural diplomacy in Eastern Europe. Referring to propaganda projects of socialist integration and intercultural spaces, the author demonstrates what was specifically socialist about the forms and instruments of representations of the Eastern Bloc, the conflicting spheres of collaboration, and independent initiatives of people’s democracies in the sphere of cultural diplomacy. The author concludes that at the end of the Second World War, the propaganda system in the Soviet Union was integrated into a larger scheme of presenting the world system of socialism

* *Citation:* Nagornaia, O. (2020). Promoting the Socialist Community: Efforts and Effects of the Socialist Camp’s Cultural Diplomacy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1597–1611. DOI 10.15826/qr.2020.5.547.

Цитирование: Nagornaia O. Promoting the Socialist Community: Efforts and Effects of the Socialist Camp’s Cultural Diplomacy // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1597–1611. DOI 10.15826/qr.2020.5.547 / Нагорная О. Во имя социалистического содружества: культурная дипломатия Восточного блока // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1597–1611. DOI 10.15826/qr.2020.5.547.

where the Eastern European states became symbolically appropriated spaces and promising symbolic resources. The cultural initiatives of the socialist countries of Eastern Europe at the international level testify to the cultural pluralism in the Eastern Bloc. The independent steps the countries of the socialist camp took for self-realisation on the international arena testify to this cultural pluralism. The effectiveness of their symbolic messages was facilitated by the geographical proximity to borders, integration into the contexts of western culture, and better developed information resources. In the article, the author's own analysis is preceded by a review of materials thematically related to the section of the journal on the cultural diplomacy of socialism. Articles referred to in the study and devoted to the projects of the socialist camp prove the thesis that the Eastern Bloc that emerged during the Cold War and the hybrid identities developed under its influence survived the breakdown of the bipolar order and are important for modern culture.

Keywords: transnational history, Cold War, socialist camp, socialist integration, Eastern Bloc, cultural diplomacy.

На основании анализа современной историографии холодной войны выявляются актуальные тенденции развития существующих тематических полей, а также перспективные направления изучения глобального феномена. В новейших условиях назрела необходимость пересмотра дихотомической модели «советизация vs американизация» в пользу дифференцированного подхода к изучению внешнеполитических репрезентаций социализма, институтов и акторов культурной дипломатии Восточного блока. На примерах имиджевых проектов социалистической интеграции и пространств внутри- и межблоковой коммуникации автор демонстрирует специфику форм и механизмов трансляции образа социалистического лагеря на зарубежную общественность, конфликтные поля сотрудничества, самостоятельные инициативы стран народной демократии в сфере культурной дипломатии. Сделан вывод о том, что после окончания Второй мировой войны пропаганда Советского Союза встраивалась в более масштабную конструкцию презентации мировой системы социализма, в которой государства Восточной Европы приобретали для СССР статус неосвоенных символических пространств и имиджевых ресурсов. Самостоятельные шаги стран социалистического лагеря по саморепрезентации на международной арене свидетельствуют о культурном плюрализме внутри Восточного блока. Эффективности символических посланий способствовали и географическая близость к границам блоков, и большая интегрированность в контексты западной культуры, и более развитые информационные ресурсы. Авторский анализ предваряет обзор материалов тематического раздела журнала о культурной дипломатии социализма. Представленные в блоке статьи, посвященные событийным проектам социалистического лагеря, наглядно иллюстрируют тезис о том, что возникшие в период холодной войны инструменты саморепрезентации Восточного блока, а также сложившиеся под их влиянием гибридные идентичности пережили

крах биполярного порядка и являются определяющими для современных культурных пространств.

Ключевые слова: транснациональная история, холодная война, социалистический лагерь, социалистическая интеграция, Восточный блок, культурная дипломатия.

В современных социогуманитарных науках осмысление холодной войны как глобального феномена происходит в рамках не столько традиционных военно-политических и дипломатических концепций, сколько культурных и антропологических подходов. Отказываясь от жестких схем интерпретации межблокового противостояния, исследователи все чаще пересматривают концепцию «железного занавеса» в пользу представления о проницаемости границ блоков и внеблоковых пространств, об интенсивном трансфере идей, объектов, капиталов и людей. Объединяющим тезисом выступает утверждение, что при наличии жесткого антагонизма военных и экономических блоков именно культурные (в широком смысле) контакты обеспечивали возможность функционирования систем и их стабилизации в ситуации частых геополитических кризисов [Nagornaia, Nikonova]. В новейших работах подчеркивается, что развитие новых транспортных и трансляционных технологий во второй половине XX в. привело к противоречащему логике глобального конфликта уплотнению транснациональной коммуникации: стремительно демократизировались практики международных контактов, увеличивалась индивидуальная и групповая мобильность, сложились условия для туристской революции. Смена концептуальной и методологической оптики породила интерес к изучению «холодной войны культур», «культур холодной войны» [Cold War Cultures; Divided Dreamworlds?], эмоциональных режимов глобального конфликта [Angst im Kalten Krieg; Trust, but Verify; Feinberg; Wheeler], его отражения на уровне повседневности.

В современной историографии холодной войны внимание обращено на феномен культурной дипломатии, под которым понимается особый вид политической коммуникации с участием государственных органов, общественных организаций, а также отдельных индивидов, нацеленный на формирование заданных культурных смыслов и их трансляцию как на зарубежную, так и на внутреннюю аудиторию [Советская культурная дипломатия]. Несмотря на то, что сам термин был впервые использован применительно к осмыслению внешней политики СССР, и в частности «хрущевского культурного наступления» [Barghoorn], до недавнего времени в данном тематическом поле доминировали исследования внешнеполитических репрезентаций США [The Cultural Cold War, p. VIII]. На сегодняшний день наблюдаются дифференциация исследовательских интересов в пользу других регионов и контекстов, формирование научных представлений о неоднозначной рецепции смысловых посланий сверхдержав, об эффек-

тах обратного культурного влияния целевых аудиторий, о создании оригинальных культурно-дипломатических концепций и практик в развивающихся странах.

Важная трансформация наблюдается и в изучении культурно-символических аспектов бытования Восточного блока. Долгое время в большинстве исследований, рассматривавших культурное и коммуникационное измерение взаимоотношений СССР и стран Восточной Европы, преобладало представление об исключительно насильственном характере формирования культурных практик в социалистическом лагере, о безоглядной советизации культурных пространств стран-сателлитов, о скрытом и открытом тяготении творческих деятелей социалистических стран к западным культурным моделям [Behrends; Babiracki]. В ряде новейших исследований подчеркивается более значимая роль социалистического лагеря в процессах «второй глобализации» [Mark, Rupprecht], описывается наличие более сложных схем и практик взаимоотношений «гегемона» с «сателлитами».

Так, А. Тихомиров подчеркивает дифференцированный характер пропаганды Советского Союза в новых социалистических государствах и констатирует, что образ Сталина, ставший краеугольным камнем послевоенных идеологических кампаний в Восточной Европе, был адаптирован к специфике культурно-политической ситуации конкретной страны [Тихомиров]. При анализе первого послевоенного юбилея Октябрьской революции О. Никонова также выявляет попытки «перевода» советских трактовок на понятный для населения стран Восточной Европы политический язык. При этом она подчеркивает, что, наряду с советскими пропагандистами, инициаторами и реализаторами этого переложения выступали представители национальных элит [Nikonowa]. Изначальную готовность части творческой и научной интеллигенции выступить посредниками «советской культурной экспансии» фиксирует на материалах Польши В. Волобуев [Волобуев]. Отход от дихотомической модели «советизация против американизации» позволяет наметить для изучения пространства самостоятельных действий социалистических стран на международной арене, их вклад в создание, поддержание и размывание структур новой по своему типу глобальной культуры холодной войны [Bonfiglioli; Pora]. Перспективными видятся исследования, посвященные реконструкции языков самоописания и внешних репрезентаций проекта социалистической интеграции, изучению каналов и инструментов трансляции вовне инсценированной единой культуры социализма, представлений собственному населению и зарубежной общественности преимуществ новой социально-экономической модели. Данная статья не претендует на окончательные выводы, целями автора являются обозначение возможных исследовательских полей и приглашение коллег к научной дискуссии.

* * *

Непосредственно после окончания Второй мировой войны СССР пытался использовать статус страны-победителя и рост интереса к советскому со стороны международной общественности для массовизации целевых аудиторий за рубежом. Отход от работы с узкой группой левых симпатизантов, характерной для межвоенного периода, ставил перед системой советской культурной дипломатии задачи переопределения идеологических установок и дифференцированной работы с крупными социальными и профессиональными группами зарубежной общественности, на что тратились столь дефицитные в этот период ресурсы. Ключевыми символическими посланиями послевоенного периода становятся метафоры мира и дружбы, их адресатами – молодежь, женщины, представители развивающихся стран. Пропаганда Советского Союза отныне встраивалась в более масштабную конструкцию презентации мировой системы социализма, в которой государства Восточной Европы приобретали для СССР статус, с одной стороны, имиджевых ресурсов, с другой – опекаемых клиентов.

Институциональное оформление новое целеполагание внешнеполитических репрезентаций социализма получило в создававшихся непосредственно после окончания Второй мировой войны международных организациях – Международной демократической федерации женщин (МФДЖ), Всемирной федерации демократической молодежи, Всемирном совете мира и т. д. На ранних этапах своей деятельности они превращаются в значимые площадки формирования антиимпериалистической и миротворческой риторики, паролей эмансипации и дискуссий о правах человека [Donert; Poulos]. В условиях эскалации холодной войны и развертывания антисоветской пропаганды со стороны западных стран данные организации были вынуждены бороться с обвинениями в несамостоятельности, тратить значительные ресурсы на попытки доказать свою независимость от решений Кремля. С этой целью использовался и символический капитал восточноевропейских стран: важные инициативы политического и дисциплинарного характера распространялись от их имени. К примеру, первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов был организован в 1947 г. в Праге, там же состоялся первый Всемирный конгресс сторонников мира 1949 г. В целях вуалирования своей роли в деятельности международных миротворческих площадок СССР длительное время избегал проведения мероприятий на своей территории. Представительства этих организаций в зарубежных странах получали щедрую финансовую поддержку со стороны СССР. Например, в 1962 г. расходы на проведение конференций МФДЖ, включая конгрессы и заседания бюро, организацию миссий федерации в азиатские страны, достигли около 200 тыс. долларов [ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 153. Л. 89 (Бюджет МФДЖ на 1962 г.)]. Представители стран

Восточной Европы доминировали и в руководстве этих организаций, и среди номинантов различных почетных наград для борцов за мир. К примеру, в первые годы существования Сталинских премий мира даже существовал мораторий на их вручение советским деятелям науки и культуры [Нагорная]. Тем самым обеспечивалась символическая интеграция политических и творческих деятелей стран народной демократии в пантеон героев социализма, важная не только для стратегии закрепления советского присутствия в Восточной Европе, но и для духовной мобилизации населения СССР.

Проблемной зоной усилий по репрезентации единства соцлагеря на международной арене долгое время оставался вопрос о полноправном присутствии ГДР в многочисленных культурных, научных и профессиональных союзах и организациях, о возможности для творческих деятелей страны вопреки доктрине Хальштейна представлять достижения своей страны на крупных форумах, проходивших в капиталистическом лагере. Для системы советской культурной дипломатии патронат интересов ГДР вне Восточного блока был своеобразной навязчивой идеей, во имя которой тратились значительные реальные и символические ресурсы, мобилизовывались остальные страны социалистического лагеря. Так, в 1965 г. функционеры советского Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами в переписке с ЦК КПСС обсуждали следующую стратегию действий:

Желательно было бы знать, в какие международные организации ГДР имеет в виду вступить, в каких из них следует добиваться устранения дискриминационного отношения к ГДР... какая нужна помощь советских организаций в поддержке участия ГДР в различных международных форумах. Пропаганду ГДР на третьи страны можно вести через издания за границей. Если излагать материал о ГДР под углом зрения межгосударственных отношений, существующих между СССР и ГДР, то у третьих стран не будет оснований возражать против этого [ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 25. Л. 149–150 (ЦК КПСС тов. Гранову. Апрель 1965 г.)].

Тем не менее, представители Восточной Германии регулярно выражали недовольство недостаточностью, по их мнению, усилий советской стороны в культурной сфере, требуя более интенсивного согласования позиции соцстран «в смысле поддержки ГДР» перед крупными международными совещаниями [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 151. Л. 22].

Блокада интересов ГДР на международном уровне со стороны западных партнеров представлялась в выступлениях представителей социалистических стран как свидетельство дискриминации и несоблюдения принципов международного права [РГАЭ. Ф. 302. Д. 245. Оп. 2. Л. 18 (Выступление главы делегации НРБ на Конференции ООН по вопросам торговли и развития. 3.04.1964)]. После начала волны дипломатических признаний ГДР в 1970-х гг. социалистический лагерь выступил единым фронтом на всех уровнях в целях скорейшего при-

нения Восточной Германии в качестве полноправного члена международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ). Средством давления была избрана политика бойкота социалистическими странами всех глобальных форумов, если туда не приглашались представители ГДР.

Образ единого социалистического лагеря ставился под угрозу в ситуации кризисов внутри Восточного блока, в частности, после вооруженного вмешательства во внутренние дела Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. Укрепить воображаемое единство и транслировать вовне собственную версию событий СССР пытался в рамках крупных международных мероприятий. Одной из подобных площадок стали всемирные выставки, первая из которых с участием стран Восточного блока проходила в 1958 г. в Брюсселе. Участие Венгрии и монтаж для нее отдельного выставочного павильона (помимо СССР и ВНР, из всех соцстран участвовали лишь Чехословакия и Югославия) позволили создать иллюзию процветающей мирной страны, где именно после победы над «контрреволюцией 1956 г.» с помощью советских войск был достигнут высокий культурный и потребительский уровень.

Зоной репрезентации достижений социалистического лагеря в условиях глобальной деколонизации стала сфера научно-технического и культурного сотрудничества с так называемыми странами «третьего мира». В соответствии с контекстом эпохи государства социалистического лагеря рассматривали идеологическое и научное присутствие в освободившихся от колониальной зависимости странах как специфический символический капитал, который мог быть использован для усиления влияния на международной арене и улучшения позиций в иерархии лидеров научно-технической революции. Одновременно с Советским Союзом ГДР и Чехословакия уделяли огромное внимание научному сотрудничеству с развивающимися странами и обучению иностранных студентов. В коммуникации с советскими функционерами успехи на данном поприще служили подтверждением развитости национальных систем науки и образования и обоснованием попыток освободиться от доминирования советской модели. Примечательно, что подобная конкуренция среди соцстран играла на руку самим реципиентам помощи, пытавшимся выторговать себе большие преференции со ссылкой на возможность альтернативных источников научных и образовательных технологий.

Если символическое значение сотрудничества с развивающимися странами не ставилось в Восточном блоке под сомнение, то советская стратегия его реализации, заключавшаяся в готовности принести экономическую эффективность в жертву политическим и идеологическим соображениям, не всегда находила понимание у не столь мощных в ресурсном отношении восточноевропейских партнеров. К примеру, представители ГДР признавались, что «усиление культурного обмена с Индией и Индонезией связано с большими финансовыми затратами, и одна ГДР не в состоянии нести такие расходы» [ГАРФ. Ф. Р-8581.

Оп. 2. Д. 470. Л. 82 (Запись беседы с замминкультуры ГДР Э. Вендтом. 28.4.1958)]. Одновременно функционеры Коммунистической партии Чехословакии жаловались, что упускают «огромные возможности, существующие для проведения социалистической пропаганды в странах Азии и Африки... потому что они обходятся очень дорого... все расходы по поездкам коллективов ложатся на нас самих» [ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 470. Л. 1–13 (Запись беседы с МИД Чехословакии В. Давид. 24.4.1958)]. Именно чрезмерная затратность внешней культурной политики в развивающихся странах вынуждала их настаивать на совокупных усилиях всех представителей социалистического лагеря, а также обращаться к СССР с просьбой о необходимой координации подобной политики, обязательности пропаганды в странах «третьего мира» достижений не отдельной страны, а социализма в целом.

Действительно, в рамках ряда международных мероприятий удалось выработать совместную позицию социалистического лагеря по ключевым вопросам политики и культуры и заранее согласовывать выступления представителей стран Восточной Европы на форумах. Так, в ситуации венгерского кризиса 1956 г., когда международному имиджу социалистического лагеря был нанесен серьезный удар, попытки трансляции советского видения событий осуществлялись именно в сфере деятельности негосударственных организаций. Для этого использовались все публичные площадки с участием лояльных соцлагерю творческих деятелей из капиталистических стран. В рамках Международной ассоциации юристов-демократов, деятельность которой была предметом пристального внимания органов советской культурной дипломатии, представители Англии и Бельгии настаивали на отправке независимой наблюдательной комиссии в Венгрию, а также на независимой экспертизе дела Имре Надя. В случае отказа они грозили выходом из ассоциации. Советские представители всеми средствами противодействовали назревавшему скандалу, пытаясь отложить вопрос до следующей сессии в надежде, что он утратит свою актуальность. Решающей в этой ситуации стала согласованная заранее позиция румынских делегатов, которые подтвердили советскую версию о нахождении И. Надя и его окружения на курорте близ Бухареста в целях обеспечения их же безопасности [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 506. Л. 148 (Отчет о сессии секретариата МАЮД 30–31.3.1957 в Праге)].

В отдельных случаях следование общей линии блока осуществлялось и вне директив со стороны СССР. К примеру, в 1966 г. в отсутствие советских представителей на заседаниях исполкома пен-клуба в Лондоне болгарская делегация (при поддержке венгерских и чехословацких коллег) настояла на исключении из повестки вопроса о процессе против А. Синявского и Ю. Даниэля в СССР. В отчете советских писателей постфактум оценивалось, что «болгарские друзья свою миссию выполнили достойно» и получили «сердечную благодарность за поддержку» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 156. Л. 190. 12.04.1966 (ЦК КПСС. Воронков К. – секретарь правления Союза писателей СССР)].

Имиджевыми проектами социалистической интеграции выступали крупные стройки и совместные мероприятия: Интеркосмос, энергосистема «Мир» и т. д. Одним из самых излюбленных образов внутриблоковой пропаганды стало строительство нефтепровода «Дружба», позиционировавшееся в международной среде как «основанное на братской взаимопомощи стран – членов СЭВ плодотворное сотрудничество по строительству этого крупнейшего в мире уникального сооружения, имеющего исключительно важное значение для развития экономики Польши, ГДР, Венгрии и Чехословакии» [РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 248. Л. 5 (Проекты постановлений и распоряжений, выносимые Постоянным представительством СССР в СЭВ в ЦК КПСС и Совмин на рассмотрение и утверждение. 15.1.1965)]. Образ дружбы, воплощенный в виде постановочных фотографий, фильмов, текстовых материалов, транслировался не только в пространствах межкультурной коммуникации социалистических государств (выставках, фестивалях, трансляциях), но и вне стран Восточного блока.

Эффективным инструментом символической интеграции социалистического лагеря выступила космическая тема. Глобальное лидерство первой социалистической страны в орбитальной программе было представлено как подтверждение претензий на превосходство социально-экономической модели в целом. После полетов Ю. Гагарина и В. Терешковой космические репрезентации были персонифицированы: визиты советских космонавтов в социалистические страны вызывали эйфорию местного населения, их фотографии пользовались неизменным успехом на международных мероприятиях любой тематики. Руководители Чехословацко-советского общества дружбы с восторгом писали: «только за один день 12 апреля, в день полета майора Юрия Гагарина в космос, в нашу организацию вступило 5 000 новых членов» [ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 16. Д. 71. Л. 263 (Областной комитет Союза чехословацко-советской дружбы. Брно. 28.5.1961)]. В августе 1961 г., через пять лет после вхождения советских танков в Будапешт, триумфальный проезд первого космонавта по венгерской столице завершился вручением ему ордена Знамени ВНР I степени с бриллиантами и наименованием в его честь одной из улиц. Трагическая гибель Гагарина в 1968 г. вызвала массу сочувственных откликов граждан социалистических стран уже вне особой инсценировки. Вот одно из множества писем, поступавших в адрес обществ дружбы:

Разрешите выразить вам большое сочувствие к трагической смерти героев Советского Союза, в том числе особенно и трагической смерти Ю. А. Гагарина. <...> ...лучший друг Чехословакии. Нам не хотелось верить такой вести... Дорогие друзья, ваша печаль – и наша печаль... Он навсегда останется действительным героем нашей молодежи [ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 299. Л. 141 (Ремесленное училище Ждяр на Сазаве. 10.4.1968)].

Ю. Рихерс справедливо подчеркивает, что «космос стал частью общей потребительской культуры, моды, эстетики, а также трансграничным «социальным цементом» государств Варшавского договора» [Richers]. Не случайно уже на излете популярности социалистического проекта на рубеже 1970–1980-х гг. Интеркосмос запустил серию полетов с участием космонавтов из социалистических стран. Часть из них была приурочена к знаменательным датам истории социалистического строительства в Восточной Европе и презентовалась как «яркий пример дальнейшего укрепления братской дружбы и тесного сотрудничества» [«Посетите Германскую Демократическую Республику»]. Приобщение к советским космическим достижениям представителей социалистических стран создавало эмоционально заряженные и разделяемые совместные места общешлоковой памяти, которые могли быть восприняты как интеграционное предложение всеми социальными, возрастными и гендерными группами.

Еще одной «витриной» братской взаимопомощи стала система обучения граждан социалистических стран в советских вузах. Подготовка кадров для национального производства и интеграционных структур СЭВ, их идеологическое воспитание в духе дружбы с СССР и лояльности системе социализма в целом расценивались как одна из важнейших областей борьбы за победу коммунистической идеологии. Соответственно, в систему обучения на протяжении всего времени существования Восточного блока вкладывались значительные материальные и символические ресурсы. Численность подготовленных специалистов, имена известных выпускников, их достижения в научной сфере использовались в целях демонстрации капиталистическим и развивающимся странам солидарности социалистического лагеря.

Культурно-символическое закрепление сфер влияния в Восточной Европе, сформированных из неоднородных, часто чуждых или даже враждебно настроенных к СССР образцов восприятия, ставило перед системой советской пропаганды задачу оформления и трансляции определенных представлений далекого и недавнего прошлого, формирования на их основе совместных вариантов будущего. А. Попов считает весьма показательным, что «именно в социалистических странах Восточной и Центральной Европы, а не на территории СССР появились первые крупные мемориальные комплексы, посвященные событиям Второй мировой войны в их советской интерпретации. Помимо всего прочего, они выполняли важную геополитическую функцию, обозначая границы советской сферы влияния, а также служили своеобразным тестом на лояльность представителей политической элиты недавно образованных государств социалистического лагеря» [Советская культурная дипломатия, с. 221]. В последующие годы данные мемориалы играли роль своеобразных символических опорных пунктов для актуализации господствующих нарративов в сознании населения стран соцлагеря и их зарубежных визитеров при проведе-

нии государственных визитов, организации туристических поездок, научных и образовательных программ.

С другой стороны, прямолинейные советские символические порядки, транслируемые на включенные в зону советского влияния восточноевропейские территории, воспринимались принимающими сторонами далеко не всегда однозначно положительно. Противоречия национальных нарративов проявлялись в течение всего периода существования социалистического лагеря не только на уровне обывателей, но и в контролируемой сверху научной и образовательной среде, где регулярно вспыхивали «политически неудобные» диспуты, в которых представители стран народной демократии ставили под сомнение советские версии событий. Достаточно часто своевольные интерпретации выходили в международную среду, нарушая столь тщательно оберегаемую СССР видимость единства социалистического лагеря критикой социалистической культуры [ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 470. Л. 37 (Политическая информация о положении в Союзе польских писателей и польской литературе. 28.2.1958)]. Образ братства и взаимопомощи социалистических стран не способствовал преодолению исторических конфликтов между народами Восточной Европы. В образовательных пространствах советских вузов не удавалось примирить польских и восточногерманских представителей по вопросу послевоенных границ. На Всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве 1955 г. делегаты из ГДР жаловались на преследования со стороны местного населения, советские представители зафиксировали девять случаев избиений и были вынуждены организовывать сопровождение немецких студентов в их передвижениях по городу [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 363. Л. 142 (ЦК КПСС. По Всемирному фестивалю в Варшаве. Секретно. 25.8.1955)].

В целом на протяжении всего периода существования Восточного блока в результате усилий по его символической интеграции сложилась целая когорта творческих деятелей, которым приписывался внешне-национальный статус носителей социалистической культуры. К данному сообществу относились прежде всего литераторы – А. Зегерс, М. Садовяну, З. Неядлы, В. Василевская, Б. Брехт и др., чьи авторитет и популярность во всех странах Восточной Европы тщательно поддерживались посредством перевода их произведений на национальные языки многотысячными тиражами. Со временем в это сообщество были включены покорители космоса и известные спортсмены. Символический капитал представителей данной когорты использовался в целях придания веса определенным общественным организациям (Всемирному совету мира, Комитету по вручению Сталинских (Ленинских) премий мира, Международной демократической федерации женщин), оформления торжественных церемоний (вручения наград, празднования значимых для социалистического лагеря юбилеев). В кризисных ситуациях творческих деятелей предполагалось использовать в качестве канала трансляции единой политической

линии и воспитательного воздействия на «отклоняющиеся» национальные элементы.

* * *

Расширение сфер советского влияния в Восточной Европе и в Азии требовало не только их военно-политического, но и символического подчинения, обучения разнородных частей разросшейся советской империи «говорению по-советски» [Тихомиров, с. 9]. В целом можно говорить и о попытках механистического переноса выработанных за десятилетия существования СССР культурных смыслов и практик в страны народной демократии, и об их адаптации к локальной специфике. Параллельно с развитием структур экономической и политической интеграции выстраивалась система репрезентаций социалистического лагеря как воображаемого целого успешного проекта. Транслируемые образы должны были не только стать привлекательными для общественности капиталистических и развивающихся стран, но и поддерживать у собственного населения чувство лояльности к системе. В рамках масштабного амбициозного проекта были найдены новые формы символической мобилизации, которые в зависимости от контекста могли не только обеспечить желаемый эффект, но и привести к сложным конфликтам. Трансформация системы репрезентаций соцлагеря происходила под влиянием глобальных и внутриблоковых кризисов, а также внутренней динамики развития дискурсов и институций. При этом возникшие в условиях холодной войны формы и инструменты культурных репрезентаций, а также групповые и индивидуальные идентичности являются определяющими и для современных культурных пространств.

Список литературы

- Волбуев В. В.* Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. 270 с.
- ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 4. Д. 153; Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 470; Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 25; Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 299; Оп. 16. Д. 71.
- Нагорная О. С.* «Если друзья сочтут целесообразным выдвинуть... мы поддержим» : Международные Ленинские премии мира в системе советской культурной дипломатии // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 3. С. 737–753. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.313.
- «Посетите Германскую Демократическую Республику» / Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. [Б. м.] : [Б. и.], [Б. г.]. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 363; Оп. 36. Д. 151.
- РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 245, 248.
- Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны (1945–1989) / науч. ред. О. С. Нагорная. М. : РОССПЭН, 2018. 445 с.
- Тихомиров А.* «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М. : РОССПЭН, 2014. 310 с.
- Angst im Kalten Krieg / Hrsg. von B. Greiner. Hamburg : Hamburger Ed. und Mittelweg 36, 2009. 527 S.

- Babiracki P.* Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire 1943–1957. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2015. 344 p.
- Barghoorn F.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton : Princeton Univ. Press, 1961. 353 p.
- Behrends J. C.* Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2006. 438 S.
- Bonfiglioli C.* Revolutionary Networks. Women's Political and Social Activism in Cold War Italy and Yugoslavia (1945–1957) : PhD Diss. [S. l.] : [S. n.], 2012. 296 p.
- Cold War Cultures: Perspectives on Eastern and Western European Societies / ed. by A. Vowinckel, M. Payk, T. Lindenberg. N. Y. : Berghahn Books, 2012. 396 p.
- Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West / ed. by P. Romijn, G. Scott-Smith, J. Segal. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2012. 239 p.
- Donert C.* From Communist Internationalism to Human Rights : Gender, Violence and International Law in the Women's International Democratic Federation Mission to North Korea, 1951 // Contemporary Europ. History. Vol. 25. 2016. No. 2. P. 313–333. DOI 10.1017/S0960777316000096.
- Feinberg M.* Curtain of Lies: The Battle over Truth in Stalinist Eastern Europe. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2017. 256 p.
- Mark J., Rupprecht T.* The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer // The Practice of Global History. European Perspectives / ed. by M. Middell. L. ; N. Y. : Bloomsbury Academic, 2019. P. 81–115. DOI 10.5040/9781474292184.ch-004.
- Nagornaia O., Nikonova O.* Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit : Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 66. 2018. No. 2. P. 274–298. DOI 10.25162/jgo-2018-0011.
- Nikonowa O. Ju.* 1947. Gesichter des Nachkriegssozialismus // 100 Jahre Rote Oktober. Zur Weltgeschichte der Russischen Revolution / Hrsg. von J. C. Behrends, N. Katzer, T. Lindenberg. München : Ch. Links Verlag, 2017. S. 107–131.
- Popa R. M.* Translating Equality between Women and Men across Cold War Divides: Women Activists from Hungary and Romania and the Creation of International Women's Year // Gender Politics and Everyday Life in State Socialist Eastern and Central Europe / ed. by S. Penn, J. Massino. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2009. P. 59–74.
- Poulos M.* Transnational Militancy in Cold-War Europe: Gender, Human Rights, and the WIDF during the Greek Civil War, European Review of History // Revue Européenne d'Histoire. Vol. 24. 2017. No. 1. P. 17–35. DOI 10.1080/13507486.2016.1155539.
- Richers Ju.* Welt-Raum: Die Sowjetunion im Orbit // Globalisierung imperial und sozialistisch. Russland und die Sowjetunion in der Globalgeschichte. 1851–1991 / Hrsg. von M. Aust. Frankfurt a/M : Campus, 2013. S. 400–424.
- The Cultural Cold War in Western Europe 1945–1960 / ed. by G. Scott-Smith, H. Krabbendam. L. ; Portland : Frank Cass, 2003. 335 p.
- Trust, but Verify: The Politics of Uncertainty and the Transformation of the Cold War Order, 1969–1991 / ed. by M. Klimke et al. Stanford : Stanford Univ. Press, 2016. 272 p.
- Wheeler N.* Trusting Enemies: Interpersonal Relationships in International Conflict. Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. 384 p.

References

- Babiracki, P. (2015). *Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire 1943–1957*. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press. 344 p.
- Barghoorn, F. (1961). *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton, Princeton Univ. Press. 353 p.
- Behrends, J. C. (2006). *Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 438 S.
- Bonfiglioli, C. (2012). *Revolutionary Networks. Women's Political and Social Activism in Cold War Italy and Yugoslavia (1945–1957)*. PhD Diss. S. l., S. n. 296 p.

Donert, C. (2016). From Communist Internationalism to Human Rights: Gender, Violence and International Law in the Women's International Democratic Federation Mission to North Korea, 1951. In *Contemporary Europe. History*. Vol. 25. No. 2, pp. 313–333. DOI 10.1017/S0960777316000096.

Feinberg, M. (2017). *Curtain of Lies: The Battle over Truth in Stalinist Eastern Europe*. N. Y., Oxford Univ. Press. 256 p.

GARF [State Archive of Russian Federation]. Stock R-7928. List 4. Dos. 153; Stock R-8581. List 2. Dos. 470; Stock R-9518. List 1a. Dos. 25; Stock R-9576. List 4. Dos. 299; List 16. Dos. 71.

Greiner, B. (Hrsg.). (2009). *Angst im Kalten Krieg*. Hamburg, Hamburger Ed. und Mittelweg 36. 527 S.

Klimke, M. et al. (Eds.). (2016). *Trust, but Verify: The Politics of Uncertainty and the Transformation of the Cold War Order, 1969–1991*. Stanford, Stanford Univ. Press. 272 p.

Mark, J., Rupprecht, T. (2019). The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer. In Middell, M. (Ed.). *The Practice of Global History. European Perspectives*. L., N. Y., Bloomsbury Academic, pp. 81–115. DOI 10.5040/9781474292184.ch-004.

Nagornaia, O., Nikonova, O. (2018). Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit: Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 66. No. 2, pp. 274–298. DOI 10.25162/jgo-2018-0011.

Nagornaia, O. S. (2018). „Esli druz'ya sochtut tselesoobraznym vydvinit'... my podderzhim“. Mezhdunarodnye Leninskie premii mira v sisteme sovetskoï kul'turnoi diplomatii. [“If our friends consider it appropriate to nominate him... we will support them“]. International Lenin Peace Prizes in the System of Soviet Cultural Diplomacy]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 8. No. 3, pp. 737–753. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.313.

Nagornaia, O. S. (Ed.). (2018). *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviakh kholodnoi voïny (1945–1989)* [Soviet Cultural Diplomacy in the Cold War (1945–1989)]. Moscow, ROSSPEN. 445 p.

Nikonowa, O. Ju. (2017). 1947. Gesichter des Nachkriegssozialismus. In Behrends, J. C., Katzer, N., Lindenberger, T. (Hrsg.). *100 Jahre Rote Oktober. Zur Weltgeschichte der Russischen Revolution*. München, Ch. Links Verlag, S. 107–131.

Popa, R. M. (2009). Translating Equality between Women and Men across Cold War Divides: Women Activists from Hungary and Romania and the Creation of International Women's Year. In Penn, S., Massino, J. (Eds.). *Gender Politics and Everyday Life in State Socialist Eastern and Central Europe*. N. Y., Palgrave Macmillan, pp. 59–74.

“Posetite Germanskuyu Demokraticeskuyu Respubliku“. *Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR* [“Visit the German Democratic Republic“]. General Directorate for Foreign Tourism under the Council of Ministers of the USSR]. (N. d.). S. l., S. n.

Poulos, M. (2017). Transnational Militancy in Cold-War Europe: Gender, Human Rights, and the WIDF during the Greek Civil War, European Review of History. In *Revue Européenne d'Histoire*. Vol. 24. No. 1, pp. 17–35. DOI 10.1080/13507486.2016.1155539.

RGAE [Russian State Economic Archive]. Stock 302. List 2. Dos. 245, 248.

RGANI [Russian State Archive of Contemporary History]. Stock 5. List 28. Dos. 363; List 36. Dos. 151.

Richers, Ju. (2013). Welt-Raum: Die Sowjetunion im Orbit. In Aust, M. (Hrsg.). *Globalisierung imperial und sozialistisch. Russland und die Sowjetunion in der Globalgeschichte. 1851–1991*. Frankfurt a/M, Campus, S. 400–424.

Romijn, P., Scott-Smith, G., Segal, J. (Eds.). (2012). *Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press. 239 p.

Scott-Smith, G., Krabbendam, H. (Eds.). (2003). *The Cultural Cold War in Western Europe 1945–1960*. L., Portland, Frank Cass. 335 p.

Tikhomirov, A. (2014). *“Luchshii drug nemetskogo naroda”*: kul't Stalina v Vostochnoi Germanii (1945–1961 gg.). [“Best Friend of the German People”: The Stalin Cult in East Germany (1945–1961)]. Moscow, ROSSPEN. 310 p.

Volobuev, V. V. (2018). *Pol'sha v sovetskom bloke: ot “ottepli” k krakhu rezhima* [Poland in the Soviet Bloc: From the ‘Thaw’ to the Collapse of the Regime]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo. 270 p.

Vowinckel, A., Payk, M., Lindenberger, T. (Eds.). (2012). *Cold War Cultures: Perspectives on Eastern and Western European Societies*. N. Y., Berghahn Books. 396 p.

Wheeler, N. (2018). *Trusting Enemies: Interpersonal Relationships in International Conflict*. Oxford, Oxford Univ. Press. 384 p.

The article was submitted on 20.01.2020

THE WORLD YOUTH FESTIVAL AS A SOVIET CULTURAL PRODUCT DURING THE COLD WAR*

Pia Koivunen

University of Turku,
Turku, Finland

This article discusses Soviet cultural diplomacy from the perspective of cultural production. It analyses a Soviet-sponsored international event, the World Festival of Youth and Students, as a cultural product created within the socialist system. The first festival was held in Prague in 1947, and the tradition continued throughout the Cold War period until today. Earlier scholarship has examined the festival as a propaganda tool, a forum for cross-cultural encounters, and a battlefield of the cultural Cold War between the capitalist West and the socialist East. Much has been written about individual world youth festivals and national delegations, while the design, cultural background and fundamental ideas behind the event have been much less acknowledged. By employing the concept of mega-event and comparing the festival with iconic international events, such as World's Fairs and the Olympic Games, it discusses the festival's composition and evolution, its reception, and how the event found its place in a world shaped by the tensions between the two social systems. It employs materials from the main organiser of the event, the World Federation of Democratic Youth, documents from the Communist Youth League (Komsomol) and the Communist Party of the USSR, and contemporary newspapers and magazines. The author argues that the USSR developed an attractive global cultural institution, which well suited the Cold War environment but was too dependent on financial support from the socialist bloc and too tied to the political agenda of the Soviet Union to become a universally accepted institution.

Keywords: World Youth Festival, mega-event, cultural production, cultural Cold War, WFDY, IUS, Komsomol.

Рассматривается советская культурная дипломатия как пространство производства культуры. В центре авторского анализа – Всемирный фестиваль молодежи и студентов, спонсируемое советской стороной международное событие, особый культурный продукт, созданный в рамках

* *Citation:* Koivunen, P. (2020). The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1612–1628. DOI 10.15826/qr.2020.5.548.

Цитирование: Koivunen P. The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1612–1628. DOI 10.15826/qr.2020.5.548.

социалистической системы. Проведение первого фестиваля в Праге в 1947 г. заложило традицию, сохранившуюся не только на протяжении всего периода холодной войны, но и пережившую ее. Всемирный фестиваль молодежи и студентов рассматривался организаторами как пропагандистский инструмент, форум для встреч представителей разных культур и поле битвы культурной холодной войны между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком. В научной литературе значительное внимание уделено отдельным фестивалям и национальным делегациям, менее изученными до сих пор оставались дизайн, культурный фон и фундаментальные идеи, лежавшие в основе мероприятия. Используя концепцию мегасобытия и сравнение с признанными международными событийными площадками (всемирными выставками и Олимпийскими играми), автор анализирует специфику создания молодежного фестиваля, его восприятия различными аудиториями, а также его эффективность в соответствии с поставленными перед ним советской культурной дипломатией задачами. Источниковую базу статьи составили материалы Всемирной федерации демократической молодежи (главного организатора фестивалей), документы ВЛКСМ и КПСС, а также современные газеты и журналы. Сделан вывод о том, что СССР разработал привлекательный глобальный культурный институт, который хорошо подходил для условий холодной войны, но слишком зависел от финансовой поддержки со стороны социалистического блока. Тесная связь с политической повесткой Советского Союза помешала Всемирному фестивалю молодежи и студентов приобрести всеобщее признание.

Ключевые слова: Всемирный фестиваль молодежи и студентов, мегасобытие, производство культуры, культурная холодная война, Всемирная федерация демократической молодежи, Международный союз студентов, комсомол.

Soviet cultural diplomacy has recently been examined by a number of scholars who have enlightened us about the ways in which the USSR employed its cultural resources abroad and at home before and during the Cold War. Studies on tourism, cultural exchange, participation in mega-events, friendship societies, artistic tours and face-to-face interactions have shown how existing forms of culture and arts were harnessed for plans to influence foreign publics in favour of the socialist system [David-Fox; Applebaum; Babiracki]. Much of the research on the Soviet side in the cultural Cold War has focused on cultural activities and campaigns rather than on the inventive side of cultural diplomacy, in other words, the creation of new forms, structures and products in the culture and arts. This essay looks at Soviet cultural diplomacy from the perspective of cultural production [Griswold; Clarke].

In the spring of 1947, hundreds of youth and student associations around the world received an invitation to a brand new event that was going to take place in Prague, Czechoslovakia, next summer. According to its organizers, this event, the World Festival of Youth, aimed at giving “practical meaning

1. Warsaw festival 1955 // Labour Museum Werstas. Tampere, Finland

to the sincere desire of young people to learn about each other and build lasting friendship". They emphasised that the celebration was open to all young people from different national, ethnic, religious or political backgrounds and that it would provide a programme of all possible interests [Friendship News, p. 22]. Held two years after the end of World War Two, the Prague Festival of 1947 was immensely popular. 17,000 young people gathered to discuss visions of the future world and to dance, sing and have a good time after the dreadful years of total war. The Prague Festival became the first in a series of massive public celebrations that, during the post-war years, developed into a regularly organized international event and served as an arena for trans-systemic communication, competition and struggle during the Cold War years.

The World Festival of Youth and Students (hence the World Youth Festival) has been called many things depending on the perspective. In the USSR, the festival was treated as a political mass event of the democratic youth movement, governed by the World Federation of Democratic Youth and the International Union of Students. The festival's peace agenda linked it to the World Peace Movement; sometimes, the series of festivals has been referred to as the festival movement [Мошняяга]. During the Cold War years, Western scholars and journalists approached the event primarily in the context of Soviet foreign propaganda and Soviet-sponsored front organizations [Barghoorn, passim.]. Recent scholarship has widened the discussion of cultural, sexual and ideological exchange, youth culture and social movements, emphasising the festival as a bridge between East and West, North and South [Roth-Ey; Taylor; Koivunen; Rutter].

This paper analyses the World Youth Festival as a cultural product of the socialist system. Unlike much of the earlier research, which has focused on individual festivals and/or national delegations, this essay introduces an in-

2. Bucharest youth festival 1953 // Labour Museum Werstas. Tampere, Finland

stitutional perspective. It discusses the design and development of the event, analyses its components and elaborates on its roots in different celebration traditions. It argues that the World Youth Festival was one of the most well-known and successful cultural products of the USSR. In comparison with other international events of the socialist system, such as the Workers' Olympics (*Spartakiads*) or the Intervision Song Contest, the World Youth Festival was not an attempt to create a socialist alternative to an existing event from the capitalist world. The festival borrowed a lot from various contemporary celebration traditions and major international events, as we shall see the following sections, and these adopted elements together composed an original concept – a special event for the young generation.

This article is based on the archival collections of the World Federation of Democratic Youth, the Komsomol, the Anti-Fascist Committee of Soviet Youth (the Soviet member organization in the WFDY and the IUS until 1956) and contemporary media sources from the USSR, the US and the UK¹. It approaches the World Youth Festival by employing the concept of a mega-event and compares it to two iconic international events, the World's Fairs and the Olympic Games².

¹ These materials are held in the Russian State Archive of Contemporary History (Российский государственный архив новейшей истории, РГАНИ) and the Russian State Archive of Socio-Political History (Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ), as well as People's Archive (Kansan Arkisto) in Helsinki. The People's Archive's collection contains documents from the World Federation of Democratic Youth from the late 1940s and early 1950s.

² This article and its methodological approach is based on author's doctoral dissertation [Koivunen]. See also [Schiller; Попов], which both discuss individual World Youth Festivals in the context of mega-events.

The field of event studies has thus far heavily focused on mega-events created within the Western world, while events born in the socialist world or in global south have merited much less attention. The *Spartakiads* and the Intervision Contest do get marginal mentions, but the World Youth Festival seems to be invisible in the multidisciplinary field that explores various international and global events, even though it clearly meets the criteria that scholars studying the subject have attached to the concept of a mega-event. To give a classic example, the sociologist Maurice Roche characterises mega-events as “large-scale cultural events which have a dramatic character, mass appeal and international significance”. They are typically organised with governmental support and “can be said to be important elements in ‘official’ versions of public culture” [Roche, p. 1–32]. A more recent definition by the geographer Martin Müller consists of four key elements an event needs to qualify as a mega-event: visitor attractiveness, mediated reach, costs and transformative impact. While these four elements are crucially important factors in defining what mega-events are about, Müller’s focus on quantitative requirements in terms of costs and the number of spectators leaves out practically all events before the emergence of television and thus underestimates their historical importance and evolution over time [Müller]. While recent scholarship on mega-events has widened to the post-socialist world, the history of hosting and creating events in the socialist world has received much less attention. This article wishes to widen the discussion on mega-events and their formation to the Cold War period and to events created within the socialist world.

Introducing a new youth event in the aftermath of World War Two

The World Youth Festival was a child of the World Federation of Democratic Youth – a Soviet-sponsored umbrella organization for youth associations. The idea of putting together a celebration for youth was suggested for the first time in the founding congress of the WFDY in London in October–November 1945, when the war had just ended and the relations between the USSR and the Western allies had not yet frozen [Kotek, p. 188–189]. The festival was one of the many activities of the WFDY, which started to organize regional and local meetings on youth rights and social issues, youth camps and exchanges for working-class youths in Europe and in the colonial world in Asia and Latin America. The World Youth Festival, however, proved to be the most attractive and popular. During the early Cold War years, with festivals in Prague (1947), Budapest (1949) and Berlin (1951), it evolved into a recognisable concept, which became acknowledged among its supporters and adversaries. In 1951, another Soviet-supported organization, the International Union of Students (IUS), founded in 1946, joined forces with the festival and the name of the event took its final form.

The World Youth Festival was a new kind of youth event, one which sought to gather the world’s young generation to meet each other and foster friendly relations between nations. The thinking behind the festival was

based on the same idea that had brought countries together to establish the United Nations. In comparison with other international youth and student meetings of that time, such as the Scout Jamboree or the Student University Games, the initial goal of the World Youth Festival was to be more diverse – not a celebration for a separate interest group but for all young people and students, regardless of social background or political engagement.

Regarding its content, the festival was an ambitious undertaking. Its programme combined cultural activities, sport games, leisure activities and political functions [Kansan Arkisto, Box WFDY 1947]. In the festival designers' desire to cover everything from culture to sports, from political and educational to recreational and entertainment activities, it was a unique enterprise. However, its shape, structure and agenda drew on existing forms of celebrations in socialist and capitalist countries.

The World Youth Festival was rooted in Soviet and socialist mass culture in many respects, yet it also differed from it a great deal. Like the May Day parades, Women's Day celebrations, *Spartakiads* or physical culture parades, the youth festival was organised top-down: its concept was created by youth league functionaries and participation was controlled by the organisers. Like pre-war Soviet festivals, the mixture of cultural and political dimensions, as well as the centrality of visual propaganda, constituted a central part of the event. Furthermore, the festival programme was based on the Soviet conception of culture as a mixture of high and popular cultures and criticism of western 'bourgeois' culture. The traditional conflict between high and low cultures was resolved by the Bolsheviks, who had apparently taken culture to a higher stage in comparison with bourgeois culture [Naimark, p. 398]. The main differences between the youth festivals and their Soviet equivalents were the context, audience and the aims. While Soviet mass festivals focused on Soviet society, the World Youth Festivals targeted the whole world: they were mostly organised outside Soviet borders and aimed at disseminating Soviet ideas on culture to 'others'.

The World Youth Festival was not the first international celebration organised by the communist youth movement. From the 1910s to the early 1940s, International Youth Week and International Youth Day served as international forums for youth celebration. Both were established by the Second Youth International, and continued to be organised by its successor, the Communist Youth International [Cornell, p. 17; Luza, p. 26–27]. During World War Two, the World Youth Council (the predecessor of the WFDY) revived this tradition by launching World Youth Week and World Youth Day. Both remained part of the WFDY's annual calendar in the post-war period: however, they never received as much attention as the World Youth Festival³. The IUS's annual celebration, International Students' Day, was celebrated on 17 November, which commemorated the Nazi repression

³ While in the 1940s and 1950s coverage of the World Youth Festival in Soviet newspapers (*Komsomols'kaia pravda*, *Pravda*, *Izvestiia*) consisted of tens of articles per festival, World Youth Week was usually mentioned only once or twice. On World Youth Week, see: [Молодые борцы за мир].

of Czechoslovak students in 1939 during the occupation of Czechoslovakia [World Student News, 1947, No. 2].

Compared with the International and World Youth Weeks, the World Youth Festival was a much larger event regardless of the measurements one uses. Instead of one week, it lasted approximately two weeks: it gathered thousands of young people and the scope of combined events of culture and sport was something never seen before. Furthermore, while the International and World Youth Weeks had been celebrated separately in each country, the World Youth Festival provided a common place for young people from different countries to party together [Kansan Arkisto, Box WFDY 1945]. A festival that demanded travelling abroad made the participation of young people much more limited than in World Youth Week, which everybody had been able to celebrate at home. This was why the WFDY and the IUS encouraged national and local member organisations to organise national and local festivals prior to the World Youth Festival in order to highlight the forthcoming global celebration and give the wider masses the opportunity to manifest peace and friendship. National and local festivals functioned as arenas for selecting the best of the best to represent one's country at the World Youth Festival, which was meant to be the highlight of the WFDY's work [World Federation of Democratic Youth Bulletin, 1946, no. 4, 6].

Bolshevik mass festivals in the 1920s and 1930s played an important role in implementing the new Soviet culture and in legitimising the new regime. According to James von Geldern, "public celebrations become particularly meaningful during times of revolutionary change, when societies not only must project themselves into the future but must grapple with the legacy of their past" [von Geldern, p. 5–6]. In a similar fashion, the World Youth Festival functioned as an efficient stage for the USSR to promote its new status in the postwar world and strengthen its cultural order in new socialist states of Eastern Europe.

Comparison with the World's Fairs and the Olympics

When the designers of the World Youth Festival sat down to sketch what the new event would be like, they not only leaned on their experiences of celebration traditions in socialist and communist movements. What they might have regarded as a model international event was the World's Fair, especially its latest versions in Paris in 1937 and New York in 1939, where the Soviet pavilions had been enthusiastically welcomed. The resemblance of the youth festival to the Olympic Games in terms of composition and structure indicates that it also might have served as a model or inspiration for the youth event.

Those WFDY meetings and Komsomol reports that have been preserved in the archives and are available to researchers do not shed light on any concrete plans to imitate any of the aforementioned mega-events or other happenings. There is, nonetheless, evidence that the organisers kept track of other international youth events. During its first years (1946–1947), WFDY bulletins closely followed what happened in the Scout movement, especially the World Scout Jamborees: large international summer camps

held regularly in different parts of the world from 1920 onwards. It is possible that the jamborees served as an early model for the World Youth Festival. At the very least, singing round a campfire and the special festival scarf and national uniforms that the delegates wore displayed similar elements to the Scout movement [World Federation of Democratic Youth Bulletin, No. 2, May/June 1946, p. 26]. Many qualities of the World Youth Festival, however, suggest that it was not merely a socialist version of the Jamboree.

Like the World's Fairs and the Olympic Games, the World Youth Festival sought to reach a global audience and form a recognisable cultural tradition with an established structure, name, message and visual representation [Gold J. R., Gold M. M., p. 17–47]. The sport historian Barbara Keys describes the Olympic movement as a universal form of communication, which is made of symbols and terms understandable to all sports enthusiasts around the world [Keys, p. 1–2]. Similarly, the World Youth Festival's core message of "peace and friendship", which was materialised in slogans, announcements, leaflets, articles, posters and the visual design of the festivals, constituted a special language, which became known both to the festival organisers and their opponents. Furthermore, the World Youth Festival shared the characteristic idea for mega-events of representing "the world in a village, creating a global public space for a limited time span". Instead of confining events to a limited group in official venues, the whole host city was employed as the stage, which meant that the impact of the games or festivities transcended far beyond the official delegates to the streets and squares of the celebrating city [Kaiser].

Similarities with the concept of the World's Fair were noted already in 1947 by William Attwood, who described the Prague Festival as a "world's fair in miniature" in *The New York Times* [The New York Times, 1947, 14 Sept.]. The World's Fairs, especially in the late nineteenth and early twentieth centuries, can be seen as manifestations of western cultural and technological modernity and dominant western cultural values. In a similar fashion, the World Youth Festivals promoted an idea of modernity: however, it was an alternative view largely shaped by the Soviet way of looking at the future. The national exhibitions and artistic competitions in particular resembled the World's Fairs in their attempt to demonstrate the best qualities of each nation's cultural traditions, while also providing forums for the organisers to disseminate their dominant cultural ideas [Munro]. While the World's Fairs emphasised industrial progress in the material and consumer cultures of the western industrial powers, the World Youth Festivals focused more on the immaterial and spiritual dimensions of culture and arts. Emphasising deep spiritual and intellectual, rather than material and shallow, dimensions of culture was typical for Soviet cultural conceptions that considered Soviet culture, rooted in long-standing Russian traditions, to be on a higher level than the western, bourgeois and decadent culture.

As for the structural and institutional dimensions, the closest capitalist model for the World Youth Festival was the Olympic Games. Like the Olympic Games, and modern sport in general, the World Youth Fes-

tival was based on national representation but at the same time emphasised a universal message that surpassed nationalism [Keys, p. 2]. Both the Olympic Games and the World Youth Festivals occurred in regular cycles (the Olympics on a quadrennial basis and the Youth Festival on a biennial basis until 1959), national delegations or teams were visualised in national flags and uniforms and organisation was handled by international bodies (the international preparatory committee/the International Olympic Committee). They used recognisable symbols and shared similar quasi-religious rituals (e. g. the opening ceremony, releasing doves, a torch/festival relay and a special hymn) [Gold, Revill, p. 62]. At the early festivals, the organizers used either the white dove designed by Pablo Picasso for the World Peace Congresses or a picture where male and female figures held hands around a globe, similar to the United Nations' globe symbol [Deery]. A more direct mimicking also took place, like at the Berlin 1973 Festival, whose visual appearance came close to the design of the Munich Olympic Games [Schiller, p. 62–63].

The youth festival's resemblance of the Olympics is most obvious in the use of ceremonies. Numerous photographs and film material from the World Youth Festivals show how national delegations with national flags, and some dressed in national uniforms, marched in alphabetical order to the stadium, where the opening and closing ceremonies took place. The Olympic Games has come to be understood primarily as a sporting competition, in contrast to the thinking of the father of the modern Olympics, Pierre de Coubertin, who embraced the idea of mixing the intellectual and physical arts. The World Youth Festival, instead, more comprehensively embraced every part of human culture, and in this sense better resembled the conception of both the ancient and Coubertin's Olympics, combining "sports, the arts, technology and culture as mutually enriching and inter-related aspects of human life" [Gold, Revill, p. 59–83].

The World Youth Festival also resembled the Olympic Games in that the festival programme included international sports matches, whose sporting spectrum coincided with that of the Summer Olympics: this 'Olympic festival for students' was sometimes compared to the 'real Olympics' [World Student News, 1954, No. 12]. In the 1950s, before the Soviet Union joined the International Olympic Committee, the sporting games at the World Youth Festivals were important international sporting arenas for socialist athletes as well as sports fans, who wished to see socialist sports stars [Riordan, p. 73–74].

Despite the many similarities with the Olympic Games, Komsomol officials and leading figures in the WFDY hardly intended the World Youth Festival as a "counter-Olympic boycott", as John Hoberman has suggested [Hoberman, p. 18]. As Barbara Keys has shown, in the late 1940s, the Soviet Union was already prepared to enter the elite sporting world, which it had earlier opposed as alien to the workers' movement. When the World Youth Festival started, the Soviet Union was taking steps toward membership in the Olympic movement, sending an observer to the London games in 1948,

and entering the games for the first time in Helsinki in 1952 [Keys, p. 3, 5, 169, 158–180; Прозуменщиков].

Rather than attempting to create a socialist parallel to the Olympic Games, the idea was to establish a completely new kind of a mega-event for the young generation. By mixing elements from the Olympic Games, World's Fairs, Scout jamborees, Soviet mass festival, artistic and sport competitions and political demonstrations, the World Youth Festival neither tried to become a Stalinist Olympics nor a Socialist World's Fair, but rather a universally valued international event for the youth. Like the Olympic Games and the World's Fairs that, according to Roche, contributed to the formation of 'international public culture' [Roche, p. 21–22], the World Youth Festival also had an impact on international public culture, albeit in a different way than its designers had initially intended.

From a universal ideal to socialist internationalism

In a post-war world where mutual distrust and suspicion were driving the former Allies into a new conflict, it was complicated to establish global forums that would be recognised by both sides. The original vision of unifying all young people regardless of political standpoint soon changed to a celebration of socialist internationalism and peace work in the Soviet style. In the West, the World Youth Festival never obtained the status of a universal gathering, instead becoming associated with the Soviet Union and communism. In a number of Western countries, the political establishment considered the festival as harmful communist influence on young people and students, which pushed them to make efforts to hinder travelling to the "communist rallies" and organise competing activities in Berlin (1951), Vienna and Helsinki (1962) [Krekola, Mikkonen]. Consequently, and against the publicly articulated aims of its founders, the festival did not become a shared forum for cultural exchange, but a battleground in the cultural Cold War between socialism and capitalism. Nigel Gould-Davis has argued that because of the threat of nuclear war, superpower rivalry moved to non-military forms, such as culture, the arts and sports [Gould-Davies, p. 195]. It also worked the other way around: attempts to build global institutions faced – at quite an early stage – the superpower conflict that expanded from high politics to low politics and beyond in the late 1940s.

Despite that fact that the World Youth Festival did not become a universally recognized and accepted event, it came to be a significant gathering within the socialist world. Between 1947 and 1989, the festivals gathered 10,000–34,000 participants from 71 to 162 countries. It was smaller than the World's Fairs (tens of millions of visitors), around the same size as the jamborees (11,139–30,000) and larger than the Olympic Games (669–8,319 if only athletes are counted) [Rydell; Hill]. The most popular period was the 1950s, which is often considered the period when youth culture and the understanding of young people as a particular group of consumers emerged. The festival combined two things crucial for the postwar genera-

tion: it spoke to their need to do something about world peace and offered an event particularly tailored to their age group. Thus, the World Youth Festival in the 1950s really hit the target: young people, especially from West and North European communist and democratic youth and student associations, poured into the festivals. Unlike Western propaganda sometimes had it, the hosts had no difficulties in finding enough people. Quite the contrary, there were often more people willing to come than the festivals could accommodate. The biggest delegation in the 1950s came from countries with relatively large communist parties, such as France, the UK and Finland [ПТАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 363. Л. 10; Оп. 33. Д. 38. Л. 107].

World Youth Festivals, participating countries and delegates 1947–2017

Year	Host	Countries	Participants
1947	Prague	71	17,000
1949	Budapest	82	10,400
1951	Berlin	104	26,000
1953	Bucharest	111	30,000
1955	Warsaw	115	26,000
1957	Moscow	131	34,000
1959	Vienna	112	18,000
1962	Helsinki	137	13,140
1965	Algiers	Cancelled	–
1966	Accra	Cancelled	–
1968	Sofia	138	20,000
1973	Berlin	140	30,000
1978	Havana	145	18,500
1985	Moscow	157	20,000
1989	Pyongyang	162	15,000
1997	Havana	136	12,325
2001	Algiers	151	7,127
2005	Caracas	144	17,000
2010	Tshwane	126	15,000
2013	Quito	80	8,500
2017	Sochi	180	20,000

The weakest part of the festival was the financing. Mega-events come with large costs, as was the case with the World Youth Festivals. Arranging a two-week event for 10–34,000 participants, tourists and journalists, as well as putting money into building and refining infrastructure (traffic, hotels, restaurants, stadia, concert halls), was a large investment for the host country. The need to reconstruct the urban environment was urgent in the immediate postwar years, when ruins still occupied the cityscape in Central European capitals. The popularity of the gathering also increased the costs, as it was largely based on subsidised participation fees and travel

costs. In order to get participants from all over the world, the USSR and the wealthier socialist countries not only paid for most of the organisation, but also sponsored trips to the festivals through an International Festival Fund. The journeys of many delegations from Latin America and Africa were fully covered, but countries like Finland also received financial assistance in the form of cheap transport via Soviet Union [PTACПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 36. Л. 63–65].

The festival ran more or less smoothly throughout the 1940s and 1950s, as there were enough socialist countries in Europe to organize the celebration in turns. After the largest and most successful festival was held in Moscow in 1957, the organizers attempted to widen the geopolitical reach of the event and brought it to two semi-neutral capitalist countries: Vienna in 1959 and Helsinki in 1962. Not only did these two festivals face aggressive anti-Soviet opposition in Austria and Finland, but they also demonstrated how difficult it was to arrange a mega-event of this size without support from the hosting state. Both in Austria and in Finland, the local organizational responsibility fell into the hands of communist organizations, while the state and city administration refused to support the events [Krekola, Mikkonen]. The lack of support from the political establishment became even more evident when the organisers attempted to export the festival to Africa: first in Algiers, Algeria, in 1965 and then in Accra, Ghana, a year later. Coup d'états against the pro-Soviet governments in both countries forced the cancellation of the planned festivities and put an end to testing the events' geopolitical limits. It was now evident that the festival would continue, if was to continue, within secure socialist countries. The problem was, however, that the socialist world was much less coherent and united in the 1960s than it had been before as a result of the Sino-Soviet split and divergent views on how to build socialism, making it difficult to find loyal hosts [Rutter, p. 196–198]. The poor financial situation, too, caused the frequency of the festivals to decline, an indication of which was that the GDR and the USSR, the wealthiest states in the socialist bloc, got to host their second festivals in 1973 and 1985. And when Fidel Castro's Cuba, which had volunteered as a host a few times in the 1960s, was finally allowed to arrange the fete in Havana, the USSR paid the bill [PTACПИ. М-1с. Оп. 1с. Д. 1113с. Л. 1–83].

Each of the World Youth Festivals held during the Cold War had a variety of impacts on the local, national and global levels. The festivals held soon after the war in Central Eastern Europe brought visible changes to the urban environment, with renovated buildings, repaired streets and new stadia. Some of the festivals, such as that in Moscow in 1957, became an important element in local and national shared memory, an event whose anniversaries have been celebrated with historical exhibitions in 2007 and 2017 [Три фестиваля]. The Vienna and Helsinki festivals, on the contrary, have not become part of national history writing in Austria and Finland. While the participants and hosts of the Helsinki Festival commemorated the 1962 festival in their worker's associations, it is either not mentioned at all or is placed in the context of Soviet foreign propaganda in national

narratives of Cold War Finland. The prevailing narrative is still that Soviet Union forcefully exported the festival to Helsinki [Krekola, Mikkonen].

From the point of view of Soviet cultural diplomacy, the most long-lasting impact of the World Youth Festival as an institution lies in the strength and vitality of the concept. The organization was dependent on financial support from the USSR, but the World Youth Festival always managed to get into the news in non-communist media, keeping the festival in people's minds even if the message was not always favourable for the socialist world.

* * *

The Soviet system created one of the largest youth events in world history, an event that won support among the young especially in the aftermath of World War Two. Establishing a new global event and managing to keep it going throughout the Cold War benefited Soviet cultural diplomacy goals in many respects. An attractive event that gathered thousands of participants from all over the globe demonstrated the strength of the Soviet-led democratic youth movement and its ability to network and speak to youth. The Soviet Union's Cold War opponents also realised this. The fact that non-leftist newspapers and youth organizations in the US and Western Europe vigorously boycotted the festival implies that it was considered an effective way of influencing young people. In the 1950s, there were even plans to create a youth gathering of the "free world", a competitor to the World Youth Festival, but it never materialised [Telegram from the United States delegation at the North Atlantic Council Ministerial meeting to the Department of State, 17.12.1955, 43]. The fact that the World Youth Festival was closely connected to the USSR and socialist system meant that suspicions about communist dominance over the festivals cast a shadow on its aim to act as a universal institution. The other side of the coin was that the festival organization (the WFDY, the IUS and national preparatory committees) could quite freely manifest an agenda that favoured Soviet foreign policy. In this way, the whole festival institution, not only those held in Moscow in 1957 and 1985, became infrastructure for Soviet cultural diplomacy.

The World Youth Festival was a distinctively Cold War event. Its vitality was based on the financial and organizational structures of the socialist system. When that system ceased to exist at the beginning of the 1990s, the festival, too, saw a radical change. The festival is still being organized, but its global cultural and political importance is merely a weak shadow of its Cold War predecessors. While in the Cold War the World Youth Festivals were in the news around the world, the post-1991 celebrations have hardly been mentioned outside the host countries and anti-imperialist leftist youth groups. The legacy of the festival lives on in Russia, where the Moscow festivals of 1957 and 1985 have left cultural imprints in the form of street names and shared memories. The memory of the youth festivals has also endured within workers' associations in the UK and Finland. The most recent version of the World Youth Festival shows that while the event

has survived the collapse of its main financial supporter, the USSR, it has not flourished in quite the same way as during the Cold War. The Nineteenth World Youth Festival in Sochi in 2017 was widely reported in Russia, but it received only marginal attention in the global media.

Список литературы

- Молодые борцы за мир // Правда. 1952. 21 мая. С. 1.
- Мошняга В. П. Всемирная федерация демократической молодежи. М. : Молодая гвардия, 1976. 144 с.
- Попов А. Участие СССР в организации и проведении Всемирных фестивалей молодежи и студентов // Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны : 1945–1989. М. : РОССПЭН, 2018. С. 121–169.
- Прозуменищikov М. Ю. Большой спорт и большая политика. М. : РОССПЭН, 2004. 462 с.
- РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 363; Оп. 33. Д. 38.
- РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 36; Ф. М-1с. Оп. 1с. Д. 1113с.
- Три фестиваля // Музей Москвы : [официальный сайт]. 2017. URL: <https://mosmuseum.ru/exhibitions/p/tri-festivalya/> (дата обращения: 06.07.2020).
- Applebaum R. The Friendship Project: Socialist Internationalism in the Soviet Union and Czechoslovakia in the 1950s and 1960s // *Slavic Rev.* Vol. 74. 2015. No. 3. P. 484–507. DOI 10.5612/slavicreview.74.3.484.
- Babiracki P. Soviet Soft Power in Poland. Culture and the Making of Stalin's New Empire, 1943–1957. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2015. 344 p.
- Barghoorn F C. Soviet Foreign Propaganda. Princeton : Princeton Univ. Press, 1964. 329 p.
- Clarke D. Theorising the Role of Cultural Products in Cultural Diplomacy from a Cultural Studies Perspective // *Intern. J. of Cultural Policy.* Vol. 22. 2016. No. 2. P. 147–163. DOI 10.1080/10286632.2014.958481.
- Cornell R. Youth and Communism. An Historical Analysis of International Communist Youth Movements. N. Y. : Walker and Company, 1965. 239 p.
- David-Fox M. Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012. 448 p.
- Deery P. The Dove Flies East: Whitehall, Warsaw and the 1950 World Peace Congress // *Australian J. of Politics and History.* Vol. 48. 2002. No. 4. P. 449–468. DOI 10.1111/1467-8497.00270.
- Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley : Univ. of California Press, 1993. 316 p.
- Gold J. R., Gold M. M. Athens to Athens: The Summer Olympics, 1896–2004 // *Olympic Cities. City Agendas, Planning, and the World's Games, 1896–2012* / eds. by J. R. Gold, M. M. Gold. L. : Routledge, 2007. P. 15–47.
- Gold M. M., Revill G. The Cultural Olympiads: Reviving the Panegyric // *Olympic Cities. City Agendas, Planning, and the World's Games, 1896–2012* / eds. by J. R. Gold, M. M. Gold. L. : Routledge, 2007. P. 59–83.
- Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // *Diplomatic History.* Vol. 27. 2003. No. 2. P. 193–214. DOI 10.1111/1467-7709.00347.
- Griswold W. Cultures and Societies in a Changing World. Thousand Oaks : Pine Forge Press, 2004. 193 p.
- Hoberman J. The Olympic Crisis. Sport, Politics and the Moral Order. New Rochelle : Aristide D. Caratzaz, 1986. 167 p.
- Kaiser W. The Great Derby Race: Strategies of Cultural Representation at Nineteenth-Century World Exhibitions // *Culture and International History* / eds. by J. C. E. Gienow-Hecht, F. Schumacher. N. Y. : Berghahn Books, 2003. P. 45–59.

Kansan Arkisto (People's Archive). Reijo Viitanen's Collection. Box WFDY 1947; Box WFDY 1945.

Keys B. *Globalizing Sport: National Rivalry and International Community in the 1930s*. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2006. 274 p.

Koivunen P. *Performing Peace and Friendship. The World Youth Festival as a Tool of Soviet Cultural Diplomacy, 1947–1957* : PhD Diss. Tampere : [S. n.], 2013. 372 p.

Kotek J. *Students and the Cold War*. L. : Macmillan, 1996. 279 p.

Krekola J., Mikkonen S. *Backlash of the Free World. The US Presence at the World Youth Festival in Helsinki, 1962* // *Scandinavian J. of History*. Vol. 36. 2011. No. 2. P. 231–256. DOI 10.1080/03468755.2011.565566.

Luza R. *History of the International Socialist Youth Movement*. Leyden : A. W. Sijthoff, 1970. 336 p.

Müller M. *What Makes an Event a Mega-Event? Definitions and Sizes* // *Leisure Studies*. Vol. 34. 2015. No. 6. P. 627–642. DOI 10.1080/02614367.2014.993333.

Munro L. *Investigating World's Fairs: An Historiography* // *Studies in Latin Am. Popular Culture*. Vol. 28. 2010. P. 80–94. DOI 10.1353/sla.0.0001.

Naimark N. M. *The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge : Belknap Press : Harvard Univ. Press, 1995. 586 p.

Riordan J. *Elite Sport Policy in East and West* // *The Politics of Sport* / ed. by L. Allison. Manchester : Manchester Univ. Press, 1986. P. 66–89.

Roche M. *Mega-events and Modernity: Olympics, Expos and the Growth of Global Culture*. L. : Routledge, 2000. 281 p.

Roth-Ey K. "Loose Girls" on the Loose? : Sex, Propaganda and the 1957 Youth Festival // *Women in the Khrushchev Era* / eds. by M. Ilic, S. E. Reid, L. Attwood. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. P. 75–95.

Rutter N. *Look Left, Drive Right: Internationalism at the 1968 World Youth Festival* // *Socialist Sixties. Crossing Borders in the Second World* / eds. by A. E. Gorsuch, D. Koenker. Indiana : Indiana Univ. Press, 2013. P. 193–212.

Rydell R. *World of Fairs: The Century-of-progress Expositions*. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1993. 269 p.

Schiller K. *Communism, Youth and Sport. The 1973 World Youth Festival in East Berlin* // *Sport and the Transformation of Modern Europe* / eds. by A. Tomlinson et al. L. ; N. Y. : Routledge, 2011. P. 50–66.

Taylor K. *Let's Twist Again: Youth and Leisure in Socialist Bulgaria*. Wien : Lit Verlag, 2006. 248 p.

World Federation of Democratic Youth Bulletin. 1946. No. 2, 4.

World Student News. 1947. No. 2. 1954. No. 12.

References

Applebaum, R. (2015). *The Friendship Project: Socialist Internationalism in the Soviet Union and Czechoslovakia in the 1950s and 1960s*. In *Slavic Rev.* Vol. 74. No. 3, pp. 484–507. DOI 10.5612/slavicreview.74.3.484.

Babiracki, P. (2015). *Soviet Soft Power in Poland. Culture and the Making of Stalin's New Empire, 1943–1957*. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press. 344 p.

Barghoorn, F C. (1964). *Soviet Foreign Propaganda*. Princeton, Princeton Univ. Press. 329 p.

Clarke, D. (2016). *Theorising the Role of Cultural Products in Cultural Diplomacy from a Cultural Studies Perspective*. In *Intern. J. of Cultural Policy*. Vol. 22. No. 2, pp. 147–163. DOI 10.1080/10286632.2014.958481.

Cornell, R. (1965). *Youth and Communism. An Historical Analysis of International Communist Youth Movements*. N. Y., Walker and Company. 239 p.

David-Fox, M. (2012). *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. N. Y., Oxford Univ. Press. 448 p.

- Deery, P. (2002). The Dove Flies East: Whitehall, Warsaw and the 1950 World Peace Congress. In *Australian J. of Politics and History*. Vol. 48. No. 4, pp. 449–468. DOI 10.1111/1467-8497.00270.
- Geldern, J. von. (1993). *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, Univ. of California Press. 316 p.
- Gold, J. R., Gold, M. M. (2007). Athens to Athens: The Summer Olympics, 1896–2004. In Gold, J. R., Gold, M. M. (Eds.). *Olympic Cities. City Agendas, Planning, and the World's Games, 1896–2012*. L., Routledge, pp. 15–47.
- Gold, M. M., Revill, G. (2007). The Cultural Olympiads: Reviving the Panegyric. In Gold, J. R., Gold, M. M. (Eds.). *Olympic Cities. City Agendas, Planning, and the World's Games, 1896–2012*. L., Routledge, pp. 59–83.
- Gould-Davies, N. (2003). The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. In *Diplomatic History*. Vol. 27. No. 2, pp. 193–214. DOI 10.1111/1467-7709.00347.
- Griswold, W. (2004). *Cultures and Societies in a Changing World*. Thousand Oaks, Pine Forge Press. 193 p.
- Hoberman, J. (1986). *The Olympic Crisis. Sport, Politics and the Moral Order*. New Rochelle, Aristide D. Caratzaz. 167 p.
- Kaiser, W. (2003). The Great Derby Race: Strategies of Cultural Representation at Nineteenth-Century World Exhibitions. In Gienow-Hecht, J. C. E., Schumacher, F. (Eds.). *Culture and International History*. N. Y., Berghahn Books, pp. 45–59.
- Kansan Arkisto (People's Archive)*. Reijo Viitanen's Collection. Box WFDY 1947; Box WFDY 1945.
- Keys, B. (2006). *Globalizing Sport: National Rivalry and International Community in the 1930s*. Cambridge, Harvard Univ. Press. 274 p.
- Koivunen, P. (2013). *Performing Peace and Friendship. The World Youth Festival as a Tool of Soviet Cultural Diplomacy, 1947–1957*. PhD Diss. Tampere, S. n. 372 p.
- Kotek, J. (1996). *Students and the Cold War*. L., Macmillan. 279 p.
- Krekola, J., Mikkonen, S. (2011). Backlash of the Free World. The US Presence at the World Youth Festival in Helsinki, 1962. In *Scandinavian J. of History*. Vol. 36. No. 2, pp. 231–256. DOI 10.1080/03468755.2011.565566.
- Luza, R. (1970). *History of the International Socialist Youth Movement*. Leyden, A. W. Sijthoff. 336 p.
- Molodye bortsy za mir [Young Peace Activists]. (1952). In *Pravda*. 21 May, p. 1.
- Moshnyaga, V. P. (1976). *Vsemirnaya federatsiya demokraticheskoi molodezhi* [World Federation of Democratic Youth]. Moscow, Molodaya gvardiya. 144 p.
- Müller, M. (2015). What Makes an Event a Mega-Event? Definitions and Sizes. In *Leisure Studies*. Vol. 34. No. 6, pp. 627–642. DOI 10.1080/02614367.2014.993333.
- Munro, L. (2010). Investigating World's Fairs: An Historiography. In *Studies in Latin Am. Popular Culture*. Vol. 28, pp. 80–94. DOI 10.1353/sla.0.0001.
- Naimark, N. M. (1995). *The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, Belknap Press of Harvard Univ. Press. 586 p.
- Popov, A. (2018). Uchastie SSSR v organizatsii i provedenii Vsemirnykh festivalei molodezhi i studentov [The Participation of the USSR in the Organisation and Hosting of World Festivals of Youth and Students]. In *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh kholodnoi voiny. 1945–1989*. Moscow, ROSSPEN, pp. 121–169.
- Prozumenshchikov, M. Yu. (2004). *Bol'shoi sport i bol'shaya politika* [Big Sport and Big Politics]. Moscow, ROSSPEN. 462 p.
- RGANI [Russian State Archive of Contemporary History]. Stock 5. List 28. Dos. 363; List 33. Dos. 38.
- RGASPI [Russian State Archive of Social-Political History]. Stock M-3. List 15. Dos. 36; Stock M-1c. List 1c. Dos. 1113c.
- Riordan, J. (1986). Elite Sport Policy in East and West. In Allison, L. (Ed.). *The Politics of Sport*. Manchester, Manchester Univ. Press, pp. 66–89.

Roche, M. (2000). *Mega-Events and Modernity: Olympics, Expos and the Growth of Global Culture*. L., Routledge. 281 p.

Roth-Ey, K. (2004). "Loose Girls" on the Loose? Sex, Propaganda and the 1957 Youth Festival. In Ilic, M., Reid, S. E., Attwood, L. (Eds.). *Women in the Khrushchev Era*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 75–95.

Rutter, N. (2013). Look Left, Drive Right: Internationalism at the 1968 World Youth Festival. In Gorsuch, A. E., Koenker, D. (Eds.). *Socialist Sixties. Crossing Borders in the Second World*. Indiana, Indiana Univ. Press, pp. 193–212.

Rydell, R. (1993). *World of Fairs: The Century-of-Progress Expositions*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 269 p.

Schiller, K. (2011). Communism, Youth and Sport. The 1973 World Youth Festival in East Berlin. In Tomlinson, A. et al. (Ed.). *Sport and the Transformation of Modern Europe*. L., N. Y., Routledge, pp. 50–66.

Taylor, K. (2006). *Let's Twist Again: Youth and Leisure in Socialist Bulgaria*. Wien, Lit Verlag. 248 p.

Tri festivalya [Three Festivals]. (2017). In *Muzei Moskvyy* [official website]. URL: <https://mosmuseum.ru/exhibitions/p/tri-festivalya/> (accessed: 06.07.2020).

World Federation of Democratic Youth Bulletin (1946). No. 2, 4.

World Student News (1947). No. 2. (1954). No. 12.

The article was submitted on 24.01.2020

**ZU GAST IM SOZIALISMUS:
SKANDINAVISCHES TOURISTEN ALS ADRESSATEN
DEUTSCH-SOWJETISCHER PUBLIC DIPLOMACY***

Jan-Hinnerk Antons

Helmut-Schmidt-Universität,
Hamburg, Deutschland

**VISITING SOCIALISM: SCANDINAVIAN TOURISTS
AS ADDRESSEES OF GERMAN-SOVIET PUBLIC DIPLOMACY**

Jan-Hinnerk Antons

Helmut-Schmidt-University,
Hamburg, Germany

This article considers the concerted attempt of the German Democratic Republic and the Soviet Union to influence Scandinavian tourists during Baltic Sea Week in pursuit of their foreign policy goals. The author begins by discussing the implications of 'public diplomacy' within the context of East European socialism. Before examining how German and Soviet public diplomacy strategies intertwined, the paper outlines the methods of socialist public diplomacy and the reactions of the target audience, as well as certain aspects of *Eigen-Sinn* brought by the western guests. To explore these connections, the paper draws primarily on the records of the Danish working-class movement, the organizing committees and intelligence reports by the East German Ministry for State Security. While foreign tourism in the Soviet Union typically entailed both economic and political interests, the GDR even subsidised foreign tourists and designed package tours to serve almost exclusively political purposes. Focusing on Scandinavian guests, the paper discusses their reaction to the politically loaded tourism experience. Whereas some tourists readily spread the message that the organizers wanted to send, others did not hesitate to criticise what they saw or insisted on their own apolitical agendas. In addition, differing concepts of international understanding reflected the growing distance between Western leftist visitors and Eastern European communist par-

* *Citation*: Antons, J.-H. (2020). Zu gast im Sozialismus: Skandinavische Touristen als Adressaten deutsch-sowjetischer Public Diplomacy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1629–1644. DOI 10.15826/qr.2020.5.549.

Цитирование: Antons J.-H. Zu gast im Sozialismus: Skandinavische Touristen als Adressaten deutsch-sowjetischer Public Diplomacy // *Quaestio Rossica*. T. 8. 2020. № 5. S. 1629–1644. DOI 10.15826/qr.2020.5.549.

ties. While there were hardly any measurable effects in the political realm, Baltic Sea Week seems to have produced unintended cultural effects resulting from its omnipresent friendship rhetoric and peace message.

Keywords: public diplomacy, tourism, German Democratic Republic, friendship among peoples, Baltic Sea Week.

Анализируется сотрудничество Германской Демократической Республики и Советского Союза в целях оказания идеологического влияния на скандинавских туристов в рамках Недели Балтийского моря. Автор обращается к термину «публичная дипломатия» и анализирует его специфику при изучении социализма в странах Восточной Европы. Исследуются методы социалистической публичной дипломатии, а также реакция ее целевых аудиторий, включая некоторые аспекты «своемыслия» (*Eigensinn*), которые были характерны для западных гостей «Недели». Источниковую базу составили документы датского рабочего движения, а также органов Министерства государственной безопасности ГДР. Отмечая, что иностранный туризм в условиях «реального социализма», как правило, был нацелен на реализацию не только политических, но и экономических интересов, автор доказывает, что в случае Недели Балтийского моря ГДР разрабатывала для иностранных туристов специальную программу пребывания, носившую идеологизированный характер. В центре исследовательского интереса находится реакция скандинавских гостей на подобный вид туризма. Автор доказывает, что некоторые туристы из скандинавских стран после возвращения на родину действительно транслировали идеологические послания организаторов мероприятия, другие не останавливались перед критикой того, что видели, третьи оставались равнодушными к политической пропаганде. Документы показывают, что посещавшие социалистические страны левые общественные деятели Запада не воспринимали пропаганду коммунистических партий государств Восточной Европы. Несмотря на отсутствие явно ощутимых политических последствий, Неделя Балтийского моря имела серьезный культурный эффект.

Ключевые слова: общественная дипломатия, туризм, Германская Демократическая Республика, дружба народов, Неделя Балтийского моря.

Schon in den 1920er Jahren begann die junge Sowjetunion den politischen Nutzen von Tourismus zu erproben [David-Fox; Попов]. Zunächst waren es Intellektuelle aus aller Welt, die vom sozialistischen Experiment begeistert in die Sowjetunion reisten, um den Aufbau eines neuen Gesellschaftsmodells mit eigenen Augen zu sehen. Ganz im Sinne einer Bildungsreise wurden ihnen die größten Errungenschaften des jungen Landes präsentiert. Nach 1945 entdeckte auch die DDR diese Form der internationalen Öffentlichkeitsarbeit für sich, erweiterte sie jedoch um einen wichtigen Aspekt. Nicht nur durch Anschauung sollte den ausländischen Gästen ein positives Bild des neuen Staates vermittelt werden, sondern zusätzlich durch die Verknüpfung des Be-

suches mit positiven Emotionen, die ein Erholungsurlaub am Ostseestrand hervorrief.

Zu diesen beiden Zwecken betrieb die Führung der DDR zwischen 1958 und 1975 erheblichen Aufwand, um unter dem Motto „Die Ostsee muss ein Meer des Friedens sein“ Gäste aus allen Anrainerstaaten mit einem imposanten kulturellen, sportlichen, politischen und touristischen Programm zur Ostseewoche zu empfangen.

Der Slogan entstammte der sowjetischen außenpolitischen Strategie und zielte darauf ab, die skandinavischen Staaten von der Nato zu entfremden. Er definierte die Ostseewoche weiterhin zum friedenspolitischen Gegenstück der traditionellen Kieler Woche in Westdeutschland, die erheblich durch das Schaulaufen von Marineverbänden der Bundeswehr und verbündeter Nato-Armeen geprägt war [Muschik, S. 239].

Für die DDR war die Ostseewoche aber in erster Linie ein indirektes diplomatisches Instrument, um ein positives Bild des sozialistischen Deutschlands zu popularisieren und damit dem Ziel der internationalen Anerkennung zu dienen. In diesem Mega-Event vermischten und ergänzten sich also diplomatische Interessen der Sowjetunion und der DDR. Es traten zwei Kommunikatoren mit einem gemeinsamen Rezipienten auf. Diese Internationalisierung wirft die Frage auf, wie die beiden Staaten im Sinne der Beeinflussung von skandinavischen Touristen zusammenwirkten.

Zuvor steht jedoch die Funktionsweise der politischen Indienststellung von Tourismus per se im Mittelpunkt des Interesses und mithin die Frage, auf welche Art und Weise die DDR um ausländische Touristen warb und versuchte, sie politisch zu beeinflussen. Das zieht zweitens die Frage nach sich, welche Reaktionen die in erster Linie skandinavischen Gäste auf diese Programme zeigten, wie sie den real existierenden Sozialismus wahrnahmen und welche eigenen Agenden sie mitbrachten.

Zunächst soll jedoch eine begriffliche Schärfung erfolgen, denn auch wenn Cultural Diplomacy und Public Diplomacy häufig synonym benutzt werden und im Deutschen ohnehin nur der Begriff Kulturdiplomatie zu Verfügung steht, handelt es sich hier um zwei zu unterscheidende Phänomene.

In der Politikwissenschaft verorten viele Forschende beide Ansätze in jüngeren Globalisierungsprozessen und der Informationsgesellschaft [Goff, S. 419]. Auch wenn diese Entwicklungen das Auftreten von Kommunikationsakten zwischen Regierungen und ausländischen Bevölkerungen fraglos steigerten, läuft die Fokussierung darauf Gefahr, das Phänomen zu enthistorisieren.

Unumstritten ist, dass Cultural Diplomacy ein Softpower-Ansatz ist, der auf ausländische, nichtstaatliche Adressaten abzielt. Anstelle von Machtmitteln sollen positive Bilder zur Erreichung der eigenen Ziele eingesetzt werden. Dieser Weg der Attraktion beruht auf zwei Prämissen: Erstens benötigen gute Beziehungen ein Mindestmaß an gegenseitigem Verständnis und Respekt. Zweitens unterscheiden sich Gesellschaften durch Bildung, Sprache und Kunst, die wiederum Zugang zu einer fremden Kultur erst ermöglichen [Ibid., S. 419]. Dementsprechend definiert M. Cummings Cultural Diplomacy

acy als "exchange of ideas, information, art and other aspects among nations and their people to foster mutual understanding" [Goff, S. 420].

Public Diplomacy wird von manchen Forschenden synonym benutzt, andere sehen Cultural Diplomacy als eine auf Kulturarbeit basierende Methode der alle Formen der Kommunikation zwischen einer Regierung und ausländischen nichtstaatlichen Adressaten einschließenden Public Diplomacy. Goff unterscheidet die beiden Konzepte hinsichtlich ihrer Reziprozität: Während Cultural Diplomacy ein Interesse daran beinhaltet, den anderen zu verstehen und von ihm zu lernen, ist Public Diplomacy als unilateraler Ansatz anzusehen, bei dem es darum geht, nichtstaatlichen ausländischen Adressaten das eigene Handeln zu vermitteln [Ibid.].

Wenn wir dieser Definition folgend Cultural Diplomacy auf den real existierenden Sozialismus anwenden, erscheint es unwahrscheinlich, Fälle eines genuinen Interesses an gegenseitigem Verstehen zu finden. Statische Glaubenssätze und politische Dogmen eignen sich einfach nicht besonders gut für einen offenen Dialog. Daher sollten wir, wenn wir Goffs Definition akzeptieren, den Gebrauch von Kultur im Rahmen von Public Diplomacy im Falle des real existierenden Sozialismus nicht als Cultural Diplomacy fassen. Michael David-Fox zeigt in „Showcasing the Great Experiment“, dass sowjetische Cultural Diplomacy anfangs durchaus noch von der Idee geprägt war, auch von den intellektuellen ausländischen Touristen zu lernen, die das Land voll Neugier bereisten, und das sozialistische Projekt dadurch weiter voranzubringen. Doch mit dem Stalinismus endete diese Lernbereitschaft [David-Fox, S. 26].

Neben unidirektionaler Kommunikation gibt es ein weiteres wichtiges Charakteristikum von Public Diplomacy, welches hier von Bedeutung ist: Staaten tendieren in diesem Zusammenhang dazu, universelle Werte zu betonen [Melissen, S. 450]. Es ist also kein Zufall, dass im Rahmen der Ostseewoche politische Positionierungen um das Thema Frieden kreisten – eines der universellsten Gemeinschaftsinteressen überhaupt.

Schließlich spricht noch ein dritter Grund dafür, im vorliegenden Fall von Public Diplomacy anstelle von Cultural Diplomacy zu sprechen. Neben den kulturellen Attraktionen und Wettbewerben, die ein positives Bild der DDR zeichnen sollten, gab es auf der Ostseewoche eine Reihe von genuin politischen Veranstaltungen, die gemeinsame Interessen betonen und eine politische Botschaft senden sollten wie beispielsweise die Arbeiterkonferenz der Ostseeländer, das Frauenforum oder das Parlamentariertreffen.

Die Touristen und das Programm

Zunächst nutzte die DDR-Führung bestehende Kontakte zu ihren skandinavischen Bruderparteien, um für einen Besuch der Ostseewoche zu werben. Die ca. 1.000 ausländische Gäste der ersten Ostseewoche 1958 waren dementsprechend überwiegend aktive Kommunisten. Ihre Motive die DDR zu besuchen waren einerseits politisch, es bestand ein großes Interesse daran, den Aufbau des Sozialismus im „antifaschistischen“ deutschen Staat mit eigenen Augen zu sehen. Die Ausgangsbedingungen in der

DDR waren denen im eigenen Land sehr viel näher als im „Mutterland des Sozialismus“, der Sowjetunion, und gaben daher ein gutes Beispiel. Andererseits lockte ein günstiger Strandurlaub, denn die DDR unterstützte 1958 die Reise von 100 „klassenbewussten“ dänischen „Arbeitertouristen“ mit 10.000 Mark und deckte damit 50 % der Gesamtkosten ab [BArch. DY 34/24490. Pag. 1].

Das Werbematerial für das skandinavische Zielpublikum fokussierte in der Tat stärker auf das finanzielle Motiv. Politische Inhalte waren darin weniger zu finden, denn grundlegendes Ziel war es, über das ohnehin affirmative politische und gesellschaftliche Spektrum hinauszuwirken. Um politisch anschlussfähig zu bleiben, wurde allenfalls ein nicht näher definierter universeller Kampf für den Frieden betont. Da aber kaum ein Tourist sein Reiseziel nur aufgrund von Kostenersparnis und Friedensrhetorik auswählen wird, wurde weiterhin mit der Schönheit der Natur, insbesondere der Strände, und auch der Frauen geworben, die auf Werbebroschüren prominent in Bikinis präsentiert wurden. Die sozialistische Tourismuswerbung unterschied sich mithin kaum von kapitalistischer und hatte auch ihr „sex sells!“ – Credo verinnerlicht. Spezifisch war hier nur der Aspekt des Neuen, mit dem der sozialistische Staat auf die Hoffnungen, die viele Arbeiter in die Umsetzung ihrer Ideale in einer gerechteren Gesellschaftsordnung setzen, rekurrierte, indem er Neugier auf das neu entstandene Land als Reismotiv anführte [ABA. 3113/1. Østersøugens Bureau].

Die Zahl der ausländischen Gäste stieg zwar kontinuierlich, wenn auch mit Einbrüchen in Folge von Mauerbau und Prager Frühling, doch die SED-Führung war mit der Beeinflussung der öffentlichen Meinungen in den Herkunftsländern der Touristen keineswegs zufrieden. In Vorbereitung der Ostseewoche 1965 forderte sie nämlich, endlich Skandinavier mit wirklichem gesellschaftlichem Einfluss einzuladen, wie Parlamentarier, Lokalpolitiker, Wissenschaftler und Künstler [BArch. DR 1/20522]. Und tatsächlich gab es mit Beginn der Entspannungspolitik einen Durchbruch auf diesem Gebiet. 1970 gehörten der dänischen Parlamentarischen Delegation vier sozialdemokratische und vier linksliberale Abgeordnete an und auch in den anderen Ländern erweiterte sich das Spektrum [BArch. DA 1/12297]. Die Masse der ausländischen Gäste, die bis auf 25.000 anwuchs, stellten dennoch weiterhin einfache Touristen aus den skandinavischen Ländern. Sie wurden mit klassischen Pauschalreisen angelockt, die neben Anreise, Unterkunft und Verpflegung auch Willkommenspartys, Ausflugsprogramme und Vorträge enthielten [ABA. 3113/1].

Diese Ausflugsprogramme unterschieden sich aber von den zur gleichen Zeit in Westeuropa aufkommenden Pauschalreisen etwa ans Mittelmeer, durch ein anders gelagertes Darstellungsbedürfnis der DDR. Die Besuche von politisch relevanten Zielen wie Landwirtschaftlichen Produktionsgenossenschaften (LPGs) und anderen industriellen Betrieben sowie Marksteinen des neuen Wohnungsbaus bildeten den Schwerpunkt der Angebote. Neben den wirtschaftlichen und sozialen Errungenschaften des Sozialismus wurde mit Besuchen der Nationalen Mahn- und Gedenkstätten

auch der antifaschistische Gründungsmythos aktiv beworben. Ein Besuch in der Hauptstadt war dagegen auch von klassischem Sightseeing beeinflusst und die Besichtigung der Kreidefelsen auf Rügen schließlich rein touristisch motiviert [ABA. 3113/1]. Die Organisatoren der Ostseewoche versuchten hier die DDR als vollwertigen Staat mit einer potenten Wirtschaft, sozialer Geschlossenheit und historischer Legitimität, die eine moralische Überlegenheit gegenüber der BRD einschloss, darzustellen. Vorträge und Filmvorführungen für die ausländischen Gäste zielten in dieselbe Richtung.

Politische Verlautbarungen und Kundgebungen drehten sich häufig um das Thema Frieden und entsprachen damit der sowjetischen Strategie, den in Skandinavien weit verbreiteten Neutralitätsgedanken zu unterstützen. In diesem Zusammenhang reagierte die Führung der DDR aber auch durchaus flexibel auf den sich wandelnden Zeitgeist und nahm aktuelle Themen linker Bewegungen in Skandinavien in das Programm auf, insbesondere Ökologie [BArch. DK 5/3397. Gestaltungsbuch der Ostseemesse 1972, Umweltschutz] und Feminismus [BArch. DR 2/24809. Pressezentrum Ostseewoche 1970, Information No 5. S. 5].

Daneben verfolgten die Behörden, analog zum ausländischen Tourismus in der Sowjetunion via Intourist [Орлов, Попов; Zake], auch wirtschaftliche Ziele. Beispielsweise wurden den ausländischen Gästen auf so genannten Basaren für Westwährungen knappe Luxuswaren angeboten. Hier kam es zu einem Konflikt zwischen politischen und wirtschaftlichen Zielsetzungen, als Einheimische versuchten vor den entsprechenden Lokalitäten Tauschhandel zu betreiben, um an die ansonsten kaum verfügbaren Produkte zu kommen. Denn das in den Touristenbezirken sorgsam aufgebaute Bild der materiell erfolgreichen Volkswirtschaft wurde von dem offensichtlichen Mangel konterkariert. Eine eindeutige Priorisierung des politischen Motivs erfolgte allerdings nicht, denn die Basare wurden nicht abgeschafft, sondern nur in die Hotels der Ausländer verlegt [ABA. 3113/1. Dän. Ostseewochenkomitee, 14.11.1963; BStU. BV Rostock. AS 29/76. S. 111].

Schließlich nutzte das Ministerium für Staatssicherheit (MfS) die Kontakte zu ausländischen Gästen, die tendenziell positiv zur DDR eingestellt waren, um ihr geheimdienstliches Netz in den skandinavischen Ländern zu erweitern [BStU. 2989/68].

Reaktionen und touristischer Eigen-Sinn

Dem MfS zufolge kamen die skandinavischen Touristen mit völlig falschen Vorstellungen in die DDR, die auf Verleumdungskampagnen der westlichen Massenmedien beruhten. Diese Sicht bestätigte 1962 auch ein dänischer Delegationsleiter, der obendrein anmerkte, seine Landsleute hätten Befürchtungen gehabt, Probleme beim Verlassen des Landes zu bekommen. Der Grund dafür war ganz offensichtlich der Bau der Berliner Mauer im Jahr zuvor. Umso enthusiastischer fielen nach seinem Bericht die Reaktionen auf das tatsächliche Erleben der DDR aus. Beim Besuch eines Fischkombinats im Rostock etwa hätte insbesondere die Kinderkrippe die Augen der Besucher mit Tränen gefüllt, denn so etwas kannten sie von

zuhause nicht [BArch. DY 42/1540. Protokoll des zweiten Berufstreffens in Rostock, 12.07.1962]. Kommunistische Publikationen in Dänemark berichteten mit ähnlichem Tenor [z. B. Land og Folk, 13.07.1964]. Kinderbetreuung gehörte zu den drei am häufigsten hervorgehobenen positiven Merkmalen der DDR, daneben wurden vielfach Jobsicherheit und bezahlbare Mieten genannt. Paul Emanuel, Vorsitzender des dänischen Ostseewochenkomitees, schilderte die Eindrücke dänischer Arbeiter von den Vorzügen der DDR folgendermaßen: „Ihnen fehlt das sichere Bewußtsein, wie es die Einwohner Ihrer Republik haben: Es geht vorwärts, und alles, was wir tun, trägt dazu bei, daß unser Leben noch besser wird“ [Ostsee-Zeitung, 2–3.03.1974]. Ein finnischer Arbeiter resümierte ebenfalls ganz im Sinne des angestrebten Effekts: „Wir werden zu Hause berichten, dass jeder die DDR besuchen kann und dass dort Redefreiheit herrscht“ [BArch. DY 42/1540. Protokoll des zweiten Berufstreffens. 12.07.1962].

Es gab also Gäste der Ostseewoche, die alle Erwartungen erfüllten und genau die intendierte Botschaft verbreiteten [BStU. 2989/68. S. 74]. Nur ihr Einflussbereich stellte die SED-Führung keineswegs zufrieden. Denn charakteristisch für die Reaktion der weiteren Öffentlichkeit war ein Artikel der aus dem NS-Widerstand hervorgegangenen dänischen Tageszeitung *Information*. Sie reagierte 1961 auf einen öffentlichen Aufruf 81 dänischer Teilnehmer der Ostseewoche, die eine ausgewogenere Berichterstattung zur DDR forderten und mit der Autorität von Augenzeugen betonten, dort keinen Hunger oder auch nur Warenknappheit erlebt zu haben. *Information* widmete diesem Aufruf einen Kommentar auf der Titelseite, der die Ostseewoche als ein Potemkin'sches Dorf und die dänischen Besucher als naiv bezeichnete [Dagbladet Information, 18.07.1961, S. 1. „Potemkins Kulisser“].

Auch wenn viele Besucher mit einer positiven Einstellung zur DDR anreisten, waren sie keineswegs derartig voreingenommen, dass sie keine Missstände mehr wahrnahmen. Im Gegensatz zu den Landesbewohnern hatten Sie auch keine Gründe, diese nur hinter vorgehaltener Hand zu artikulieren. Sie wollten zwar tendenziell etwas über den Aufbau des Sozialismus lernen, hatten aber nicht die unidirektionale Kommunikation des Public-Diplomacy-Ansatzes der realsozialistischen Behörden im Sinn. Wie reagierten diese also auf öffentliche Kritik?

Relativ leicht zu entkräften war die immer wieder auftauchende Missbilligung des äußeren Erscheinungsbildes von Betrieben und Arbeitsplätzen, denn sie zielte nicht prinzipiell auf das sozialistische Modell. Als beispielsweise ein dänischer Bauarbeiter bei einem Treffen mit deutschen Kollegen die Unordnung einer Baustelle in Kühlungsborn kritisierte und dabei auch noch Beifall von seinen Landsleuten erhielt, musste der Bürgermeister eine offizielle Rüge hinnehmen [ABA. 3113/2. Nordische Gesellschaft. 20.07.1972].

Weitaus unangenehmer waren kritische Fragen zur Kollektivierung der Landwirtschaft. Teilnehmer einer LPG-Besichtigung fragten 1960 ganz unverblümt, welche Formen von Widerstand es gegen die Kollektivierung gegeben habe und wie hoch die Zahl der Selbstmorde in diesem Zusammenhang

einzuschätzen sei. Die Besuchsobjekte waren jedoch sorgfältig ausgewählt und die Arbeiter entsprechend instruiert – das MfS war mit ihren Reaktionen jedenfalls vollauf zufrieden [BStU. BV Rostock. 99/1. S. 418].

Ein weiterer Kritikstrang ergab sich mit der Ausdehnung des politischen Spektrums: Von der Friedensbotschaft angelockte undogmatische westliche Besucher deckten den heuchlerischen Charakter der Friedensrhetorik auf. So fragte 1970 ein dänischer Teilnehmer der Pädagogen-Tagung: „Dient es dem Frieden, wenn die Jugend eine vormilitärische Ausbildung erhält?“ [BArch. DA 1/12297]. In ähnlicher Intention wurde bei den Ausstellungen von Kinderzeichnung die Zentralität von militärischen Motiven kritisiert [BStU. AIM 139/77. S. 223–237]. Das internationale Jugendlager in Graal-Müritz bot ebenfalls Anschauungsunterricht zur militarisierten Gesellschaft. Zum Wecken spielte nicht nur das Orchester der Seestreitkräfte einen Morgengruß, es standen auch Schießübungen auf dem Programm [ABA. DKU. 680/394. Programm des Jugendlagers 1960].

Ins Mark der Ostseewoche trafen schließlich Beschwerden über die Form und die Dominanz der politischen Agenda. Unabhängige Jugendgruppen aus Skandinavien, die am großen Jugendlager in Graal-Müritz teilnahmen, beschwerten sich darüber, wie der „Moskau-Block“, bestehend aus den Jugendorganisationen der sozialistischen Staaten und den KP-Organisationen aus Dänemark und Norwegen, die Inhalte dominierte [ABA.DKU.680/394. Kortfatted referat af seminar af holdt i Graal-Müritz DDR 5 til 7 juli 1969]. Und die dänische Lehrgewerkschaft sprach auch für andere Organisationen, als sie ihre Teilnahme für 1972 infrage stellte, da die Pädagogen-Tagung zunehmend politisch sei und die Dänen sich instrumentalisiert fühlten [BArch. DA. 1/12297]. Damit traf sie den Nagel auf den Kopf, denn die DDR-Führung beabsichtigte tatsächlich, die verschwommenen Sympathien der Skandinavier für das Gleichheitspostulat des Sozialismus auszunutzen, um die eigene außenpolitische Agenda voranzutreiben. An einem echten Austausch im Sinne von Cultural Diplomacy hatte sie kein Interesse.

Besonders entnervt reagierten die Behörden 1967 auf norwegische Teilnehmer des Jugendlagers, deren Protest zwischen Provokation und Dogma-Kritik oszillierte. Diese huldigten, nachdem sie sich einigen Mut angetrunken hatten, lautstark ihrem Idol Mao Tse-tung, hängten sein Porträt auf, verteilten die Mao-Bibel und weigerten sich „für Breschnew zu marschieren“. Hier sahen die Behörden keinen anderen Ausweg, als auf ihr bewährtes repressives Instrumentarium zurückzugreifen: Die Bilder wurden konfisziert und geplante Fahrten nach Berlin verboten [BStU. Leiter BV Rostock. 233. Bericht „Seestern“. S. 1–3]. Allerdings wurden die ausländischen Delinquenten für DDR-Verhältnisse mit Samthandschuhen angefasst, um den Public-Diplomacy-Ansatz nicht zu torpedieren, wie folgende Auswertung der Ostseewoche 1967 des MfS nahelegt: „Das Jugendzeltlager in Graal-Müritz ist nicht gelungen. Es muß eine andere Form gesucht werden, da es die Form der diesjährigen Durchführung es nicht mehr geben darf, z. B. Mau-Anhänger (sic!), Hurereien, Saufereien. Durch verschiede-

ne Maßnahmen, wie 5 Festnahmen, Unterschriftenleistungen, Benachrichtigungen an Eltern, auch das Haarschneiden von auswärtigen Gammlern, haben dazu geführt, daß die Rowdys versuchten sich auf Graal Müritz zu konzentrieren, da sie wußten, daß die Sicherheitsorgane bei den Ausländern kurz treten“ [BStU. Leiter BV Rostock. 232].

Politisch ernst genommen wurden auch Vorfälle wie das Singen des Deutschlandliedes durch betrunkene Dänen oder das Zeigen des Hitlergrußes und der verbreitete Diebstahl von Nationalflaggen [BStU. Leiter BV Rostock. 29/1. S. 43–45]. Bezüglich des Flaggendiebstahls reichten die überführten Täter von skandinavischen und polnischen Gästen bis hin zu Angehörigen der NVA. Während die Behörden dies als Herabwürdigung von Nationalsymbolen einstufen und sogar unter „Feindtätigkeit“ verbuchten [Ibid.], sahen die „Täter“ darin vermutlich eher einen Weg, sich ungewöhnliche Souvenirs inklusive eines kleinen Adrenalinkicks zu beschaffen.

Zu diesen politisch bedeutsamen Konflikten kamen aus Perspektive der Organisatoren die Probleme des touristischen Eigen-Sinns, welche nicht zuletzt durch die oben angeführte Diskrepanz zwischen der unpolitischen Tourismuswerbung und den politischen Zielen der Ostseewoche befördert wurden. Nach der Logik der Veranstalter würde zwar einerseits schon ein Urlaub an den schönsten Stränden der DDR den sozialistischen Staat mit positiven Emotionen verknüpfen und damit eine Befürwortung der Anerkennung befördern. Andererseits mussten die Touristen aber mit Argumenten versorgt werden, wenn sie als Multiplikatoren fungieren sollten. Doch anstatt in die Informationsveranstaltungen zu strömen, brachten viele von ihnen eigene Agenden mit. Eine Gruppe von Arbeitern der Kopenhagener Tuborg-Brauerei etwa sorgte MfS-Berichten zufolge für reichlich Stimmung und einige handfeste Konflikte in Rostocker Tanzlokalen, interessierte sich aber überhaupt nicht für das politische Besuchsprogramm [BStU. BV Rostock. 616/66]. Das dänische Ostseewochenbüro forderte 1963 sogar mehr und bessere politische Bildungsangebote, damit die Touristen bei schlechtem Wetter nicht schon tagsüber dem verhältnismäßig günstigen Alkohol zusprachen, oder ansonsten einen reinen Strandurlaub verbrachten [ABA. 3113/1. Dän. Ostseewochenkomitee].

Neben hedonistischen Motiven erfolgte der Besuch der DDR häufig in der Absicht, bestehende soziale Kontakte zu pflegen. Einerseits handelte es sich dabei um Kontakte, die bei vorherigen Ostseewochen geknüpft worden waren. Denn viele der ausländischen Besucher kamen wieder und bewiesen damit, dass sie ihren vorherigen Besuch als ein positives Erlebnis bewerteten [BStU. 625/69]. Aus abstrakter Völkerfreundschaft auf kollektiver Ebene wurde damit individuelle Verbrüderung. Andere Besucher hatten Familienverbindungen in die DDR, unter ihnen auch ehemalige Republikflüchtlinge, und versuchten die auf den ersten Blick entspanntere Atmosphäre und größere Anonymität der Ostseewoche mit ihren zahlreichen internationalen Gästen zu Verwandtenbesuchen zu nutzen, ohne als individueller ausländischer Besucher misstrauisch beäugt zu werden.

Problematisch für die Begegnungen zwischen den Menschen war jedoch die unterschiedliche Auffassung davon, was unter dem im real existierenden Sozialismus überstrapazierten Begriff der Völkerfreundschaft oder Völkerverständigung zu verstehen war. Viele ausländische Gäste wollten auch auf zwischenmenschlicher Ebene mit Bürgerinnen und Bürgern der DDR ins Gespräch kommen, sich über Politik und Privates gleichermaßen austauschen und Freundschaften schließen. In einigen Fällen waren sie dabei so erfolgreich, dass nicht nur private Besuche außerhalb der Ostseewochen erfolgten, sondern auch Liebesbeziehungen entstanden. In einem Fall versteckte ein schwedischer Teilnehmer des Segelwettbewerbs eine junge Frau an Bord seines Schiffes, um sie mit nach Schweden zu nehmen. Allerdings wurde sie aufgrund einer Denunziation durch eine Arbeitskollegin kurz vor Auslaufen an Bord des Segelbootes festgenommen [BStU. BV Rostock. AU 2901/62. HA vol 1]. In einem anderen Fall verliebte sich eine junge Frau im Internationalen Jugendlager in einen Dänen, ging mit ihm nach Dänemark, heiratete ihn und besuchte einige Jahre später unter neuem Namen die Ostseewoche in der DDR, um ihren Eltern das Enkelkind vorzustellen. Vermutlich hatte sie Ihren Eltern die Unannehmlichkeiten ersparen wollen, die der Kontakt zu einer republikflüchtigen Tochter bedeutete, blieb jedoch keineswegs unentdeckt [BArch. DO 1/27591. DVP Rostock. Abschlussbericht der Ostseewoche 1958].

Für die Behörden der DDR stellten diese Fälle Worst-Case-Szenarien dar. Darüber hinaus befürchteten sie, ebenso wie Inturist in der Sowjetunion zur gleichen Zeit [Попов, с. 151], auch die Weitergabe von negativen Berichten über das Leben in der DDR bzw. Berichten von besseren Lebensumständen im Westen sowie Geheimdiensttätigkeiten. Sie konzipierten die Praxis von Völkerfreundschaft daher als relativ stark formalisierte Zusammentreffen von Berufsgruppen, Jugend- oder Frauendelegationen, die sogenannten „Ausprachen“, die selbstverständlich vom MfS überwacht wurden und im Idealfall in einer gemeinsamen schriftlichen Erklärung endeten. Hier stand eindeutig das Kollektiv im Mittelpunkt. Um allzu enge Kontakte auf persönlicher Ebene zu vermeiden, wurden die ausländischen Gäste in Nationalgruppen separiert untergebracht und mit einem engmaschigen „Betreuer“-Netz aus Inoffiziellen Mitarbeitern des MfS umgeben [BStU. Leiter BV Rostock 235/2. S. 279–283].

Die Rolle der Sowjetunion

Angesichts der omnipräsenten Freundschaftsrhetorik war vielen skandinavischen Touristen auch die Begegnung mit den sowjetischen Delegationen zu unpersönlich. Zwar waren die sowjetischen Repräsentanten vollauf bemüht, exklusive Treffen mit jeder einzelnen Nationalgruppe abzuhalten [ГАРФ. Ф. Р 5451. Оп. 52. Д., 508], verfehlten aber damit deren Bedürfnisse. Das kommunistische dänische Ostseewochenbüro schlug daher den Organisatoren vor, anstelle der Rede eines hochrangigen sowjetischen Offiziellen, Kontakte auf Augenhöhe zu ermöglichen, um mit den Menschen ins Gespräch kommen zu können [ABA 3113/1. Dän. Ostseewo-

chenkomitee. 14.11.1963]. Augenscheinlich hatten die „Sowjetmenschen“ eine besondere Anziehungskraft. Für die dänischen Touristen kamen sie nicht nur aus einem weit entfernten Land hinter dem Eisernen Vorhang, sondern auch aus dem sozialistischen Pionierland, in dem die neue Gesellschaftsordnung seit fast zwei Generationen Wirklichkeit war und somit ein „Neuer Mensch“ entstanden sein sollte. Für die Bürgerinnen und Bürger der DDR war die Bedeutung der „Sowjetmenschen“ noch größer: Sie waren nicht nur Vorbild, sondern nichts weniger als eine Verkörperung der Zukunft. Denn alles was in der DDR bevorstand, so die ideologisch vermittelte Annahme, musste in der Sowjetunion, die im Aufbau des Sozialismus eine Generation voraus war, schon verwirklicht sein. Daher hatten die Menschen in der DDR viele Fragen, die sie gerne auf Augenhöhe mit Menschen aus der Sowjetunion besprochen hätten. Ein Fragebogen der Deutsch-Sowjetischen Freundschaftsgesellschaft von 1956, der annähernd zehntausendmal ausgefüllt wurde, gibt davon beredtes Beispiel: „Was tut die werktätige Frau in der Sowjetunion? Treibt sie des abends auch noch Sport und wirkt sie im gesellschaftspolitischen Leben mit, auch wenn sie zu Hause eine Familie hat?“. „Kann ein sowjetischer Bürger seinen Urlaub irgendwo im Ausland erleben?“ [Dralle, S. 391]. Offensichtlich suchten die Menschen in der DDR nach Antworten auf Probleme, die sich aus dem Spannungsfeld zwischen den Ansprüchen des sozialistischen Systems und der individuellen Lebensgestaltung ergaben. Viele der Respondenten fragten auch nach Möglichkeiten des persönlichen Kontakts – von der Brieffreundschaft bis zur Eheschließung.

Bezüglich des Verständnisses von „Freundschaft“ zwischen ihren eigenen und ausländischen Bürgerinnen und Bürgern stimmten die sowjetischen Behörden allerdings mit denen der DDR überein. Außerdem hatten sie auch eine noch detaillierte Vorstellung davon, was ihre Bürgerinnen und Bürger im Ausland leisten sollten: Durch ihr Verhalten nach innen und außen deutlich machen, dass sie einem überlegenen System angehörten. Dazu gehörte, Trunkenheit, intime Kontakte und unzensierte Sprache unter allen Umständen zu vermeiden [Koenker, S. 244; Tondera, S. 9]. Derartige sowjetische Auslandsreisen, die für die Reisenden immer sowohl Auszeichnung als auch Public-Diplomacy-Mission waren, führten durchaus häufig in die DDR: 1957 und 1958 stand die DDR in den Planziffern für Auslandsreisen auf Platz zwei hinter der Tschechoslowakei [Орлов, Попов, с. 229–232].

Das Konzept der Ostseewoche in Rostock sah allerdings zu keinem Zeitpunkt vor, einfache Touristen aus den sozialistischen Bruderländern Sowjetunion und Polen einzuladen, denn Ziel der Public-Diplomacy-Bemühungen waren einzig die skandinavischen Touristen. Sowjetische Delegationen waren hingegen fest in diese Bemühungen eingebunden und konnten sie professioneller und zuverlässiger erfüllen als Touristen. Erstens sollten sie die gleichwertige Staatlichkeit der DDR verdeutlichen und zweitens ihre politischen Forderungen unterstützen. Daher bestanden sie überwiegend aus Staats-, Partei- und Gewerkschaftsfunktionären, Jugendorganisationen und Künstlern.

Die erste sowjetische Delegation 1958 wurde bspw. vom Sekretär des ZK der lettischen KP Arvid Pelše geleitet, während der Gewerkschaftsfunktionär Anatolij Slepuchin aus Leningrad die Arbeiterdelegation anführte [BArch. DC 20/526. Außenministerium an Ministerrat. 01.07.1958]. 1961 und 1966 führte Antanas Snečkus, Sekretär der litauischen KP die Delegation an [BArch. DC 20/7555. Zusammensetzung der Sowjet. Delegation; Neues Deutschland, 07.07.1966] Minister oder zumindest Vizeminister der baltischen Sowjetrepubliken nahmen ebenfalls regelmäßig an der Ostseewoche teil. Die politischen Repräsentanten entstammten also vorwiegend den Ostseeregionen der baltischen Sowjetrepubliken, Leningrad, Kaliningrad und nur nachgeordnet dem politischen Zentrum in Moskau. Offenbar verzichtete die Sowjetunion ganz bewusst darauf, höchste politische Repräsentanten zu entsenden, um die skandinavischen Gäste nicht zu verschrecken [Scholz, S. 39].

Wie die nachstehende Tabelle von 1965 exemplarisch verdeutlicht, erreichten die Zahlen der Teilnehmer aus der Sowjetunion nur bei den Künstlern und Jugendlichen die Höhe der nordeuropäischen Länder.

Ostseewoche 1965: Besucher nach Herkunftsländern [BArch. DC 20/7555]

Land	Arbeiterkonferenz	Bauernforum	Frauenforum	Jugendlager	Touristen	Künstler
Sowjetunion	12	5	5	54	–	22
Polen	7	5	10	50	–	31
DDR	100	–	30	100	–	21
BRD	50	–	13	30	–	34
Finnland	112	22	20	20	61	15
Schweden	104	21	29	60	940	16
Norwegen	85	12	12	50	193	10
Dänemark	113	38	32	90	480	51
Island	11	4	6	–	17	–

Wie oben angeführt, repräsentierten die sowjetischen Delegationen die Zukunft des Sozialismus, sie mussten also als Vorbilder wahrgenommen werden und ihre Überlegenheit demonstrieren. Dafür scheute die sowjetische Führung keine Kosten und Mühen. Insbesondere im kulturellen Bereich, in dem Anerkennung auch ohne Identifizierung politischer Gemeinsamkeiten, allein aufgrund künstlerischer Exzellenz zu erreichen ist, entsandte die Sowjetunion hochkarätige Emissäre wie das Orchester der Baltischen Flotte oder das Ensemble des Bolschoi Theaters aus Moskau [BArch. DR 1/20522. Maßnahmen zur Durchführung der Ostseewoche 1965], während sie analog dazu auch im eigenen Land Kulturfestivals als touristische Attraktionen aufzubauen begann [Попов, с. 153].

Die anderen sowjetischen Delegationen verfolgten unmittelbarer politische Ziele. Auffällig ist, dass in politischen Diskussionen keinerlei Dissens zwischen ostdeutschen, polnischen und sowjetischen Teilnehmern auftrat. Zumindest liegen darüber, auch seitens des MfS, keine Berichte vor. Im Gegenteil sprangen sowjetische Diskussionsteilnehmer stets dann in die Bresche, wenn Diskussionen aus dem Ruder zu laufen schienen oder skandinavische Gäste offizielle Parteipositionen infrage stellten [vgl. BArch. DY 32/6242]. Hier agierten sie nicht als Vorbilder, sondern als ideologischer Backup. Sie unterstützten die offizielle politische Linie der SED mit der Autorität einer Supermacht. Ein typisches Beispiel stellt der oben erwähnte Fall der maoistischen Jugendlichen aus Norwegen dar. Während die deutsche Lagerleitung ihr repressives Instrumentarium zum Einsatz brachte, wurde es dem Leiter der sowjetischen Jugenddelegation überlassen, der ideologischen Abweichung inhaltlich entgegenzutreten. Was tat er also? Anstatt sich auf eine eingehende Diskussion über die rechte Form des Kommunismus und den Weg dahin einzulassen, die die Kritik der Jugendlichen ernst genommen hätte, titulierte er die Maoisten angesichts ihres unangepassten Äußeren abwertend als „Gammler“ und delegitierte damit auch ihre abweichende Meinung [BStU. Leiter BV Rostock. 233. S. 1–3]. Ihre langen Haare und zerschlissenen Parkas standen für die kulturelle Kluft zwischen den kommunistischen Kaderparteien und den prokommunistischen alternativen Milieus im Westen und diskreditierten letztere in den Augen ersterer, da sie gegen einen Teil des Wertekanons (Ordnung) verstießen.

Neben dieser unterstützenden Haltung für die Genossen in der DDR verfolgte die Sowjetunion ihre eigenen Ziele eher unsystematisch. Die Skandinavischen Touristen von der Nato zu entfremden wurde mittelbar ja auch durch das Propagieren der Vorzüge des sozialistischen Gesellschaftsmodells und der Betonung seiner Friedfertigkeit gefördert.

Interessanterweise setzte die Sowjetunion abseits der Ostseewoche innerhalb aber auch außerhalb der sozialistischen Staatenwelt auch ihre Marine zu Public-Diplomacy-Zwecken ein. In der DDR gab es seit 1964 neben der Ostseewoche nämlich noch eine zweite maritime Festwoche – die Ueckermünder Haffwoche. Als wesentliche Attraktion traten hier Flottenverbände sowohl der Volksmarine als auch der Baltischen Rotbannerflotte und der polnischen Seekriegsflotte in Erscheinung. Neben Schiffsbesichtigungen wurden anlässlich des Volksfestes sogar Gefechtsvorführungen abgehalten. Um die Friedensrhetorik der Ostseewoche nicht zu konterkarieren, wurden hier im Gegensatz zur Ostseewoche allerdings keine ausländischen Touristen und Journalisten eingeladen [BStU. NV Neubrandenburg. AKG/1048]. Sowjetische Flottenbesuche, die auch außerhalb der Haffwoche und auch in Polen stattfanden, sollten innerhalb des sozialistischen Lagers insbesondere in schwierigen Zeiten Stärke demonstrieren und als symbolische Schutzzusicherung dienen. Mittels der Entsendung der modernsten Schiffstypen verwiesen die Marinebesuche auch auf die technologische und ökonomische Potenz der Sowjetunion. Die Besuche fanden daher ebenfalls im nichtsozialistischen Ausland statt. Zwischen

1954 und 1990 legten sowjetische Kriegsschiffe fünfzehnmal in Finnland und zwölfmal in Schweden an und selbst das Nato-Mitglied Dänemark empfing zwischen 1964 und 1978 sechsmal sowjetische Marineeinheiten zu freundschaftlichen Besuchen [Hiller, S. 172].

* * *

Den Erfolg der politischen Indienststellung des Tourismus für Zwecke der Public Diplomacy retrospektiv zu beurteilen, ist ein schwieriges Unterfangen. Zwar gelang es der DDR im Zuge der internationalen Entspannung auch Gäste weit über das kommunistische Spektrum der Ostseeländer hinaus in die Ostseewoche einzubinden und es kam in allen skandinavischen Ländern zur Bildung von Komitees zur Anerkennung der DDR. Tatsächlich erreichte die DDR ab 1973 auch ihre internationale Anerkennung. Doch war dies weniger eine Folge der Ostseewoche denn der generellen Entspannung des deutsch-deutschen Verhältnisses, ermöglicht durch Willy Brandts Ost- und Leonid Brežnevs Westpolitik. Durch die 1975 folgende Einstellung der aufwendigen und kostspieligen Veranstaltung verdeutlichten die Organisatoren noch einmal nachdrücklich ihren Hauptzweck. Zu einem Meer des Friedens war die Ostsee inzwischen keineswegs geworden, sie blieb eines der hochgerüstetsten Meere der Welt. Ob die deutsch-sowjetischen Public-Diplomacy-Bemühungen überhaupt erfolgreich waren, und beispielsweise die dänische Weigerung, in Friedenszeiten ausländische NATO-Truppen zu stationieren, beeinflusst haben, ist schwer nachzuweisen. Die DDR unterstütze im Rahmen der Ostseewoche die Bildung einer Einheitsfront dänischer Stationierungsgegner jedenfalls nachdrücklich [Neues Deutschland, 02.07.1959].

Für die skandinavischen Touristen bedeutete die politische Indienststellung des Tourismus in erster Linie eine umfassende, relativ einseitige Angebotsstruktur sowie Kostenersparnis. Die Veranstalter standen vor dem Dilemma, den Aufenthalt attraktiv und gleichzeitig politisch effektiv zu gestalten. Insofern ähnelte das Tourismusprogramm für manche Teilnehmer einer politischen Butterfahrt, bei der das Werbeprogramm in Kauf genommen wird, um das touristische Angebot zu nutzen. Wer sich auf eigene Faust einen interessanten Urlaub machen wollte, konnte durchaus Bewegungsspielräume nutzen. Das andererseits bei vielen Teilnehmern durchaus vorhandene ernsthaftes Interesse, etwas über den Aufbau des Sozialismus zu lernen, harmonierte nur bedingt mit marxistisch-leninistischem Dogmatismus.

Wenn wir schon bei den touristischen Praxen von Strandurlaub, Verwandtenbesuchen und zwischenmenschlicher Begegnung den Eigen-Sinn der ausländischen Gäste aufzeigen können, so kommt im Kontext der Friedensbotschaft noch eine weitere Dimension der Verselbstständigung von Public-Diplomacy-Effekten hinzu. Denn der massiv propagierte aber offensichtlich taktisch vorgetragene Slogan, „Die Ostsee muss ein Meer des Friedens sein“, der auf Souvenirs, Postkarten und Broschüren prangte, überlebte den osteuropäischen Staatssozialismus. Ein 2018 von dutzen-

den Nichtregierungsorganisationen aus Russland, Estland, Lettland, Litauen, Polen, Deutschland, Dänemark, Schweden, Finnland und weiteren Nichtanrainerstaaten unterzeichneter Apell gegen eine wieder zunehmende Militarisierung der Ostsee stand genau unter dieser Überschrift: „The Baltic Sea – A Sea Of Peace“ [World Beyond War]. Die Idee und Rhetorik eines Meeres des Friedens konnten zwar kaum eine Entfremdung der skandinavischen Regierungen von der Nato bewirken, als nichtintendierter Effekt prägten sie aber offensichtlich langfristig die Perspektive transnationaler zivilgesellschaftlicher Segmente. Vor diesem Hintergrund kann die Ostseewoche der DDR auch als ein Baustein in Richtung einer Ostseeidentität verstanden werden.

Список литературы

- ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 52. Д. 508.
- Орлов И. Б., Попов А. Д.* Сквозь «железный занавес»: Руссо туристо: советский выездной туризм. 1955–1999. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016. 351 с.
- Попов А. Д.* «Увидеть. Понять. Полюбить»: советский иностранный туризм в контексте публичной дипломатии периода холодной войны // *Новейшая история России*. 2017. № 4 (21). С. 148–160. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.415.
- ABA. 3113/1 Østersøgens Bureau; 3113/2; DKU 680/394.
- BArch. DA 1/12297; DC 20/526; DC 20/7555; DK 5/3397; DO 1/27591; DR 1/20522; DR 2/24809; DY 32/6242; DY 34/24490; DY 42/1540.
- BStU. BV Rostock. AS 29/76; 2989/68; 100/2; AU 2901/62 HA, vol. 1; 139/77; 616/66; 625/69; Leiter BV Rostock 233; 29/2; 99/1; 235/2.
- Dagbladet Information. 18.07.1961.
- David-Fox M.* Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. 416 p.
- Dralle L.* Von der Sowjetunion lernen...: zur Geschichte der Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft. Berlin: Duncker & Humblot, 1993. 509 S.
- Goff P. M.* Cultural Diplomacy // *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* / ed. by A. F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. P. 336–352.
- Hiller H.-J.* Schiffe in diplomatischer Mission. Offizielle Visiten und nichtoffizielle Auslandsbesuche von Schiffen der sowjetischen Seekriegsflotte in den Jahren 1953 bis 1991 und der Seekriegsflotte der Russischen Föderation 1992 bis 2006. Norderstedt: Books on Demand, 2008. 239 S.
- Koenker D. P.* Club Red. Vacation Travel and the Soviet Dream. Ithaca; N. Y.: Cornell Univ. Press, 2013. 328 p.
- Land og Folk. 13.07.1964.
- Melissen J.* Public Diplomacy // *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* / eds. by A. F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. P. 419–435.
- Muschik A.* Rostocker Ostseewoche vs. Kieler Woche. Die deutsch-deutsche Festwochenkonkurrenz um die Gunst der nordischen Länder // *Grenzen überwinden. Schleswig-Holstein, Dänemark & die DDR* / Hrsg. von A. Jessen, E. Moldenhauer, K. Biermann. Husum: Husum Druck und Verlagsgesellschaft, 2016. S. 236–261.
- Neues Deutschland. 02.07.1959; 07.07.1966.
- Ostsee-Zeitung. 2–3.03.1974.
- Scholz M.* „Die Ostsee muss ein Meer des Friedens sein“ – Die Rostocker Ostseewoche in der Außenpolitik der DDR (1958–1975): Diss. Greifswald: [S. n.], 1990. 208 S.
- Tondera B.* Reisen auf Sowjetisch. Auslandstourismus unter Chruschtschow und Brechnew 1953–1982. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. 340 S.
- World Beyond War: [website]. URL: <https://worldbeyondwar.org/> (accessed: 27.11.2020).

Zake I. Soviet Inturist and Foreign Travel to the Latvian SSR in the Post-Stalin Era. A Case of Ethnic Tourism // *J. of Cold War Studies*. 2018. № 20/2. P. 38–62. DOI 10.1162/jcws_a_00816.

References

- ABA. 3113/1 Østersøugens Bureau; 3113/2; DKU 680/394.
BArch. DA 1/12297; DC 20/526; DC 20/7555; DK 5/3397; DO 1/27591; DR 1/20522; DR 2/24809; DY 32/6242; DY 34/24490; DY 42/1540.
BStU. BV Rostock. AS 29/76; 2989/68; 100/2; AU 2901/62 HA, vol. 1; 139/77; 616/66; 625/69; Leiter BV Rostock 233; 29/2; 99/1; 235/2.
Dagbladet Information (1961). July 18.
 David-Fox, M. (2011). *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921 – 1941*. Oxford, Oxford Univ. Press. 416 p.
 Dralle, L. (1993). *Von der Sowjetunion lernen...: zur Geschichte der Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft*. Berlin, Duncker & Humblot. 509 S.
 GARF [State Archive of Russian Federation]. Stock R-5451. List 52. Dos. 508.
 Goff, P. M. (2015). Cultural Diplomacy. In Cooper, A. F., Heine, J., Thakur, R. (Eds.). *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*. Oxford, Oxford Univ. Press, pp. 336–352.
 Hiller, H.-J. (2008). *Schiffe in diplomatischer Mission. Offizielle Visiten und nichtoffizielle Auslandsbesuche von Schiffen der sowjetischen Seekriegsflotte in den Jahren 1953 bis 1991 und der Seekriegsflotte der Russischen Föderation 1992 bis 2006*. Norderstedt, Books on Demand. 239 S.
 Koenker, D. P. (2013). *Club Red. Vacation Travel and the Soviet Dream*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 328 p.
Land og Folk (1960). July 13.
 Melissen, J. (2015). Public Diplomacy. In Cooper, A. F., Heine, J., Thakur, R. (Eds.). *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*. Oxford, Oxford Univ. Press, pp. 419–435.
 Muschik, A. (2016). Rostocker Ostseewoche vs. Kieler Woche. Die deutsch-deutsche Festwochenkonkurrenz um die Gunst der nordischen Länder. In Jessen, A., Moldenhauer, E., Biermann, K. (Hrsg.). *Grenzen überwinden. Schleswig-Holstein, Dänemark & die DDR*. Husum, Husum Druck und Verlagsgesellschaft, S. 237–261.
Neues Deutschland. (1959). 2 July. (1966). 7 July.
 Orlov, I. B., Popov, A.D. (2016). *Skvoz' „zheleznyi zhanaves“. Russo turisto: sovetskii vyezdnoi turizm. 1955–1999* [Through the “Iron Curtain”. Russo Touristo: Soviet Outbound Tourism. 1955–1999]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 351 p.
Ostsee-Zeitung (1974). 2–3 March.
 Popov, A. D. (2017). “Uvidet’. Ponyat’. Polyubit’”: sovetskii inostrannyi turizm v kontekste publichnoi diplomatii perioda kholodnoi voiny [“See. Understand. Love”: Soviet International Tourism in the Context of Public Diplomacy during the Cold War]. In *No-veishaya istoriya Rossii*. No. 4 (21), pp. 148–160. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.415.
 Scholz, M. (1990). „Die Ostsee muss ein Meer des Friedens sein“ – Die Rostocker Ostseewoche in der Außenpolitik der DDR (1958–1975). Diss. Greifswald, S. n. 208 S.
 Tondera, B. (2019). *Reisen auf Sowjetisch. Auslandstourismus unter Chruschtschow und Breschnew 1953–1982*. Wiesbaden, Harrassowitz. 340 S.
World Beyond War [website]. (N. d.). URL: <https://worldbeyondwar.org/> (accessed: 27.11.2020).
 Zake, I. (2018). Soviet Inturist and Foreign Travel to the Latvian SSR in the Post-Stalin Era. A Case of Ethnic Tourism. In *J. of Cold War Studies*. No. 20/2, pp. 38–62. DOI 10.1162/jcws_a_00816.

The article was submitted on 08.12.2019

Origines

Д. Г. Герасимов. Портрет И. П. Елагина. Гравюра. 1773
D. G. Gerasimov. Portrait of Ivan Yelagin. Engraving. 1773

Origines

**ИСТОРИЯ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА
ЯРОСЛАВИЧА В ОПЫТЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ
О РОССИИ ИВАНА ЕЛАГИНА***

Сергей Маловичко

Государственный гуманитарно-технологический университет,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Мария Нисковская

Институт языка, литературы и истории,
Коми научный центр Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия

**THE STORY OF THE KIEVAN PRINCE IZYASLAV
YAROSLAVICH IN IVAN YELAGIN'S
AN ESSAY OF NARRATION ABOUT RUSSIA ****

Sergey Malovichko

State University of Humanities and Technology,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Mariya Niskovskaya

Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia

A handwritten manuscript of *An Essay of Narration about Russia* in nine parts is kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Культура Духа” vs “Культура Разума”: интеллеktуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»).

** Citation: Malovichko, S., Niskovskaya, M. (2020). The Story of the Kievan Prince Izyaslav Yaroslavich in Ivan Yelagin's *An Essay of Narration about Russia*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1647–1666. DOI 10.15826/qr.2020.5.550.

Цитирование: Malovichko S., Niskovskaya M. The Story of the Kievan Prince Izyaslav Yaroslavich in Ivan Yelagin's *An Essay of Narration about Russia* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1647–1666. DOI 10.15826/qr.2020.5.550 / Маловичко С., Нисковская М. История киевского князя Изяслава Ярославича в *Опыте повествования о России* Ивана Елагина // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1647–1666. DOI 10.15826/qr.2020.5.550.

and contains six books (Ф. IV-34/1–6). Its author, Ivan P. Yelagin (1725–1793), senator, director of imperial theatres, master of masonic lodges, and historian, worked on the text between 1788 and 1793. In 1803, the first part was published posthumously. This paper contains the previously unpublished chapters V and VI from the second part of *An Essay of Narration about Russia*, in which Yelagin describes the story of Izyaslav Yaroslavich, prince of Kiev (1024–1078). Historiographers will find it interesting to learn about Yelagin's attitude to the events of 1068, i. e. the uprising of the Kiev community that expelled Prince Izyaslav, who failed to protect the principality from the Cuman invasion. Researchers of historiography will note Yelagin's peculiar style in recounting history, while experts in the field of intellectual history may appreciate the description of the Russian mason's attitude to the military events of the eleventh century.

Keywords: history of Russia in the XI century, Ivan P. Yelagin, *An Essay of Narration about Russia*, Izyaslav Yaroslavovich, prince of Kiev.

Рукописный список «Опыта повествования о России» в девяти частях находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в переплете из шести книг (Ф. IV-34/1–6). Его автор, сенатор, директор императорских театров, мастер масонских лож, историописатель И. П. Елагин (1725–1793), работал над текстом с 1788 по 1793 г. В 1803 г. была посмертно опубликована первая часть его исторического произведения. Здесь впервые публикуются две главы (5-я и 6-я) из второй части рукописи «Опыта», в которых Елагин описал историю киевского князя Изяслава Ярославича (1024–1078). Для историков представляет интерес отношение историописателя к событию 1068 г. – выступлению киевской общины, изгнавшей князя Изяслава, не сумевшего защитить волость от нашествия половцев. Историографов привлечет внимание стиль работы Елагина над текстом истории, а для специалистов в области интеллектуальной истории представит интерес отношение русского масона к военным событиям XI в.

Ключевые слова: история России XI в., И. П. Елагин, «Опыт повествования о России», киевский князь Изяслав Ярославович.

Фигура сенатора, директора императорских театров, мастера масонских лож и историописателя Ивана Перфильевича Елагина (1725–1793) не забыта. Филологи исследуют его литературное [Берков, с. 61–63, 83–85 и др.] и историческое творчество [Моисеева, 1989]. Историки уделили внимание общественной и просветительской практике екатерининского вельможи [см.: Очерки русской культуры XVIII века]. Их также привлекают вопросы руководства И. П. Елагиным театрами, масонскими ложами, а также его контакты с английскими масонами [см., например: Дризен; Кросс]. Изучение И. П. Елагина в качестве историописателя во многом затрудняется тем, что его труд «Опыт повествования о России» издан лишь частично – в 1803 г. из девяти частей была напечатана первая часть «Опыта». На истори-

ческое творчество И. П. Елагина обращали внимание С. М. Соловьев, П. Н. Милюков, С. Л. Пештич и др. [Соловьев; Милюков, с. 26; Пештич, ч. 3]. Т. В. Артемьева постаралась изучить связанную с масонскими идеями историософию И. П. Елагина [Артемьева, с. 304–339]; рассматриваются и некоторые частные вопросы, связанные с его «Опытом» (знакомство Елагина со «Словом о полку Игореве» [Козлов; Моисеева, 1986]).

В сведениях о творчестве и биографии Елагина изобилуют ошибочные данные, включающие погрешности в указании названия произведения. А. В. Старчевский назвал его «Опытом любомудрого и политического о государстве российском повествования», П. Н. Милюков – «Опытом любопытного и политического о государстве Российском повествования», Д. Н. Шанский следом за Милюковым повторил: «Опыт любопытного и политического о государстве Российском повествования» [Старчевский, с. 189; Милюков, с. 26; Шанский, с. 32].

Даже информация о годе смерти И. П. Елагина неоднозначна. Митрополит Евгений (Е. А. Болховитинов) в «Словаре русских светских писателей» указал, что он умер в 1796 г., этот же год указал А. В. Старчевский, а, судя по приведенному Д. Н. Бантыш-Каменским курьезному случаю, произошедшему с Елагиным, тот был еще «жив» в 1795 г. Дату 1796 г. повторил в «Главных течениях русской исторической мысли» П. Н. Милюков, и уже в самом конце XX в. ее привел В. И. Новиков [Евгений, митр., т. 1, с. 212; Старчевский, с. 189; Бантыш-Каменский, ч. 2, с. 10–13; Масонство и русская культура, с. 476]. Некоторые исследователи сообщают другую дату – 1794 г. [Дризен, с. 117; Энциклопедический словарь, т. 11а, с. 594–595; Моисеева, 1989, с. 104] или из осторожности указывают, что жизнь Елагина закончилась в «1793/4 гг.» [Козлов, с. 23].

В последние годы своей жизни И. П. Елагин создал довольно большой по объему труд. Это подтверждают сохранившиеся варианты разных частей сочинения, свидетельствующие о проведенной им редакторской работе [ОР РНБ. Ф. IV-34/1–6; Ф. IV. 651/1–5]. Как отмечал В. П. Козлов: «черновой авторский текст, неоднократно правленный, переписывался писцом, затем Елагин вновь правил текст, который перебелился заново и еще не раз редактировался. Последняя правка, карандашная, касалась преимущественно правописания. Она представляла собой завершающую стадию работы, хотя, судя по ряду помет, не исключала и последующего, подчас весьма существенного редактирования» [Козлов, с. 24]. В Отделе рукописей РНБ есть и отдельные части списков произведения, которые переписывались уже после смерти автора. Например, ранее хранившийся в библиотеке графа Ф. А. Толстого список первой части «Опыта», написанный красивым каллиграфическим почерком [см.: ОР РНБ. Ф. IV. 1].

С 1788 г. (как свидетельствует запись на титульном листе: «Зачато 7 января 1788 года») И. П. Елагин начал писать «Опыт повествования о государях российских, о их царствованиях, от великого князя

Иоанна Васильевича третьего всея России самодержца», доведя повествование до 1564 г. [ОР РНБ. Ф. IV-34/6]. Но затем он решил создать новую историческую нарративную – опять в форме опыта, однако уже с древнейших времен до Ивана III (первоначальное название: «Опыт любомудрого и политического повествования о России» [ОР РНБ. Ф. IV-34/1]). Таким образом, к своей кончине в 1793 г. он написал девять частей «Опыта», а посмертно в 1803 г. была издана А. И. Мусиным-Пушкиным лишь первая часть под окончательным самоназванием «Опыт повествования о России» [Елагин]. Елагин не случайно выбрал формой исторической нарративной «опыт». В отличие от уже написанных В. Н. Татищевым, Ф. А. Эминым, М. М. Щербатовым и Екатериной II многотомных повествований об истории России, он хотел испытать собственную, иную модель истории России, еще не отличающуюся тщательностью нарративной отделки (об очерковой форме исторических нарративов см.: [Маловичко]).

В публикуемых 5-й и 6-й главах второй части произведения И. П. Елагина повествуется о княжении Изяслава Ярославича, в крещении Димитрия (1024–1078). Интерес к этому сюжету был вызван происшествием, случившимся в Киеве в 1068 г., – вечевым выступлением киевской общины, изгнавшей князя Изяслава, не сумевшего защитить волость от нашествия половцев. Это событие и сегодня вызывает внимание историков, так как та или иная интерпретация сообщений летописей о вечевом выступлении киевлян позволяет делать вывод о структуре управления Киевской волостью и о соотношении княжеской и вечевой власти [см.: Фроянов, Дворниченко, с. 41–83].

В произведении И. П. Елагина нет однозначного отношения к Изяславу. Сначала князь представлен победителем, а затем автор актуализирует внимание на тех аспектах его княжения, которые демонстрировали потенциальному читателю политическую нерадивость киевского правителя, его нерешительность, трусливость и зависимость от чужих советов. Последние годы пребывания Изяслава в Киеве в качестве великого князя (1078–1079) И. П. Елагин не включил в посвященные ему главы, объединенные подзаголовком «В. к. Изяслав I».

В XVIII в. русские историописатели по-разному передавали смысл сообщения летописи о вынужденном оставить киевский княжеский стол Изяславу, бежавшем в Польшу («Изяславъ же бѣжа в Ляхи» [Летопись Несторова, с. 119]). В. Н. Татищев, следуя букве письменного источника, написал: Изяслав «побежал из Киева» [Татищев, кн. 2, с. 121]; князь М. М. Щербатов отметил, что тот «изгнан из Киева» [Щербатов, т. 2, с. 14], а Екатерина II, не допуская по отношению к верховной власти позорящих ее выражений, пояснила, что Изяслав сам «вышел из Киева... поехал в Польшу» [Екатерина II, ч. 1, с. 211]. Французские авторы Н.-Г. Леклерк и П. Ш. Левек (во многом не соглашаясь с их историческими повествованиями о России, Екатерина и взялась написание «Записок касательно российской истории»)

смогли объяснить этот случай более пространно: «Изяслав с трудом убегает и укрывается в Польше» [Le Clerc, t. 1, p. 385] и «был очень счастлив, что сумел укрыться в Польше» [Levesque, t. 1, p. 206].

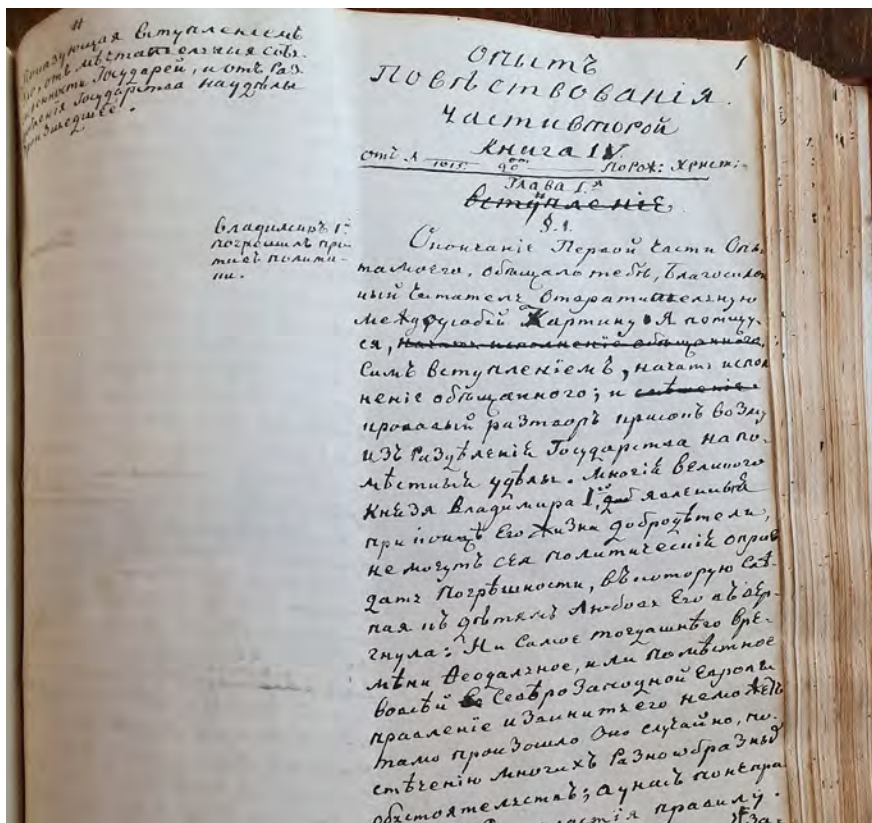
Автор «Опыта» не стал выбирать корректную форму выражений по отношению к власти при описании бегства Изяслава из Киева, а, наоборот, заслуженно принизил его, написав, что «он к срамному побегу приклонился». И. П. Елагин, объясняя изгнание и бегство князя, постарался объединить фактор неумелого руководства с неудачным советом близкого к князю окружения, пояснив: «Так робость, нерадение и дурные Изяславу от ласкателей советы, став причиною народного смятения, лишили его... престола» [ОР РНБ. Ф. IV-34/1. С. 66].

Серьезное внимание И. П. Елагин уделяет военным конфликтам, происходившим в период правления Изяслава. Как можно заметить, он относился к ним отрицательно, отмечая, что последние наносят урон и победителям, и проигравшим. Эта пацифистская позиция автора, навеянная увлечением масонскими идеями, присутствует во всем его произведении. В отличие от больших национальных историй В. Н. Татищева и М. М. Щербатова, текст И. П. Елагина в большей степени изобилует риторикой и выдуманными речами. В исторических источниках нет сведений, что вернувшиеся в Киев после поражения от половцев горожане кричали: «Мы хотим стать против супостатов; и Бог поможет нам», – или что, не найдя воеводу, «возопил народ “убьем злодея”» [Там же. С. 64].

Публикуемый фрагмент «Опыта» характеризуется оригинальностью взгляда И. П. Елагина на историю князя Изяслава и может быть востребован не только исследователями русской историографии XVIII в. и специалистами в области интеллектуальной истории, но и теми, кто изучают политическую историю России.

Текст И. П. Елагина сложен из-за употребления трудночитаемых слов, расстановки знаков препинания в произвольных местах и частого отсутствия деления на предложения. При подготовке к публикации 5-й и 6-й глав были сохранены особенности текста, характеризующего сложной стилистикой автора – любителя употреблять старые (в том числе выдуманные им самим) славянские слова.

Вторая часть «Опыта» находится в одном переплете с первой (изданной) частью рукописи и на титульной странице имеет первоначальное название «Опыт любомудрого и политического повествования о России». В последующем автор зачеркнул «любомудрого и политического», и произведение приобрело известное (по опубликованной первой части) название «Опыт повествования о России». Кроме этого, есть указание на время начала написания этой части рукописи: «Зачата сентября 10 дня 1790 года». Вторая часть «Опыта» разделена автором на книги IV–VI (I–III – в опубликованной первой части), которые, в свою очередь, имеют микроструктуру, представленную главами и параграфами. Названия последних написаны автором на полях, и в публикуемом фрагменте мы выделяем их курсивом. Рукопись име-

Первая страница второй части рукописи «Опыта повествования о России»
И. П. Елагина. Фрагмент // ОР РНБ. Ф. IV-34/1

The first page of the second part of the manuscript of *An Essay of Narration about Russia*
by I. P. Yelagin. Fragment // Department of Manuscripts of the National Library
of Russia. Stock IV-34/1

ет сквозную нумерацию, поэтому мы посчитали более удобным указывать номера страниц (нумерация листов имеется не везде). На поля рукописи автор «Опыта» выносил сноски и примечания, которые помещаются в круглых скобках в тех местах публикуемого текста, которые им соответствуют. Даты, указываемые после названия параграфа или на полях рукописи, приводятся в квадратных скобках.

При написании 5-й и 6-й глав И. П. Елагин использовал изданные Радзивилловскую («Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку», 1767) и Никоновскую (Руская летопись по Никонову списку», издавалась в 1767–1792 гг. в 8 ч.) летописи. Также он опирался на исторические произведения И. Н. Болтина, В. Н. Татищева, А.-Г. д'Орвилля и др. Публикуемые главы дают возможность увидеть специфику работы историописателя, не всегда строго придерживавшегося принятых во второй половине XVIII в. правил. Например, делая ссылку на «Нестора», он не всегда указывал страницы изданного

текста Радзивилловской летописи («Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку»), упомянув польского хрониста М. Стрыйковского, не привел название источника, и т. п. Там, где это возможно, информация восстановлена публикаторами в примечаниях.

(С. 56) **Глава 5. Великий Князь Изяслав, по крещению Димитрий**

§ 26. *В(великий) к(нязь) Изяслав идет по возприятии престола в Новъграде. Определяет правителем Посадника Стромилу.*

Первое половцев нашествие

По кончине великого Ярослава сыны его безспорно княжения свои возприяли – Изяслав сел на Престол великого Княжества Киевского; Святослав – в Чернигов; Всеволод – в Переяславль, Игорь – в Володимир, и Вячеслав – в Смоленске. Прочие ж владении, тогдашнюю Россию составлявшие, остались уделами Князей от рода Владимира I (Нестор¹, Никон(овская) летопись², Татищев³, Критич(еские) примечания И. Болтина на кн. Щербатого. Кн. II⁴). Яко то в Полоцке Княжил тогда Всеслав, сын Братислава [Брятислава], внука Владимирова: в древлянах – его ж правнук, хотя имена их летописи нам не сохранили. Ростов и Суздаль принадлежал еще при жизни Ярославой старшему его сыну Владимиру, и по нем достался Ростиславу, в Новеграду тогда живущему: и сам Новеград не принадлежал никому из сыновей Ярославовых, но свобододержащим был.

[Л(ета) 1055] Сие Новаграда правление понудило Изяслава по возприятии державы ийти в Новеград, где бывши, определил по общему избранию правителей Посадника Стромилу. Между тем Всеволод ходил с воинством на Торки, Козарам и Печенегам соплеменный народ, и оный, как говорят деяписатели, победил. Но победы токовые ни победителям пользы, кроме тщеславия, ни побежденным, больше вреда, кроме кровопролития, не приносили: ибо первые довольствовались отогнанием скота, а другие в степи с остатком убегали.

Важное лета сего приключение есть первое являние Половцов, которые под предводительством Блю[у]ша, единого из князей их, пришли к Переяславлю (С. 57) и, постановя со Всеволодом мир, безбранно в своя жилищи возвратились. В последствии повествования нашего много иметь мы будем случаев о народе сем разглагольствовать: чего ради надлежат мне при сем обстоятельстве познакомить его с читателем.

Половцы (Нестор), народ жестокий и кровожадный, идолоклонный нравами и обычаями скотам подобный, отродиа он Сарматского и остаток Угров, прошедших за Крипатские [*нрзб*, Карпатские?] горы в Венгрию. Половцы сами себя именовали Куманы и жили прежде на реках Куме, Доне и Донце; потом переселились к Днепру и, преходя за Днепр, на Болгары и Греции набеги чинили. Греки называли их Певкины, или Пеучини: Венгры имяновали их Хунеры, приема за соплеменных гуннам, и кажется, что они смешенны с ними были. А как засим первым их в России явлением не видим мы уже боле Печенегов,

¹ Имеется в виду: [Летопись Несторова].

² Имеется в виду: [Русская летопись].

³ Имеется в виду: [Татищев].

⁴ Имеется в виду: [Болтин, 1793–1794]. Так как И. П. Елагин указал «Кн. 2» данного произведения, то, скорее всего, он был знаком с текстом «Критических примечаний» в рукописи еще при жизни автора (И. Н. Болтин умер в 1792 г.).

то достоверно полагать можно, что и сии с ними ж соединилися (Татищев. Кн II, пр(имечание №): 265. (далее – *нрзб*) г-на Болгина⁵).

[Л(ета) 1057] Скоро увидим мы народ сей в непрестанных почти на Россие нашествиях. Между тем преставился князь Смоленский Вячеслав.

[Л(ета) 1058] Великий Князь Изяслав отдал его княжение Игорю, переведши его из Владимира: а сам с успехом ходил воевать Голяды (Нестор)⁶. Какой был сей народ, и где он обитал, достоверно сказать не можно. Единый Польский Писатель (Стриковский⁷) полагает его жившим в Литве; и хотя точного места не называет, однако ж правды подобно заключат можно обитание его в верховье реки Паротвы, где некогда град Голяд бывал. В сие самое время умер и Польский Кароль Казимир Мирлолюбивый, Ярославов союзник, оставя трех сынов, Болеслава, Владислава, Мешака или Мисислава, из которых первый учинился Королем под названием Болеслава Храброго.

(С. 58) § 27. Освобождение Судислава Владимировича.

Он первый из князей русских пострижен

Державный Изяслав вспомянул (про) заточение во Пскове дяди своего Судислава Владимирович, пососоветовав с братьями своими Святославом и Всеволодом сводить его из темницы, где он 28 лет в тяжком изнурении содержен был.

Поступок сей казался бы добродетелью; естлиб последствие, едва ли неравную жестокость доказало. Привезенный в Киев старец принужден был дать клятву отрешится от мира сего и восприять чин монашеский. Первый из князей Российских показал он пример, что есть насилия путь – лишать родственников имения, (зачеркнуто – жизни) не лишая жизни; и есть удобность оскверненну пороками жизнь очищати при конце черною рясою. Одно стало в последующих временах действием политики, а другое суеверным надежды мечтанием. Судислав, постриженный в Киевопечерский монастырь, благочестиво дожид оставшиися ему дни (Умерший в 1063 году, погребен в церкви святого Георгия).

[Л(ета) 1060] Вскоре по пострижении его преставился в Смоленске Князь Игорь, сын Ярославов; и тогда ж великий князь Изяслав с братьями своими Святославом, Всеволодом и Князем Полоцким Всеславом, совокупив великия из всех своих уделов войска, пошли на лодиях Днепром, и на конях бреггом, на Торки, народ, как выше объявлено, жившем между Днепра и Буга, и по Ингуле, и называвшиися иногда Козары, иногда Торки, иногда Берендии и Черные Клабуки (Нестор⁸ и протчие). Но Торки, услышав о идущем на них Российских Князей ополчении, убоялися множества и в степи побежали. Не успевших от станов своих удалится и в преследовании ушедших русские великое (С. 59а⁹) число побили, большее пленили и, приведши в Русь, в разных княжествах своих поселили: и самые ушедшие торки... (*нрзб*) (от) злоб-

⁵ О печенегах и половцах см.: [Болтин, 1788, с. 37–37].

⁶ См.: [Летопись Несторова, с. 115].

⁷ Имеется в виду сочинение польского хрониста Мацея Стрыйковского «Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi», к сожалению, И. П. Елагин не указал, какое издание Стрыйковского он использовал.

⁸ См.: [Летопись Несторова, с. 115].

⁹ С. 59 указана в двух местах, поэтому мы их разделили на с. 59а и с. 59б.

наго урагана, инья от сильныя стужи, другие от глада, и напоследок мором погибли, так что посем приключении едвали имя их в местах сих осталось (Нестор¹⁰ и протчие).

По сей над торками победе Изяслав пошел войною на Ссолы, или Сусолы, народ, соседственный пределам псковском: жилище его с некоторым основанием полагается близ Пруссии и Курляндии, где ныне самогалы или жмудь обитает (Татищ(ев): Кн: II, прим(ечание №): 269 и Стриковский).

Великий князь покорил их землю и дань по 2 000 гривен давать себе определил. Но Ссолы хоть без спорно податить сию платить обещались, однако ж по отсудствии его с войсками сборщиков дани выгнали и весною в исходе апреля месяца страшное на Псковския области учинили нападение. Многие селения разорили и выжгли и уже ко Пскову приближались; когда Псковичи при помощи Новоградцев став противу их в жестоком сражении победили; и хотя своих до 1 000 ратников во брани потеряли, но Ссолов безчисленное множество на месте побоища оставили (Нестор¹¹ и протчие). Таковы суть все тогдашних времен войны: кровь человеческая, без жалости проливаемая, ни постоянного мира, ниже пользы победителям не приносила!

§ 28. Война от Половцев под предводительством Сокала

[Л(ета) 1061] Се видим стремящееся уже зло от свирепых Половцов на Россию. Сокал, князь зверообразного сего народа, со множеством разноплеменного и лостью токмо соединенного воинства (Нестор и протчие) внес смертоносный меч и огонь (С. 59б) в пределы Переяславския. Всеволод, нашествием их уторопленный, необождая от братьев помощи, собрался, поелику скорость дозволила, своим войском выступить против сопостат из Переяславля.

Оба враждоносныя ополчения сошлись февраля 2 дня; и брань кровопролитную дать неумедлили. Всеволод, несравненного превосходства врагов одоленный, побежден и разбит подолгом и мужественном сопротивлении, тогда половцы победою возведичася, подобно весеннему вод разлитию, по всей земли разсеяли, выжгли и опустошили множество селений; и отяготели корыстями, и пленом во свояси обратилися: ибо таковыя народы редко облежанием градов занимались.

Во времена непросвещенныя, каковы тогда на всем шаре земном существовали, неудивительно, что всякие в естестве редкости суеверие страхам поражали. Деяписатели наши почитают обратное в верх Волхова течение и явщуюся в летах сих комету предвещанием нарушения в России тишины и между княжескими родами несогласия (Нестор¹² и протчие).

(Нрзб). <...> И ныне без всякого зла предсказания случается, и впредь, доколе стоит вселенная, случаться может: покажется, что таковыя знамения сим толкования невежество прилагает по открытии каких ни есть зловред-

¹⁰ См.: [Летопись Несторова, с. 115].

¹¹ И. П. Елагин некорректно сделал сноску на «Нестора» (в «Летописи Несторовой с продолжением по Кенигсбергскому списку» сообщение о войне с «сосолами» отсутствует; сообщение о походе Изяслава на «сосола» имеется в тексте другой, изданной в 1786 г. Новгородской Первой летописи по «Академическому списку», см.: [Продолжение Древней Российской Вивлиофики, ч. 2, с. 346–347]).

¹² В летописи читаем: «ВЪ сѣжѢ времена [1064] бысть знаменіе на запад, звѣзда превелика, лучи имущи аки кровавы...» См.: [Летопись Несторова, с. 116].

ных обстоятельств: ибо Повествователи обыкновенно пишут по простоте Бытия: как и в сие время Приключение оправдали суеверие.

[Л(ето) 1064] Князь Ростислав, внук Ярославов, которому по смерти Владимира, отца его, даны были во владение (С. 60) Ростов и Суздаль, переведен не правосудием дядьев своих на Волынь, во упраздненный смертию Игоря град Владимир. Ростислав, не будучи определением сим доволен, пришел, провождаемый Пореем и Вишатою, сынами Стромида, Посадника Новоградского, в Тмутаракану; град сей насильно взял и Глеба сына Святославова изгнал.

Увадав о сем Святослав, пошел к Тмутароканю с войском на Ростислава: но сей не дождался его пришествия, чтобы оружием дяди непротивится, удалился из града. Тогда Святослав, вступя невозбранно в Тмутаракан, посадил паки Глеба сына своего и возвратился в Чернигов.

Того ж лета пришел вторицею Сокал с Половцами ко пределам Руским и многия разорения начал: но Изяслав неумедлил сыдти против его в поле. Войска сошлись ноября 1 дня при граде Сновске, лежащем в Черниговской области на реке Снове, и того ж дня в бой вступили. Брань жестокая долго продолжалась: на конец приклонясь к Изяславу победа, совершенное одаление дала на супостаты. Половцев побито 12000. Князь из Сокал с иными князьми убит; и многия в плен побраны (Нестор и протчие¹³): а о русском уроне деяписатели не объявляют; но, свирепства противных ради, малого воображать невозможно.

§ 29. Князь Росливлав Владимирский умерщвлен ядом

[Л(ето) 1065] Ростислав князь Владимира и вся Червенския области в награду малых своих доходов собирал себе дань с Косогов и Яс и с иных стран окрестных.

Сие подало грекам притчину опасатся его предприимчивости и понудило к обыкновенному прибегнуть оружию, то есть к тайному ядом (С. 61) опасности виновника умерщвлению. Сего ради подослали из их некоего Котупана Грека хитра, сладкоречива, пронырлива, искателяна и в беседе забавна, шутлива. Тако сым характером скоро Котупан приобрел милость Ростиславлю: и потом всю уловил его доверенность.

Пример Государям: да неверь пришельцам, неизвестные странники часто за денги приемлют пагубоносный на себя долг. Отменная милость и возвышение Котупана ускорили пресечение жизни благодетельсвующего ему Ростислава. Случилась некогда быть при дворе пиршеств, князь с вельможами своими в полном был удовольствии, когда зломыслящей Котупан с наполненным вина сосудом подступил к князю, потогдашнему и ныне еще в Польше существующему обыкновению сказал: «до тебя, Государь, хочу сие выпить!» Обыкновение требовало, чтобы тот, кто предлагает вино, тот же сосуд непосредственно выпил (Нестор¹⁴ и протчие).

Сказав, Котупан до половины отпил и, доливая сосуд, искусно из под ногтя смертную впустил в него отраву. Князь принял убивственный сосуд и смерть свою охотно выпил, яд неведрут пагубное открыл действие, приготовленный искусно, в осмый день произвел желанный удар. Между тем, яда

¹³ В данном случае И. П. Елагин взял информацию не из летописных источников, а из «Истории» В. Н. Татищева, который дважды описал разгром половцев и потерю ими 12 тыс. человек в 1064 и в 1068 гг. См.: [Татищев, кн. 2. с. 118, 122].

¹⁴ См.: [Летопись Несторова, с. 116–117].

смешатель скрылся и убежал в Корсунь, град, на реке Россе лежащей и Греками обитаемый. Тамо единомыслом своим в нескромности объявил день кончины Ростиславой, которая точно, неврал, 3 числа и случилась (тамож).

Корсуныяне, не уверив, что Ростислав умерщлен сим злодеем (С. 62), и опасаясь князей Руских мщениа, камением его убили. Ростаслав погребен в церкви Пресвятыя Богородицы. Был, по свидетельству писателей, храб на войне; росту средняго, лепообразен: милостив и щедр нравом. Великий князь Изяслав призрил и воспитал его детей (Володаря, Василька, Давыда и Рюрика, кои потом княжили в Владимире), а дочь Святослав Черниговский (Вышеславу сего лета выдал в супружество за Болеслава Храброго, Короля Польского).

§ 30. *Междоусобие, Всеславом Полотским начатое*

[Л(ето) 1066] Но сим печали концом Ростислава не кончилися. Ужасные суеверий предсказания, выше нами предложенные, воспящение волховскаго течения, по толкованию Писателей, знаменовало несчастный Новуграду Рок. Что по Нестору (Нестор, стр.: 117) в четвертое лето, то есть сего года, случилось. Всеслав, князь Полоцкий, сын Брючислава, начал воину междоусобную, взял великий Новъ град и выжег, не в состоянии будучи удержать за собою (он же, стр.: 116¹⁵).

Подошедшей о сем к великому князю вести Изяслав, совокупя войско свое с Черниговским и Переяславским, пошел с братьями Святославом и Всеволодом против возставшего Всеслава. Невзирая на жестокость тогдашния зимы, пришли они к Минску, на реке Свилоци лежащему граду, и оной без сопротивления взяли: потом достигли до реки Немони, где марта в 3 день встречены Всеславом, и того ж месяца 10 числа, презирая глубину снега, в жестокой вступили бой.

Множество с обеих сторон пало тогда мужей храбрых: и затеевший воину Всеслав, вящее своих поражение видя, уступил победу справедливости и в Полоцк убежал. Раздраженные им князья, одолжением пользуясь, область Полоцкую немилосердно разорjali, когда, крайне ощутив изнеможение, Всеслав с прошением мира и с разкаянием к ним прислал. Изяслав (С. 63) с братьями мир сей обещали; и уверили, что возвратят ему все отобранное у него, есть ли сам к ним придет, в безопасности личной целовали ему крест – присяга обыкновенная в содержании данного обета, но часто политиками не содержимая.

Обнадеженный Всеслав пришел ко граду Орше, где тогда Изяслав с братьями находился. И едва в шатер великого князя вступил, как по усильному Святославу Совету схвачен и скован. Клятвопреступство сие произошло июля 10 дня: и потом, отвезенный в Киев с двумя его сынами, в тяжкое заперт заточение (Нестор¹⁶ и протчие).

Такое богопротивное присяги нарушение видим пропремянну в повествованиях, Папой и Магометом разрешаемое. Но в идолопоклонстве, в Геродоте и Тите Ливей мало обретаем. Мститель сему Бог не долго умедлил наказанием преступлению Изяслава.

¹⁵ И. П. Елагин неверно указал номер страницы в изданной «Летописи Несторовой с продолжением по Кенигсбергскому списку», правильно – с. 117.

¹⁶ См.: [Летопись Несторова, с. 117–118].

§ 31. *Нашествие Половцев. Руския побеждены*

[Л(ето) 1067] Половцы собрались во множестве сил, учинили на рускую землю нападение. Изяслав с братьями пришел на встречу им на реку Олту. Ночь не попрепятствовала сошедшимся вдруг сразиться войскам; но темнота не дозволила употребить военного благоустройства. По жестокой и беспорядочной сечи, русские побеждены. Изяслав со Всеволодом к Киеву в смятении прибежали; а Святослав убежал в Чернигов.

(С. 64) Прибегшие с великим князем Киевляне учинили немедленно общенародное на торговой площади собрание и согласились храбро против победителей обороняться, послали от всего народа объявить великому князю: «Мы хотим стать против супостатов; и Бог поможет нам: половцы разсеялись по земле, удобие есть, захватывая их изкоренять по частям. Дай, государь, нам оружие и кони, в том токмо и имеем недостаток, а, впрочем, не страшимся врагов» (Нестор¹⁷ и протчие).

Изяслав, робостью духа пораженный, прошению народному отказал. Тогда роптание народа обратилось на воеводу Косняча под предлогом, якобы по причине дурного предводительства его победу половцы одержали и якобы он отказу в оружие и конях виноват.

Яростен в начале волнования своего народ и всегда ищет кровью погашать первый чувствований его возпалению. В крутом обуревании возопиял народ: «убьем сего злодея»; и в неистовстве пошли многолудством к дому Коснячову. Достигли на горе двора желанного, но жертвы заклания не обрели в доме. Косняча или скрылся, или действительно был при Государе. Остановился тут народ и новому предался злоумышлению.

В виду его находящийся дом князя Брячиславля, отца заключенного Всеслава, возродил в своеволье его яд против самого Изяслава. Умыслил извлечь из темницы узника и на престол великокняжесий возвести законопреступно.

В следствие толь ужасного совета разделились бунтующих сонам (*нрзб*) на две части. Половина пошла на разграмление тюрьмы по освобождению Всеслава: а другая (С. 65) – ко двору Изяславову. Последняя, достигнув своего места и увидя великого князя на сених, вельможами окруженного, воспытались видением, столь сильно поражась чернь зрением столь государственных! Они бо суть единственная между народной кичливости и государя преграда! Остановившаяся черни ярость в поношение обратилась укорять великого Князя небрежением долга Государского в нерачительном Отечества защищении: и требует на суд свой Коснячъка и других незаботливых о благе общем вельмож.

Тогда некто из предстоящих бояр по имени Тукий, брат Чудин, советовал Изяславу, говоря: «чернь волнуется, Государь, пристало время для ея усмирения; пошли немедленно в темницу Всеславой и повели крепко ее стерещи, чтоб освобожденный народом пагибою тебе не учинился».

Совет полезный, но уже безвременный! Всеслав уже был свободен и, другою половиною мятежного народа окруженный, шествовал соединиться с неизтвующим у дворца Княжеского. Уже торжественными воплями поношение на Изяслава от ведущих его во(з)духе раздаваясь, касались слуха в чертогах находящихся. Кипели верных сердца вельмож и мужественный подавали Совет, что б отвратить оружием зло очевидное: но робкие ласкате-

¹⁷ См.: [Летопись Несторова, с. 118].

ли возражали безсилим, предлагая лутчим средствам, что коварно, якобы для договоров, подозвать к окну Всеслава и умертвить пущенною стрелою; или бежать, отдавая (с. 66) Киев ему в обладание.

Изяслав в недоумении ни первых храброго, ни другого убивственного не принял совета: но к срамному побегу приклонился. Убежал он с братом своим Всеволодом и с некими не хотящими его оставить верными Боярами: а народ узнав его отсутствие, дворец ограбил, злато, серебро и мягкую рухлядь расхитил и Всеслава 14-го числа сентября на Киевский провозгласил престол (Никон лет. Нестор и его дополнение¹⁸). Так робость, нерадение и дурные Изяславу от ласкателей советы, став причиною народного смятения, лишили его на некоторое время престола и произвели последующее в Киеве кровопролитие, о котором ниже объявить неприменем».

Глава 6. Всеславово маловременное веков княжение; междоцарствие и княжежение Изяслава I

§ 32. Изяслав побежал в Польшу. Всеслав на киевском княжении. Святослав половцев побеждает

[Л(ето) 1068] Изгнанный Изяслав убежал в Польшу, к Королю Болеславу, зятю Святославу, в покровительство – побег его оставил Всеслава в покойном Киеве обладании. Между тем Святослав, будучи в Чернигове и слыша Половцов приближение, собрал елико возможное воинство и выступил противу их к Сновску.

Половцы, бывшие по победе в разеянии, узнав Киевский мятеж, сокупилися, на Чернигов наступая; и против Святослава во брани ополчися.

Князь Руской, хотя и видел сил их несравненное превосходство, но не смутным духом войско свое устроив, к храброму противуборству поощряя, говорил: «Нет уже нам нигде (С. 67) спасения от супостат. Наступим, други, нещадя живота нашего. Жены, дети, сродни, имение и все отечество победить или славно умереть нас обязуют. Геройская смерть легче плена и неволи. Пойду я пред иду пред вами». Ободренные Героем, безстрашием ратоборцы оградилися, вслед мужественно ему следуя в бой; и, Половцов скорым стремлением помутив, на голову разбили ноября в 1 день. Русских было в действии только 3000 человек: а Половцов, на месте сочтенных, 12000. И единый из их князей пленен; не считая того урона, которой претерпели поганые, бегуще чрез реку Снову и потопающее преследованием устрашенные (Нестор¹⁹ и протчие). Победа толь знатная освободила Русь от великого на то время разорения, но сопровождаема была князей наших печалью. Кончина супруги князя Всеволода, дщери царя Константина Мономаха, общаго их сетованием была причиною.

§ 33. Изяслав просит помощи у короля польского. Болеслав идет с ним к Киеву, Всеслав в Полоцк убегает

[Л(ето) 1068] Между тем убежавший в Польшу Изяслав подвигнул и прошениями и обещаниями разных вельмож Болеслава II, Короля Польского, смелым промышлением пративу Всеслава и отклоняющагося Киева. Болеслав, сколько родством обязанный, столько состраданием, гонимому неистным Рокком князю, принужденный, собрал великое воинство, пошел с ним к пределам

¹⁸ См.: [Руская летопись, ч. 1, с. 157–158; Летопись Несторова, с. 118–119]. Что имел в виду автор под словами «и его дополнение», не вполне понятно.

¹⁹ См.: [Летопись Несторова, с. 119].

русским (Нестор и протчие). Уже приближались они к Белграду, (С. 68) недалеко от Киева, где с киевским войском ожидал их Всеслав. Но не всегда дух бодрости сущен воли и обстоятельствам человеческим.

Всеслав узрел стройное поляков ополчение, естественно, поразился робостью. Пред полагенным завтра боем ушел он из своего стана в скрываемой подлюю страмоту его ноши: и, подобно испуганному охотниками зайцу, лесами дремучими бежал в Полоцк поседми месячном в Киеве княжении.

Тогда ж от сна възпрянувшия Киявляни, узнав о побеге недостойного вождя, оставили Белград и стан свой и в беспорядке в Киеве возвратилися. Тамо сотворше Совет, прежде в укреплениях града затворилися и потом послали к Святославу и Всеволоду разных гонцов с прошением их заступления. «Мы, повелели они сказать Князьям; мы винны, признаемся; соделали зло, разкаеваемся; прогнали Князя своего и просим прощения. Призрите вы нас. Пощадите град отца вашего, есть ли мы пощады недостойны. Не дайте его Полякам в расхищение и нас в тяжкое пленение. Но есть ли вы, Князья наши, отречетесь от помощи несчастным; то мы в отчаянии, предав Стольной Руской град свирепости огня, отидем все в Греческую землю».

Оба брата отвечали Киевлянам, что они некосненно пошлют к брату своему; и потщатся упростить его, чтоб пришел он в Киев без войска иноплеменного: а ежели похощет он ийти с Поляками на разорение отеческого (С. 69) града, то они всеми силами своими тому непопустят и послешат с воинством на спасение. Сим обещанием успокоенные, селяне ожидали судьбы своей между страхом и надеждой.

§ 34. *Князья Святослав и Всеволод исполняют обет. Изяслав соглашается: и предпосылает для принятия града Мстислава сына своего. Бунтовщици наказуются*

[Л(ето) 1069] Обету следуя, Князья тогда послали к Изяславу, в Белграде еще пребывающу, и повелели снова ему: «Киевляне, любезный брат, безумием своим тебя оскорбили, посадив на княжение Всеслава, который другим безумием тебе отмстил, убежав в Полоцк. Поданныя твои в сущем раскаяния просят у тебя прощания, ты невозбранно в Киеве внити можешь: но вниди един без союзников своих. А есть ли воинством чуждым возходеш нанести гибель родительскому граду; то ведай, что мы тому быть непопустим и приужденны будем всеми силами нашими понем поборствовать».

При сем послании были и Киевские знаменитыя поверенныя, которые, со слезами народную вину и разкаяние представляя, о пощаде и помиловании просили. Изяслав на милость приклонился и с малым числом при Болеславе поляков к Киеву подвигся: но в предворение себя послал туда сына своего Мстислава (Нестор²⁰ и протчие). Сей вступив в Град, повелел представить себе начинщиков бывшего мятежа. Седмдесят человек из народа оговорены и оттысканы. Мстислав по жестокосердию, а не по достоверному доказательству иных казнил смертью, других ослепил (С. 70) глаз изторжением. Достойная казнь общия тишины нарушителям; и предостояная возмутителям противу Государя незлоумышленно погрешившаго: но жестокая, есть ли и невинные, как повествуют деяпосатели, между злодеями пострадали. В таком то случае повелевает истинная политика лучше десять простить виновных нежели единого по сумнению лишить жизни невинного.

²⁰ См.: [Летопись Несторова, с. 120].

Пришедшему Изяславу ко вратам градским плачущий о вине своей народ вышел навстретение, воплем покояния подобающе воздал ему честь (Нестор²¹ и протчие). Тако мая в 2 день, как сел Изяслав на престоле своем. Болеаслав остался на некоторое время ради отдохновения в Киеве: а войски Польския разставлены для прокормления по селам и весям. Но горделивые Поляки при малейшей поверхностной мечте обыкновенно столько дерзки, сколько при слабости подлы, не могли обуздать естественныя своея наглости и стали грабить по селам и похищать жен; следуя мерзкому примеру любострастного Короля своего, которой, другом захав в Киев, возомнил о себе, что он Ганнибал Карфагенский (Болеаслав в безмерной роскоши в Киеве зиму препроводил, более неудовольствием хозяев, нежели собственной волею побуждаемый, весною прибыл в Польшу), победивший римлян, зашел в Капую, и что жены Киевския подобны женам итальянским: но руским скоро польская надоела кичливость. В селах неистовствующия Поляки во многом числе были побиты: а Болеаслав со стыдом принужден был оставить Киев и в скорее, вместо чаяемого Россией обладания, возвратился нисчем восвояси (Les Fastes de la Pologne...). Т. 1. р. 36²²). Повествователь надменности поляков Стриковский.

(С. 71) § 35. Разныя того ж лета приключения

Изяслав, опытностью удостоверенный, что торжище, на котором народ во многочислии собирался, в отдаленности от двора его был. Негласно, с осторожностью безопасныя политики перевел он (его) с Подолия на Гору, да примечательное правление, (чтобы) со бдящим благочиния слухом, убоднее сонмы народныя наблюдать, и гласу внимать могли.

Государь, по совету братьев своих собрав войско, послал под предводительством сына своего Мстислава на Полоцк против ушедшаго туда Всеслава. Мстислав поспешил и веление отца исполнил. Дошедши Полоцка, Всеслава изгнал и сам на княжение сел Полоцком (Нестор²³ и протчие). Но недолго за тем его использовал: смерть, и победителей, и побежденных равно нещадящая, по краткой его болезни упразднила Полоцкий престол.

Услыша о чувствии тельном уроне, великий Князь послал на его место другаго сына своего Ярополка. Между тем изгнанный от туда Всеслав возхотел в замену потерянного княжения завладеть Новым градом. Пришел туда внезапно. Но Глеб Тмутараканский, сын Святославов, собрав войска новгородцев, к себе присовокупив, победил Всеслава на реке Визень, между Полоцка и НоваГрада текущей (Нестор²⁴ и другие).

[Л(ето) 1070] В сие ж время находим в деяписателях наших рождение Всеволоду Переяславскому сына Ростислава: но кто мать сему младенцу и когда (С. 72) по смерти царевны греческой отец его вторым браком посягнул, известие не обретаем. Видно, что почли они (летописцы) важнейшим для потомства известием создание при сем случае церкви в монастыре святого Андрея, названным Всеволож монастырь.

[Л(ето) 1071] В следующем году упоминается ими (летописцами) нашествие Половцов к Снятину и Ростовцу, городам на реке Суле, выше Любна, Владимиром I построенным: но о деяниях умолчено (Нестор²⁵ и протчие).

²¹ [Летопись Несторова, с. 120–121].

²² Имеется в виду: [Orville].

²³ См.: [Летопись Несторова, с. 121].

²⁴ См.: Там же.

²⁵ См.: Там же.

Скажется притом, что Всеслав с воинством пришел нечаянно к Полоцку, Святополка от туда выгнал; и сам в скоре потом братом изгнанного Ярополка побежден и, сему последнему убежавши, уступил Полоцк.

[Л(ето) 1071] Напротив того, в подробности повествуют о волхвах и черодеях и побиении оных; тако ж о принесении мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба, чудесами сопровождаемом (Нестор и тот же Никон (овская летопись)²⁶). Но я, первое баснословным суевием почитая, разпространяя в нем не нахожу надобности: а другое благоговенно ублажая, яко до меня не принадлежащее, к церковному отношению повествованию; и Минею Четью со Прологом, к удовольствию любопытства читателя предлагаю.

§ 36. *Междоусобие князей. Вторичное Изяслава с престола Киевского свержение*

[Л(ето) 1073] Деянии Государей, любомудраго проницания изследованием обнаженные, свидетельствуют нам, сколь мало умирающих владетелей, и завещаний, и учреждений, властолюбие наследников хранимы и уважаемы бывают: особливо при самовластном государства на уделы разделении. Самолюбие наследника редко из единачержавия исполняет заповеди праведна (С. 73), в обители мертвых переселивагося, а едва ли когда честолюбию своему дозволяет уважать его учреждении, есть ли они ненакоренных основаниях, узаконениях.

При разделе монархии на единокровных братьев приобщается к естественному самолюбию завидливость любостержания; и правило повиновения предку в ничтожество обращает. Доколе равновесие уделов, сынам Ярославовым определенных, существовало, толе Изяслав, Святослав и Всеволод, казалось, еще было в братолюбии: но когда, упраздненныя смертью других братьев княжении и некоторые завоевания, учинили ко великому княжеству киевскому перевес; тогда зависть, угрызшая сердце Святославова, изгнав дружбу, братство и любовь, поселила в него против Изяслава ненависть. Сие адское чувствование стало виною не токмо одного несогласия, но ясного междоусобия.

Зараженный демоном любостежания, Святослав взывает к Всеволоду на возстание против старшего брата; бывшего радителем, вместо отца им заповеданного. Обольщая Всеволода, хитрый лихоимец говорил ему: «Не видишь ли, любезный брат, что Изяслав, коварным братолюбием нас омрачая, тайно со Всеславом Полоцк уже имеет? И, как видно, хотя общими силами лишить нас данных нам от родителей владений. Есть ли мы щитом осторожности не прикроемся и их умышления оружием не предварим, то по собрании воинств легко могут они внезапным нападением изгнать нас из княжений наших. Не попустим сему: и, совокупив (С. 74) наши войска, поидем против Изяслава: хотя сие и противно душе моей» (Нестор²⁷ и протчие).

Простосердечный Всеволод, не познав лести брата хитросердага, согласился. И тако соединенными силами пришли и облегли Киев. Изяслав, сего вражеского нашествия не воображая, узрел себя не в состоянии ни рати противу поставить, ни в стенах защищаться, а паче (не) желая пролития единоплеменные крови, взял великую княгиню и сынов своих Ярополка и Святополка,

²⁶ Этого сообщения нет в «Летописи Несторовой с продолжением по Кенигсбергскому списку», оно имеется в Никоновской летописи, см.: [Русская летопись, ч. 1, с. 160–165].

²⁷ См.: [Летопись Несторова, с. 122].

со всем именем тайно во Владимир уехал: но, не будучи и тамо в безопасности, удалился паки в Польшу к Болеславу Смелому (Но по собственным обстоятельствам помощи ему ни малейшей учинить был не в состоянии. В самое сие время Польша против него (Болеслава) в смятении; он под проклятием Папы Григория VII. Брат его Владислав в великой силе, но занятой внутренними делами: а при том всем он и зять был Святославу, хищнику престола киевского. Сих злосчастных обстоятельству ради прибегнул Изяслав, к сонму вельмож: (далее незакончено)).

Король с честью его принял; доколе щедрыми дарами подкупаемы были, дотоль ласками и ему вспоможение надеждою, которая, однако ж, купно с сокровищем его исчезла; и вместо желанная помощи принужден был несчастный государь с унижением удалиться из Польши: высланный под предлогом якобы войны от братьев его, поляки опасаются. И, гонимый сим новым зловредного рока презрением, оставил он княгиню свою в Польше, а сам с единым своим сыном Ярополком отшел в немцы, где и пробыл, ища у немецкого царя помощи около трех лет (Нестор²⁸ и протчие²⁹).

Но в какие немцы? И к какому царю прибег Изяслав, я ни в своих, ни во внешних писателях не обретаю. В Германии, которую наши повествователи немецкою землею повсюду именуют, был в сие время Генрих IV мало-властным императором (У нас как короли, так равно и императоры царями назывались), то разве к сему императору, преследуемый жестокостью судьбы, уклонился Изяслав.

Подлинник

[ОР РНБ. Ф. IV-34/1. С. 56–74].

Список литературы

Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему : Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб. : Алетейя, 2005. 496 с.

Бантыш-Каменский [Д. Н.]. Словарь достопамятных людей русской земли : в 3 ч. 2-е изд. СПб. : Тип. Штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1847.

Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л. : Наука, 1977. 390 с.

Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на 1-й [и на 2-й] том Истории князя Щербатова : в 2 т. СПб. : Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1793–1794. Т. 1. XLIV, 352 с. Т. 2. 479 с.

Болтин И. Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным : 2 т. СПб. : Тип. Горного училища, 1788. Т. 1. LXIII, 620 с.

Дризен Н. В. Иван Перфильевич Елагин // Рус. старина. 1893. Т. 80. С. 117–143.

Евгений [Болховитинов Е. А.], митр. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России : в 2 т. М. : Университет. тип., 1845. Т. 1. [2], IV, 20, 328, IX с. Т. 2. [2], 290, IX–XVI с.

[Екатерина II.] Записки касательно российской истории : в 6 ч. СПб. : Имп. тип., 1787–1794.

²⁸ См.: [Летопись Несторова, с. 123].

²⁹ О том, что Изяслав «поехал в Немцы к Царю», писал В. Н. Татищев, см.: [Татищев, кн. 2, с. 127]. М. М. Щербатов указал, что Изяслав ездил «в Германию ко Императору [Св. Римской империи] Генриху IV», см.: [Щербатов, т. 2, с. 21]. Сообщение о пребывании русского короля Димитрия (Изяслава) у Генриха IV в 1075 г. имеется в «Анналах» немецкого хрониста XI в. Ламперта Херсфельдского (Lampert von Hersfeld).

Елагин И. [П.] Опыт повествования о России : Сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р. Х. 1790, двора Его Императорского Величества обер-гофмейстера : [в 3 кн.] М. : Университет. тип., 1803. Кн. 1. [4], LVIX, [1], 126 с.

Козлов В. П. «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // *Вопр. ист.* 1984. № 8. С. 23–31.

Кросс Э. Г. Северные братья: неопубликованная переписка И. П. Елагина с Великой ложей Англии (1772–1780) // XVIII век. Сб. 25. СПб. : Наука, 2008. С. 272–332.

Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку, до 1206 года. СПб. : Имп. Акад. наук., 1767. [4], XII, 34, 302, 50 с.

Маловичко С. И. Разновидности очерковой практики исторического повествования в российской историографии XVIII века // *Преподаватель XXI век.* 2020. № 2, ч. 2. С. 266–283. DOI 10.31862/2073-9613-2020-2-266-283.

Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М. : Типолит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1897. Т. 1. XII, 306 с.

Моисеева Г. Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л. : Наука, 1989. С. 104–109.

Моисеева Г. Н. О времени ознакомления И. П. Елагина с рукописью «Слова о полку Игореве» // *Вопр. ист.* 1986. № 1. С. 170–173.

Масонство и русская культура / сост., коммент. В. И. Новиков. М. : Искусство, 1996. 495 с.

ОР РНБ. Ф. IV-34/1-6; Ф. IV. 651/1-5.

Очерки русской культуры XVIII века : в 4 ч. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985–1990.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. : в 3 ч. Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1961–1971.

Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб. : Имп. Акад. наук, 1786. Ч. 2: Содержащая Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года. [2], VI, 255–712 с.

Русская летопись по Никонову списку : в 8 ч. СПб. : Имп. Акад. наук, 1767–1792.

Соловьев С. Писатели русской истории XVIII в. // *Архив историко-юридических сведений относящихся до России* : в 3 кн. М. : Тип. А. Семена, 1855. Кн. 2. Половина 1. С. 3–82.

Старчевский А. Очерки литературы русской истории до Карамзина. СПб. : Тип. К. Жернакова, 1845. 292 с.

Татищев В. История Российская с самых древнейших времен : в 4 кн. М. : Имп. Моск. ун-т, 1768–1784.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1988. 269 с.

Шанский Д. Н. Из истории русской исторической мысли : И. Н. Болтин. М. : Изд-во МГУ, 1983. 150 с.

Щербатов М. История российская с древнейших времен : в 7 т. [15 кн.]. СПб. : Имп. Акад. наук, 1770–1791.

Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауза, И. А. Эфрона]. Т. 11а. СПб. : Типолит. И. А. Ефрона, 1894. II, 467–958, II, [6] с.

Le Clerc N.-G. Histoire, physique, morale, civile et politique de la Russie Ancienne : in 4 t. Paris ; Versailles : Froullé, 1783–1784.

Levesque [P. Ch.] Histoire de Russie: Tirée des chroniques originales, de pièces authentiques, & des meilleurs historiens de la Nation : in 5 t. Paris : Chez Debure l'aîné, 1782–1783.

Orville A.-G., de. Les fastes de la Pologne et de la Russie : in 2 t. Paris : Chez J. P. Costard, 1769–1770.

References

- Artem'eva, T. V. (2005). *Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu. Filosofiya istorii i utopiya v Rossii epokhi Prosveshcheniya* [From the Glorious Past to a Bright Future. The Philosophy of History and a Utopia in Russia the Era of Enlightenment]. St Petersburg, Aleteiya. 496 p.
- Bantysh-Kamenskii, [D. N.] (1847). *Slovar' dostopamyatnykh lyudei russkoi zemli v 3 ch.* [Dictionary of the Renowned People of the Russian Land. 3 Parts]. 2nd Ed. St Petersburg, Tipografiya Shtaba ot del'nogo korpusa vnutrennei strazhi.
- Berkov, P. N. (1977). *Istoriya russkoi komedii XVIII v.* [History of the Russian Comedy of the 18th Century]. Leningrad, Nauka. 390 p.
- Boltin, I. N. (1788). *Primechaniya na istoriyu drevnei i nyneshnei Rossii g. Leklerka, sochinennye general-maiorom Ivanom Boltinym v 2 t.* [Notes on the History of Ancient and Modern Russia by Mr. Leclerc, Composed by Major-General Ivan Boltin. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Gornogo uchilishcha. Vol. 1. LXIII, 620 p.
- Boltin, I. N. (1793–1794). *Kriticheskie primechaniya general-maiora Boltina na 1-i [i na 2-i] tom Istории knyazya Shcherbatova* [Critical Notes of Major-General Boltin on the 1st [and on the 2nd] Volume of History of Prince Shcherbatov]. St Petersburg, Tipografiya Korpusa chuzhestannykh edinoverstev. Vol. 1. XLIV, 352 p. Vol. 2. 479 p.
- [Brockhaus, F. A., Efron, I. A.] (Eds.) (1894). *Entsiklopedicheskii slovar'* [An Encyclopaedic Dictionary]. Vol. 11a. St Petersburg, Tipolitografiya I. A. Efrona. II, 467–958, II, [6] p.
- [Catherine II] (1787–1794). *Zapiski kasatel'no rossiiskoi istorii v 6 ch.* [Notes Concerning Russian History. 6 Parts]. St Petersburg, Imperatorskaya tipografiya.
- Drizen, N. V. (1893). Ivan Perfil'evich Elagin [Ivan Perfil'evich Elagin]. In *Russkaya starina*. Vol. 80, pp. 117–143.
- Evgenii [Bolkhovitinov, E. A.], metropolit (1845). *Slovar' russkikh svetskikh pisatelei, sootchestvennikov i chuzhestrantsev, pisavshikh v Rossii v 2 t.* [A Dictionary by Secular Russian Writers, Compatriots, and Foreign Nationals Writing in Russia. 2 Vols.]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Vol. 1. [2], IV, 20, 328, IX p. Vol. 2. [2], 290, IX–XVI p.
- Froyanov, I. Ya., Dvornichenko, A. Yu. (1988). *Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi* [The City States of Ancient Russia]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 269 p.
- Kozlov, V. P. (1984). “Slovo o polku Igoreve” v “Opyte povestvovaniya o Rossii” I. P. Elagina [The Tale of Igor's Campaign in I. P. Yelagin's *An Essay of Narration about Russia*]. In *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 23–31.
- Kross, E. G. (2008). Severnye brat'ya: neopublikovannaya perepiska I. P. Elagina s Velikoi lozhei Anglii (1772–1780) [Northern Brothers: Unpublished Correspondence of I. P. Yelagin with the Grand Lodge of England (1772–1780)]. In *XVIII vek. Sbornik 25*. St Petersburg, Nauka, pp. 272–332.
- Le Clerc, N.-G. (1783–1784). *Histoire, physique, morale, civile et politique de la Russie Ancienne in 4 t.* Paris, Versailles, Froullé.
- Letopis' Nestorova s prodolzheniem po Kenigsbergskomu spisku, do 1206 goda [Nestor's Chronicle with a Continuation According to the Konigsberg Collection, until 1206] (1767). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. [4], XII, 34, 302, 50 p.
- Levesque, [P. Ch.] (1782–1783). *Histoire de Russie: Tirée des chroniques originales, de pièces authentiques, & des meilleurs historiens de la Nation in 5 t.* Paris, Chez Debure l'aîné.
- Malovichko, S. I. (2020). Raznovidnosti ocherkovoï praktiki istoricheskogo povestvovaniya v rossiiskoi istoriografii XVIII veka [Kinds of Essayistic Practice of Historical Narration in the Russian Historiography of the 18th Century]. In *Prepodavatel' XXI vek*. No. 2. Part 2, pp. 266–283. DOI 10.31862/2073-9613-2020-2-266-283.
- Milyukov, P. N. (1897). *Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli* [The Main Trends of Russian Historical Thought]. Moscow, Tipolitografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Co. Vol. 1. XII, 306 p.

Moiseeva, G. N. (1986). O vremeni oznakomleniya I. P. Elagina s rukopis'yu "Slova o polku Igoreve" [On I. P. Yelagin's Acquaintance with the Manuscript *The Tale of Igor's Campaign*]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 170–173.

Moiseeva, G. N. (1989). "Opyt povestvovaniya o Rossii" I. P. Elagina v otsenke N. M. Karamzina [I. P. Elagin's *An Essay of Narration about Russia* in N. M. Karamzin's Assessment]. In *XVIII vek. Sbornik 16. Itogi i problemy izucheniya russkoi literatury XVIII veka*. Leningrad, Nauka, pp. 104–109.

Novikov, V. I. (Ed.). (1996). *Masonstvo i russkaya kul'tura* [Freemasonry and Russian Culture]. Moscow, Iskusstvo. 495 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock IV-34/1–6; Stock IV. 651/1–5.

Orville, A.-G., de (1769–1770). *Les fastes de la Pologne et de la Russie in 2 t.* Paris, Chez J. P. Costard.

Peshtich, S. L. (1961–1971). *Russkaya istoriografiya XVIII v. v 3 ch.* [Russian Historiography of the 18th Century. 3 Parts]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.

Prodolzhenie Drevnei Rossiiskoi Vivliofiki [The Continuation of Ancient Russian Bibliotheca] (1786). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Part 2: Soderzhashchaya Novgorodskii letopisets, nachinayushchiysya ot 946 i prodolzhayushchiysya do 1441 goda. [2], VI, 255–712 p.

Ruskaya letopis' po Nikonovu spisku v 8 ch. [The Russian Chronicle according to Nikonov's Manuscript. 8 Parts] (1767–1792). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Rybakov, B. A. (Ed.) (1985–1990). *Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka v 4 ch.* [Essays on the Russian Culture of the 18th Century. 4 Parts]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Shansky, D. N. (1983). *Iz istorii russkoi istoricheskoi mysli. I. N. Boltin* [From the History of the Russian Historical Thought. I. N. Boltin]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 150 p.

Shcherbatov, M. (1770–1791). *Istoriya rossiiskaya s drevneishikh vremen v 7 t. [15 kn.]* [Russian History from the Most Ancient Times. 7 Vols. [15 Books]]. St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk.

Solovyov, S. (1855). Pisateli russkoi istorii XVIII v. [Writers of Russian History of the 18th Century]. In *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedenii otmosyashchikhysya do Rossii v 3 kn.* Moscow, Tipografiya A. Semena. Book 2. Half 1, pp. 3–82.

Starchevskii, A. (1845). *Ocherki literatury russkoi istorii do Karamzina* [Essays on the Literature of Russian History before Karamzin]. St Petersburg, Tipografiya K. Zhernakova. 292 p.

Tatishchev, V. (1768–1784). *Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen v 4 kn.* [Russian History from the Most Ancient Times. 4 Books]. Moscow, Imperatorskii Moskovskii universitet.

Yelagin, I. [P.] (1803). *Opyt povestvovaniya o Rossii. Sochinenie Ivana Elagina, nachatoe na 65-m godu ot ego rozhdeniya, leta ot Rozhdestva Khristova 1790, dvora Ego Imperatorskogo Velichestva ober-gofmeistera [v 3 kn.]* [An Essay of Narration about Russia. The Work of Ivan Yelagin, Begun in his 65th Year, in the Summer of 1790AD, the Court of His Imperial Majesty Ober-Hofmeister [3 Books]]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Book 1. [4], LVIX, [1], 126 p.

**ВАСИЛИЙ ТАТИЩЕВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНСКОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ В СОЧИНЕНИИ ДЖОНАСА ХЕНВЕЯ,
АНГЛИЙСКОГО КУПЦА И ПУТЕШЕСТВЕННИКА***

Сергей Соколов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**VASILY TATISHCHEV AND THE ACTIVITIES
OF A PROVINCIAL CHANCELLERY
IN THE WRITINGS OF JONAS HANWAY,
ENGLISH MERCHANT AND TRAVELLER****

Sergei Sokolov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

The text published here is a translation of a chapter and a few excerpts from the British merchant and traveller Jonas Hanway's book, *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea*. The translated sections are united by the common theme of V. N. Tatishchev, with whom Hanway met in 1743–1744. In Hanway's book, we find his impressions of Tatishchev, who was serving at this time as governor of Astrakhan, as well as the rumours and opinions circulating about Tatishchev in St Petersburg and the local region. Hanway also quotes a letter written by Tatishchev a few years after this meeting in Astrakhan, in which he requested assistance in the publication of his *Istoria Rossiiskaia*. Hanway's observations on the administrative practices of provincial officials and institutions are of consid-

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020-0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования». Автор выражает признательность PhD Джеймсу Уайту, старшему научному сотруднику Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета, за помощь и советы при работе над публикацией.

** Citation: Sokolov, S. (2020). Vasily Tatishchev and the Activities of a Provincial Chancellery in the Writings of Jonas Hanway, English Merchant and Traveller. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1667–1682. DOI 10.15826/qr.2020.5.551.

Цитирование: Sokolov S. Vasily Tatishchev and the Activities of a Provincial Chancellery in the Writings of Jonas Hanway, English Merchant and Traveller // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1667–1682. DOI 10.15826/qr.2020.5.551 / Соколов С. Василий Татищев и деятельность губернской канцелярии в сочинении Джонаса Хенвея, английского купца и путешественника // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1667–1682. DOI 10.15826/qr.2020.5.551.

erable interest. Here, Hanway informs the reader about Tatishchev's relationship with the authorities in Petersburg, his business affairs, and his rather multifaceted reputation. Isolated extracts from Hanway's text were translated and published in the mid-nineteenth century: these mainly focused on Tatishchev's letter and personality. In this new publication, we provide a translation (with commentary) of all the information that Hanway provides about his two stops in Astrakhan: this allows us to better understand the context of his meeting with Tatishchev. The translation is based on the third edition of Hanway's work: an introductory article is provided, offering general information about Hanway, his book, and the condition of Astrakhan's provincial administration during the Englishman's visit.

Keywords: V. N. Tatishchev, Jonas Hanway, the Russia company, Astrakhan, Iran, administrative practices.

Публикуемый текст является переводом одной главы и нескольких отрывков из книги британского купца и путешественника Джонаса Хенвея «Историческое свидетельство о британской торговле на Каспийском море» (1753), объединенных общей темой – личностью В. Н. Татищева, с которым Хенвей имел встречи в 1743–1744 гг. В книге Хенвея нашли отражение его впечатления о Татищеве, служившем в тот период губернатором Астрахани, а также приводятся мнения и слухи, которые распространялись о нем в регионе и в Петербурге. Кроме того, Хенвей цитирует письмо Татищева с просьбой о содействии в издании «Истории Российской», написанное через несколько лет после их встречи в Астрахани. Большой интерес представляют наблюдения Хенвея над административными практиками губернских чиновников и учреждений в Астрахани. В этом контексте он сообщает об отношениях Татищева с властями в Петербурге, его деловых коммуникациях и неоднозначной репутации. Отдельные извлечения из текста Хенвея публиковались в середине XIX в. Они касались главным образом письма Татищева, а также характеристики его личности. В новой публикации предлагается комментированный перевод всех сведений Хенвея о его двух остановках в Астрахани, что позволяет лучше понять контекст его встреч с Татищевым. Акцент в комментарии сделан на малоисследованных наблюдениях путешественника. Перевод выполнен с третьего английского издания и сопровождается вступительной статьей, обобщающей данные об авторе, его книге и включающей краткое описание состояния губернской администрации Астрахани в период пребывания в регионе Хенвея.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Дж. Хенвей, Русская компания, Астрахань, Иран, административные практики.

Джонас Хенвей (1712–1786) в наши дни известен в Британии своей деятельностью в сфере благотворительности и общественного призрения. В одной из специальных биографических работ он заслуженно назван «самым неутомимым и эффективным из всех английских

филантропов восемнадцатого века» [Taylor, 1979, p. 285]. Жизнь Хенвея условно разделяется на два периода: с молодости и до 1750 г. он занимается главным образом торговлей. После путешествия в Иран в 1743–1745 гг. он оседает в Санкт-Петербурге, откуда возвращается на родину. После 1750 г. Хенвей входит в руководство нескольких благотворительных учреждений. Он публикует 74 сочинения, большинство из которых связаны с филантропической тематикой¹.

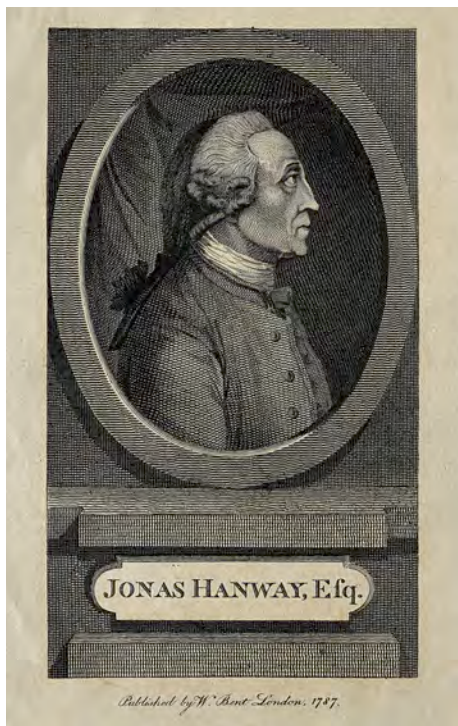
В настоящей публикации переведены отрывки из книги Хенвея «Историческое свидетельство о британской торговле на Каспийском море». При его жизни вышли по крайней мере три издания его книги на английском языке (1753, 1754, 1762) и одно немецкое издание (1754). Наиболее полное третье издание книги Хенвея состоит из двух томов, первый из которых в основном посвящен событиям 1740-х гг., а второй – истории Ирана. Хенвей включил в свое сочинение выдержки из путевых журналов других британских путешественников и купцов. Кроме того, он обильно цитирует документы – акты парламента, королевские хартии, международные договоры и официальную переписку, к которой имел доступ по долгу службы или которую мог почерпнуть из публикаций.

Британское купечество длительное время мечтало об организации транзитной торговли с Ираном. Несколько попыток было предпринято в XVI–XVII вв., однако они окончились неудачей. Настоящая возможность появилась только после подписания англо-русского торгового договора (1734), разрешавшего британским подданным транспортировку товаров через Россию в Иран и обратно. Купцы британской Русской компании начали работу по организации торговли.

В 1739 г. в Иран отправился нанятый компанией в качестве ее представителя капитан Дж. Элтон. Он оптимистично оценил перспективы: из Ирана планировалось вывозить шелк-сырец, а в обратном направлении поставлять шерстяные изделия. В Иране были основаны две британские фактории, однако ситуация приняла неожиданный оборот: Элтон перешел на службу к Надир-шаху, что вызвало недовольство российских властей. Деятельность Элтона было поручено расследовать Хенвею, который незадолго перед тем присоединился к Русской компании [Hanway, vol. 1, p. 47]. Миссия Хенвея не увенчалась успехом, деятельность Элтона вызывала все больше опасений, и в ноябре 1746 г. Россия отменила действие статьи торгового договора, разрешавшей британцам транзитную торговлю с Ираном. Обширную библиографию, посвященную попытке британской Русской компании наладить транзитную торговлю шелком, можно найти в новейших работах В. П. Сидоровой и М. Р. Романиелло [Сидорова; Romaniello].

В историографии принято утверждать, что главной задачей Хенвея при написании его книги было содействие британской торговле

¹ Биографии Хенвея посвящены три монографических исследования, последнее по времени написано Дж. Тейлором [Taylor, 1985].

Дж. Хенвей. Штриховая гравюра. Публикация У. Бенга (1787) // Burgess R. Portraits of Doctors and Scientists in the Wellcome Institute. L.: Wellcome Institute for the History of Medicine, 1973

J. Hanway. Line engraving. Publ. by W. Bent (1787) // Burgess, R. (1973). Portraits of Doctors and Scientists in the Wellcome Institute. L., Wellcome Inst. for the History of Medicine

ность астраханского губернатора (1741–1745). Встреча Хенвея и Татищева не осталась незамеченной в историографии, однако абсолютное большинство комментаторов сосредоточились на ее значении в связи деятельностью Дж. Элтона. Ряд ценных наблюдений и комментариев сделали зарубежные биографы Татищева [Grau, S. 103, 160; Daniels, p. 83–91], а также Н. А. Попов [Попов, с. 386–389, 397–399], который наиболее подробно комментирует эпизод (хотя и полностью в контексте эпизода с Элтоном). Находясь в отставке, Татищев отправил Хенвею письмо, которое заслуживает больше внимания, чем оно получило в историографии до настоящего времени. Оригинал письма не сохранился, но перевод имеется в книге Хенвея. Ценные сведения о продолжении истории с письмом Татищева приводит Дж. Аппелби [Appleby, 1991, p. 140]. Письмо использовалось для уточнения датировок редакций «Истории Российской» [Андреев,

шелком с Ираном через Россию [Cross, p. 47; Сидорова, с. 38]. Однако, поскольку к моменту его работы над книгой торговля уже прекратилась, более вероятно, что целью книги было оправдание действий Русской компании перед российскими и британскими властями. Хенвей стремился показать, что неудача персидского проекта вызвана вредоносной деятельностью Дж. Элтона и конкурентов британцев на персидском рынке. Он также оправдывался за свою неудачу: «когда я оказался вовлечен в дела [персидской] торговли, она уже выглядела обреченной на неудачу, и... мы были не силах поддерживать этот нежный цветок посреди неистовства тех жестоких бурь, которые беспрестанно обрушивались на него; он едва успел зацвести перед тем, как его сдуло» [Hanway, vol. 1, p. XIII].

В ходе своего путешествия Хенвей дважды побывал в Астрахани, где имел несколько встреч с В. Н. Татищевым, занимавшим долж-

с. 34–35], однако дата написания самого письма (в историографии фигурируют 1745 и 1747 гг.), по-видимому, неточна².

Татищев возглавил Астраханскую губернию в постпетровский период, когда губернаторам вернули широкие полномочия. Сфера ответственности астраханского губернатора была даже шире, чем у многих его коллег (сравниться с ним могли разве что сибирский губернатор и администрации территорий с особым статусом [Лазарев]). Губернатор Астрахани был активно вовлечен во внешнеполитические дела и организацию международной торговли, таможенные сборы, строительство кораблей, проводил закупки драгметаллов и драгоценных камней, принимал решения по военным вопросам в условиях постоянной опасности нападений кочевников и шаха Ирана. Эти вопросы отразились в заметках Хенвея.

Хенвей сообщает много интересных деталей об административной деятельности Татищева: его роли в защите астраханских рубежей от внешних угроз, взглядах на развитие торговли в Астрахани, работе карантинной службы и т. д. Значительное место занимают суждения Хенвея о мотивах действий Татищева и эпизоды, связанные с неоднозначной репутацией губернатора (описаны подарки и подношения ему). Из замечаний Хенвея можно понять, что он заранее имел информацию о Татищеве и соответственно выстраивал свою тактику взаимоотношений с ним.

По переведенным фрагментам нам рисуется образ достаточно эффективного администратора, который умеет соблюсти как государственную, так и свою пользу. Мотив корыстности Татищева постоянно присутствует у Хенвея. Вместе с тем Татищев изображен и как человек науки и прагматичный мыслитель. Хенвей показывает, что Татищев выступал за расширение постоянного присутствия иноземных купцов в Астрахани [Татищев, 1990, с. 301]. Хенвею не было известно, но в действительности Татищев имел разнонаправленные инструкции, которые одновременно и поощряли его «приласкивать» купцов, и запрещали принимать их в российское подданство (такая административная несогласованность, впрочем, была типичной для эпохи [Редин, с. 210]). Малочисленность оседлого населения Астраханского края усложняла для властей поддержание контроля над территорией за счет опоры на местные корпорации и элиты, как это нередко практиковалось на других порубежных землях [Лазарев, с. 71–72]. В письмах Татищева, написанных как раз в период визита Хенвея, прослеживаются жалобы на низкую квалификацию и недостаточную численность местных гражданских и военных управленцев [см., например: Татищев, 1990, с. 298, 302]. Однако с учетом пограничного положения и военных опасностей система управления Астраханской губернией, хотя и испытывавшая кадровый голод, была достаточно эффективна как в плане обороны территории, так и в отношении сбора таможенных пошлин. Это лишний раз под-

² См. обсуждение этого вопроса в комментарии к тексту.

тверждает тезис об известной эффективности приказно-воеводской системы [Редин, с. 193–195], черты которой во многом сохранялись в астраханских административных практиках и прослеживаются в описании Хенвея.

В других частях своего сочинения, не вошедших в переведенную подборку [Hanway, vol. 1, p. 64, 82–87, 237–246, 248–250, 278–280], Хенвей несколько раз обращается к практикам губернской администрации, где без упоминаний Татищева дает оценку эффективности управления, состоянию дорог, безопасности в Поволжье, в Астраханской губернии и на русской границе. Он отмечает значительную роль казачества, пополнение рядов которого было одной из постоянных забот Татищева [Татищев, 1990, с. 299]. Хенвей уделяет внимание и патрон-клиентским отношениям в среде местного чиновничества, которые были распространенной практикой в эту эпоху [Лыцова; Redin]. Опасности пути между Саратовым и Астраханью также оказываются в фокусе внимания автора. В целом можно отметить, что Хенвей был проникательным и подготовленным наблюдателем и, хотя его записки и не имели задачи подробного описания России, ее администрации или лично В. Н. Татищева, ряд указанных им фактов может быть использован в дальнейших исследованиях. Определенную помощь в этом призван оказать комментарий к публикуемому тексту.

* * *

Полный перевод книги Дж. Хенвея на русский язык отсутствует. Существуют два перевода фрагментов, касающихся Татищева. В обоих случаях публикации в основном сводятся к переводу письма Татищева. Впервые письмо Татищева к Хенвею было переведено Г. Геннади со второго английского издания [Геннади]. П. П. Пекарский в 1864 г. опубликовал перевод части приведенного Хенвеем письма Татищева (пропущен один из четырех абзацев) и небольшой фрагмент текста, где Хенвей описывает внешность и интересы Татищева [Пекарский, с. 5–6]. Перевод сделан с немецкого издания. Пекарский не дает своего комментария к тексту.

Предлагаемый перевод текста выполнен с третьего дополненного английского издания книги Хенвея [Hanway]. Впервые переведены все фрагменты сочинения, имеющие отношение к Татищеву. Страницы оригинального издания указаны в круглых скобках. В квадратных скобках приведены конъектуры переводчика. При выборе оформления автор ориентировался на другие подобные публикации в журнале [Редин, Серов]. Перевод сопровождается подробным комментарием, который дает представление о контексте сообщаемых сведений и в ряде случаев уточняет некоторые факты, связанные с работой Татищева над своей «Историей» и его административной деятельностью.

Хенвей Дж.

Историческое свидетельство о британской торговле на Каспийском море**(Р. XV) Предисловие**

Карты российских владений, пограничных с тартарами¹, были подарены мне генералом² Татищевым, который руководил русскими [военными] силами на этих рубежах. Карты были изготовлены через несколько лет после свидетельства, которое м-р Элтон³ оставил о себе, но находятся в прямой связи с его деятельностью...

(Р. 78) Глава 18. Происшествия [с автором] в Астрахани⁴

До этого места мы последовали за капитаном Вудруфом⁵, используя его свидетельства; пришло время возвратиться к моей собственной истории. Я был доброжелательно принят в Астрахани господином Джорджем Томпсоном⁶, представителем торгующих с Персией британских купцов, а также губернатором генералом Василием Никитичем Тагищевым, для которого я vez ценный подарок от [вышеупомянутых] купцов. Я имел обстоятельную беседу с последним, и он заверил меня, что ничто не мешает ему содействовать каспийской торговле. Он предложил мне несколько схем, которые учитывали бы интересы как Великобритании, так и России. Этот пожилой человек когда-то был пажом у Петра Великого. Длительное время распоряжаясь в тех местах, он был весьма успешен в уменьшении татарской угрозы, но его ум занимали более всего науки и торговля. Он был также вовсе не чужд искусства получать свою выгоду⁷. По этому последнему поводу он уже пребывал в некоторой немилости⁸. Однако у него был один хороший принцип, как он объяснил мне: не только брать, но и давать. Он рассказал, что приобрел за пять тысяч рублей бриллиант, стоивший двенадцать тысяч, и послал его величайшей госпоже в империи⁹. Он также упомянул, что уже около двадцати четырех лет пишет российскую историю. По своем отзыве из Астрахани два года спустя¹⁰ он прислал мне¹¹ часть этой истории в рукописи и попросил позаботиться о переводе, но это никоим образом не было для меня удобным¹². В письме, которое он написал по этому случаю ко мне и моему партнеру¹³, сказано следующее: «Милостивые государи!

С тех пор как я покинул Астрахань, у меня не было возможности написать к вам, хотя я неизменно сохраняю воспоминания о том расположении и внимании, которое вы мне всегда оказывали.

(Р. 79) Вам известно, что почти тридцать лет¹⁴ я занят написанием истории российской, которую я теперь заканчиваю с надеждой на скорое появление ее в печати к удовлетворению ученого мира. Эту историю любознательная часть человеческого рода тем более должна оценить, что никто из греческих или римских историков и ни одно географическое описание этой (Римской. – С. С.) империи не заходили настолько далеко, чтобы сообщить нам сведения о первоначальном языке и прочих [обстоятельствах, касающихся] основных народов [обитавших в тех областях], а именно – о славянах, скифах, сарматах. Нет [также подобных сведений] об амазонках, вандалах, готах и киммерах (киммерийцах. – С. С.), которые произошли от них (сарматов. – С. С.). Не имеем мы и каких-либо изрядных свидетельств, оставшихся о гуннах и аварах. Значительная удаленность этих мест, а также незнание языков [местных народов] затруднили получение достоверной информации о них. Добавьте сюда, что греки имели гораздо большую склонность к баснословию, чем к усердному поиску истины, чему доказательством является глупое сказание об амазонках. Обо всех этих народах я постарался, насколько возможно, дать ясное и определенное свидетельство, составляющее первую часть моей «Истории Российской».

Вторая часть начинается с Рюрика, князя финнов¹⁵, овладевшего этой страной и основавшего Российскую империю, которая просуществовала с 860 года до вторжений татар в 1238 году. Эта часть содержит множество вещей, относящихся к истории других стран, как-то родство посредством брака, союзы, войны и договоры между российскими монархами и другими народами, в особенности норвежцами, шведами и венграми, как западными, так и восточными монархиями. В исторических сочинениях других народов [эти вещи] либо полностью отсутствуют, либо переданы весьма неясным образом. Я не уделяю внимания естественной истории. Эти две части полностью окончены¹⁶.

Побуждаемый особенным расположением моим к английскому народу и почтением к вашему Королевскому обществу, [которое я испытываю] из-за тех значительных выгод, что мир получает от различных их ученых работ и поощрения ими полезного знания, я рассудил вполне уместным в качестве знака уважения посвятить им мою историю. Однако я пребываю в некотором недоумении вследствие нехватки переводчиков¹⁷ и не дерзну отважиться отослать ее («Историю». – С. С.) в Англию в подлиннике, чтобы ошибки в фактах, [возникающие] через несовершенное знание русского языка, не привели бы перевод в неисправное состояние. Обдумав ситуацию наилучшим образом, я весьма желаю, чтобы вы соблагволили рекомендовать мне двух переводчиков на немецкий, поскольку я понимаю этот язык и могу сам исправить любую ошибку, которая случится. Когда это (перевод на немецкий. – С. С.) будет готово, выполнить перевод на другие языки уже не состави труда».

Губернатор не делал секрета из своей работы, а [поскольку он] доводил свой труд до Петра Великого, но не далее, то он едва ли мог бы кого-то оскорбить. Однако же зависть к нему со стороны ученых людей, возмущение благочестивых его неверием, которое, боюсь, было велико, а также шумные протесты купцов против его хищничества дали повод отправить его в ссылку в собственное поместье неподалеку от Москвы, где он окончил свою жизнь. Его труды, как кажется, умерли вместе с ним, по крайней мере, они не встретили благоприятного приема в Академии в Санкт-Петербурге¹⁸. Однако (Р. 80) возможно, что великие усилия, которые он приложил в собирании различных ценных материалов, могут подать средство какому-нибудь другому человеку построить свою репутацию на его трудах. Этот старик был примечателен своей сократической наружностью, своим сухощавым телом, которое он сохранял долгие годы великой воздержанностью, а также тем, что постоянно держал свой разум занятым. Когда он не писал, не читал или не обсуждал дела, он играл в кости одной рукой против другой.

Он теперь посетовал мне на то, что, по его опасениям, наш главный комиссионер Элтон был на самом деле привлечен на службу к НаDIR-шаху¹⁹. Это может иметь весьма пагубные последствия, поскольку навлечет на нас возмущение российского двора. Он (Татищев. – С. С.) советовал мне, если еще не поздно, отговорить его (Элтона. – С. С.) от такого опрометчивого предприятия. Затем он (Татищев. – С. С.) говорил об армянских торговцах, которые были нам великими соперниками²⁰, отметив, что «они являются самыми хитрыми людьми во всей Азии и находят удовольствие в обмане». «Если они, – продолжил он, – получат пятьдесят процентов честным путем, то не преминут обмануть на пять, и эти пять будут для них слаще, чем те пятьдесят». Хотя это и верно до некоторой степени, отчасти это [рассуждение] может быть вызвано неспособностью старика, известного своей хитростью, получить с них (армянских купцов. – С. С.) все, чего он желал²¹. Губернская канцелярия, которая состоит из вице-губернатора²², секретаря²³ и других чиновников, весьма ограничивает [произвол] губернатора этого места. Однако, поскольку корабли не могут ни покинуть порт, ни посетить его иначе как с его позволения, он имеет частые возможности получать свою выгоду.

Не так давно, когда в Дербенте был такой великий недостаток продовольствия, что многие жители погибали с голоду²⁴, русские получили огромную

прибыль от продажи провизии персам. [В то время] один куль продовольствия, который [обычно] стоит один рубль, продавали за двадцать. В этой ситуации Надир-шах дал знать купцам, что ему бы хотелось [получать провизию] в большем количестве, негласно намекнув, что он не стал бы [в таком случае] изменять цену. В соответствии [с просьбой] купцы доставили требуемое, однако он обманул их ожидания и установил более умеренную цену, которая, однако, все еще была очень выгодной для них. Подобная торговля запрещена, но она является настолько выгодной, что, как кажется, в интересах правительства [губернии?] попустительствовать ей. Встревоженные приближением Надир-шаха, купцы, как и губернатор, были призваны к ответу и, насколько я знаю, вынуждены приобрести мир за счет части своей прибыли.

Я был несколько раз у губернатора, речи которого беспрестанно возвращались к Элтону. Их общее содержание таково: «Надир-шах придерживается высокого мнения о способностях этого господина, дарил ему подарки и либо привлек его за плату для того, чтобы строить корабли, либо запросил его содействия, чтобы надзирать за таким предприятием. Этот Элтон уже столкнулся с великими трудностями, древесина [там] сучковатая, дороги к верфям едва проходимы». Более того, он отметил, что «персы были в крайней степени невежественны в том, что касается судоходства, и питают отвращение к любым занятиям такого рода, следовательно, потребовалось бы больше времени, чтобы обучить их этому, но, поскольку такие действия не имеют ничего общего с торговлей, они не могли сделать ничего иного, как только встревожить российский [императорский] двор»²⁵.

(Р. 81) На все это я ответил: «Мне безразлично, что такой замысел [Элтону] должен быть оскорбительным для России, но я действительно не имею отношения к делам, в которые вовлечен Элтон. Если Надир-шах решил построить корабли, то в этом деле невозможно полагаться на Элтона или какого-либо другого одного человека. Я понимаю, что Россия должна на самом деле с опасением [наблюдать] за персами, так же как шведы около пятидесяти лет назад [наблюдали] за русскими, которые, несмотря на это, теперь являются такой грозной силой на Балтике. Но есть существенная разница: в то время как Надир строит один корабль на побережье Каспия, Россия может построить десять того же размера на Волге, и, вероятно, эти десять будут стоить не больше, чем его один». Я действительно не думал, что это дело может достичь такого развития, чтобы оказать влияние на такую грозную державу, как Россия, однако я признаю, что [у России] была причина для опасений. Таковы были мои настоящие чувства, и, страшась нанести оскорбление, я был тем более обязан говорить в таком стиле, ибо Элтон поставил нас в такое положение, что было едва ли возможно избежать оскорбления императрицы или шаха, если не сразу обоих. Я также воспользовался возможностью, чтобы напомнить губернатору, что Арапов²⁶, русский консул и Элтон имели размолвку²⁷, [так что,] возможно, это дело было неверно истолковано, но в любом случае это не должно повредить мне, кому теперь поручено заботиться об интересах торговли, и только о них. В ответ на это он [Татищев] пожелал, чтобы я составил памятную записку об этом деле в форме петиции в канцелярию.

Было несложно предвидеть последствия от уступки такому необычайному требованию, однако из двух зол я посчитал отказ за наибольшее, так как [в случае отказа] я должен был оказаться под подозрением, и мне бы действительно помешали продолжить мое путешествие. Соответственно, я передал следующую петицию в Ее Императорского Величества канцелярию:

«Петиция Джонаса Хенвея, британского купца,

показывает:

Поскольку распространились известия, что один британский подданный, находящийся в Реше, имеет отношение к делам, неприятным для российского

двора, податель петиции в настоящий момент следует в [провинцию] Гилан, чтобы установить истину и, если необходимо, приложить старания, чтобы отговорить любого такого подданного, [пребывающего] там и вовлеченного в торговлю, от намеренной вмешательства в любые дела, а также чтобы предотвратить, насколько это возможно, использование британских кораблей на Каспии любым образом, не согласующимся с договором о торговле²⁸, так, чтобы никакой справедливой причины нельзя было найти для создания малейшего препятствия британской торговле через Российскую империю.

И поскольку время года уже очень позднее, податель петиции желает, чтобы британским кораблям давалось немедленное разрешение на отправку, как только они прибудут, и т. д.».

Глава 19. Описание города и астраханской торговли

(Р. 85) ...Губернатор пригласил меня на праздник, на котором подавали почти сотню блюд; здесь я был свидетелем одного примера пристрастия русских к спиртному: более тридцати человек пили без всякой меры из бокалов [крепкий напиток] наподобие черри бренди. Этот праздник был организован в честь [дня?] рождения внучки [губернатора], по каковому случаю гости делали подношения, каждый согласно своему рангу. Таков [здесь] вежливый способ сбора тяжелой подати с купцов²⁹. Этот обычай, хотя и не изящный, но не такой нелепый, как [обычаи] некоторых других [более] цивилизованных стран. Здесь без всякой маскировки, как если бы человек совершал недостойный поступок, и церемоний вы оставляете один или два дуката или более ценный подарок на кровати девочки...

Глава 60. Автор возвращается в Россию

[Хенвей описывает свой обратный путь из Ирана до Астрахани. Здесь он получает предписание находиться в карантине шесть недель со всей командой. Хенвей подозревает, что длительный карантин был установлен для него по прямому приказу из Санкт-Петербурга, поскольку российский двор был встревожен деятельностью Дж. Элтона на службе у Надир-шаха].

(Р. 280) Губернатор Астрахани, предвидя, что я могу захотеть что-либо сообщить ему, разрешил мне прибыть в город [Астрахань] при условии, что я проведу еще одну неделю на карантине³⁰ отдельно от своей команды и не возьму с собой ничего из моей одежды или багажа... 20 [октября 1744 г.] я поднялся по маленькому притоку Волги и высадился на острове Караза (Caraza)³¹, назначенном теперь для карантина, где мы нашли несколько складов и жилых помещений с командой из 30 солдат...

(Р. 281) Мой карантин истекал, и 26 [октября] губернатор Астрахани прислал за мной свою барку с двенадцатью гренадерами на веслах, с некоторым количеством собственной его одежды, поскольку от меня потребовали раздеться догола на открытом воздухе и пройти через неприятную церемонию обливания ведром теплой воды. Пройдя через это наказание, я отплыл в Астрахань. Волга в этих местах растекается во множество рукавов, и, поскольку погода стояла туманная, мы с трудом нашли путь в крупнейший из рукавов...

27-го мы благополучно прибыли в Астрахань, где я получил информацию о том, что произошло за последние несколько месяцев в Лондоне и Санкт-Петербурге в связи с деятельностью Элтона и с нашей несчастной каспийской торговлей. На следующий день я посетил губернатора, который вел себя на этот раз совершенно иначе, чем двенадцать месяцев назад. Он был весьма сдержан относительно нашей торговли в целом, но был пытлив в том, что касалось Элтона. Я заметил ему, что я оказался в некоторой немилости в России из-за моих предполагаемых связей с Элтоном, хотя в реальности мы действовали полностью отдельно: его цели и мои были совершенно различны по своей природе. Из его (губернатора. – С. С.) речей было ясно, что он полагал это

разделение только политической игрой, но он был слишком вежлив, чтобы высказать мне это в прямых выражениях. И хотя я не предстал перед ним с пустыми руками³², все же он едва держался в границах цивилизованного обращения. Порицание, которое он получил за то, что [ранее] потакал нам, изменило его обращение таким образом, как будто бы это было преступно – выступать защитником нашей торговли. Такова была ситуация на Каспии в том, что касается нашей торговли...

Примечания

¹ Карты, составленные в ходе Оренбургской экспедиции.

² Татищев имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-поручика. Возможно, этим объясняется неточность Хенвея.

³ Джон Элтон (*John Elton*) (1710–1751) – корабельный капитан, купец и авантюрист. Родился в знатной семье в Портсмуте. Ранняя карьера связана с коммерческим мореходством. В 1736–1738 гг. состоял на русской службе, входил в Оренбургскую экспедицию, участвовал в картографировании пограничных областей и осуществлял замеры глубин Каспийского моря. После оставления русской службы Элтон был нанят британской Русской компанией для разведки торгового пути в Иран и организации торговли шелком (1739). Российское правительство позволило ему построить два корабля на Волге для использования в торговых операциях. В 1742 г. Элтон вновь прибыл в Иран, где поступил на службу к Надир-шаху и начал строительство кораблей для его флота. Это вызвало недовольство в России и в итоге привело к отзыву разрешения для британских купцов на торговлю с Ираном через Россию (1746). Элтон остался в Иране, где был задействован на военной службе и во время очередного витка борьбы за власть, был захвачен в плен и убит.

⁴ Хенвей находился в Астрахани с 19 октября по 8 ноября 1743 г.

⁵ Томас Вудруф (*Thomas Woodroffe*) – корабельный капитан британского торгового флота. Состоял на службе британской Русской компании. Руководил строительством первого (из двух) британского корабля на Волге. Корабль получил название *Elizabeth* в честь русской императрицы и совершал рейсы по Волге и Каспию в Иран в 1742–1744 гг.

⁶ Джордж Томпсон (*George Thompson*) – купец британской Русской торговой компании. Родной брат губернатора компании (1740–1749) Джона Томпсона. Вел торговлю из Астрахани с 1740 г. Участвовал в попытке установить торговлю с Хивой и Бухарой. Оставался в Астрахани и после фактического запрета на транзитную торговлю (1746) [Сидорова, с. 200]. Впоследствии продолжал делать бизнес в России: в 1751 г. организовал обойную мануфактуру в Москве [Cross, p. 70].

⁷ Хенвей имеет в виду факты нахождения Татищева под следствием по обвинениям во взятках и растратах. Готовясь к своему путешествию, он получил заранее информацию об астраханском губернаторе и его репутации.

⁸ Хенвей намекает на расследование в отношении Татищева по обвинению во взятках.

⁹ В 1743 г. Татищев приобрел для императрицы Елизаветы Петровны алмаз красноватого оттенка. Камень был куплен на казенные деньги. Сведения об этой покупке отложились в переписке Татищева. Покупка драгоценных камней в Астрахани представлялась крайне выгодным делом, поскольку камни там можно было приобрести значительно дешевле, чем в Петербурге. Татищев через своего патрона кабинет-секретаря императрицы барона И. А. Черкасова предложил идею закупки для двора драгоценных камней, которая была принята. Несколько закупок были секретно проведены в 1744–1745 гг. [Татищев, 1990, с. 304–305]. Приобретались драгоценные камни и для Черкасова, что было типичной составляющей широко распространенных патрон-клиентских отношений [Редин, Серов, с. 476; Лысцова; Redin]. Татищев также покупал драгоценные камни на свои деньги, а затем с выгодой перепродавал их, что позволяло ему существовать в условиях фактического отсутствия жалованья.

¹⁰ Слова Хенвея “upon his recall from Astrachan two years afterwards, he sent me part of that history in manuscript” можно понять так, что Татищева отозвали из Астрахани через два года, а какое-то время спустя после отзыва он прислал свою рукопись. Таким образом, эта фраза не содержит точного указания на год отправки письма.

¹¹ Татищев решил переправить свою просьбу через купцов Русской компании, поскольку многие из них были связаны с Лондонским королевским обществом. Тесная ассоциация между британским купечеством и британским ученым миром была одной из особенностей эпохи Просвещения. Купцы не только жертвовали деньги на научную деятельность, но и сами являлись действительными членами научных сообществ. Они содействовали избранию влиятельных персон из других стран, как это было, например, с Меншиковым [Appleby, 1994, p. 24–25].

¹² Письмо Татищева попало в Лондонское королевское общество через купца Русской компании Роберта Дингли (1710–1781), являвшегося его членом. Письмо было прочитано в собрании общества 13 апреля 1749 г. Ответ на просьбу Татищева был негативным: его благодарили за честь, однако «касательно назначения переводчиков... общим мнением общества было, что это не является обычной практикой, и им не должно заниматься изданием книг» [Appleby, 1991, p. 140].

¹³ Чарльз Дингли (*Charles Dingley*) (1711–1769) – купец Русской компании, бизнес-партнер Хенвея в годы его пребывания в Санкт-Петербурге. Впервые приехал в Россию в 1729 г. и вскоре вместе со своим братом Робертом получил статус свободного купца (*freeman*) Русской компании. Имел резиденцию в Санкт-Петербурге и находился главным образом в России вплоть до начала Семилетней войны. Возможно, сыграл определенную роль в том, что письмо Татищева было доведено до сведения Лондонского королевского общества.

¹⁴ Сроки работы Татищева над историей являются датирующим признаком письма. Вероятно, оно было написано около 1748 г., поскольку во время первой встречи Хенвея и Татищева в 1743 г. упоминается 24-летний срок работы над «Историей». Это коррелирует и с тем фактом, что перевод письма Татищева был зачитан в Лондонском королевском обществе 13 апреля 1749 г. Ранее в историографии выдвигались предположения, что письмо написано в 1745 [Пекарский, с. 5; Appleby, 1991, p. 140] или в 1747 г. [Андреев, с. 34]. Вопрос датировки начала работы является предметом острых дискуссий в историографии. Сроки работы над «Историей», упомянутые Хенвеем, дают дополнительные аргументы в пользу ранней даты начала работы В. Н. Татищева над книгой – около 1719 г. (ср. другие указания на сроки работы над «Историей» в письмах Татищева: 22 года в 1742, 23 года в 1743 и 25 лет в 1746 г. [Татищев, 1990, с. 290, 300, 320]; погрешность в один-два года вполне пристыльна).

¹⁵ Татищев полагал, что «финны... руссами назваться могут», а Рюрик пришел «из Финляндии» [Татищев, 1994, с. 291]. В XVIII в. некоторые другие историки подерживали эту концепцию, например, И. Н. Болтин и И. М. Стриттер.

¹⁶ В 1746 г. Татищев сообщал К. Г. Разумовскому, что работа над первой частью продолжается (нужно «многое пременить, исправить и дополнить») [Татищев, 1990, с. 321]. Письмо к Хенвею отражает следующий этап работы над текстом: две части полностью готовы. Очевидно, что вторая уже переписана «настоящим наречием».

¹⁷ Татищев ранее уже пытался организовать перевод своей «Истории» на европейские языки. В 1739 г. для него был выполнен перевод первой редакции «Преддизвещения» на немецкий. В 1742 г. он пытался перевести первую часть книги на французский, поскольку обещал это «некоторым знатным благодетелям, но за незнанием этого языка просит Академию найти переводчика на немецкий» [Татищев, 1990, с. 290], чтобы уже с немецкого сделать французский перевод. Академия ответила отказом. Возвращение к идее перевода совпало по времени с попытками Татищева опубликовать свой труд. Побудительным мотивом для публикации за границей могло быть как осознание своего опального положения, препятствующего изданию «Истории» в России, так и просветительское стремление распространить достоверное знание. Выбор Лондонского королевского общества мог быть обусловлен тем, что в 1747 г. общество инициировало издание многотомной «Всемирной истории», а также знакомством Татищева с британскими купцами, которые могли бы составить протекцию.

¹⁸ Четыре книги «Истории Российской» были опубликованы стараниями Г. Ф. Миллера в 1768–1784 гг., пятая вышла в 1848 г.

¹⁹ Надир-шах Ашраф (ум. 1747) – шах Персии (1736–1747).

²⁰ Армянские купцы имели наибольшую долю в транзитной торговле шелком-сырцом через территорию России в 1730–1740-х гг. [Юхт, с. 43–44, 46]. Главную роль в этом играла армянская Джульфинская торговая компания, которая получила выгодные

условия для торговли через Астрахань еще в 1667 г. Привилегии джюльфинцев были подтверждены в эпоху Петра I: армянские купцы в обмен обязывались вести торговлю персидскими товарами строго через территорию России. Европейские партнеры джюльфинских купцов находились в Голландии [Торопицын, 2018, с. 126]. При этом русская администрация активно использовала армянскую общину Астрахани. Расходы на посылку купцов несла армянская община [Торопицын, 2009, с. 96]. Хенвей заострил внимание именно на этом суждении Татищева, поскольку армянские купцы являлись главными конкурентами англичан.

²¹ Жалобы на армянских купцов присутствуют в переписке Татищева этого времени, где он обвиняет их в уклонении от уплаты пошлин [Татищев, 1990, с. 302]. Татищев предложил Сенату принимать во временное российское подданство иноземных купцов, включая армян [Русско-индийские отношения, с. 200], на что было получено разрешение Сената (1744).

²² Вице-губернатором Астрахани был князь Михаил Михайлович Барятинский (1689–1754).

²³ Секретарем канцелярии был Василий Чириков. Самые важные документы канцелярии, как правило, написаны его почерком. Это объяснялось как качеством его работы, так и нехваткой и перегруженностью канцеляристов, что было, впрочем, типично для эпохи [Редин, с. 198]. Карьеру Чирикова, имевшего родственные связи в регионе и умело вписавшегося в патрон-клиентские отношения, можно сравнить с карьерами других чиновников похожего масштаба петровского и постпетровского времени [Redin].

²⁴ Описаны события, относящиеся ко времени Дагестанского похода Надир-шаха (1741–1743). Армия шаха испытывала острый недостаток продовольствия [Lockhart, p. 301]. Очевидно, страдало и местное население.

²⁵ Ко времени прибытия Хенвея Татищев получил информацию от Арапова и предписания из Петербурга, обязывающие его воспрепятствовать деятельности Элтона, которая началась на службе у Надир-шаха летом 1742 г., когда армия шаха испытывала трудности со снабжением в Дагестане. Шах мог полагаться только на доставку продовольствия морем, для чего ему приходилось нанимать русские корабли. Появление Элтона и его двух кораблей давало альтернативный путь. Британские корабли продолжали оказывать помощь шаху и в следующем году. Тогда же Элтон начал строительство кораблей для иранцев. В 1745 г. были готовы большой 18-пушечный фрегат и несколько меньших кораблей [Lockhart, p. 423]. Позднее иранский флот стал жертвой гражданской войны в стране.

²⁶ Семен Захарович Арапов (ум. 1783) – русский консул в Реште (1735–1743). Русские консулы в Реште, Шемахе и Исфахане должны были содействовать русским купцам, торгующим с Ираном, а также наблюдать за ситуацией в стране.

²⁷ В 1743 г. Арапов потребовал, чтобы корабли Элтона запрашивали у него разрешение покинуть Иран, как это обязаны были делать русские корабли. Элтон не послушался, что привело к конфликту и с консулом, и с русской командой его кораблей. Арапов также обвинил Элтона в контрабанде [Hanway, vol. 1, p. 46; Romaniello, p. 150].

²⁸ На основании информации от русских консулов в Иране Татищев подозревал британцев в контрабанде запрещенных англо-русским договором товаров (железа, олова, свинца, парусины, военных припасов). Хотя сам Татищев полагал, что эти товары нужно разрешить к продаже в Иран, он получил от центрального правительства строгое предписание усилить контроль за британскими и другими судами с целью не допустить их контрабанды [Татищев, 1990, с. 294]. Кроме того, Татищеву было известно, что английские корабли использовались для поставок продовольствия в Дербент в то время, когда там находилась армия Надир-шаха, и для разведывательных экспедиций.

²⁹ Нельзя исключить, что часть этих денег поступила в казну. Ликвидация чрезвычайных институтов петровского времени при его преемниках нередко приводила к использованию практик приказно-воеводской системы, в определенном смысле эффективных [Редин, с. 211].

³⁰ Карантин для британских судов был назначен, так как в Астрахани получили информацию от консула И. Бакунина (сменщика Арапова) о вспышке «морového поветрия» на севере Ирана. Формирование постоянной карантинной службы в Астраханской губернии как раз происходило в 1743–1744 гг. Татищев как астраханский губернатор должен был обеспечивать соблюдение карантинных мер. В то же время он считал, что слишком длительные карантинные меры наносят ущерб торговле, и добивался

от центральных органов облегчения условий карантина. Письма Татищева в Коммерц-коллегию и к Елизавете Петровне в конце концов возымели действие, и сроки карантина были сокращены [Торопицын, 2009, с. 99]. Хенвей несправедливо обвинял Татищева в применении карантинных правил с целью создать помехи британской торговле. Ужесточение карантина в это время касалось всех судов, а астраханский губернатор в точности выполнял предписания центральных властей и даже допустил определенные послабления лично для Хенвея.

³¹ Возможно, речь идет о Краснинском острове в дельте Волги, где располагалась карантинная застава [Торопицын, 2009, с. 96].

³² Подарки губернским чиновникам от купцов (как и от местного «общества») были обычной практикой. В переписке В. Н. Татищева, например, неоднократно фиксируются такие подарки [Сафронова, с. 160, 163]. Их, конечно, нельзя рассматривать как законный доход. Вследствие широкого распространения этой практики она редко становилась основанием для серьезных разбирательств. Из Астрахани на Татищева поступило несколько жалоб о его «хищничестве». Хенвей также упоминает об этом [Hanway, vol. 1, p. 29, 79].

Список литературы

Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. Собр. соч. : в 8 т. М. : Ладомир, 1994. Т. 1. С. 5–38.

Геннади Г. Отзыв современника о Татищеве // Библиогр. зап. 1859. Т. 2. № 20. С. 627–629.

Лазарев Я. А. Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // Вопр. ист. 2017. № 3. С. 70–85.

Лыцкова А. С. Правящая элита и система патронажа в России XVIII в.: обзор англоязычной историографии // ЭНОЖ «История» : [сайт]. Т. 10. Вып. 4 (78). URL: <https://history.jes.su/s207987840005886-3-1/> (дата обращения: 01.07.2020). DOI 10.18254/S207987840005886-3.

Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб. : Тип. Акад. наук, 1864. 72 с.

Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. М. : К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1861. 804 с.

Редин Д. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 190–215. DOI 10.15826/qr.2016.3.183.

Редин Д., Серов Д. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 2. С. 471–502. DOI 10.15826/qr.2017.2.229.

Сафронова А. М. Личная библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 408 с.

Сидорова В. П. Транзитная торговля британских купцов с Ираном через территорию России в 30–40-е гг. XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2012. 234 с.

Татищев В. Н. Записки. Письма. М. : Наука, 1990. 440 с.

Татищев В. Н. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Ладомир, 1994. Т. 1. 500 с.

Торопицын И. В. Влияние карантинных мероприятий на состояние русско-восточной торговли и торгового судоходства в Каспийском бассейне во второй четверти XVIII в. // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2009. № 3. С. 95–100.

Торопицын И. В. Астрахань в орбите европейско-восточной торговли в XVIII в. // Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)» : материалы междунар. науч. конф. 26–28 октября 2017 г. / отв. ред. и сост. А. П. Романова, Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. Астрахань : Астрахан. ун-т, 2018. С. 125–128.

Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII в.). М. : Ин-т рос. ист. РАН, 1994. 261 с.

Appleby J. H. Robert Dingley, F. R. S. (1710–1781), Merchant, Architect and Pioneering Philanthropist // *Notes and Records of the Royal Society of London*. Vol. 45. 1991. № 2. P. 139–154.

Appleby J. H. James Spilman, F. R. S. (1680–1763), and Anglo-Russian Commerce // *Notes and Records of the Royal Society of London*. Vol. 48. 1994. № 1. P. 17–29.

Cross A. G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. 474 p.

Daniels R. L. V. N. Tatishchev: Guardian of the Petrine Revolution. Philadelphia : Franklin Publ. Co., 1973. 125 p.

Grau C. *Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev, 1686–1750*. Berlin : Akademie-Verlag, 1963. 227 S.

Hanway J. *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea* : 2 vols. L. : Dodsley, 1762. Vol. 1. 535 p.

Lockhart L. *Nadir Shah* : PhD Thesis. L. : Univ. of London, 1935. 461 p.

Redin D. A. Удачливый Тряпицын? Карьерная траектория провинциала в эпоху петровских перемен // *Cahiers du monde Russe*. Vol. 60. 2019. № 1. P. 9–36. DOI 10.4000/monderusse.11041.

Romaniello M. P. *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2019. 292 p.

Taylor J. S. *Philanthropy and Empire: Jonas Hanway and the Infant Poor of London* // *Eighteenth-Century Studies*. Vol. 12. 1979. № 3. P. 285–305.

Taylor J. S. *Jonas Hanway, Founder of the Marine Society*. Berkley : Scholar, 1985. 264 p.

References

Andreev, A. I. (1994). Trudy V. N. Tatishcheva po istorii Rossii [Tatishchev's Works on the History of Russia]. In Tatishchev, V. N. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Moscow, Ladimir. Vol. 1, pp. 5–38.

Appleby, J. H. (1991). Robert Dingley, F. R. S. (1710–1781), Merchant, Architect and Pioneering Philanthropist. In *Notes and Records of the Royal Society of London*. Vol. 45. No. 2, pp. 139–154.

Appleby, J. H. (1994). James Spilman, F. R. S. (1680–1763), and Anglo-Russian Commerce. In *Notes and Records of the Royal Society of London*. Vol. 48. No. 1, pp. 17–29.

Cross, A. G. (1997). *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 474 p.

Daniels, R. L. (1973). *V. N. Tatishchev: Guardian of the Petrine Revolution*. Philadelphia, Franklin Publ. Co. 125 p.

Gennadi, G. (1859). Otzyv sovremennika o Tatishcheve [A Contemporary's Account of Tatishchev]. In *Bibliograficheskie zapiski*. Vol. 2. No. 20, pp. 627–629.

Grau, C. (1963). *Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev, 1686–1750*. Berlin, Akademie-Verlag. 227 S.

Hanway, J. (1762). *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea*. 2 Vols. L., Dodsley. Vol. 1. 535 p.

Lazarev, Ya. A. (2017). Mesto ukrainskoi kazatskoi elity v sostave rossiiskogo dvoryanstva v pervoi polovine 1760-kh gg. [The Place of the Ukrainian Cossack Elite among the Russian Nobility in the First Half of the 1760s]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 70–85.

Lockhart, L. (1935). *Nadir Shah*. PhD Thesis. L., Univ. of London. 461 p.

Lystsova, A. (2019). Pravyashchaya elita i sistema patronazha v Rossii XVIII v.: obzor angloyazychnoi istoriografii [The Ruling Elite and Patronage System in Russia in the 18th Century: An Overview of the English-Language Historiography]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. Vol. 10. Iss. 4 (78). URL: <https://history.jes.su/s207987840005886-3-1/> (accessed: 01.07.2020). DOI 10.18254/S207987840005886-3.

Pekarskii, P. P. (1864). *Novye izvestiya o V. N. Tatishcheve* [New Accounts of V. N. Tatishchev]. St Petersburg, Tipografia Akademii nauk. 72 p.

Popov, N A. (1861). *V. N. Tatishchev i ego vremya* [V. N. Tatishchev and His Time]. Moscow, K. Soldatenkov i N. Shchepkin. 804 p.

Redin, D. (2016). Effektivnost' mestnogo upravleniya v Petrovskuyu epokhu: paradoksy tsentralizatsii [Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 190–215. DOI 10.15826/qr.2016.3.183.

Redin, D. (2019). Udachlivyi Tryapitsyn? Kar'ernaya traektoriya provintsiala v epokhu petrovskikh peremen [Lucky Triapitsyn: A Provincial Clerk's Career at the Time of Petrine Reforms]. In *Cahiers du monde Russe*. Vol. 60. No. 1, pp. 9–36. DOI 10.4000/monderusse.11041.

Redin, D., Serov, D. (2017). Vtoroe puteshestvie Petra Pervogo v Evropu v pis'makh barona P. P. Shafirova knyazyu A. D. Menshikovu (1716–1717) [Peter the Great's Second Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 2, pp. 471–502. DOI 10.15826/qr.2017.2.229

Romaniello, M. P. (2019). *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 292 p.

Safronova, A. M. (2017). *Lichnaya biblioteka V. N. Tatishcheva v Ekaterinburge* [Vasily Tatishchev's Private Library in Yekaterinburg]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 408 p.

Sidorova, V. P. (2012). *Tranzitnaya trgovlya britanskikh kuptsov s Iranom cherez territoriyu Rossii v 30–40-e gg. XVIII v.* [Transit Trade of the British Merchants with Iran through Russia in the 1730–40s]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 234 p.

Tatishchev, V. N. (1990). *Zapiski. Pis'ma* [Notes. Letters]. Moscow, Nauka. 440 p.

Tatishchev, V. N. (1994). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.]. Moscow, Ladomir. Vol. 1. 500 p.

Taylor, J. S. (1979). Philanthropy and Empire: Jonas Hanway and the Infant Poor of London. In *Eighteenth-Century Studies*. Vol. 12. No. 3, pp. 285–305.

Taylor, J. S. (1985). *Jonas Hanway, Founder of the Marine Society*. Berkley, Scholar. 264 p.

Toropitsyn, I. V. (2009). Vliyanie karantinnykh meropriyatii na sostoyanie russko-vostochnoi trgovli i trgovogo sudokhodstva v Kaspiiskom basseine vo vtoroi chetverti XVIII v. [The Influence of Quarantine Measures on Russia's Trade with the East and Merchant Seafaring over the Caspian, Second Quarter of the 18th Century]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 95–100.

Toropitsyn, I. V. (2018). Astrakhan' v orbite Evropeisko-vostochnoi trgovli v XVIII v. [Astrakhan in the Context of the Europe-East Trade in the 18th Century]. In Romanova, A. P., Timofeeva, E. G., Tyurin, A. O. (Eds.) *Astrakhanskie Petrovskie chteniya: "Rossiya – Astrakhan' – Vostok: integral'noe vzaimodeistvie (k 300-letiyu obrazovaniya Astrakhanskoi gubernii)"*. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 26–28 oktyabrya 2017 g.* Astrakhan, Astrakhanskii universitet, pp. 125–128.

Yukht, A. I. (1994). *Torgovlya s vostochnymi stranami i vnutrennii rynek Rossii (20–60-e gody XVIII v.)* [Eastern Trade and Russia's Internal Market in the 1720–60s]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 261 p.

The article was submitted on 14.07.2020

Disputatio

Disputatio

**ПАТЕНТЫ, ГРАМОТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА:
ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО НАЙМУ ИНОСТРАНЦЕВ
НА РУССКУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ?***

Ольга Ермакова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

***PATENTS, CHARTERS, AND CERTIFICATES: WHAT
PRECEDED THE ENLISTMENT OF FOREIGN NATIONALS
INTO THE RUSSIAN SERVICE BY CONTRACT?***

Olga Ermakova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the genesis of contractual relations between the Russian state and individuals, more particularly, international specialists. The author traces the similarities, interconnections, and differences between bilateral contracts with reciprocal rights and obligations and other acts totally or partially devoid of synallagmatic features (i. e. legal attributes of reciprocal agreements). The sources referred to include contracts concluded with foreign nationals, “capitulations” (“conditions of service”, which were not full contracts in terms of form yet), and various acts created in the process of recruitment or presented by foreigners during the enlistment procedure, such as patents, charters (Rus. *zastupitel’nyye* “intercessions”, confirming qualification, and Rus. *proyezhiye* “passing” charters, etc.), and certificates (Rus. *svidetel’stovannyye pasy*, “certificate passes”, Rus. *svidetel’stovannyye pis’ma* “certificate letters”). Chronologically, the paper covers the epoch of Peter the Great, because con-

* *Citation*: Ermakova, O. (2020). *Patents, Charters, and Certificates: What Preceded the Enlistment of Foreign Nationals into the Russian Service by Contract?* In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1685–1694. DOI 10.15826/qr.2020.5.552.

Цитирование: Ermakova O. *Patents, Charters, and Certificates: What Preceded the Enlistment of Foreign Nationals into the Russian Service by Contract?* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1685–1694. DOI 10.15826/qr.2020.5.552 / Ермакова О. Патенты, грамоты, свидетельства: что предшествовало найму иностранцев на русскую службу по контракту? // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1685–1694. DOI 10.15826/qr.2020.5.552.

tracts became the key form of hiring international specialists at the time, though their form was still unstable. The author reveals the characteristics of patents granted to international specialists, determines their differences from traditional “rank patents”, and shows the features that make foreigners’ patents similar to service contracts. In general, this type of source represents a rank granted by the sovereign, not a bilateral contract. At the same time, patents contain an indirect synallagmatic bond realised through structural elements about Russian obligations to foreigners (for example, concerning the amount of money to be paid). Source study analysis of the charters and certificates granted by European monarchs and presented by foreigners in the Ambassadorial Prikaz demonstrate that such acts were used by Russian administrators as examples for drawing up contracts and documents while recruiting international personnel. On the one hand, the synallagmatic bond, which usually determines the essence of a contract, was absent or insufficiently developed in some letters of grant. However, a number of texts do have features indicating the reciprocity of rights and obligations, which allows us to consider them possible prototypes of contracts. The Russian contract incorporated the properties and features of various acts of Russian and, to a greater extent, Western European origin.

Keywords: contract, agreement, patent, charter, diplomatics, foreigners in Russia, era of Peter the Great.

Исследуется генезис договорных отношений между российским государством и частными лицами – иностранными специалистами. Прослеживаются сходства, взаимосвязи и различия между двусторонними договорами с взаимным характером прав и обязательств и другими актами, полностью или частично лишенными синаллагматических признаков (то есть юридических свойств обоюдного соглашения). Источниками выступают контракты с иностранцами, капитуляции («условия о службе», по формуляру не являвшиеся еще полноценными договорами), а также разного рода акты, созданные в процессе вербовки или представленные иноземцами в ходе оформления на русскую службу: патенты, грамоты («заступительные», подтверждающие квалификацию, «проезжие» и др.), свидетельства («свидетельствованные пасы», «свидетельствованные письма»). Статья охватывает период правления Петра I, когда ключевой формой найма иностранных специалистов становится контракт, но он еще неустойчив по формуляру. Выявляются характерные особенности патентов, выданных иноземцам, определены их отличия от традиционных «патентов на чины», а также черты, сближающие «иноземческие» патенты с договорами о службе. Данная разновидность источников представляет собой пожалование чина государем, но не двустороннее соглашение. При этом в текстах патентов присутствуют косвенные признаки синаллагматической связи, выражающиеся в наличии структурных элементов, содержащих сведения об обязательствах российской стороны по отношению к иностранцам (например, о выплате определенной суммы жалования). Источниковедческий анализ предъявленных иноземцами в Посольском приказе грамот и свиде-

тельств, данных от имени европейских монархов, демонстрирует, что такого рода акты использовались российскими администраторами в качестве образцов и моделей для составления контрактов и содержательно близких к ним документов в ходе приема на службу зарубежных кадров. В разного рода жалованных грамотах отсутствовала или была недостаточно развита синаллагматическая связь, определяющая суть контракта, но в ряде текстов зарождалась традиция указания на взаимность прав и обязательств, что позволяет считать их возможными прототипами договоров. Русский контракт вобрал в себя свойства и черты разнообразных актов российской и, в большей степени, западноевропейского происхождения.

Ключевые слова: контракт, договор, патент, грамота, дипломатика, иностранцы в России, эпоха Петра I.

Un contrat (lat.: contractus) est un acte synallagmatique entraînant pour les deux parties des droits ou des obligations réciproques.
Vocabulaire international de la diplomatie

«Контракт – это синаллагматический акт, включающий взаимные права или обязательства для обеих сторон», – такое определение дано термину в «Международном словаре дипломатики», изданном Университетом Валенсии в 1997 г. под эгидой Международной комиссии по дипломатике [Vocabulaire international de la diplomatie, p. 23]. Понятие синаллагматического договора восходит к римскому праву и подразумевает исключительно взаимные обязательства контрагентов, причем синаллагматическая связь имеет два неотъемлемых аспекта: генетический и функциональный. Первый заключается во взаимной обусловленности обязательств (одно не может возникнуть без другого, и возникают они только и непременно вместе), а второй состоит в том, что «требование об исполнении обязательства из договора возможно постольку, поскольку остается возможным исполнение взаимного обязательства, а потребовать взаимного исполнения можно, лишь приступив к собственному» [Макарова, с. 364]. Традиционные формы русских актов, фиксировавших правоотношения государства и частных лиц, в первой четверти XVIII в. постепенно трансформируются в синаллагматические, приобретая черты полноценного договора (контракта).

Контракт о службе иноземца в России как форма двустороннего соглашения, где одним из контрагентов выступает представитель высшей государственной власти, а другим – иностранец в качестве частного лица, представляет собой публично-частный акт договорного вида (следуя классификации С. М. Каштанова) [Каштанов, 1988, с. 151]. Становление и активное введение в оборот данного вида документа можно считать важнейшим этапом развития договорного права, предполагающего взаимные обязательства участников отно-

шений. В отличие от иных форм приема на службу, заключававшихся в «даровании» неких прав/чинов монархом, контракт подразумевает и письменно не только закрепляет обязанность одаряемого ревностно и верно служить, но также накладывает определенные обязательства и на государство как «работодателя». Что же предшествовало утверждению именно договорной формы найма иностранных специалистов, и какие разновидности актов послужили основой и образцами для складывания относительно устойчивого формуляра и типового содержания русских контрактов? Разобраться в этом поможет обращение к первому этапу массового набора иноземцев на русскую службу, относящемуся к эпохе петровских преобразований. В этой связи особый интерес представляют процедура найма иностранцев и ее документирование.

Очевидно, что при заключении контрактов использовались западноевропейские образцы. Это обуславливалось спецификой конкретных договорных отношений и составом контрагентов. Впрочем, и при создании других, новых для России разновидностей актов огромное значение имели их иностранные аналоги. По наблюдениям О. И. Хоруженко, на начальном этапе выдачи дворянских дипломов при Петре I ответственным ведомством по этому направлению не случайно была назначена Коллегия иностранных дел. Учреждение располагало богатым архивом Посольского приказа, содержащим многочисленные образцы западноевропейских актов [Хоруженко, с. 128]. Для изучения генезиса договорных отношений, закрепляемых контрактом, чрезвычайно важен источниковедческий анализ документов, близких по цели создания и содержанию, а также тех актов, которые сопутствовали приезду иноземцев и входили в «пакет документов» въезжающего в Россию зарубежного специалиста.

Рассматривая состав политической элиты России первой половины XVIII в., Н. Н. Петрухинцев сделал следующее наблюдение: «26 чел. (из иноземных коллежских служащих 1718–1720 гг. – О. Е.) фактически заключили *контракты (патенты)*. Это преимущественно нанятые иноземцы, у которых срок службы обычно четко оговорен (здесь и далее курсив мой. – О. Е.)» [Петрухинцев, с. 82]. В данном контексте понятия «контракт» и «патент» оказываются тождественными. Справедливо ли подобное утверждение, и что же все-таки это была за разновидность документов: контракт, патент или что-то третье? Конечно, если говорить об общей сути отношений, выстроенных между государством и приглашенными иностранцами и состоявших в приеме иноземцев на временную службу с определенными условиями, форма зафиксировавшего их документа может показаться не столь важной. Но для понимания тонкостей изучаемых взаимодействий, эволюции коммуникативных практик (включая диалог между государством и (не)подданными или отсутствие такового) и реконструкции этапов развития договорного права в России видовая идентификация конкретных актов и анализ их формуляров представляются необходимыми.

Предваряя обращение к сюжету, связанному с наймом коллежских чиновников, следует отметить, что *патент* едва ли можно считать в чистом виде *контрактом*, хотя этот источник, несомненно, относится к актовым. В патентах используется второе самоназвание – «грамота», а в Генеральном регламенте значение слова «патент» как иностранного трактуется как «жалованная грамота на чин» [ПСЗ-1, т. 6, № 3534]. Для того чтобы выявить принципиальные различия, необходимо исследовать природу патента (патента на чины) как разновидности источников вообще, а также попытаться определить специфические черты подобного рода документов, выдаваемых иноземцам. Первым формально-юридическим признаком происхождения патента, отличающим его от контракта, является то, что патент «дается» государем, иными словами, представляет собой «пожалование чина» монархом, а не двусторонний договор. Но почему же в случае с иноземцами патент все-таки легко спутать с контрактом? Рассмотрим подробнее процедуру документирования вербовки иностранцев, принятых «с патентами», и особенности их текстов.

В качестве примера возьмем патент, данный Генриху Фику, советнику Камер-коллегии в 1717 г. [см.: Поленов, стб. 1740–1742]. Текст начинается с «интитуляции» (обозначения лица, от которого исходит документ, слившейся в данном случае с «инвокацией» – «богословием»¹) и «публичного объявления»: «Божиею милостию Мы, Петр Первый, Царь и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем мы сим всем, что...» Таким образом, «начальный протокол» данного акта указывает на то, что документ исходит не от кого иного, как от государя. Надо заметить, что, в отличие от патентов, для контрактов не было характерно непосредственное участие персоны монарха в качестве контрагента. Договоры подписывались представителями властных элит, чаще всего дипломатами, резидентами за рубежом или чиновниками внешнеполитических ведомств, а иногда и специально нанятыми для этой цели иностранными купцами [см., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30. Л. 1–2; Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 33–33 об., 36–38 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 1–5 об., 31–31 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1719 г. Д. 4. Л. 1–3]. Далее следует разъяснение обстоятельств и цели выдачи патента (что по классификации элементов условного формуляра актов называется «*narratio*», то есть «изложение обстоятельств дела»). В случае с Фиком речь идет о необходимости создания специальной коллегии («Камер-коллегиума») для управления государственными доходами и снабжения ее «искусными людьми». Дается также пояснение, почему именно Генрих Фик выбран на должность «действительного камеррата», в нем содержится информация о прежнем месте службы и чине иноземца (бывший комиссар в Голштинии) и о высокой оценке его способностей.

¹ Тенденция слияния элемента *invocatio* («богословие») с *intitulatio* («интитуляция») наблюдалась еще с XVI в. [Каштанов, 1988, с. 180].

Диспозитивная часть патента Г. Фика (как и многих других, выданных иностранцам) включает такие элементы, которые по содержанию сближают его с контрактом. Речь идет о статьях², посвященных условиям службы и встречным обязательствам со стороны государства. Надо заметить, что традиционно для «патентов на чины» не была характерна подобная конкретизация. Как правило, патент представлял собой довольно краткий документ, составленный по унифицированной модели и сообщающий о пожаловании какого-либо чина определенному лицу [см., например: «Известно и ведомо да будет каждому...», с. 8–9, 11]. Но если говорить об иноземцах, зачастую мы имеем дело с более развернутыми текстами. В них, например, указывался размер жалования, а также другие вознаграждения и «вспоможения» («также сверх того пристойным свободным жилищем и потребными дровами его жалую»), срок службы и правила отпуска на родину [Поленов, стб. 1741]. Случай Г. Фика по-своему исключителен. Во-первых, потому что иностранец принимался на службу на довольно длительное время – 12 лет (обычно срок найма иноземцев составлял 3–5 лет). Во-вторых, ему предоставлялось несколько возможных вариантов действий после окончания этого срока (вернуться в Германию или же остаться в России и поселиться в любой ее части, включая Лифляндию и Эстляндию, пользуясь всеми правами, даруемыми «чужестранцам»). Он вполне мог рассчитывать на наделение землей во вновь завоеванных провинциях. Сам Генрих Фик в своем донесении Сенату подчеркивал, что данный ему патент и включенные в него условия (капитуляции) ставят его «в исключительное положение против других иностранцев» [Там же, стб. 1737]³. В Петровскую эпоху капитуляциями также называли разновидность контрактов, хотя по формуляру это были еще не полноценные акты, а скорее предакты. Их особенность состояла в том, что они представляли собой, в сущности, односторонние обязательства иноземцев вступить в службу на заранее оговоренных условиях⁴.

Таким образом, часто встречающийся в источниках термин «капитуляция» применялся как в качестве наименования отдельных документов (разновидности первых контрактов), так и для обозна-

² В данном случае в тексте отсутствует формальное разделение на статьи. Однако, пользуясь методами дипломатики, мы применяем условное деление на «статьи» для упрощения анализа и корректной интерпретации источника. О методологии см.: [Каштанов, 1970, с. 32–33; Каштанов, 1988, с. 173].

³ Безусловно, Г. Фик являлся одной из ключевых фигур, сыгравших важную роль в практической реализации устройства коллегий и привлечении в них иностранных специалистов. Поэтому неудивительно, что его приняли на службу на более выгодных условиях.

⁴ Документы, имевшие самоназвание «капитуляция», по формуляру, как правило, представляли собой промежуточную стадию эволюции собственно контракта, так как составлялись от лица иностранца, берущего на себя определенные обязательства и объявляющего условия, на которых он был готов вступить в службу. См., например: [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1707 г. Д. 1. Л. 3–3 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1708 г. Д. 6. Л. 1–3 об.; Ф. 150. Оп. 1. 1710 г. Д. 7. Л. 1–1 об.]. Подробнее см.: [Ермакова, с. 57].

чения части какого-либо другого документа (в данном случае патента), содержащей перечень неких условий. Данное замечание выводит исследовательское внимание на проблему документирования и процедуры найма иностранных специалистов на службу вообще. В работе историка XIX в. Д. В. Поленова о проблеме присяги иноземцев наглядно показан порядок приема иностранцев в коллежские чиновники. Например, автор свидетельствует, что Г. Фик в 1715 г. «учинил с Его Царским Величеством капитуляцию», затем совершил поездку в Швецию для того, чтобы раздобыть регламенты коллегий и нанять специалистов, а в 1717 г. получил патент на свою должность. При этом именно на основании патента (а не капитуляции) иноземец получал все обещанные права и вступал в обязанности [Поленов, стб. 1745]. Первичным же действием являлось заключение «условий» (капитуляции и т. п.), а уже после этого выдавался патент. Причем до момента получения патента мог пройти не один год [«Известно и ведомо да будет каждому...», с. 9]. Советник Коммерц-коллегии И. Бакон, выражая несогласие с разработанной Сенатом в 1719 г. присягой на вечную службу и подданство (предлагаемой всем иноземцам, принятым в коллегии), также апеллировал именно к своему патенту (не подразумевавшему подобных условий), но не к капитуляции [Поленов, стб. 1754]. Вероятно, патент обладал большей юридической силой. Однако не все чиновники из иноземцев имели патенты.

Общий исторический контекст Петровских реформ, ориентированных на западный опыт, позволяет справедливо предположить, что в процессе формирования русского контракта как особого вида документа большую роль сыграли разнообразные образцы западноевропейских актов, с которыми российские администраторы различных уровней сталкивались в ходе вербовки иностранцев на службу. К таковым, например, относятся свидетельства и грамоты, подтверждавшие профессиональную квалификацию иноземцев и удостоверявшие факт их отпуска с прежних мест службы. По формуляру они напоминают и патент, и отчасти контракт (особенно в его первоначальных российских вариациях). К примеру, один из так называемых «свидетельствованных пасов» доктора Николая Гримберга, принятого на русскую службу в 1703 г., начинается со следующих элементов внутренней структуры: интитуляция (документ исходит от датского короля), нотификация (публичное объявление), аренда (преамбула), инскрипция (наименование адресата), диспозиция (распоряжение по существу дела). В диспозитивной части говорится, что Н. Гримберг получает право вести врачебную деятельность в датском городе Ольборге и его округе. В свою очередь, от него требуются верность и преданность правящему дому, честная и старательная служба, а за призрение больных ему полагается «достойной платеж». В тексте упоминается принесенная доктором присяга, в соответствии с которой он должен действовать. Всякий иной человек предостерегается от учинения каких-либо препятствий по отношению к предъявителю

данного свидетельства («грамоты»): «запрещаем всем и каждому сим яко есть писано ему никакую помеху ни изъяну не учинить» [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 34. Л. 3–3 об.]. Завершается текст акта элементом *datum*, то есть указанием места и времени его составления, корроборацией и субскрипцией – сведениями об удостоверительных знаках документа и собственно подписью датского короля Фредерика IV. Практически аналогичное свидетельство было выдано тому же доктору в 1693 г. предшественником Фредерика Кристианом V [Там же. Л. 4–4 об.].

Приезжавшие на службу иноземцы предоставляли российским администраторам и другие разновидности актов. Например, под наименованием «свидетельствованных писем» подполковника Ганса Фалта в архиве Посольского приказа объединены «заступительная грамота» и «свидетельствованный пас» о службе иностранца от прусского короля, а также две «проезжие грамоты» от датского и прусского королей [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 9. Л. 4–9 об.]. Смысл «проезжих» очевиден из самого их названия. Первые же из перечисленных грамот удостоверяют, что иностранец действительно находился на службе в Пруссии, а также в Голландии, и проявил себя как искусный военачальник. Также от имени Фридриха сообщается, что, следуя желанию подполковника «ехать к Москве» и поступить на службу царского величества, король отпускает Г. Фалта, снабжая его положительными рекомендациями, гарантируя беспрепятственный отъезд [Там же. Л. 4–5 об., 9].

В качестве прообраза *коллективного контракта* могли послужить иные акты с участием «коллективных контрагентов». Интересный случай представляет собой комплекс документов, составленный с целью формирования так называемой «Волошской хоронгви» во главе с комендантом сербом Апостолом Кигечем, принятым на русскую службу в 1707 г. и обязавшимся нанять «добрых и искусных людей» – двух ротмистров, трех поручиков, трех хорунжих и 300 рядовых [Императорская российская гвардия, с. 82]. Пожалованный Петром I в связи с этим патент был адресован не только Кигечу, но и всем членам будущего военного подразделения в целом. Заголовок документа звучал так: «Патент, данный от Государя Петра I, Волохского народа шляхте и рядовым, составляющим конницу под начальством Коменданта Апостола Кигеча» [ПСЗ-1, т. 4, № 2148]. При этом в самом тексте «объявителем патента» значился Кигеч. В то же время документом устанавливался размер жалования всем категориям набираемых военных. Наряду с патентом, коменданту была дана персональная инструкция, а также к именному указу о приеме Кигеча на службу была приложена его присяга – «Клятвенное обещание Апостола Кигеча в верности Российскому Монарху» [Там же].

Все перечисленные и подобные им акты объединяет одна принципиальная черта: в них отсутствует или недостаточно развита та самая синаллагматическая связь, которая определяет контракт. Но именно в ряде таких жалованных грамот иностранцам можно наблюдать за-

рождение взаимности обязательств – неотъемлемого свойства *договора*. Полноценные контракты появляются уже в петровское время наряду с патентами и свидетельствами, испытывая влияние как такого рода грамот, так и обстоятельств их заключения, а также авторов конкретных документов. Российские резиденты за рубежом, подписывая некое обязательство/договор с иноземцем, выступали в роли составителя акта совместно со вторым контрагентом (наемным специалистом) и во многом опирались на правовые традиции той страны, где происходило действие. В итоге «русский контракт» явился результатом естественной компиляции различных образцов, моделей и юридических прецедентов российской и даже в большей степени западноевропейской практики.

Список литературы

- Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-52-59.
- «Известно и ведомо да будет каждому...» : Книги записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. : регест в 2 т. / сост., вступ. ст., оформление К. В. Татарникова. М. : Старая Басманная, 2020. Т. 1. 1012 с.
- Императорская российская гвардия, 1700–1878 : хронол. табл. / сост. г.-л. барон В. Штейнгейль. СПб. : Тип. канцелярии С.-П.-Б. градоначальника, 1878. [6], 317 с.
- Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М. : Наука, 1970. 498 с.
- Каштанов С. М. Русская дипломатика. М. : Высш. шк., 1988. 231 с.
- Макарова Р. В. Понятие синаллагматической связи в праве Англии и России // Правоведение. 2018. № 2 (337). С. 362–381. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.206.
- Петрухищев Н. Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М. : РОССПЭН, 2008. С. 66–87.
- Поленов Д. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Рус. архив. 1869. № 11. Стб. 1729–1766.
- ПСЗ-1. Т. 4, 6.
- РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30; 1703 г. Д. 9, 34; 1707 г. Д. 1; 1708 г. Д. 6; 1710 г. Д. 7; 1715 г. Д. 1; 1716 г. Д. 3; 1719 г. Д. 4.
- Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М. : Наука, 1999. 419 с.
- Vocabulaire international de la diplomatie / ed. M. C. Orti. València : Univ. de València, 1997. 310 p.

References

- Ermakova, O. K. (2018). Kontrakty s inostrannymi spetsialistami v Rossii nachala XVIII v.: proiskhozhdenie istochnika i formirovanie raznovidnosti aktov [Contracts with Foreign Specialists in Russia in the Early 18th Century: The Origin of the Source and the Formation of Types of Acts]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4 (17), pp. 52–59. DOI 10.24888/2410-4205-2018-16-3-52-59.
- Kashtanov, S. M. (1970). *Ocherki russkoi diplomatiki* [Essays on Russian Diplomacy]. Moscow, Nauka. 498 p.
- Kashtanov, S. M. (1988). *Russkaya diplomatika* [Russian Diplomacy]. Moscow, Vysshaya shkola. 231 p.
- Khoruzhenko, O. I. (1999). *Dvoryanskie diplomy XVIII veka v Rossii* [Noble Diplomas in 18th-Century Russia]. Moscow, Nauka. 419 p.

Makarova, R. V. (2018). Ponyatie sinallagmaticheskoi svyazi v prave Anglii i Rossii [The Concept of Synallagmatic Bond According to the Law of England and Russia]. In *Pravovedenie*. No. 2 (337), pp. 362–381. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.206.

Orti, M. C. (Ed.). (1997). *Vocabulaire international de la diplomatie*. València, Univ. de València. 310 p.

Petrukhintsev, N. N. (2008). Nemtsy v politicheskoi elite Rossii v pervoi polovine XVIII v. [Germans in the Political Elite of Russia in the First Half of the 18th Century]. In Doronin, A. V. (Ed.). “*Vvodya nrawy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode*”. *K probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii*. Moscow, ROSSPEN, pp. 66–87.

Polenov, D. (1869). O prisvyage inozemtsev, prinyatykh v russkuyu sluzhbu pri Petre Velikom [On the Oath of Foreigners Admitted to the Russian Service under Peter the Great]. In *Russkii arkhiv*. No. 11, columns 1729–1766.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 4, 6.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 150. List 1. 1702 g. Dos. 30; 1703 g. Dos. 9, 34; 1707 g. Dos. 1; 1708 g. Dos. 6; 1710 g. Dos. 7; 1715 g. Dos. 1; 1716 g. Dos. 3; 1719 g. Dos. 4.

Steinheil, V. (Ed.). (1878). *Imperatorskaya rossiiskaya gvardiya, 1700–1878. Khronologicheskaya tablitsa* [Imperial Russian Guard, 1700–1878. Chronological Table]. St Petersburg, Tipografya kantselyarii Sankt-Peterburgskogo gradonachal'nika. [6], 317 p.

Tatarnikov, K. V. (Ed.). (2020). „*Izvestno i vedomo da budet kazhdomu...*” *Knigi zapisi patentov, vydannykh VoЕННОi kollegiei v 1723–1796 gg. Regest v 2 t.* [“Let Everyone Know and be Aware...” Record Books of Patents Given by the Military Collegium in 1723–1796. Regest. 2 Vols.]. Moscow, Staraya Basmannaya. Vol. 1. 1012 p.

The article was submitted on 25.08.2020

ИНОСТРАННЫЕ ВЫХОДЦЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ: У НАЧАЛА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА*

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

FOREIGN NATIONALS IN YEKATERINBURG: AT THE DAWN OF THE CITY'S SOCIAL ORGANISATION**

Dmitry Redin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The intensive development of metallurgy in the Urals in the 1720s is closely associated with the construction of Yekaterinburg, which became not only the largest and most diversified metallurgical plant city in Russia, but also the administrative centre of the mining industry in the east of the empire. The construction of the city under the leadership of an outstanding specialist and personal representative of Peter the Great, Georg Wilhelm de Gennin (Wilim Ivanovich Gennin), took into account the latest Western trends in industrial and fortification architecture. This affected the spatial planning and functional zoning of this mining city. It also had an important impact on its social organisation. A striking feature of Yekaterinburg was the high concentration of immigrants from European countries. Foreign nationals worked in the local administration and held a majority among the officers who commanded army units during the construction of the plant city. Also, the first doctors, the founders of the medical service in the Urals, were non-Russian. However, most specialists dealt with metallurgy and mining. Yekaterinburg became both their place of residence and a staging post on their

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция». Приношу искреннюю благодарность А. В. Черноухову и С. И. Цеменковой за консультации при подготовке статьи.

** *Citation:* Redin, D. (2020). Foreign Nationals in Yekaterinburg: At the Dawn of the City's Social Organisation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1695–1717. DOI 10.15826/qr.2020.5.553.

Цитирование: Redin D. Foreign Nationals in Yekaterinburg: At the Dawn of the City's Social Organisation // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1695–1717. DOI 10.15826/qr.2020.5.553 / Редин Д. Иностранные выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1695–1717. DOI 10.15826/qr.2020.5.553.

way to other factories and mines in the region. The contribution of these people to the formation and development of the industry in the region can hardly be overestimated. Nevertheless, there is still no special comprehensive study of this population category in early Yekaterinburg. This article is an attempt to consider the history of foreign immigrants as a social whole in Yekaterinburg society during the first decade of its existence. The author identifies their features and the factors that promoted and hindered intra-community integration, concluding that by the end of the first decade of Yekaterinburg's life, it had failed to form an influential and relatively homogeneous colony of foreign nationals: their number had noticeably decreased compared to the 1720s. The formation of a full-fledged community was hampered by marked differences in the legal status of foreigners and a lack of corporate privileges. Other factors were a minimised sphere of private life (which made it impossible for them to create stable internal organisation) and internal professional competition. However, the most important thing was high geographic mobility, which gave rise to quantitative and qualitative instability in the community.

Keywords: Yekaterinburg, General Gennin, Germans, Swedes, factory and mining specialists, confessional unity, linguistic community, legal status, ethnocultural identity.

Интенсивное развитие металлургии на Урале в 1720-е гг. тесно связано со строительством Екатеринбургa, ставшего не только крупнейшим многопрофильным металлургическим заводом России, но и административным центром отраслевого управления горнозаводской промышленности востока империи. Строительство города под руководством выдающегося специалиста и личного представителя Петра I Георга Вильгельма де Геннина (Вилима Ивановича Геннина) шло с учетом новейших западных тенденций промышленной и фортификационной архитектуры. Это сказалось в пространственно-планировочном решении и функциональном зонировании территории города, а также наложило явственный отпечаток на его социальную организацию. Яркой отличительной особенностью Екатеринбургa стала высокая концентрация в нем выходцев из зарубежных европейских стран. Иностранцы занимали должности в местной администрации, составляли большинство среди офицеров, командовавших армейскими подразделениями на строительстве города-завода, первые врачи – основатели медицинской службы на Урале тоже были иностранцами. Но основную массу составляли специалисты металлургического и горнорудного профилей. Екатеринбург стал и местом их проживания, и перевалочным пунктом по пути на другие заводы и рудники края. Вклад этих людей в становление и развитие отрасли в крае трудно переоценить. Тем не менее, специального комплексного исследования этой категории населения раннего Екатеринбургa пока нет. В статье предпринимается опыт рассмотрения истории иностранных выходцев как социального целого в городском социуме первого десятилетия его существования. Вычленяются их идентифицирующие признаки, факторы, способствовавшие и препятствовавшие внутриобщинной интеграции. Автор приходит к выводу, что к концу первого десятилетия жизни Екатеринбургa в нем так и не сложилась влиятельная, обособленная и относительно гомо-

генная колония иностранцев, а их численность заметно снизилась по сравнению с 1720-ми гг. Формированию полноценной общины препятствовали заметные различия в юридических статусах иностранцев и отсутствие корпоративных привилегий; минимизированная сфера частной жизни (а значит, невозможность создания устойчивой внутренней организации); внутренняя профессиональная конкуренция. Но самое главное – высокая географическая мобильность, порождавшая количественную и качественную нестабильность сообщества.

Ключевые слова: Екатеринбург, генерал Геннин, немцы, шведы, заводские и горные мастера, конфессиональное единство, языковая общность, юридический статус, этнокультурная идентичность.

Екатеринбург замышлялся и строился как город нового типа. Тот факт, что официальный городской статус был присвоен ему лишь в 1781 г., не мешал современникам изначально считать его городом¹. Н. С. Корепанов, автор ярких и глубоко документированных монографий о раннем Екатеринбурге, убедительно показал, что поселение на Исети обладало практически полным набором городских признаков уже в первые годы своего существования [Корепанов, 2001, с. 231–232]. Единственным сущностным обстоятельством, несколько «портящим» картину, являлось отсутствие здесь посадской общины и, соответственно, органов городского самоуправления до 1735 г. Но, во-первых, в таком же положении находился на первых порах и самый известный новый город России Санкт-Петербург, основным населением которого «были военные и строители; дворян, купцов и ремесленников жило здесь очень мало» [Базарова, с. 4], что не мешает признавать его городом. Во-вторых, некие зачатки посадской общины в Екатеринбурге возникли почти сразу после окончания строительства крепости и завода: ее составили торговцы, снабжавшие население продуктами, и вольные ремесленники. Они селились за крепостной стеной, в первую очередь в Купецкой слободе, а с 1727 г. избирали из своей среды заводского купчину – «штатного главного снабженца всех заводов Екатеринбургского ведомства» [Корепанов, 2001, с. 48], чью должность можно считать провозвестницей системы посадского самоуправления.

Фундаментальной особенностью Екатеринбурга, исходно придававшей ему отмеченную новизну, было то, что он формировался на базе крупного горно-металлургического комплекса, включавшего в себя все существовавшие тогда виды производств данной отрасли. Это обстоятельство стало и его исходной градостроительной основой [Лотарева, с. 19], и фактором, определившим социальный облик.

¹ «Город – любое поселение людей, существование которых зависит от продуктов сельского хозяйства, ведущегося за его пределами» – этого гениального в своей простоте определения Вернера Зомбарта вполне достаточно, чтобы не тратить время на дискуссии о реальном статусе Екатеринбурга до 1781 г. [цит. по: Ле Гофф, с. 44].

Поиск термина, наиболее точно отражавшего статусные характеристики этого нового феномена, привел В. Н. Татищева через 12 лет после основания Екатеринбурга к понятию «горный город» [Заводской устав Татищева, с. 184]; в позднейшей литературе стало бытовать еще одно определение: «город-завод».

Екатеринбург – «регулярный» город. Это понятие означало больше, чем просто строгую, симметрично упорядоченную, организованную по предписанному плану застройку, хотя, наверное, в силу мощи визуального воздействия именно она в первую очередь на обыденном уровне ассоциируется с регулярностью. Городская крепость бастионного («звездчатого») типа, одна из немногих в России тех лет и едва ли не уникальная для ее азиатской части четырехчастное членение внутреннего городского пространства, заданное прямоугольным пересечением воображаемой оси заводского пруда и гребня плотины; производственные, административные и жилые постройки, организованные в «порядки» и «линии» по типовым образцам и прочие известные вещи явственно демонстрировали свое отличие от традиционных русских городов. Впрочем, не только русских. Идея центральной композиционной оси, организующей городское пространство, ставшая результатом актуализации древнеримской градостроительной эстетики и практики западноевропейскими архитекторами раннего Нового времени, воплощалась лишь в крупнейших столичных городах Запада.

Архитектурно-планировочное своеобразие не исчерпывало понятие регулярности, присущей концепции Екатеринбурга. Подобно жестко структурированной и регламентированной застройке формировалась социальная структура города. Его социальная организация в первое десятилетие существования явилась результатом волевого целенаправленного действия создателей. Она не складывалась постепенно, в результате эволюции хозяйственной деятельности и внутренних общественных коммуникаций его обитателей. Заданная социальная структура определяла рационально устроенную и иерархизированную социальную топографию. Концепт «естественных зон», которым оперируют последователи Чикагской школы урбанистики, это не про Екатеринбург, точнее, не про изначальный Екатеринбург. «Изменения рода занятий, личный успех или фиаско – короче говоря, изменения экономического и социального статуса – обычно выражаются в изменениях местоположения» [Парк, с. 14] – нет, местоположение социальных групп, сконструированных административными и производственными потребностями, было закреплено в рамке крепостной стены Екатеринбурга таким же административным предписанием. Его социальное пространство, почти буквально по Анри Лефевру, продукт, повторяющееся пространство, повторяемый результат повторяющихся жестов [Лефевр, с. 86–87].

Можно было бы долго рассуждать о том, что Екатеринбург в том виде, в каком он был создан, явился живым воплощением камера-

листной утопии, столь популярной в описываемое время и к концу 1710-х гг. прочно усвоенной главным строителем новой России Петром I, сделавшим ее осознанной вербализованной программой государственного развития. Но утопия (если под таковой в данном случае понимать лишь концепции и метафоры камерализма) не имела бы шансов на реализацию, не будь она востребована и подкреплена практической целесообразностью. Задуманный как крупный многопрофильный металлургический комбинат, не имевший аналогов в Европе, Екатеринбург по самой своей сути должен был жить, подчиняясь потребностям успешного функционирования производства непрерывного цикла – иначе в его строительстве не было никакого смысла. А правильно организованное производство требовало правильно организованного общества, ибо все общественные группы, составлявшие город, совокупно обеспечивали действие заводского организма. Мастерские и рабочие люди трудились в цехах и на рудниках; вместе с приписными крестьянами – элементом, связанным, но не включенным в городской социум, – доставляли необходимые для производства материалы; канцелярские служители и администраторы всех рангов поддерживали бесперебойный режим управления; солдаты и офицеры строили все городские объекты, охраняли крепость и вместе с администрацией выполняли роль «благотельной полиции», поддерживая установленный порядок, производственную дисциплину, общественную безопасность и надзор за благоустройством.

Сообразно возложенным функциям происходило их расселение внутри крепостной стены, определялась топография социального пространства. Жилища мастеровых – максимально близко от цехов; канцеляристов и администраторов – рядом с местами службы в Сибирском обер-бергамте и его конторах; солдат и нижних чинов – вблизи от крепостных стен: «дворы салдацкие», «дворы подьяческие», «дворы мастерские», «дворы командирские», сгруппированные в «порядки», формировали иерархию городских кварталов. Их обитатели не имели права тратить время на пустые хождения; их путь от жилища до места службы должен был быть кратчайшим. Мишелю де Серто, уподоблявшему акт ходьбы городских пешеходов высказыванию, а самих пешеходов – авторам городского «текста», «который они пишут, не будучи в состоянии... прочитать» [Серто, с. 187], пришлось бы столкнуться с почти бабелевской лапидарностью и напряженностью екатеринбургского «текста» 1720-х – начала 1730-х гг.

В этой регламентированной социальности, административно предзаданной реальности, «расхищающей повседневность» [Бедаш, с. 222], важное место занимали иностранные выходцы, чье количество за первое десятилетие жизни Екатеринбурга оценочно составляло свыше 60, если не 70 человек – число очень внушительное и редкое для русской провинции того времени, особенно столь отдаленной от западных границ империи. Информация о них обшир-

на, но рассредоточена и неравноценна по содержанию; на основании сведений из источников и литературы мне удалось выявить 62 имени иностранцев (без женщин и детей), прошедших через Екатеринбург или так или иначе связанных с ним в 1723–1734 гг.,² – наверное, этот список близок к полноте, хотя, разумеется, едва ли может быть признан исчерпывающим и уж тем более удовлетворительным по своему информационному качеству – некоторые лица известны пока лишь по факту существования. Не все из них (хотя, по-видимому, большинство) сколько-нибудь времени жили в Екатеринбурге: кое-кто попадал на другие уральские заводы, минуя отраслевую «столицу» (наиболее заметно количество таковых на Пермских заводах). И не все эти шесть десятков находились в Екатеринбурге одновременно на протяжении всего обозначенного периода. Некоторые находились здесь почти все десятилетие и дольше, кто-то остался лежать навеки на немецком кладбище за Исетскими воротами, иные вернулись на родину или продолжили службу в других частях России после двух-трех лет пребывания в городе, а иные бывали лишь наездами. Вероятно, самая значительная их концентрация может быть зафиксирована во время строительства Екатеринбурга и в ближайшие годы после его завершения – десятка два, возможно, три (без членов семей) – и это тоже очень оценочно. Но даже два-три десятка одновременно проживавших иностранца для города, насчитывавшего от 500 (без семей, в 1725 г.) до почти 750 (без семей, в 1727 г.) человек [Корепанов, 2001, с. 33–34] – цифра заметная, особенно если учесть их статус и роль. Комплексное исследование обстоятельств их проживания с перспективой полноценной историко-антропологической реконструкции в контексте социальной истории раннего Екатеринбурга в целом представляется необходимым обобщением, структурирующим сведения, имеющиеся в литературе и дополненные вновь выявленными сюжетами.

* * *

Среди иностранных выходцев, попавших в Екатеринбург, можно выделить несколько групп по роду занятий. Во-первых, это администраторы, занимавшие высокие посты в ведомственной горнозаводской иерархии. Первым в этом ряду был Георг Вильгельм (Вилим Иванович) Геннин, создатель Екатеринбурга, каким мы знаем его первые десять лет. Личный порученец царя, главный командир Пермских и Сибирских заводов, человек богатого управленческого опыта и превосходный знаток горно-металлургической промышленности, он был в те годы единственным в Сибирской губернии обладателем генеральского звания и полномочий губернаторского уровня. К кате-

² В специальной литературе в хронологическом диапазоне 1720–1734 гг. таковых насчитывается 49 человек [Курлаев, Корепанов, Побережников, с. 189–191].

гории крупных региональных администраторов из иноземцев можно отнести берг-рата Иоганна Мартина Михаэлиса, с 1721 по 1727 г. занимавшего различные руководящие должности (член Вышнего горного начальства / Сибирского обер-бергамта, начальник Пермского бергамта), чей горный чин соответствовал рангу армейского полковника; бергмейстера (капитана-поручика, с 1731 г. – капитана по армейской аналогии) Иоганна Фридриха (Ивана Федоровича) Близера (Блюэра), члена Вышнего горного начальства и временного главу Сибирского обер-бергамта в 1724–1725 гг.; капитана Ёрана (Юрия Ивановича) Берглина, главу Кунгурской горной канцелярии, а позже – заводского комиссара Ягошихинского завода; бергмейстера Иоганна Готфрида Гейденрейха, члена Сибирского обер-бергамта.

Отдельную группу составляли офицеры, командовавшие подразделениями, отправленными из Тобольска на строительство Екатеринбурга³. В 1723–1724 гг. их было шестеро: майор Иоганн Брикгаузен, капитаны Ян Кралевич (Иван Королевич) и Михаил Цей, поручик Петр Шеберг, прапорщики Карл Брандт и Мартин Мейер⁴; все они входили, наряду с двумя русскими офицерами, в существовавший тогда в городе военный суд – кригс-рехт во главе с майором Брикгаузеном [Корепанов, 2006, с. 53]. Правда, все они по окончании основного цикла строительных работ вернулись в Тобольск. В городе надолго задержался лишь Карл (Карп Петрович) Брандт, произведенный в поручики и ставший командиром Екатеринбургской солдатской роты, а позже – начальником местного гарнизона [Корепанов, 2001, с. 31, 33, 45]. Видимо, во второй половине – в конце 1720-х гг. командиром городской артиллерии становится еще один иноземец, прапорщик Василий Алберг [Корепанов, 2001, с. 51].

³ Полковая принадлежность этих подразделений окончательно не прояснена. Н. С. Корепанов считает, что они входили в Тобольский гарнизонный (бывший Санкт-Петербургский) полк [Корепанов, 2001, с. 19]. По мнению Д. А. Лобанова – в Тобольский гарнизонный и Санкт-Петербургский Сибирского гарнизона (таким образом, историк разделяет эти полки и считает их существовавшими одновременно) [Лобанов, с. 422]. А. В. Дмитриев, автор специального монографического исследования по истории регулярной армии в Сибири, начинает свое повествование с 1725 г., но отмечает, что к моменту смерти Петра I (январь 1725 г.) из всех воинских частей регулярной армии «к востоку от Урала... была дислоцирована только одна – Сибирский гарнизонный драгунский полк». Что касается остальных полков с «сибирскими» названиями (Тобольский солдатский, Тобольский гарнизонный солдатский, Сибирский солдатский, Тобольский драгунский, Сибирский драгунский...), то они «собственно к Сибири не имели отношения, поскольку формировались и дислоцировались в Европейской части страны» [Дмитриев, с. 85–86]. Тем самым А. В. Дмитриев подвергает сомнению утверждение М. Д. Рабиновича, считавшего, что Тобольский гарнизонный солдатский полк был сформирован уже в 1720 г. и нес гарнизонную службу в Сибири [Рабинович, с. 72; Дмитриев, с. 88].

⁴ Д. А. Лобанов, ссылаясь на архивный документ, называет среди офицеров, прибывших в Екатеринбург с первыми ротами из Тобольска в 1723 г., еще одного – прапорщика Ивана Утлина, командира 4-й роты 1-го батальона [Лобанов, с. 422]. Вероятно, нет основания не доверять этой информации, но имя этого прапорщика мне больше нигде не попадалось. Если считать с ним, то на строительстве Екатеринбурга находились семь офицеров иностранного происхождения.

Малочисленную, но очень специфическую группу иностранцев представляли медики, дипломированные специалисты. Всего за изучаемый период их было трое, но только один из них, штаб-лекарь Иоганн Иосиф Спринцель, связал с Екатеринбургом свою жизнь, приехав на Урал с генералом Генниным в 1722 г.; он скончался и был похоронен здесь же в 1736 г. С его именем связаны создание первого госпиталя на Урале и начало частной врачебной практики; оба явления были чрезвычайно редки в России тех лет за пределами столиц⁵. Его коллеги, лекари Иоганн Репкен (Рыбкин), основавший первый госпиталь и аптеку на Пыскорских заводах, и Иоганн Христиан Гриненберг (Кринберг, Крининберг), организатор первого госпиталя на Ягошихинских заводах, в Екатеринбурге прожили не столь долго. Первый, судя по всему, лишь по приезду на Урал в 1728 г. (почти сразу он уехал на Пыскорские заводы, а по окончании контракта в 1730 г. – в Москву [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–2; Д. 278. Л. 163; Копырина, Черноухов]), а второй – с 1732 по 1734 г. и в февралемарте 1735 г. В дальнейшем он переселился на Ягошиху и служил там до самой смерти [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 8–11 об.; Д. 568. Л. 290–300; Д. 1071. Л. 108].

В 1734 г., почти накануне передачи дел В. И. Генниным В. И. Татищеву, в Екатеринбург прибыл лютеранский пастор Фридрих Вейзе [Корепанов, 2001, с. 51].

Но подавляющее количество приходилось на специалистов металлургического и горнорудного профиля: медеплавильных, молотовых, меховых⁶, шпикарных⁷, пробирных, жестяных и проволочных дел мастеров, штейгеров⁸ и бергауров⁹, единично – плотинных и доменных мастеров, которых на Урале хватало и из собственных кадров. Внутри этого круга существовало собственное ранжирование, в зависимости от занимаемых должностей, от низших, вроде бергауров и шихтмейстеров, до высших – старших мастеров и обер-штейгеров.

Все иностранцы представляли собой элитную страту местного общества, что выражалось и в их расселении в Екатеринбурге. Они жили в «командирских дворах» – районе к северу от плотины, на правой, западной стороне заводского пруда [Там же, с. 54]. Грохот заводских механизмов доносился сюда не столь нестерпимо, людской сутолоки и скученности застройки, свойственной южной, деловой части города, было меньше, широкая водная гладь пруда

⁵ Новейшее исследование по истории становления медицинской службы на Урале с биографическими сведениями о первых медиках см.: [Копырина, Черноухов].

⁶ Мастер по изготовлению мехов для доменных печей, медеплавильных и кузнечных горнов.

⁷ Мастер по изготовлению скобяных изделий.

⁸ Горный, или рудничный мастер.

⁹ Рудоразборщик, горный специалист, занятый собственно добычей и первичной обработкой руд.

являла приятную картину; в этой же части располагался и дом главного командира Пермских и Сибирских заводов – казенное жилье генерала Геннина.

Можно ли говорить о том, что иностранные выходцы в Екатеринбурге первого десятилетия представляли из себя колонию, некую общину, отличавшуюся внутренней сплоченностью, характерным набором системных признаков *аут-группы* (иногруппы)? Вопрос этот представляется не таким риторическим, как может показаться на первый взгляд. Для ответа на него следует понять, обладали ли екатеринбургские иноземцы устойчивыми и общими для всех них статусными характеристиками, позволявшими им позиционировать себя по отношению к другим группам населения города.

Первой и очень важной из таких характеристик была этноязыковая общность. Общность языка в иноязычном окружении – мощный стимул к внутригрупповой консолидации. Самой многочисленной субгруппой иноземного сообщества являлись немцы, второй – шведы, единично, с большим отрывом от первых двух – поляки, один голландец и один финн. Немцы были выходцами из нескольких германских княжеств и земель. Среди них безусловно преобладали саксонцы, составлявшие ядро в категории горнозаводских специалистов, но были и выходцы из бывших немецко-балтийских (остзейских) провинций Швеции (майор Брикгаузен, капитан Цей), уроженцы Ганновера (меховые мастера братья Фридрих и Иоганн Кейзеры), Бранденбурга-Пруссии (пробирный мастер Вильгельм Штифт, лекарь Иоганн Генрих Репкен) и Зигена-Нассау (генерал В. И. Геннин)¹⁰. В вольном городе Гамбурге был закантрактован в конце 1722 г. И. Г. Гейденрейх, но являлся ли Гамбург его родным городом – неизвестно. Шведское происхождение установлено у прапорщика Алберга, капитана Берглина, прапорщика Брандта, камнерезного мастера Христиана Рефа. Возможно предположить, что шведом был молотовой мастер Лоренц Пожаров (Николаев)¹¹. Поляков в Екатеринбурге тех лет представляли доменный подмастерье Максим Орловский (из шляхтичей) и капитан Краевич. Источники фиксируют голландца, шпикар-

¹⁰ Распространенное представление о голландском происхождении В. И. Геннина, восходящее к ошибочному утверждению Якоба Штелина, убедительно опровергнуто в новейшем исследовании Д. О. Серова [Серов]. Неоднократные упоминания самого Геннина о его приверженности к «голландской вере» указывают не на этническую, а на конфессиональную принадлежность к кальвинизму.

¹¹ Н. С. Корепанов предположительно считал Л. Пожарова итальянцем или англичанином [Корепанов, 2001, с. 52; Корепанов, 2006, с. 13]. Но в аутентичных документах имеется собственное показание родного племянника Пожарова Ивана, в котором он сообщает, что «родом он швед» и вывезен был из Швеции «в малых летах» своим отцом (то есть братом Пожарова) Алексеем Фареевым, законтрактовавшимся на Олонецкие заводы [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96. Л. 250–251]. Являлись ли Л. Пожаров и его ближайшие кровные родственники Фареевы этническими шведами, принявшими при каких-то обстоятельствах православие, или русскими подданными шведской короны (байорами или земцами), неизвестно.

ного мастера Куперца Берента, и финна, принявшего православие, молотового мастера Михаила Андреева.

В подавляющем большинстве екатеринбургские иноземцы были немецкоязычными, но за единичными исключениями так или иначе владели русским языком. Редко кто из них не имел за плечами нескольких, а часто и многих лет службы в России, кроме того, по роду деятельности им постоянно надо было общаться с русскими солдатами, мастеровыми и работными людьми. Не знать русского языка могли позволить себе только высокопоставленные иностранцы, имевшие возможность оплачивать переводчика. К таковым относились берг-рат Михаэлис и бергмейстер Гейденрейх; при последнем постоянно находился личный переводчик Эрнст Грубе [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 118–130, 131–153; Д. 73. Л. 637].

Важное значение в конкретных условиях имела исходная территориально-политическая принадлежность иностранцев. Например, категория «шведы» имела свое не только этническое, но и политическое наполнение: подданные шведской короны. В этом смысле сюда входили и каролины, воевавшие в годы Великой Северной войны против русских войск, и просто жители иноэтничных шведских провинций (Финляндии, Карелии, Ингерманландии, Остзее, Померании, Бремена и т. д.). В таком случае «шведами» станут лифляндские немцы Брикгаузен и Цей, поляк Кралевиц, молотовой мастер Иоганн Дейхман (Дейман), определенный Н. С. Корепановым как этнический швед, но чье имя звучит подозрительно по-немецки, и, возможно, финн Андреев. Все каролины (и этнические шведы, и иноэтничные офицеры армии Карла XII) оказались на Урале через плен и ссылку. Что больше связывало этих людей: этничность (шведский язык) или общность судьбы – участь пленников, а позже однопольчан на русской службе? Кто был ближе, например, майору Брикгаузену: пруссак Вильгельм Штифт или поляк Кралевиц, бывший шведский офицер, а ныне сотоварищ по тобольской и екатеринбургской полковой службе?

Значимым идентификационным признаком и одновременно фактором формирования идентичности являлись семейные узы. Родство и свойство, брачные союзы, заключенные в «своей» среде на чужбине, могли скреплять внутреннее единство иностранных выходцев прочнее, чем иные обстоятельства. Но об этом мы пока знаем очень мало. Известно, что некоторые иностранцы приезжали в Екатеринбург с семьями и родней: с племянником Иваном прибыл на строительство завода на Исети Л. Пожаров [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96. Л. 250–252]; с сыном Иоганном и братом стальным мастером Питером, поселился на Урале Иоганн Дейхман, отвечавший за строительство стальной фабрики на новом заводе [Корепанов, 2001, с. 24]; семейной группой жили и трудились меховые мастера братья Фридрих и Иоганн Кейзеры и штейгеры братья Иоганн Фридрих и Иоганн Христофор Вейдели [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–6 об.]; с женами рискнули отправиться

в далекий край генерал Геннин, штейгер Иоганн Шель¹², штейгер Даниэль Дрибель, штаб-лекарь Спринцель [Корепанов, 2005, с. 44], штейгер Абрахам Корс [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 331. Л. 900–903]; майор Вильгельм Шульц, недолго, около года с конца декабря 1731 по вторую половину октября 1732 г. руководивший Сибирским обер-бергамтом, приехал с женой и четырьмя детьми [Там же. Д. 376. Л. 190, 321].

Роднились уральские немцы и между собой. Известно, например, что медеплавильный мастер Иоганн Готлиб Улих, большая часть службы которого прошла на пермских Пыскорских заводах, был женат на одной из дочерей молотового мастера Андрея Каса [Корепанов, 2001, с. 55]. А старший молотовой мастер Иоахим Рамфельт состоял в браке с сестрой молотового Дейхмана, что не помешало ему в 1724 г. вступить в незаконную связь с другой дочерью мастера Каса. Чтобы замять скандал, девушку пришлось отправить на Алапаевские заводы и там выдать замуж за какого-то саксонского контрактера [Там же, с. 54]. Наверняка семейных иноземцев, которые привезли домочадцев с собой или обзавелись родственными узами с соотечественниками уже на Урале и, в частности, в Екатеринбурге, было больше. Такого рода связи, несомненно, имели большое значение для поддержания устойчивых коммуникаций внутри иностранной колонии, для сохранения и укрепления этнокультурной идентичности. И в этом процессе огромную роль играли женщины, которые, в отличие от их мужей, почти круглосуточно занятых на заводских и горных работах, могли быть теми акторами, которые сберегали языковые и культурные традиции, воспитывали детей и придавали сообществу иностранных жителей Екатеринбурга единство, делавшее их общиной в полном смысле этого слова. Но мы пока почти ничего не знаем об этой стороне жизни иноземцев в первое десятилетие истории Екатеринбурга, что связано как со спецификой источниковой базы, так и с тем, что гендерные аспекты их жизни не были в фокусе исследовательских интересов.

Безусловно интегрирующим обстоятельством для иностранных выходцев в Екатеринбурге являлась конфессиональная однородность. За единичными исключениями все они были лютеране¹³. Попытку обзавестись лютеранским пастором еще в 1722 г. предпри-

¹² О том, что Шель был женат, свидетельствует случай, характеризующий «лучшие» черты бюрократического отношения к людям. В 1733 г. В. И. Геннин отправил мастера в Архангельск для участия в работе одного из отрядов Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. В задачу Шеля входило обследование берегов Северного Ледовитого океана на предмет наличия там полезных ископаемых. Стоило Шелю уехать, как заводская канцелярия прекратила выдачу дров, обусловленных контрактом мастера, его жене, поскольку контракт был заключен не с ней, а с Шелем! Понадобилось личное вмешательство Геннина, чтобы женщина не скончалась от холода в суровые уральские зимы [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 474. Л. 12–15 об.].

¹³ Достоверно известно, что В. И. Геннин исповедовал кальвинизм; возможно предположить, что кальвинистом был голландец К. Берент, а капитан Я. Кралевич – католиком. Может быть, католиком являлся и молотовой мастер Максим Орловский, хотя он мог принадлежать и к православному исповеданию (как исходно, так и в результате перехода).

нимал по инициативе И. М. Михаэлиса В. Н. Татищев. Но только в 1734 г. В. И. Геннин сумел организовать приезд из Санкт-Петербурга пастора Фридриха Вейзе, как он пояснял, «для собственного дому моего и прочих здешних и пермских чужестранных горных и заводских служителей, дабы они при пасторе более охоту имели в таких дальних местах от кирхи в здешних службах быть» [Корепанов, 2001, с. 51]. Таким образом, Ф. Вейзе в идеале должен был окормлять целый округ, своеобразный диоцез, не ограничиваясь только горнозаводским центром. Сведений о наличии протестантской церкви в Екатеринбурге первого десятилетия его существования (в отличие от отдельного кладбища) не выявлено. Вероятно, собрания лютеран происходили у кого-то на дому. Учитывая, что протестантское учение не признает мистического содержания таинств (за исключением крещения и причастия), а путем к спасению считает лишь личную искреннюю веру и добрые дела [Религиоведение, с. 595–596; Алексеев, Елисеев, с. 483–484], в принципе, можно предположить, что молитвенное общение могло происходить в Екатеринбурге под руководством кого-либо из наиболее уважаемых и начитанных единоверцев. Наверное, по необходимости таковые крестили рожденных здесь детей и причащали, хотя, как видно из приведенной выше цитаты, такое положение не считалось нормальным. Эта сторона жизни иностранцев еще нуждается в специальном изучении.

Важным фактором, разновекторно влиявшим на формирование этнокультурной идентичности иностранных выходцев Екатеринбурга, был их юридический статус. В этом отношении они не представляли гомогенного сообщества. Часть из них являлись российскими подданными. Путь к этому состоянию был для них разным. Все офицеры иностранного происхождения, побывавшие в Екатеринбурге, в прошлом сражались под знаменами Карла XII, а, попав в плен (главным образом после Полтавского сражения), перешли на службу в русскую армию. Прежде чем оказаться на Урале, все они по 6–8 лет отслужили в сибирских гарнизонных частях. Через плен приняли новое подданство и те, кто занимали в горнозаводском ведомстве различные гражданские должности: Ё. Берглин и, видимо, мастер М. Андреев. Сыном «старовыезжего» иноземца и российским подданным был уроженец московской Немецкой слободы Иоахим Рамфельт [Корепанов, 2001, с. 54]. Строго говоря, в соответствии с Регламентом об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г. [ПСЗ-1, т. 6, № 3937], он уже и не считался иноземцем, но, судя по имени, сохранял приверженность своей конфессиональной принадлежности, видимо, не утратил родного языка и среди екатеринбургских соплеменников считался за своего, коль скоро один из них выдал за него свою дочь. В российском подданстве пребывали генерал В. И. Геннин, берг-рат И. М. Михаэлис и майор Вильгельм Шульц, служивший ранее в Сенате и скоропостижно скончавшийся в 1732 г., не успев пробыть и года в должности руководителя Сибир-

ского обер-бергамта [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 190]. Вероятно, российским подданным с какого-то времени стал Иоганн Готлиб Улих. На это указывает то, что после отставки он занялся частным предпринимательством, став горнозаводчиком в компании с купцами Вяземскими, В. Дряхлым и П. Каркиным¹⁴.

Принятие подданства открывало для иностранцев возможности карьерного роста, права приобретения недвижимости, занятий частными промыслами, ремеслами, торговлей и проч. Вместе с тем, этот статус таил и определенные риски, в частности, полное распространение на бывшего иноземца норм российского законодательства, включая применение телесных наказаний за различные правонарушения, от чего иностранец-контрактёр был освобожден. Показателен в этом смысле пример упоминавшегося И. Рамфельта, дважды, в 1732 и 1734 гг., осужденного к наказанию плетьюми, подвергнувшегося розыску в Тайной канцелярии и сосланного в Якутский (Тамгинский) завод¹⁵. Для контраста можно привести эпизод по делу заводского надзирателя Михаила (Михаэля) фон Траумберха, обвиненного в «блудном житии» с некой «девкой Авдотьей». Уличенный первый раз, Траумберх объявил о намерении жениться, но не получил разрешения екатеринбургского протопопа. Авдотью выдали замуж за одного из солдат, но их связь на том не прервалась. Уличенные вторично, они были наказаны: приговором Обер-бергамта было предписано «показанной женке Овдотье за прелюбодеяние... учинить наказание батожем, да сверх того быть ей скованной в работе заводской без денежной платы месяц», а у ее любовника вычли месячное жалованье «на богадельню» [Там же. Д. 562. Л. 469–478].

Собственно, штрафы в виде вычетов из жалованья являлись едва ли не единственным наказанием для иностранцев, не находившихся в российском подданстве. Последних в Екатеринбурге и на других уральских заводах было подавляющее большинство. Редко кто из них не имел опыта работы по контракту до прибытия на Урал. Многие начинали свою службу еще в первые годы XVIII в. и, продолжая контракты, до конца жизни оставались в России. Контракт давал им свои определенные преимущества: оговоренное жалованье, увеличения которого можно было добиться при заключении нового

¹⁴ Улих вместе с вышеперечисленными компаньонами стал в 1732 г. совладельцем медеплавильных Анцубского (бывшего И. В. Тряпицына) и Шурминского заводов, вложив в дело 500 руб. Стараниями опытного мастера на этих убыточных предприятиях удалось удвоить производство меди. Но, будучи обманутым компаньонами, он снова поступил на казенную службу [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 395. Л. 468–472, 491, 520–522].

¹⁵ Первый раз Рамфельту удалось избежать наказания благодаря снисходительности Геннина, отменившего приговор Сибирского обер-бергамта ради прежних заслуг и преклонных лет обвиненного. Вина мастера заключалась в выковке бракованного железа [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 341. Л. 120–126 об.]. В чем заключалась его провинность в 1733 г., неизвестно. Дело разбиралось в Тайной канцелярии и находилось вне компетенции региональных горных властей [Там же. Д. 498. Л. 13–17; Корепанов, 2001, с. 54–55].

договора¹⁶, обеспечение казенным жильем, дровами, иногда (в зависимости от ранга) – денщиками. Контрактеры могли рассчитывать на помощь своим семьям в случае смерти (известны случаи, когда родных и домочадцев покойных снабжали транспортом, средствами и охраной для проезда из Екатеринбурга в Москву); как писалось выше, они были освобождены от телесных наказаний. Но в России первой трети XVIII в. контракт как форма установления юридических отношений еще был далек от совершенства и не гарантировал в полной мере социально-правового статуса иностранцев. С одной стороны, контракты содержали много недоговоренностей и противоречивых норм, позволявших властям произвольно толковать их содержание, с другой, само отношение к контракту у заключивших его сторон было разным ввиду различий правовой культуры России и Запада, что часто приводило к спорам и конфликтам¹⁷. Наиболее болезненно для иностранцев было то, что власти считали в порядке вещей гонять контрагтера по всей стране, предписывая «служить на том месте, где нужда будет». Опасность в этом смысле представляла, например, размытая формулировка о принятии иноземца «на казенные заводы», дававшая потом основание отправлять его «на разные заводы от Олонецких до Нерчинских» [Ермакова, 2017, с. 180]. Наиболее прозорливые иностранцы старались точно указать в договоре, насколько они готовы к казенным «путешествиям» по обширной и суровой Российской империи. Такую дальновидность проявил лекарь И. Х. Гриненберг. Познав своеобразие российской географии и климата в результате трех лет пребывания в Екатеринбурге, при заключении нового контракта в 1734 г. он поднял вопрос об увеличении жалованья и оговорил условие не отсылать его в Якутск, Томск, Красноярск и Нерчинск [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376. Л. 8–14].

Принято считать, что уроженцы зарубежных европейских государств приезжали на службу в Россию, привлекаемые возможностью значительно улучшить свое материальное положение и сделать быструю карьеру. Указанные соображения перевешивали все возможные риски и неудобства, которым подвергали себя контрагтеры в инокультурной иноконфессиональной стране, столь не похожей на их родные края и имевшей устойчивую негативную репутацию, созданную в сочинениях дипломатов и путешественников Запада¹⁸. Известно, что в петровское царствование офицеры-иностранцы и гражданские служащие, особенно в центральном аппарате, получали оклады, кратно превышавшие те, которые полагались за аналогичные должности русским. Но это вовсе не означало, что *все* иностранцы имели шанс не-

¹⁶ Выплаты жалованья часто задерживали, от чего страдал даже В. И. Геннин.

¹⁷ Разноплановые исследования на этот счет принадлежат О. К. Ермаковой [Ермакова, 2015; Ермакова, 2017; Ермакова, 2018; Ермакова, Рукосуев].

¹⁸ Правда, остается проблематичным вопрос, насколько широко эти сочинения были известны среди рядовой публики.

сказанно обогатиться, стоило им лишь попасть на службу российской короне. Многие зависело от того, какого рода была эта служба, в каких условиях она проходила, в каких конкретных ситуациях оказывался контрактер. Да и представления о достатке у всех были разные. Иных связать свою судьбу с жутковатой Московией побуждала авантюрная жажда наживы, а иных на северо-восток гнала действительная нужда. Показателен случай жестокой ссоры двух (о, парадокс!) немцев – саксонца штейгера Иоганна Бретшнейдера и пруссака прапорщика Асафа Розе. Оскорбленный словесными выпадами штейгера, Розе обозвал его и его соплеменников *нищими саксонцами*, «понеже вы, оставя свое отечество и не имея тамо пропитания, идете сюда, где в вас нужды нет, и учится нечему, что вы знаете, и довольно уже вас умножилось» [цит. по: Корепанов, 2001, с. 173]¹⁹. Вполне вероятно, что такая уничижительная характеристика не была изобретением Розе и «вitalа в воздухе», и какая-то часть немецких специалистов действительно оказалась на Урале, ведомая стремлением найти хоть какой-то заработок, не имея такой возможности на родине.

Анализируя размеры денежных окладов уральских контрактеров изучаемого периода, можно отчетливо увидеть все нюансы положения и уровни материальных притязаний иностранных выходцев. Бросается в глаза значительная поляризация размеров их жалованья. Многократно упоминавшийся бергмейстер Гейденрейх условился служить за 500 руб. годового оклада с предоставлением казенной квартиры, дров и оплаты личному переводчику в 48 руб. в год [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 73. Л. 637]. Если ориентироваться на штаты 1715 г., установленные для служащих местного госаппарата, это было жалованье, сопоставимое по денежной ставке с окладом вице-губернаторов (кроме Санкт-Петербургского) – 600 руб. в год [ПСЗ-1, т. 5, № 2879]. При этом Гейденрейх, человек склочный и нелюбимый даже в среде соотечественников, остался недоволен своими заработками и по окончании контракта пытался истребовать у Берг-коллегии значительные суммы сверх оклада [Ермакова, 2015, с. 105–106]. В то же время капитан Берглин, равный по званию с Гейденрейхом и немногим уступавший ему по должности, безупречно отслужив в горной службе 14 лет, ушел в отставку со 180-рублевым окладом [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 395. Л. 512–513]. По штату Сибирского обер-бергамта 1723 г. лекарю при уральских заводах предполагалось платить 120 руб. в год; этот оклад был утвержден и Берг-коллегией в 1724 г. Но для иноземцев, занимавших лекарские вакансии, такие условия представлялись малопривлекательными. Так, например, лекарь И. Репкен запросил и получил еще 10 руб. годовых «за инструменты», а также квартиру, дрова, денщика и ученика [Там же. Д. 188. Л. 1–2]. Другому лекарю, И. Гриненбергу, оказалось мало и 144 руб. в год (именно такой размер жалованья был

¹⁹ Случай, хотя и относится к 1747 г., но представляется уместным в контексте статьи.

оговорен в его первом уральском контракте). По его словам, таким жалованьем он «едва питался», и при заключении нового контракта он добился увеличения оклада до 180 руб. годовых (ставка штаб-лекаря по утвержденному Берг-коллегией штату Сибирского обер-бергамта 1724 г.) с приставлением к своей особе денщика [Копырина, Черноухов]. Ветеран уральской медицинской службы штаб-лекарь И. Спринцель не только обладал самым большим денежным жалованьем (180 руб. по контракту 1725 г. и 219 руб. по контракту 1727 г.), но имел право вести частную практику и, кроме традиционного обеспечения жильем и дровами, получал фураж на трех лошадях [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 911–913].

Более высоко оплачивались заводские мастера, некоторые из которых получали высокие оклады, как, например, меховые мастера братья Кейзеры (по 208 руб. в год) [Там же. Д. 77. Л. 399–404]. Упомянутый гитенмейстер И. Г. Улих за почти десять лет уральской службы увеличил свой оклад со 156 до 248 руб. в год. У специалистов горного дела оклады, похоже, были скромнее. Начинали свою службу в Екатеринбурге в 1723 г. с окладами в 96 и 84 руб. в год штейгеры И. Ф. Вейдель и его младший брат Христофор; первый, заключив новый контракт, лишь после 1732 г. вышел на уровень оплаты в 144 руб. [Там же. Д. 161. Л. 3–6; Д. 395. Л. 90–91]. Позднее, в 1732 г., Фридрих Вейдель достиг пика карьеры, став обер-штейгером с окладом в 200 руб. А вот Абрахам Корс, получивший по контракту 1731 г. тот же обер-штейгерский чин, сумел добиться лишь 164 руб. годового жалованья, как и обер-штейгер Келлер [Там же. Д. 331. Л. 910–910 об.]. Значительно ниже (по должности) оплачивались бергауры. Иоганн Прюфцен (Павел Бривцын, на русский манер), с 1702 г. служивший на казенных заводах в Козельске, Калуге и на Олонце, а с 1720 г. – на Урале, в том числе и в Екатеринбурге, всю жизнь довольствовался 60-рублевым жалованьем, лишь за три года до своей смерти получив 12-рублевую надбавку. Он умер одиноким человеком в Екатеринбургском госпитале 2 января 1735 г. [Там же. Д. 530. Л. 22–24 об.].

Характеризуя отличительные черты уральских контрактеров, Н. С. Корепанов отметил, что они «несли с собой европейскую открытость, незашоренность и характерное для протестантов отношение к труду как к молитве» [Корепанов, 2001, с. 50]. В целом не оспаривая данную мысль (в той части, что большинство из специалистов того времени трудились добросовестно), не могу не заметить, что в ней слишком много от романтического обобщения. Конкретные судьбы и поступки уральских «немцев» показывают, что ничто человеческое не было им чуждо, а «европейская открытость» и «протестантское отношение к труду» есть скорее новейшие конструкты, нежели идентифицирующие признаки. Изматывающий ритм работы, практически не оставлявший времени для частной жизни, отсутствие даже намека на сколько-нибудь разнообразный досуг, суровый климат уравни-

вали жителей Екатеринбурга и окрестных заводов вне зависимости от происхождения. Например, среди иностранных выходцев совсем не редкостью было пьянство. Пожалуй, только генерал Геннин оставался принципиальным трезвенником, и последовательно, жестко, но, надо признать, со скромным результатом пытался искоренить этот порок во вверенном ему ведомстве. Особым пристрастием к выпивке отличались молотовые мастера Лоренц Пожаров и Иоахим Рамфельт, лудильный подмастерье Готфрид Янгенель (Гунгенель), но совершенно легендарным в этом смысле был стекольный и медеплавильный мастер Иоганн Христиан Инглин. Генерал Геннин нашел его на Сылве и нанял в 1724 г. «от стеклянного заводу от промышленника Белопащенкова». Уж что такое показал Инглин новому работодателю, не вполне ясно, но генерал настолько был впечатлен его познаниями в медеплавильном деле, что приказал «из казны сделать кафтан, камзол, штаны, сапоги, шапку» мастеру. Пораженный его квалификацией, В. И. Геннин писал с восторгом, что Инглин превосходит познаниями Михаэлиса и Штифта, и «за такой хороший секрет в чужих государствах не токмо что дается кафтан, но иное хорошее награждение жалованием и повышением чина» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 224–224 об.]. При этом жалованье, положенное чудо-мастеру, поражало своей ничтожностью: 36 руб. в год!

Уникальное мастерство в сочетании со странной карьерой на маленьком частном заводике на Сылве и с убогим окладом, вероятно, объясняется тем, что Инглин был законченным алкоголиком. В 1731 г., подвизаясь на Лялинском заводе, он решил жениться на вдове своего покойного друга штейгера Дрибеля, к тому времени матери троих детей. Управитель завода Д. Одинцов пришел в ужас от такого намерения, жалея женщину, поскольку Инглин «нимало себя от пьянства не удержал... ежели (она. – Д. Р.) замуж выйдет, все нажитое с Дрибелем он размотает и детей ее приведет в убожество». Хотя вдова кормила непутевого мастера, он, будучи в запое, ее бил, и она в конце концов была отправлена с детьми на трех подводах в Москву за счет Обер-бергамта. «И после отъезду ее, – сообщал Одинцов, – ежели его кто не возьмет кормить, то ему разве по миру ходить» [Там же. Д. 331. Л. 665 об.]. В 1732 г. в развитие сенатского указа от 4 сентября о неудержании по истечении контрактов неискусных иноземцев, «чтоб жалование не получали по отговорам», Коммерц-коллегия (ведавшая тогда заводами), велела «отрешить от дел за пьянство» плавильного мастера Инглина. В. И. Геннин, тем не менее, дорожил мастером и отстоял его, написав в столицу, что «такого искусного и с немалым изживением из Германии достать трудно, а мне такие люди весьма надобны» [Там же. Д. 332. Л. 69–72 об.]. Спасая специалиста, он загнал его на Колывано-Воскресенские заводы, приставив капрала «для смотрения над ним, чтоб трезво жил и не имел воли пьянствовать» [Там же. Д. 385. Л. 98 об. –99]. Разумеется, это

не помогло: Инглин умер в нищете в 1740 г. на Красноярских заводах [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 918. Л. 618–620].

Подобно своим русским собратьям по ремеслу, иностранцы заводили любовниц, пользовались возможностью прогулять работу (что было легче сделать на отдаленных рудниках), порой приворовывали казенные материалы для собственных нужд или для изготовления домашней утвари на продажу. Поэтому было бы некорректно изображать всех их носителями каких-то исключительных моральных или культурных качеств, резко отличавших их от местных жителей. Приехавшие из разных мест, желавшие индивидуально упрочить свои позиции, избежать штрафов, доказать уникальность своих профессиональных качеств, иностранные мастера нередко доносили друг на друга (как, впрочем, и на русских мастеров, плативших им тем же), соперничали между собой, что не способствовало упрочению связей внутри их сообщества²⁰. Все сказанное несколько не умаляет того весомого вклада, который они внесли в развитие горнозаводского производства на Урале, и в Екатеринбурге в частности. Откровенных проходимцев и лентяев среди них практически не было, а примеров проявленного ими высокого мастерства и изобретательности имеется в достатке.

Жестяных дел мастер Иоганн Ваплер, прибывший в 1722 г. с Олонекских заводов и руководивший постройкой жестяной фабрики на Исетском (Екатеринбургском) заводе вместе с И. Дейхманом, изготовил в 1725 г. оборудование для чеканки денежных медных плат на местном платном (денежном) дворе [Корепанов, 2001, с. 39, 51]. Братья Вейдели славились изобретением эффективных водоотливных машин по откачке грунтовых вод из шахт. По оценке Геннина, «сделанная машина выливает воды из шахт, а не людьми, весьма изрядна и полезна». Если для отлива воды вручную требовалось 40 человек, то на обслуживании машины были заняты 2–3 человека «для присмотра» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 161. Л. 5–6]. Таким же мастерством отличались соперничавшие в этом деле штейгеры Иоганн Келлер и Иоганн Шель [Там же. Д. 376. Л. 207–208]. Родоначальником разработки мраморных месторождений в окрестностях Екатеринбурга стал штейгер Иоганн Ланг [Там же. Д. 188. Л. 102–105]. Пятерых русских учеников подготовил в Екатеринбурге в 1726–1729 гг. камнерезный мастер Христиан Реф [Корепанов, 2001, с. 41], десятерых – А. Корс [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 331. Л. 900]. Старший из братьев Вейделей, Иоганн Фридрих, кроме горного дела, был искусен в изготовлении мехов. Он обучил горному делу не менее 20 русских учеников, хотя был жестоким учителем и часто бил учеников батогами и «ручным боем». Имеются факты жалоб на его побои со стороны рудничных рабочих, на что Вейдель оправдывался тем, что они получают побои за плохую

²⁰ К сожалению, ограниченный объем статьи не дает возможности привести разнообразные примеры всего перечисленного, которыми изобилуют документы.

работу [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 161. Л. 220–227 об.]. Отличался высокой квалификацией неоднократно упоминавшийся Лоренц Пожаров; он был назначен Генниным «на всех здешних железных заводах над всеми молотовыми мастерами в ковке железа смотреть и всякую худобу поправлять и указывать». Но, склонный к пьянству, Пожаров, как и Вейдель, жестоко относился к работникам и ученикам, бил их «без правильной вины». Известен случай, когда побои Пожарова привели к тому, что один из его учеников, С. Разуев, повесился [Там же. Д. 195. Л. 183, 487]. Уникальным специалистом широкого профиля был Вильгельм Штифт, строитель первых медеплавильных печей в Екатеринбурге [Корепанов, 2001, с. 29]; при нем прошли практическую подготовку почти все школьники, прибывшие в Екатеринбург из обеих столиц: П. Зеленой, М. Кутузов, В. Горчаков, Я. Бекетов, А. Порошин, Д. Одинцов – цвет горнозаводского руководства 1730–1750-х гг. Совместно с И. Х. Инглином и Г. Деффелем Штифт организовал на Лялинском заводе производство купороса высокого качества и более дешевого, чем зарубежный [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 280. Л. 5, 16–17, 45, 47–48]. Таких примеров можно приводить много.

* * *

Можно ли считать совокупность иностранных жителей Екатеринбурга первых десяти лет его существования общиной? На мой взгляд, по имеющимся на сегодняшний день данным, с большими оговорками. Языковая и конфессиональная однородность, некоторые сведения, позволяющие говорить о наличии внутренних семейных связей, заметная топографическая обособленность проживания внутри города, несомненно, служат одновременно и общими идентифицирующими признаками, и интегрирующими факторами, свидетельствующими об определенном единстве иностранных выходцев, живших в те годы в Екатеринбурге. В то же время есть ряд причин, определявших его непрочность. Различия в юридическом статусе, значительные по длительности и интенсивности контакты с русским большинством (стимулирующие процессы обрусения), неустойчивость состава и колебания численности, связанные с частыми переселениями на другие заводы и рудники, отъездами по истечению контрактов, сведенная к минимуму сфера частной жизни (по крайней мере, у мужской части этой категории населения), незаметность признаков внутренней организации, отсутствие корпоративных привилегий и многие другие обстоятельства побуждают признать, что сообщество местных иностранцев если и составляло некое целое (иногруппу по отношению к большинству), то нестабильное и открытое²¹.

²¹ Это очень не похоже на колонии иностранных специалистов первой половины XIX в. на уральских заводах, представлявших «совершенно особую социальную группу» с собственными общественными организациями, своим судом и законодательно закрепленными корпоративными правами [Ермакова, 2013].

Спустя десять лет после основания Екатеринбурга, к 1734 г., когда генерал-лейтенант артиллерии В. И. Геннин сдавал должность вновь возвращенному на Урал действительному статскому советнику В. Н. Татищеву, иностранных уроженцев в нем оставалось мало и в абсолютном, и в относительном смысле. Согласно «Списку имянному о людях, обретающимся ведомства Сибирского обер-бергамта в Екатеринбургских... заводах...» 1734 г., на 998 душ м. п.²² приходилось только пять «иноземцев»: бухгалтер Счетного повытья Сибирского обер-бергамта Еремей Грие и известные по прежним службам штейгер в Припасной конторе Вейдель (кто из братьев – неизвестно), в молотовых фабриках «за гитенмейстера иноземец» Михаил Андреев да мастера Иван Дейман (Иоганн Дейхман) и «иноземец» Петр Михайлов [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 178 об., 188, 190 об., 192–192 об.]. К ним следует добавить начальника гарнизона Карла Брандта, медиков И. И. Спринцеля и И. Х. Гриненберга да пастора Вейзе и, возможно, прапорщика В. Алберга. Вот, пожалуй, и все: максимум десять человек на почти тысячу душ м. п. населения, 1 % от общего числа. Несомненно, внося очень большой вклад в развитие комплексного горнозаводского производства, иностранные выходцы Екатеринбурга, скорее всего, так и не образовали в это время сильную влиятельную общину.

Список литературы

Алексеев С. В., Елисеев Г. А. Все религии мира : энцикл. справ. М. : Вече, 2007. 592 с.

Базарова Т. А. Планы петровского Петербурга : Источниковедческое исследование. СПб. : Наука, 2003. 310 с.

Бедаш Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2012. № 11 (126). С. 219–224.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33, 37, 73, 77, 96, 161, 188, 195, 278, 331, 332, 341, 376, 385, 395, 450, 474, 498, 530, 546, 562, 568, 918, 1071.

Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796) : Особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 528 с.

Ермакова О. К. Западноевропейские специалисты в составе уральской технической элиты: социокультурная адаптация (первая половина XIX в.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2013. № 3 (117). С. 107–118.

Ермакова О. К. И. Гейденрейх и его представления о правах иностранца в России (1722–1731 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2015. С. 102–106.

Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания // Историческая русистика в XXI в. / гл. ред. Д. Свак. Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. С. 177–186.

Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59.

Ермакова О. К., Рукосуев Е. Ю. Иностранные переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам Пол-

²² Посчитано по: [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 177–214 об.].

ного собрания законов Российской империи) // Вестн. гуманитар. образования. 2019. № 2 (14). С. 7–21. DOI 10.25730/VSU.2070.19.015.

Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1831. Кн. 2. С. 174–197.

Копырина С. Н., Черноухов А. В. Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века // Вестн. гуманитар. образования. 2020. № 2 (18). С. 20–34. DOI 10.25730/VSU.2070.20.016.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. 252 с.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2005. 273 с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. Технично-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2011. 204 с.

Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб. : Евразия, 2010. 224 с.

Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.

Лобанов Д. А. Тобольский командированный гарнизонный полк на строительстве Екатеринбургской крепости в 1723–1724 гг. // История военного дела: исследования и источники : электрон. журн. : [сайт]. 2016. Т. 8. С. 421–438. URL: <http://www.milhist.info/2016/09/14/lobanov> (дата обращения: 12.08.2020).

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Сократ, 2011. 288 с.

Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / пер. с англ. В. Николаева // Социол. обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18. ПСЗ-1. Т. 5, 6.

Рабинович М. Д. Полки Петровской армии, 1698–1725 : крат. справ. М. : Сов. Россия, 1977. 112 с.

Религиоведение : энцикл. словарь / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М. : Энцикл. проект, 2006. 1256 с.

Серов Д. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 3. С. 801–817. DOI 10.15826/qt.2019.3.409.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугиной, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

References

Alekseev, S. V., Eliseev, G. A. (2007). *Vse religii mira. Entsiklopedicheskii spravochnik* [All the Religions of the World. An Encyclopedic Reference Book]. Moscow, Veche. 592 p.
Bazarova, T. A. (2003). *Plany petrovskogo Peterburga. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Plans for Peter's Petersburg. Source Study]. St Petersburg, Nauka. 310 p.

Bedash, Yu. A. (2012). Kontsepsiya sotsial'nogo prostranstva Anri Lefevra [The Concept of Social Space by Henri Lefebvre]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 11 (126), pp. 219–224.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday Life. 1. The Art of Making] / transl. by D. Kalugina, N. Movnina. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 330 p.

Dmitriev, A. V. (2017). *Russkaya regul'yarnaya armiya v Sibiri (1725–1796). Osobennosti voennoi sluzhby na "vostochnoi okraine" Rossiiskoi imperii v XVIII stoletii* [The Russian Regular Army in Siberia (1725–1796). Features of Military Service on the "Eastern

Edge” of the Russian Empire in the 18th Century]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 528 p.

Ermakova, O. K. (2013). Zapadnoevropeiskie spetsialisty v sostave ural'skoi tekhnicheskoi elity: sotsiokul'turnaya adaptatsiya (pervaya polovina XIX v.) [Western European Specialists as Part of the Ural Technical Elite: Socio-Cultural Adaptation (First Half of the 19th Century)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 3 (117), pp. 107–118.

Ermakova, O. K. (2015). I. Geidenreich i ego predstavleniya o pravakh inostrantsa v Rossii (1722–1731 gg.) [I. Heidenreich and His Views on the Rights of a Foreigner in Russia (1722–1731)]. In Alekseev, V. V. (Ed.). *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.* Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 102–106.

Ermakova, O. K. (2017). Kontrakty s inostrannymi spetsialistami v Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v.: evolyutsiya formy i soderzhaniya [Contracts with Foreign Specialists in Russia in the 18th – First Half of the 19th Centuries: Evolution of Form and Content]. In Szvák, G. (Ed.). *Istoricheskaya rusistika v XXI v.* Budapest, Russica Pannonicana, pp. 177–186.

Ermakova, O. K. (2018). Kontrakty s inostrannymi spetsialistami v Rossii nachala XVIII v.: proiskhozhdenie istochnika i formirovanie raznovidnosti aktov [Contracts with Foreign Specialists in Russia in the Early 18th Century: The Origin of the Source and the Formation of a Variety of Acts]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4 (17), pp. 52–59.

Ermakova, O. K., Rukosuev, E. Yu. (2019). Inostrannye pereselentsy i spetsialisty v Rossii v XVIII veke: zakonodatel'noe regulirovanie prebyvaniya (po materialam Pol'nogo sobraniya zakonov Rossiiskoi imperii) [Foreign Migrants and Specialists in Russia in the 18th Century: Legislative Regulation of Stay (Based on the Materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire)]. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. No. 2 (14), pp. 7–21. DOI 10.25730/VSU.2070.19.015.

GASO [State Archives of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 33, 37, 73, 77, 96, 161, 188, 195, 278, 331, 332, 341, 376, 385, 395, 450, 474, 498, 530, 546, 562, 568, 918, 1071.

Kopyrina, S. N., Chernoukhov, A. V. (2020). Stanovlenie meditsinskoi infrastruktury na kazennykh zavodakh Urala v pervoi treti XVIII veka [The Formation of Medical Infrastructure at State-Owned Factories of the Urals in the First Third of the 18th Century]. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. No. 2, pp. 20–34. DOI 10.25730/VSU.2070.20.016.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1781 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1781)]. 3rd Ed., new and update. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 252 p.

Korepanov, N. S. (2005). *Pervyi vek Ekaterinburga* [The First Century of Yekaterinburg]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 273 p.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale*. [Gennin in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Kurlaev, E. A., Korepanov, N. S., Poberezhnikov, I. V. (2011). *Tekhniko-tekhnologicheskie innovatsii v gorno-metallurgicheskoy proizvodstve Urala v XVII–XVIII vv.* [Technical and Technological Innovations in the Mining and Metallurgical Production of the Urals in the 17th–18th Centuries.]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 204 p.

Le Goff, J. (2010). *Srednevekov'e i den'gi: ocherk istoricheskoi antropologii* [The Middle Ages and Money: An Outline of Historical Anthropology] / transl. by M. Yu. Nekrasov. St Petersburg, Evraziya. 224 p.

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space] / transl. by I. Staf. Moscow, Strelka Press. 432 p.

Lobanov, D. A. (2016). Tobol'skii komandirovannyi garnizonnii polk na stroitel'stve Ekaterinburgskoi kreposti v 1723–1724 gg. [The Tobolsk Garrison Regiment in the Construction of the Yekaterinburg Fortress in 1723–1724]. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Elektronnyi zhurnal* [website]. Vol. 8, pp. 421–438. URL: <http://www.milhist.info/2016/09/14/lobanov> (accessed: 12.08.2020).

Lotareva, R. M. (2011). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Cities of Russia. 18th – First Half of the 19th Centuries]. Yekaterinburg, Sokrat. 288 p.

Park, R. E. (2006). Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moral'nyi poryadok [The Urban Community as a Spatial Pattern and Moral Order] / transl. by V. Nikolaev. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 5. No. 1, pp. 11–18.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 5, 6.

Rabinovich, M. D. (1977). *Polki Petrovskoi armii, 1698–1725. Kratkii spravochnik* [Regiments of Peter's Army, 1698–1725. Brief Reference]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 112 p.

Serov, D. (2019). “Vecherom iz russkogo lagerya pribyl... maior”: pervye 34 goda zhizni Vilima Gennina [“In the Evening ... A Major Arrived from the Russian Camp”: The First 34 Years of Wilim Gennin's Life]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 3, pp. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Zabiyako, A. P., Krasnikova, A. N., Elbakyan, E. S. (Eds.). (2006). *Religiovedenie. Entsiklopedicheskii slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Entsiklopedicheskii proekt. 1256 p.

Zavodskoi ustav Tatishcheva [Tatishchev's Factory Charter]. (1831). In *Gornyi zhurnal*. St Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Book 2, pp. 174–197.

The article was submitted on 22.09.2020

ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ: ПРОМЫШЛЕННЫЕ СТРОЙКИ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ*

Екатерина Каменская

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

PROJECTS AND REALITY: INDUSTRIAL CONSTRUCTION IN THE FIRST FIVE-YEAR PLANS IN THE CENTRAL URALS**

Ekaterina Kamenskaya

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the peculiarities of designing industrial enterprises and their settlements in the USSR during the first five-year plans. Referring to the Pyshminsky Electrolytic Copper Plant (Rus. PMEZ) and Medny Rudnik, the settlement around it, the author carries out a comparative analysis of its designs and their implementation. The author refers to the collections of the State Archive of Sverdlovsk Region, periodicals, and materials related to plans for the economic development of the Urals and the USSR. Analysis of the main decisions demonstrates a gradual departure from the project in each of the points, often caused by subjective reasons. The plan of the settlement combined ideas of new Soviet everyday life and real conditions, reflecting national trends in the life of an individual enterprise and locality. The construction of the PMEZ and its settlement is compared with other projects from the first five-year plans (Uralmash, Magnitostroy, etc.), singling out typical and specific features. The author pays special attention to the reasons for a significant discrepancy between what was initially planned and what was implemented, such as insufficient funding, constant short-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства Свердловской области, проект № 20–49–660015 «Екатеринбург–Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: веки становления (конец XIX – конец XX в.)».

** *Citation:* Kamenskaya, E. (2020). Projects and Reality: Industrial Construction in the First Five-Year Plans in the Central Urals. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1718–1736. DOI 10.15826/qr.2020.5.554.

Цитирование: Kamenskaya E. Projects and Reality: Industrial Construction in the First Five-Year Plans in the Central Urals // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1718–1736. DOI 10.15826/qr.2020.5.554 / Каменская Е. Проекты и реальность: промышленные стройки первых пятилеток на Среднем Урале // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1718–1736. DOI 10.15826/qr.2020.5.554.

ages of materials and equipment, lack of personnel, changing administrative trends, the specialisation of regions and industrial complexes, and architectural policy. Many elements of the projects were unrealistic, and some solutions that were implemented but proved unsustainable reveal serious problems in the field of industrial design in the USSR between the 1920s and 1930s.

Keywords: industrialisation, Soviet urban planning, Industrial design, Pyshminsky Electrolyte Copper Plant, Medny Rudnik.

Рассмотрена специфика проектирования промышленных предприятий и их населенных пунктов в годы первых пятилеток. На примере Пышминского меднеэлектролитного завода и его поселка Медный Рудник проведен сравнительный анализ разработанных проектов и их реализации. Источниками выступили фонды ГАСО, периодическая печать, материалы, касающиеся планирования развития экономики Урала и СССР. В ходе анализа основных решений прослеживается постепенный отход от проекта по каждому из пунктов, зачастую вызванный субъективными причинами. При планировании поселка сочетаются представления о новом социалистическом быте и реальные условия. Подчеркивается отражение общегосударственных тенденций в жизнедеятельности отдельного предприятия и населенного пункта. Проведено сравнение строительства Пышминского меднеэлектролитного завода и его поселка с другими проектами первых пятилеток (Уралмашем, Магнитостроем и пр.), выделено типичное и особенное. Отдельно обозначены причины существенного расхождения между изначально планируемым и реально воплощенным: недостаточное финансирование, постоянный дефицит материалов и оборудования, отсутствие кадров, меняющиеся тенденции в районировании территорий, специализации регионов и промышленных комплексов, архитектурной политике. Многие элементы проектов были нереальны в существовавших условиях, а некоторые решения, реализованные, но показавшие свою нежизнеспособность, выявляют серьезные проблемы в сфере промышленного проектирования в СССР 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: индустриализация, советское градостроительство, промышленное проектирование, Пышминский меднеэлектролитный завод, Медный Рудник.

Сравнительный анализ планов индустриализации в сопоставлении с их реализацией на практике показывает, что на бумаге остались многие идеи, касающиеся производственной сферы и градостроительства. Изучая государственный уровень, авторы выбирают металлургические заводы в Магнитогорске, Новокузнецке, Ленинграде, машиностроительные заводы в Свердловске, Горьком, Москве, тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове, ДнепроГЭС. Вне поля зрения остается значительное количество предприятий, которые не являлись «визитными карточками» советской индустрии,

но в сумме их и формировали. Среди них Пышминский медеэлектролитный завод (далее – ПМЭЗ), который встал в ряд с другими стройками 1920–1930-х гг. и с самого начала обозначался как крупнейший медеэлектролитный завод Европы, который должен был показать выход советской промышленности на качественно новый уровень.

Период индустриализации изучен достаточно подробно. Наибольший интерес в рамках исследования представляют работы, посвященные проектированию и строительству промышленных предприятий и населенных пунктов в конце 1920–1930-х гг. [Бутров; Город в зеркале; Неизвестный Уралмаш; Олохова; Самуэльсон; Урало-Кузбасс; Устьянцев, 2001; Устьянцев, 2008]¹, истории становления проектных институтов в СССР [Морозов; Птицин, Дюдин; Шаронин; и др.], внедрению зарубежных технологий и деятельности иностранных специалистов [Белоусова; Богданов; Корр; и др.]. Основную массу литературы о Пышминском медеэлектролитном заводе составляют краеведческие работы и книги, созданные по инициативе предприятия, включая юбилейные издания [Верхняя Пышма; Медное платье Урала; Никитина; Пронин; Уралэлектромедь; Шурыгина]. В научной литературе ПМЭЗ появляется при анализе металлургического производства региона [Металлургические заводы Урала]. Исключение составляет издание «Завод и город. История строительства Уралэлектромеди и Верхней Пышмы» [Бочкарев]².

Круг источников составили фонды ГАСО проектного и производственного характера – Свердловского облисполкома (Ф. Р-88), треста «Уралцветмет» (Ф. Р-1121, Р-1439), Верхнепышминского медеэлектролитного завода (Ф. Р-2221). Дополнительные источники – областная газета «Уральский рабочий», а также материалы, касающиеся планирования социально-экономического развития Урала и СССР [Большой Свердловск; Второй пятилетний; Пути развития; Пятилетний план].

Идея строительства нового медеэлектролитного завода стала разрабатываться в середине 1920-х гг. Рафинированную медь в это время производили Кыштымский медеэлектролитный завод, «Красный выборжец» (Ленинград) и Московский завод им. Молотова. Ее использование расширялось, и предполагалось, что существующие заводы даже при условии их модернизации не смогут обеспечить необходимый объем. Параллельно планировалось существенно увеличить производство черновой меди – сырья для медеэлектролитного производства.

Выбор места строительства в районе Свердловска обуславливался как общими экономическими причинами (центр огромной Ураль-

¹ Данная тема имеет обширную историографию, указаны наиболее существенные для статьи работы.

² Интерес представляют комментарии М. И. Бочкарева, долгое время возглавлявшего отдел капитального строительства ПМЭЗ – КУЭМ – УЭМ.

ской области, крупный железнодорожный узел, научно-технический центр), так и специфическими – географическая близость к средней полосе медно-колчеданных месторождений Урала [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 626. Л. 25]. Место для нового завода нашли около Пышминско-Ключевского медеплавильного завода, остановленного в 1925 г. Здесь имелись ровная площадка для строительства, вода для производства и питья, минимальная инфраструктура, доставшаяся от старого завода [Там же].

Проектирование завода происходило в условиях существования Уральской области – масштабного образования с населением в 7 млн чел³, и строительство ПМЭЗ должно было изменить промышленную структуру всего региона. В докладе Уралсовета 1926 г. в качестве доказательства необходимости строительства нового крупного медеэлектролитного завода указывалось на низкую максимальную производительность Нижне-Кыштымского завода⁴, на изношенность его оборудования [Пути развития, с. 37]. Эти же доводы приводились и при изложении пятилетнего плана, где отмечалось, что уже в 1930 г. Кыштымский завод «не сможет выполнить предстоящей программы по электролизу» [Пятилетний план, с. 22]. Новый завод должен был покрыть всю потребность в рафинированной меди на Урале и даже за его пределами, в связи с чем производство в Кыштыме планировалось закрыть [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 626. Л. 25 об.].

Однако этого не произошло. В 1929 г. в плане по предприятиям треста «Уралцветмет» отмечалось, что «Нижне-Кыштымский завод, поддерживаемый ремонтами, намечен к работе в течение всего 5-летия и даже, возможно, за пределами 5-летия» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1828. Л. 63]. Зимой 1930 г. в «Уральском рабочем» при рассмотрении перспектив развития медной отрасли на Урале указывалось на «необходимость постройки нового центрального электролитного завода... и расширения [а не закрытия] Н.-Кыштымского электролитного завода» [Уральский рабочий, 1930, 23 фев., с. 5]. Газета подчеркивала, что «эти два завода не только должны обслуживать весь Урал, но в некоторой части принять на себя электролиз казахской меди» [Там же]⁵.

При проектировании нового предприятия планировалось появление не отдельного завода, а целого медного комплекса. Уже в первых документах по медеэлектролитному заводу упоминалось, что законсервированный Пышминский медеплавильный завод планируется запустить в 1928–1929 г. [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 626. Л. 25].

³ Уральская область существовала с 1923 по 1934 г.

⁴ 15 тыс. т в год.

⁵ В дальнейшем судьбы КМЭЗ и ПМЭЗ еще раз переплелись. В 1970-е гг. по инициативе директора ПМЭЗ Б. А. Кривоусова был создан комбинат «Уралэлектро-медь», куда вошли оба завода. Пышминский завод внес существенный вклад в реконструкцию Кыштыма. В современной истории их пути разошлись: УЭМ входит в Уральскую горно-металлургическую компанию, а КМЭЗ (с 2003 г.) – в Русскую медную компанию.

Подчеркивалось, что объединение медеэлектролитного и медеплавильного заводов будет экономически выгодным. Предполагалось и возобновить работу заброшенного Пышминского рудника, который должен был стать сырьевой базой, возникла идея строительства обогатительной фабрики⁶.

Следующим элементом комплекса должен был стать медеобработывающий завод. В записке 1928 г. указывалось, что его строительство намечается в 1932/1933 г. [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 626. Л. 25]. Областное руководство активно продвигало идею объединения электролитического и обрабатывающего производств. В обращении Уральского облисполкома и Облсовнархоза в Совнархоз СССР отмечалось:

Условия местности весьма благоприятны, и развертывание здесь же в непосредственной близости [от медеэлектролитного завода] и медеобработывающего завода образует весьма выгодное сочетание последовательных переделов. Причем, кроме чисто технических преимуществ, непосредственная связь трех заводов⁷ создает и ряд организационных и хозяйственных преимуществ такого комбината перед отдельно существующими заводами [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1828. Л. 46 об.].

Утверждение проекта шло комплексно. 29 июля 1929 г. малый президиум Уральского облисполкома утвердил расположение медеэлектролитного завода «вблизи Пышминско-Ключевского медеплавильного завода, учитывая предстоящее возобновление работы медных рудников, медеплавильного завода, постройку в той же местности обогатительной фабрики и медеобработывающего завода, что даст в целом мощный комбинат...» [Там же. Л. 141].

К восстановлению медеплавильного завода приступили после определения места для медеэлектролитного завода. Уже 31 июля 1929 г. у него появился директор [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 163. Л. 112]⁸. Но идея перезапустить старый завод была быстро отброшена. Правление треста «Уралцветмет» 4 сентября 1929 г. постановило:

Ввиду того, что детальное обследование состояния Пышминско-Ключевского медеплавильного завода, произведенное специальной комиссией, установило крайнюю ветхость зданий, сооружений и оборудования указанного завода, с определением сумм, потребных на восстановление завода, в размере до 2 ½ млн р., а не 800 тыс. р., как исчислялось по предварительным соображениям, считать восстановление завода нецелесообразным. Поставить перед Главцветметом вопрос о ликвидации этого завода [Там же. Л. 62].

⁶ Сырьем для фабрики должны были стать оставшиеся от прежнего производства многочисленные отвалы, продукция Пышминского рудника (после восстановления) и других ближайших рудников [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1828. Л. 59].

⁷ Медеэлектролитный, медеобработывающий и медеплавильный заводы.

⁸ Директор строительства медеэлектролитного завода будет назначен позднее.

История медеобрабатывающего завода была продолжительней. Он вошел во все планы по развитию цветной металлургии в регионе [Пятилетний план, с. 22]. В разрабатывавшемся в это время проекте «Большого Свердловска» было заложено «быстрое и грандиозное по масштабу» расширение города, и территория Пышминско-Ключевского рудника входила в состав Свердловска [Большой Свердловск, с. 3]. При планировании развития областного центра главное внимание уделялось промышленному строительству. Крупнейшими стройками определялись электротехнический комбинат, Уралмаш и группа медных заводов. Эти комплексы вместе с имеющимся ВИЗом воспринимались авторами проекта как «единый комбинат тяжелого, среднего и электромашиностроения, т. к. в производственных процессах они взаимно обслуживают друг друга» [Там же, с. 13]. Расположение новых предприятий предполагало минимум времени для перемещения продукции и сырья.

Группу медных заводов составляли медеобрабатывающий, электролитный, медеплавильный заводы и обогатительная фабрика [Там же, с. 8–9]. В схеме «Большого Свердловска» видна существенная разница в масштабах медеобрабатывающего и медеэлектролитного заводов. На первом планировалось трудоустроить 10 тыс. человек, а на втором – только 1 тыс. [Там же]. Удельный вес стоимости медеобрабатывающего завода был почти в четыре раза больше медеэлектролитного, проектная сумма на жилищное строительство – в девять раз [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2858. Л. 7–7 об.]. На «Схематической геологической карте» медеэлектролитный завод значительно уступает по размерам медеобрабатывающему [Там же. Л. 8]. Однако, несмотря на заинтересованность областных властей в строительстве медеобрабатывающего завода и создании медного комплекса, было принято решение о прекращении его проектирования. Из запланированных объектов, не считая ПМЭЗ, была построена обогатительная фабрика и возобновлена работа медного рудника.

Первым среди формальных характеристик встал вопрос о наименовании завода. В объявлении «Уральского рабочего» о найме специалистов для строительства он значился как Красноуральский медеэлектролитный завод (сокращенно – «Эльмедь») [Уральский рабочий, 1929, 4 окт., с. 4]. В документах 1929–1930 гг. это будет распространенным названием [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 163. Л. 46 об.; Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 47. Л. 3, 4, 35; Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2858. Л. 8 и др.]. Но в 1931 г. был пущен Красноуральский медеплавильный завод, а поселок Богомолстрой стал Красноуральском. Следовательно, название оказалось «занятым». Итоговым вариантом стал «Пышминский электролитный завод» [Правда, 1932, 16 сент., с. 2; ГАСО. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 377. Л. 137 и др.].

Одним из ключевых ориентиров строительства является срок пуска. Идея строительства завода присутствовала уже в материалах Уралсовета 1926 г. [Пути развития, с. 37]. Пуск в действие был опре-

делен на 1928–1929 гг. [Там же]. Позднее эти сроки будут обозначаться уже как планируемое начало строительства [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1814. Л. 13; Д. 1828. Л. 71]. 16 сентября 1928 г. в «Уральском рабочем» впервые появляется тема строительства на Урале «центрального медеэлектролитного завода», и указывается, что пуск в эксплуатацию произойдет в 1930 г., а выход на полную мощность – в 1932 г. [Уральский рабочий, 1928, 16 сент., с. 3]. Предполагалось, что завод пустят уже через два года⁹. Необходимо учесть, что к этому времени еще не существовало утвержденного проекта завода и окончательно выбранного его месторасположения.

Анализ документов показывает, что пуск первой очереди откладывали минимум шесть раз. При этом новые сроки чаще всего были изначально нереальными. Противоречивые решения относительно сроков строительства указывают на отсутствие в Москве определенности в отношении завода, что существенно затрудняло разработку и утверждение проектной документации. Ярким примером несистемности в ведении строительства является решение о консервации стройки весной 1933 г. Возобновилось финансирование только через полгода после настойчивых ходатайств областных властей и руководства Пышмастроя [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 110. Л. 14]. При этом в официальных документах всячески подчеркивалась важность этого объекта [Второй пятилетний, с. 138]. В итоге 15 июля 1934 г. был завершён монтаж печей, кранов, разливающих машин¹⁰. 1 августа 1934 г. – последняя обозначенная в планах по пуску завода дата [Там же. Д. 109. Л. 17а] – произвели первую загрузку анодной печи, а 3 августа – выгрузку первой партии анодов.

Важным пунктом в проекте был объём производства. Когда будущий завод существовал только в виде идеи, его мощность в документах варьировалась от 30 до 50 тыс. т в год [Пути развития, с. 37; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1828. Л. 256; Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 626. Л. 32]. В пятилетнем плане была указана производительность в 55 тыс. т [Пятилетний план, с. 22]. Но пока шло проектирование, появились новые ориентиры для производства. Уже в январе 1930 г. в протоколе пленума научно-технического совета цветной металлопромышленности была зафиксирована годовая производительность нового завода в 109 877 т [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2355. Л. 117]. В дальнейшем цифра в 100 тыс. т станет общепотребительной [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 3446. Л. 11; Большой Свердловск, с. 9 и др.]. При этом встречались и цифры «на перспективу». Так, формируя задание на переработку проекта заводского поселка, руководители Пышмастроя А. А. Янен

⁹ В документах «Уралцветмета» также указывалось, что завод должен быть пущен в течение двух лет [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 163. Л. 114].

¹⁰ Дата 15 июля в межвоенный период символизировала победу Красной армии на Урале в годы Гражданской войны. 15 июля 1928 г. был заложен, а 15 июля 1933 г. пущен Уралмаш, 16 июля 1934 г. – Уралэлектромашина.

и В. А. Аглицкий¹¹ указывали на дальнейшее развитие завода до производительности в 200 тыс. т [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 47. Л. 116].

Подобные объемы ставили будущий завод на первое место в Европе по выпуску рафинированной меди¹². Однако вставал вопрос о его целесообразности. В сентябре 1932 г. вышла статья руководителя планово-экономического отдела ВСНХ СССР С. П. Бирмана. Автор критиковал состояние цветной металлургии, которая «задерживает развитие всей промышленности». Среди примеров неправильного планирования в этой сфере приводился и строящийся медеэлектролитный завод. С. Бирман подчеркивал, что для выхода завода на проектную мощность в 100 тыс. т необходимо такое же количество черновой меди.

Не нужно быть ни особенно крупным экономистом, ни специалистом по цветной металлургии, чтобы... установить, что таким количеством черновой меди... мы пока не располагаем.

Вердикт автора был однозначен: существующие заводы могут переработать всю имеющуюся «первичную» медь, а вновь выстроенный Пышминский завод, «на который до конца текущего года будет истрачено 23 000 000 руб. и строительство которого скоро заканчивается, будет стоять без работы» [Правда, 1932, 16 сент., с. 2].

Проблема нехватки сырья, характерная и для других новостроек Урала, осознавалась не только специалистами, но и простыми рабочими, которыми высказывалось мнение, что строить заводы в таких количествах не нужно, поскольку обеспечить их сырьем государство все равно не сможет [Поршнева, Даренская, с. 106]. Несмотря на то, что медная промышленность в тот момент не могла загрузить новый завод даже на 50 %, все цеха строились из расчета производства 100 тыс. т. В 1934 г. они использовались только на 25 %. Из-за задержек поставок оборудования, выявляемых в процессе эксплуатации проблем и собственно недопоставок сырья выход на проектную мощность произошел только в 1941 г.

Другой характеристикой является план основных цехов, конструкций и пр. В работе над проектом участвовали Гипромет, ленинградское отделение Гипроцветмета, Уралцветмет и др. Проект был разработан в 1929 г. и утвержден в 1930 г. В основу была положена схема технологического процесса, разработанная американскими специалистами [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1814. Л. 27], учитывался

¹¹ А. А. Янен – первый руководитель Пышмастроя, В. А. Аглицкий – главный инженер строительства.

¹² В годы индустриализации советская экономика делала акцент на создание «самых больших в мире промышленных гигантов» [Келлер, с. 21]. Если ПМЭЗ планировался как самый крупный в Европе, то, к примеру, Синарский трубный завод был заявлен как крупнейший в мире по выплавке литейного чугуна [Грамолин, Коридоров, с. 80].

опыт современных медеэлектролитных заводов США и Европы. Однако в процессе доработки проекта в него вносились существенные изменения для снижения стоимости строительства и экономии дефицитных материалов. М. И. Бочкарев проводит анализ просчетов, допущенных при проектировании завода [Бочкарев, с. 79–86]. Многие из них отражены в материалах комиссий, рассматривавших состояние заводских цехов во второй половине 1930-х гг. Среди наиболее спорных нежизнеспособных решений было проектирование в большинстве цехов деревянных перекрытий без учета высокой влажности в цехе электролиза и наличия паров серной кислоты. В итоге деревянная крыша и фермы быстро разрушались, и заводу приходилось постоянно их заменять, иначе функционирование цехов было невозможным [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 263. Л. 60; Д. 348. Л. 43 и др.]. Необходимо было менять деревянные фермы на металлические, но при отсутствии средств комиссия рекомендовала их замену хотя бы на аналогичные [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 324. Л. 109]. Быстро вышла из строя вентиляционная система, пришлось демонтировать всю противопожарную систему, в подвал цеха электролиза постоянно попадал электролит.

Ошибки и недоработки в проекте завода, постоянная экономия средств при строительстве не только имели негативные производственные последствия, но и ломали судьбы людей. Причинами быстрого износа конструкций завода, некачественной вентиляции и пр. объявлялись не проектные просчеты, а «преступная деятельность врагов народа» [ГАСО. Р-2221. Оп. 1. Д. 349. Л. 2]. В ходе процессов конца 1930-х гг. были репрессированы три директора ПМЭЗ (А. А. Алифбаев, И. А. Ильин, А. Н. Каллистов), а также многие другие работники¹³.

Важным аспектом проектирования являлось обеспечение завода оборудованием. ПМЭЗ задумывался как передовое предприятие. В технико-экономическом обосновании строительства указывалось на необходимость познакомиться с разными технологиями, для чего требовалась командировка в США [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 626. Л. 33]. Вероятным образцом для ПМЭЗ стал завод в Эль-Пасо [Бочкарев, с. 62]. Предполагалось использовать технологии и оборудование английской фирмы *Mather & Platt*, немецких *MAN* и *Demag*, американских *G. Y. Nichols and Company* и *Baltimore Copper Smelting & Rolling Company*. Импортное оборудование заказывалось и для обогатительной фабрики.

Реализовать задуманное в полной мере не удалось. Поставки постоянно срывались. В 1931 г. произошел отказ от американского оборудования, и в целом финансирование импортных заказов было существенно сокращено [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 61. Л. 18; Д. 119. Л. 3].

¹³ И. А. Ильин был арестован в 1937 г. и осужден «за связь с троцкизмом» на 15 лет с поражением в правах на пять лет. А. А. Алифбаев, пробыв директором всего полгода, был арестован в декабре 1937 г. и осужден на 15 лет как участник «антисоветской националистической организации». А. Н. Каллистов был арестован в 1940 г. по ложному доносу и осужден на пять лет за «вредительство».

В итоге импортное оборудование частично было заменено на отечественное, частично прибыло позднее намеченных сроков. Задерживались заказы и с отечественных заводов, поскольку они были перегружены [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 50. Л. 42]. Результатом была остановка работ в цехах. На протяжении всего периода строительства завод испытывал постоянные затруднения со строительными материалами и профильным оборудованием.

Серьезной проблемой являлось обеспечение рабочей силой. В начале проектирования ПМЭЗ вопрос с кадрами на бумаге решался просто. Ключевая роль отводилась заводу в Кыштыме. Трест «Уралцветмет» в 1928 г. отмечал:

Потребность завода в рабсиле равна около 500 чел. Источником снабжения квалифицированной рабсилой является Кыштым после консервации электролитного завода. Неквалифицированная рабсила может быть получена из расположенных рядом с П.-Ключевским заводом трех селений¹⁴ [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 626. Л. 25 об.].

Кыштымский завод не закрылся, и вопрос со специалистами стал одним из основных. Анализ «Ведомости потребного штата на период Строительства Свердловского медеэлектролитного завода и обогатительной фабрики» на 1930 г. показывает, что из необходимых 48 специалистов имелось только 25 [Там же. Д. 13. Л. 5–5 об.].

ПМЭЗ стал центром притяжения как столичных, так и уральских кадров. Первые руководители приезжали со стороны. До ПМЭЗ А. А. Янен работал на различных предприятиях северо-запада России, был директором завода «Красный треугольник» в Ленинграде. В. А. Аглицкий – выпускник Сибирского политехнического института. На руководящих постах часто оказывались выпускники Московского института цветных металлов (среди них Г. В. Полецук, И. А. Ильин, А. А. Алифбаев). Развитие в Свердловске научно-образовательной базы, особенно Уральского индустриального института, сделало возможным формирование штата собственных специалистов¹⁵.

Поскольку на заводе активно внедрялись американские технологии, его руководство просило направить специалистов по электролизу из США. В октябре 1931 г. в Медный Рудник прибыл инженер Д. С. Макклениган [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 54. Л. 27]. Консультации проводил и Б. Ф. Хиссинджер, назначенный главным инженером планировавшегося, но не осуществленного в реальности медеобработы-

¹⁴ Поселок Пышминского медеплавильного завода и деревни Пышма и Балтым.

¹⁵ А. Н. Каллистов в 1935 г. получил специальность инженера-металлурга, начав мастером, в 1937 г. он стал директором ПМЭЗ. А. И. Гаев в 1928 г. стал специалистом по электролизу металлов, был начальником исследовательского сектора, в годы войны – главным инженером ПМЭЗ. Выпускником химико-технологического факультета был В. А. Хренов. В 1938 г. он стал начальником строящегося купоросного цеха, в 1941–1947 гг. возглавлял завод.

вающего завода. В 1932 г. сотрудничество было свернуто, и американские специалисты покинули строительство.

Как и в случае с другими стройками, происходила вербовка рабочих. К примеру, в 1930 г. трест «Уралцветмет» сообщал, что для завода «вне Уральской области будет завербовано 100 плотников», а в Свердловском округе – «30 арматурщиков, 60 землекопов и 200 чернорабочих» [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 21. Л. 10]. Основным поставщиком рабочей силы традиционно была деревня. Остро стояла проблема обучения прибывающих работников. Уралоблотдел ВССР негативно оценивал подготовку квалифицированной рабочей силы на строительстве завода, указывая на «недопустимо наивный расчет администрации завода на “самоквалификацию” рабочих путем прикрепления последних к квалифицированным рабочим» [Там же. Д. 13. Л. 11]. Постепенно были организованы курсы каменщиков, арматурщиков, плотников, электриков и др.

Руководство завода осознавало кадровую проблему и пыталось найти решения. А. А. Янен, только вступив в должность руководителя Пышмастроя в сентябре 1929 г., занялся развитием инфраструктуры будущего поселка, организацией автомобильного сообщения со Свердловском, поскольку его отсутствие вызывало «затруднения в области комплектования штата технических работников» [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 163. Л. 46]. В дальнейшем А. А. Янен постоянно отстаивал необходимость строительства жилья и социальных объектов, рассматривая это как важный фактор привлечения и закрепления работников. Как руководитель он придерживался патерналистской модели поведения, унаследованной от дореволюционной эпохи¹⁶.

Однако проблема с кадрами сохранялась. В апреле 1930 г. руководство завода указывало: «рабсилой строительство обеспечено на 30 %, и доведение до потребной для выполнения программы нормы встречает затруднения» [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 18. Л. 37 об.]. Причинами определялись перебои с продовольственным снабжением, а также неправильное распределение трудовых ресурсов областными организациями. Отток рабочих был очень высок. В отчете за третий квартал 1931 г. отмечалось, что на стройку принято 1 500, а уволилось 1 800 человек. Медный Рудник обладал весьма ограниченной социальной базой. Люди стремились улучшить свои бытовые условия, а Свердловск предлагал большой выбор строительных площадок в качестве места работы. Необходимо отметить, что высокая текучесть кадров была характерным явлением первых пятилеток, и государство, по сути, вынуждено было мириться с таким положением дел [Горбачев, с. 243].

Поселок при ПМЭЗ повторял судьбу самого предприятия, а вместе с тем отражал ключевые градостроительные тенденции своего времени. Города и поселки крупных заводов первых пятилеток оказывались

¹⁶ Про преемственность «старого» и «нового» в трудовых отношениях периода индустриализации см.: [Поршнева, Ульянова, с. 767].

в своеобразной «вилке». С одной стороны, они должны были стать воплощением идеального социалистического будущего. Предполагалось быстрое строительство по единому плану [Ильченко, 2017, с. 58]. С другой стороны, первичным было предприятие, а планирование жилья начиналось уже в ходе строительства завода [Ильченко, 2016, с. 58; Коньшева, Меерович, с. 9–10]. Проектирование поселений, будучи полем борьбы разных архитектурных позиций и сильно завися от распределения ресурсов, затягивалось. Хрестоматийным примером длительной дискуссии вокруг концепции строительства города является Магнитогорск [Коньшева, Меерович; Эррен, с. 155–157].

Дополнительным дестабилизирующим фактором при проектировании поселка ПМЭЗ являлись сомнения в его необходимости. Изначально поселок был запланирован, но появление проекта «Большого Свердловска» изменило ситуацию. «Большой Свердловск» был характерным явлением эпохи. Проекты создания крупных городских систем, объединяющих промышленные комплексы единой транспортной и инфраструктурной сетью, разрабатывались для Красноярска, Челябинска, Перми, Уфы, Ярославля и т. д. [Коньшева; Сапрыкина; Царев; и др.]. По новому плану основная масса рабочих ПМЭЗ должна была жить в Свердловске. В русле этих идей в 1930 г. Уралкомжилпроектбюро разработало скромный проект временного поселка. Строящийся завод предполагалось связать со Свердловском трамвайной линией¹⁷. Однако в 1933 г. от «Большого Свердловска» отказались, что вновь поставило задачу проектирования постоянно-го поселка при заводе.

Формирование поселка шло в сложный период внедрения в градостроительство новых принципов планирования, развития понятия «социалистический город», обобществления быта и пр. При утверждении проекта ПМЭЗ отмечалось:

Поручить строительству завода учесть правительственные директивы по проведению социалистического быта, для чего уменьшить количество домов с индивидуальными квартирами, заменив их общежитием с коммунальным обслуживанием. Предусмотреть постройку центральной столовой / фабрики-кухни, клуба и ясель с детским садом [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 163. Л. 61].

Поселок проектировался как «социалистический город в миниатюре». В проекте Пышмастроя 1935 г. [Коньшева, с. 481], созданном уже после пуска завода, присутствовали ориентация на промышлен-

¹⁷ Идея связать Верхнюю Пышму и Свердловск электротранспортом постоянно тревожила умы. В 1980-х гг. разработали проект троллейбусной линии от УЗТМ до Завода сварных машиностроительных конструкций – филиала Уралмаша в Верхней Пышме. Проект был крайне затратным и не был реализован. Только в 2010-е гг. УЭМ решило воплотить эту идею. В настоящее время идет строительство линии Екатеринбург – Верхняя Пышма.

ное предприятие и лучевая структура, что является чертой соцгородов [Кладбище соцгородов, с. 119]. Это позволило В. Г. Вениаминову¹⁸ сравнить планировку Медного Рудника с планировочной структурой соцгорода Уралмаш [Бочкарев, с. 107].

Как и в других городах и поселках 1920–1930-х гг., средств на социальную сферу катастрофически не хватало. Строительство бытовых объектов в Медном Руднике началось стихийно. Пока обсуждались проекты, руководство завода инициировало строительство временных барачных, бани, столовой, клуба. Рабочие возводили индивидуальные дома – землянки. Появился район нелегальной застройки – «нахаловка». Подобные районы существовали около всех крупных строек СССР, являясь единственным способом ослабить жилищную проблему [Неизвестный Уралмаш, с. 65]. Стихийное строительство, кроме качества и далекого от идеала облика, имело и другую серьезную проблему – оно шло без экспертизы территории. В Медном Руднике значительная часть временной застройки размещалась в районе шахт. В конце 1940-х гг. в этом месте произошли обрушения, возникла острая необходимость переноса жилья.

Жилищная проблема сохранялась и после пуска завода. В 1935 г. его руководство в записке о расходах на жилищное строительство и распределении жилья фиксировало состояние «острого жилищного кризиса» [ГАСО. Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 377. Л. 137–138]. В 1938 г. директор завода писал в Главмедь: «расширяя завод, мы не обеспечены жильем» [ГАСО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 348. Л. 1]. Об обобществлении быта уже не вспоминали, было разрешено строить индивидуальные деревянные дома¹⁹.

Поселок ПМЭЗ является классическим примером советского градостроительства 1930-х гг., если учесть, как указывает М. С. Ильченко, что «ситуацию несоответствия между “декларируемым” и “реальным” можно считать типичной для всей системы социального строительства первых советских десятилетий» [Ильченко, 2017, с. 58]. Однако можно предположить, что повышенное внимание к «титულным» стройкам влияло на скорость появления поселений. Проектирование поселка при ММК началось весной 1929 г. а летом 1930 г. уже был заложен первый капитальный дом [Коньшева, Меерович, с. 26–27]. В проекты соцгорода Уралмаша постоянно вносились изменения, но ключевые объекты были построены за два-три года [Ильченко, 2016, с. 61]. Темпы проектирования и возведения жилья и социальных объектов в поселке ПМЭЗ отставали даже от таких среднестатистических норм.

Каковы же были причины существенного расхождения между проектируемым и реализуемым? Во-первых, стройки первых пяти-

¹⁸ В. Г. Вениаминов – в 2000–2010 гг. главный архитектор Верхней Пышмы, позднее – главный архитектор Свердловской области.

¹⁹ Каменное строительство развивалось медленно. В 1941 г. был сдан первый трехэтажный 28-квартирный дом (ул. Красноармейская, 1).

леток происходили в «пластичных» условиях. Шло формирование системы управления народным хозяйством, административной системы, сети проектных организаций, градостроительной политики и т. д. На примере ПМЭЗ можно видеть, насколько разработка отдельного предприятия зависела от общего социально-экономического планирования, будь то проект «Большого Свердловска» или создание медного комбината. В результате постоянного перераспределения средств и рабочей силы строительство тормозилось.

Во-вторых, проектирование и строительство подобных предприятий были сложным процессом. У советских институтов зачастую не хватало опыта. Некоторые проектные решения изначально были нереальны в существовавших условиях. В ряде случаев проектирование шло «по мере строительства», поскольку четкое представление о конечном объекте отсутствовало. При этом осознания этой проблемы не было. Показательной является характеристика строительства электролитного завода Уральским облсовнархозом в 1928 г. как «сравнительно небольшого по объему и несложного» [ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1814. Л. 27]. В противовес этому А. А. Янен отмечал, что оно «является очень сложным строительством» [ГАСО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 163. Л. 46]. Одновременно проектировалось большое количество крупных современных заводов, что резко сокращало время на разработку и экспертизу проектов. Использование зарубежных технологий и приглашение иностранных специалистов не снимали проблему полностью, поскольку условия строительства и эксплуатации объектов в СССР отличались, планируемое импортное оборудование в полном объеме не поступало, а работа иностранных специалистов могла прерваться.

В-третьих, многие планы разбивались о нехватку средств и необходимость экономии. Замена импортного оборудования отечественным, постоянная нехватка строительных материалов, акцент на преимущественное использование местных материалов – все это приводило к переработке проекта. Ограниченное финансирование задерживало жилищное строительство и развитие инфраструктуры.

В-четвертых, не хватало квалифицированных работников. Огромное число строек нужно было обеспечить кадрами, система не справлялась с запросом. Вчерашние крестьяне пополняли ряды неквалифицированных рабочих, часть из них начинала получать образование, однако специалисты нужны были «здесь и сейчас». При этом на качестве строительства и функционирования предприятия напрямую сказывалась расточительность в отношении человеческих ресурсов, присущая 1930-м гг.

Между ПМЭЗ и стройками «первой линии» (Уралмашем, Магнитостроем и др.) много общего. Это и сжатые сроки, определявшиеся для строительства, и не обеспеченный реальными возможностями и, что важно, потребностями гигантизм, и активное использование зарубежного опыта. С другой стороны, возведение Пышминского завода

нельзя назвать рекордно быстрым. В отличие от Магнитогорского металлургического, Синарского трубного, Красноуральского медеплавильного и многих других заводов, его строительство шло долго. При отсутствии четких решений и пристального внимания «сверху», а вместе с этим и относительно стабильного финансирования и планирования, здесь было еще больше интуитивных решений и импровизации на местах. Ввод в эксплуатацию произошел во многом «не благодаря, а вопреки», когда региональным властям и руководству строительства нужно было доказать право завода на существование.

Список литературы

Белоусова О. А. Советский конструктивизм Герхарда Козеля и его влияние на планирование и формирование жилого и культурного пространства советских городов (на примере г. Новокузнецка) // Перспективы науки. 2017. № 12. С. 11–14.

Богданов А. В. Восприятие иностранными рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. (на материалах ЧТЗ и ММК) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. Т. 20. 2020. № 3. С. 17–20. DOI 0.14529/ssh200302.

Большой Свердловск : Краткое описание схемы перепланировки города. Свердловск : Урал. обл. проект.-планиров. бюро, 1930. 39 с.

Бочкарев М. И. Завод и город : История строительства Уралэлектромеди и Верхней Пышмы. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2019. 352 с.

Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.

Верхняя Пышма, 1854–2004. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. 207 с.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.) : [в 2 т.]. М. : Госплан СССР, 1934. Т. 1. XLVI, 739 с.

ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1814, 1828, 2355, 2858, 3446; Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 163, 626; Ф. Р-1439. Оп. 1. Д. 377; Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 13, 18, 21, 47, 50, 54, 61, 109, 110, 119, 263, 324, 348, 349.

Горбачев О. Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 1. С. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293.

Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI вв. / под ред. С. А. Баканова, Е. В. Коньшевой, Л. В. Никитина. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2008. 374 с.

Грамолин А., Коридоров Э. Синарстрой: неизвестные герои индустриализации // Наука и жизнь. 2004. № 11. С. 80–89.

Ильченко М. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 3. С. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Ильченко М. Незавершенный проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов // Сиб. ист. исслед. 2017. № 2. С. 56–79. DOI 10.17223/2312461X/16/5.

Келлер А. Вытесняется и отмирает? : Городское ремесло в контексте теории модернизации: к постановке проблемы // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 1. С. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208.

Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР, 1928–1932 гг. / М. Г. Меерович, Е. В. Коньшева, Д. С. Хмельницкий. М. : Фонд «Президент. центр Б. Н. Ельцина» : РОССПЭН, 2011. 268 с.

Коньшева Е. В. Градостроительство Урала 1920–1930 гг.: региональный аспект общероссийских тенденций // Советское градостроительство 1917–1941 : в 2 кн. М. : Прогресс-Традиция, 2018. Кн. 1. С. 472–521.

Коньшева Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток: на примере Магнитогорска. М. : URSS : Ленанд, 2012. 224 с.

Медное платье Урала : Верхняя Пышма. Ревда. Кировград. Красноуральск. Екатеринбург : Сократ, 2004. 301 с.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 535 с.

Морозов Н. М. Строительство Беловского цинкового завода в 1928–1932 гг. // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2020. № 2. С. 57–61. DOI 10.14258/izvasu(2020)2-09.

Неизвестный Уралмаш : История и судьбы / авт. и сост. С. Агеев, Ю. Бриль. Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2003. 499 с.

Никитина Л. Н. Уралэлектромедь : Страницы истории. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. 303 с.

Олохова О. П. Строительство социалистического города Нижний Тагил: планы и реальность (начало 1920-х – конец 1930-х гг.). Ниж. Тагил : Репринт, 2017. 210 с.

Поршнева О. С., Даренская И. В. Протестные акции и настроения городского населения Урала в период «Великого перелома» (1928–1932 гг.) // Урал. ист. вестн. 2017. № 3. С. 101–109.

Поршнева О. С., Ульянова С. Б. «Уроки Октября»: проблемы научного осмысления Российской революции 1917 года и исторической памяти о ней // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 3. С. 761–770. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.315.

Правда. 1932. 16 сент.

Пронин И. Мой город. Прошлое и настоящее. Верхняя Пышма : [Б. и.], 2000. 159 с.

Птицын А. М., Гюдин Ю. К. История создания института «Гипроцветмет» и его роль в развитии отечественной цветной металлургии // Маркшейдерский вестн. 2009. № 4. С. 40–52.

Пути развития: основные задачи хозяйства Урала : Материалы к докладу Уралсовета Совнаркому РСФСР. Свердловск : Уралполиграф, 1926. 70 с.

Пятилетний план хозяйства Урала на 1928/29–1932/33 гг. Свердловск : Уралплан, 1929. 102 с.

Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953. М. : РОССПЭН : Фонд «Президент. центр Б. Н. Ельцина», 2010. 372 с.

Сапрыкина Н. С. «Новый» и «Большой» Ярославль – этапы реконструкции и развития города в 1920–1930-е годы // Советское градостроительство 1920–1930-х гг.: новые исследования и материалы. М. : URSS : Либроком, 2009. С. 171–202.

Урало-Кузбасс: от замысла к реализации / под ред. Е. Т. Артемова, Г. Е. Корнилова, В. А. Ламина. Екатеринбург : АМБ, 2010. 398 с.

Урал. рабочий. 1928. 16 сент.; 1929. 4 окт.; 1930. 23 фев.

Уралэлектромедь: годы, люди, перспективы. Екатеринбург : [Б. и.], 2014. 435 с.

Устьянцев С. В. Элита российской индустрии: Уралвагонзавод. Екатеринбург : Независ. ин-т истории материальной культуры, 2001. 239 с.

Устьянцев С. В. Элита российской индустрии: Челябинский тракторный завод. Екатеринбург : Независ. ин-т истории материальной культуры : ЧТЗ-Уралтрак, 2008. 245 с.

Царев В. Н. Планировка Большого Красноярска 1930-х гг.: этапы проектирования и градостроительное значение // Советское градостроительство 1920–1930-х гг.: новые исследования и материалы. М. : URSS : Либроком, 2009. С. 266–281.

Шаронин Д. А. Особенности научно-технической документации советского периода как исторического источника : крат. историограф. обзор // Научно-технические документы в современном информационном пространстве : сб. докл. и выступлений на V ист.-архив. форуме «Память о прошлом – 2016». Самара : Науч.-тех. центр, 2016. С. 215–226.

Шурыгина Т. Л. Как рождалась и росла Верхняя Пышма // Наш край Верхнепышминский : сб. науч.-поп. ст. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2012. Вып. 2. С. 10–16.

Эррен Л. Урал как кладбище «социалистических городов» : Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. Челябинск : Каменный пояс, 2003. С. 151–163.

Kopp A. Foreign Architects in the Soviet Union during the First Two Five-Year Plans // The Charnel-House : [website]. URL: <https://thecharnelhouse.org/2013/07/30/foreign-architects-in-the-soviet-union-during-the-first-two-five-year-plans/> (accessed: 03.08.2020).

References

Ageev, S., Bril', Yu. (Eds.). (2003). *Neizvestnyi Uralmash. Istoriya i sud'by* [The Unknown Uralmash. History and Destinies]. Yekaterinburg, Ural'skoe literaturnoe agentstvo. 499 p.

Artemov, E. T., Kornilov, G. E., Lamin, V. A. (Eds.). (2010). *Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizatsii* [Uralo-Kuzbass: From Concept to Implementation]. Yekaterinburg, AMB. 398 p.

Bakanov, S. A., Konyshva, E. V., Nikitin, L. V. (Eds.). (2008). *Gorod v zerkale genplana: panorama gradostroitel'nykh proektov v rossiiskoi provintsii XVIII – nachala XXI vv.* [The City in the Mirror of the General Plan: A Panorama of Urban Development Projects in the Russian Province between the 18th and Early 21st Centuries]. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 374 p.

Belousova, O. A. (2017). Sovetskii konstruktivizm Gerkharda Kozelya i ego vliyanie na planirovanie i formirovanie zhilogo i kul'turnogo prostranstva sovetских gorodov (na primere g. Novokuznetska) [Gerhard Kozel's Soviet Constructivism and Its Influence on the Planning and Formation of Residential and Cultural Space in Soviet Cities (with Reference to Novokuznetsk)]. In *Perspektivy nauki*. No. 12, pp. 11–14.

Bochkarev, M. I. (2019). *Zavod i gorod. Istoriya stroitel'stva Urালেлектромеди i Verkhnei Pishmy* [The Factory and the City. The History of the Construction of Urালেлектромед and Verkhnyaya Pishma]. Yekaterinburg, Ural'skii rabochii. 352 p.

Bogdanov, A. V. (2020). Vospriyatie inostrannymi rabochimi i spetsialistami sovet'skoi povsednevnosti 1929–1933 gg. (na materialakh ChTZ i MMK) [The Perception of Soviet Everyday Life by Foreign Workers and Specialists in 1929–1933 (with Reference to Materials of ChTZ and MMK)]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 20. No. 3, pp. 17–20. DOI 0.14529/ssh200302.

Bol'shoi Sverdlovsk: Kratkoe opisanie skhemy pereplanirovki goroda [Greater Sverdlovsk: A Brief Description of the Redevelopment Scheme of the City]. (1930). Sverdlovsk, Ural'skoe oblastnoe proektno-planirovochnoe byuro. 39 p.

Bugrov, K. D. (2018). *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [Socialist Cities of the Greater Urals]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 472 p.

Erren, L. (2003). Ural kak kladbishche “sotsialisticheskikh gorodov”. Gorodskoe planirovanie v pervom pyatiletnem plane [The Urals as a Cemetery of “Socialist Cities”. Urban Planning in the First Five-Year Plan]. In *Gorizonty lokal'noi istorii Vostochnoi Evropy v XIX–XX vv.* Chelyabinsk, Kamennyi poyas, pp. 151–163.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock R-88. List 1. Dos. 1814, 1828, 2355, 2858, 3446; Stock R-1121. List 1. Dos. 163, 626, Stock R-1439. List 1. Dos. 377, Stock R-2221. List 1. Dos. 13, 18, 21, 47, 50, 54, 61, 109, 110, 119, 263, 324, 348, 349.

Gorbachev, O. (2018). Migranty i Rossiiskoe gosudarstvo v XX v.: vozmozhnosti i ogranicheniya [Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293.

Gramolin, A., Koridorov, E. (2004). Sinarstroj: neizvestnye geroi industrializatsii [Sinarstroj: The Unsung Heroes of Industrialisation]. In *Nauka i zhizn'*. No. 11, pp. 80–89.

Il'chenko, M. (2017). Nezavershennyi proekt kak forma vospriyatija sovet'skogo gradostroitel'stva 1920–1930-kh gg.: opyt sotsialisticheskikh gorodov [The Unfinished Project as a Form of Perception of Soviet Urban Planning in the 1920s–1930s: The Experience of Socialist Cities]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 56–79. DOI 10.17223/2312461X/16/5.

Ilchenko, M. (2016). Opyt Uralmasha v arkhitekture sovet'skogo avangarda: gradostroitel'nyi eksperiment 1920–1930-kh gg. [Uralmash in the Architecture of the Soviet

Avantgarde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Keller, A. (2017). Vytesnyaetsya i otmiraet? Gorodskoe remeslo v kontekste teorii modernizatsii: k postanovke problemy [Replaced and Dying? The History of Russian Urban Crafts in the Context of Modernisation Theory: Articulation of the Issue]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 1, pp. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208.

Konysheva, E. V. (2018). Gradostroitel'stvo Urala 1920–1930 gg.: regional'nyi aspekt obshcherossiiskikh tendentsii [The Urban Planning of the Urals in the 1920s–1930s: The Regional Aspect of All-Russian Trends]. In *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1917–1941 v 2 kn.* Moscow, Progress-Traditsiya. Book 1, pp. 472–521.

Konysheva, E. V., Meerovich, M. G. (2012). *Ernst Mai i proektirovanie sotsgorodov v gody pervykh pyatiletok: na primere Magnitogorska* [Ernst May and the Design of Social Cities in the First Five-Year Plans: With Reference to Magnitogorsk]. Moscow, URSS, Lenand. 224 p.

Kopp, A. (2013). Foreign Architects in the Soviet Union during the First Two Five-Year Plans. In *The Charnel-House* [website]. URL: <https://thecharnelhouse.org/2013/07/30/foreign-architects-in-the-soviet-union-during-the-first-two-five-year-plans/> (accessed: 03.08.2020).

Mednoe plat'e Urala. Verkhnyaya Pyshma. Revda. Kirovgrad. Krasnoural'sk [The Copper Dress of the Urals. Verkhnyaya Pyshma. Revda. Kirovgrad. Krasnoural'sk]. (2004). Yekaterinburg, Sokrat. 301 p.

Meerovich, M. G., Konysheva, E. V., Khmel'nitsky, D. S. (Eds.). (2011). *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR, 1928–1932 gg.* [The Cemetery of Socialist Cities: Urban Planning Policy in the USSR, 1928–1932]. Moscow, Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina”, ROSSPEN. 268 p.

Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv. [Metallurgical Plants of the Urals of the 17th–20th Centuries]. (2001). Yekaterinburg, Akademkniga. 535 p.

Morozov, N. M. (2020). Stroitel'stvo Belovskogo tsinkovogo zavoda v 1928–1932 gg. [The Construction of the Belovsky Zinc Plant in 1928–1932]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 57–61. DOI 10.14258/izvasu(2020)2-09.

Nikitina, L. N. (1997). *Urarelektromed'. Stranitsy istorii* [Urarelektromed'. Pages of History]. Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 303 p.

Olokhova, O. P. (2017). *Stroitel'stvo sotsialisticheskogo goroda Nizhnii Tagil: plany i real'nost' (nachalo 1920-kh - konets 1930-kh gg.)* [The Construction of the Socialist City of Nizhny Tagil: Plans and Reality (Early 1920s – Late 1930s)]. Nizhnii Tagil, Reprint. 210 p.

Porshneva, O. S., Darenskaya, I. V. (2017). Protestnye aktsii i nastroyeniya gorodskogo naseleniya Urala v period „Velikogo pereloma” (1928–1932 gg.) [Protest Actions and Moods of the Urban Population of the Urals during the “Great Turning Point” (1928–1932)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3, pp. 101–109.

Porshneva, O. S., Ul'yanova, S. B. (2018). “Uroki Oktyabrya”: problemy nauchnogo osmysleniya Rossiiskoi revolyutsii 1917 goda i istoricheskoi pamyati o nei [The “Lessons of October”: Issues of the Scholarly Understanding of the Russian Revolution of 1917 and Historical Memory about It]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 8. No. 3, pp. 761–770. DOI 10.21638/11701/spbu24.2018.315.

Pravda [Pravda]. (1932). 16 Sept.

Pronin, I. (2000). *Moi gorod. Proshloe i nastoyashchee* [My City: Past and Present]. Verkhnyaya Pyshma, S. n. 159 p.

Ptitsin, A. M., Dyudin, Yu. K. (2009). Istoriya sozdaniya instituta “Giprotsvetmet” i ego rol' v razvitiit otechestvennoi tsvetnoi metallurgii [The History of the “Giprotsvetmet” Institute and Its Role in the Development of National Nonferrous Metallurgy]. In *Markshederskii vestnik*. No. 4, pp. 40–52.

Puti razvitiya: osnovnye zadachi khozyaistva Urala. Materialy k dokladu Uralsoвета Sovnarkomu RSFSR [Ways of Development: The Main Tasks of the Economy of the Urals. Materials for the Report of the Ural Council to the Sovnarkom of the RSFSR]. (1926). Sverdlovsk, Uralpoligraf. 70 p.

Pyatiletnii plan khozyaistva Urala na 1928/29–1932/33 gg. [The Five-Year Plan of the Ural Economy for 1928/29–1932/33]. (1929). Sverdlovsk, Uralplan. 102 p.

Samuelson, L. (2010). *Tankograd: sekrety russkogo tyla, 1917–1953* [Tankograd: Secrets of the Russian Rear, 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El’tsina”. 372 p.

Saprykina, N. S. (2009). “Novyi” i “Bol’shoi” Yaroslavl’ – etapy rekonstruktsii i razvitiya goroda v 1920–1930-e gody [The “New” and “Greater” Yaroslavl – Stages of the City’s Reconstruction and Development in the 1920s–1930s]. In *Sovetskoe gradostroitel’stvo 1920–1930-kh gg: novye issledovaniya i materialy*. Moscow, URSS, Librokom, pp. 171–202.

Sharonin, D. A. (2016). Osobennosti nauchno-tekhnikeskoi dokumentatsii sovetskogo perioda kak istoricheskogo istochnika: kratkii istoriograficheskii obzor [Features of Scientific and Technical Documentation of the Soviet Period as a Historical Source: A Brief Historiographical Review]. In *Nauchno-tekhnikeskie dokumenty v sovremennom informatsionnom prostranstve. Sbornik dokladov i vystuplenii na V istoriko-arkhivnom forume “Pamyat’ o proshlom – 2016”*. Samara, Nauchno-tekhnikeskii tsentr, pp. 215–226.

Shurygina, T. L. (2012). Kak rozhdalas’ i rosla Verkhnyaya Pyshma [How Verkhnyaya Pyshma Was Born and Grew]. In *Nash kraj Verkhnepyshminskii. Sbornik nauchno-populyarnykh statei*. Yekaterinburg, Uchebno-metodicheskii tsentr Ural’skogo politekhnicheskogo instituta. Iss. 2, pp. 10–16.

Tsarev, V. N. (2009). Planirovka Bol’shogo Krasnoyarska 1930-kh gg.: etapy proektirovaniya i gradostroitel’noe znachenie [The Planning of Greater Krasnoyarsk in the 1930s: Design Stages and Urban Significance]. In *Sovetskoe gradostroitel’stvo 1920–1930-kh gg: novye issledovaniya i materialy*. Moscow, URSS, Librokom, pp. 266–281.

Urалеlectromed’: gody, lyudi, perspektivy [Uralelectromed: Years, People, Prospects]. (2014). Yekaterinburg, S. n. 435 p.

Ural’skii rabochii [Ural’skii Rabochii]. (1928). 16 Sept.; (1929). 4 Oct.; (1930). 23 Feb.

Ust’yantsev, S. V. (2001). *Elita rossiiskoi industrii: Uralvagonzavod* [The Elite of Russian Industry: Uralvagonzavod]. Yekaterinburg, Nezavisimyi institut istorii material’noi kul’tury. 239 p.

Ust’yantsev, S. V. (2008). *Elita rossiiskoi industrii: Chelyabinskii traktorny zavod* [The Elite of Russian Industry: The Chelyabinsk Tractor Plant]. Yekaterinburg, Nezavisimyi institut istorii material’noi kul’tury, Chelyabinskii traktorny zavod Uraltrak. 245 p.

Verkhnyaya Pyshma, 1854–2004 [Verkhnyaya Pyshma, 1854–2004]. (2004). Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta. 207 p.

Vtoroi pyatiletnii plan razvitiya narodnogo khozyaistva SSSR (1933–1937 gg.) [v 2 t.] [The Second Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1933–1937). 2 Vols.]. (1934). Moscow, Gosplan SSSR. Vol. 1. XLVI, 739 p.

The article was submitted on 20.09.2020

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ МАГНИТКИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ЭГОДОКУМЕНТАХ*

Владимир Камынин

Елена Лазарева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

INTERNATIONAL SPECIALISTS IN THE CONSTRUCTION OF THE MAGNITKA IN JOURNALISM AND EGO-DOCUMENTS

Vladimir Kamynin

Elena Lazareva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses a complex of journalistic and historical sources on the relationship between Soviet and international specialists during the construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works (colloquially known as *Magnitka*). The authors demonstrate the relevance of this topic for contemporary Russian historiography, as many of its aspects have not been studied until now. The article considers questions connected with the role of international engineers and workers in the construction of the enterprise. Journalistic sources are particularly valuable because the facts are described by participants in the events themselves; however, due to the subjectivity of human perception, it is necessary to compare such information with other documentary evidence. The article analyses the reasons for both the positive and negative attitudes of Soviet and Western experts towards each other. Special attention is paid to the topic of the mutual perception of Soviet and international specialists during the First Five-Year Plan. The study reveals that when analysing the issue, it is necessary to take into account the main factors of the authors' subjective perception, such as their country of origin, level of education, profession, positions they held, their contacts, and the influence

* *Citation:* Kamynin, V., Lazareva, E. (2020). International Specialists in the Construction of the *Magnitka* in Journalism and Ego-Documents. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1737–1752. DOI 10.15826/qr.2020.5.555.

Цитирование: Камынин В., Лазарева Е. International Specialists in the Construction of the *Magnitka* in Journalism and Ego-Documents // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1737–1752. DOI 10.15826/qr.2020.5.555 / Камынин В., Лазарева Е. Иностранцы на строительстве Магнитки в публицистике и эгодокументах // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1737–1752. DOI 10.15826/qr.2020.5.555.

of the Soviet political environment. As a result of these factors, Ya. S. Gugel, head of the construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works, journalist S. D. Narinyani, and the American worker D. Scott perceived and interpreted the relations of Soviet and international participants in the construction of the *Magnitka* differently. The study concludes that the basis for mutual perception was not so much personal qualities as different approaches to solving production problems. The peculiarity of the *Magnitka* was the clash of two tactics: “Western conservatism” vs “Soviet adventurism.” Principles of strict adherence to the technological process lay at the basis of international, primarily American and German, experience, while the basis of Soviet mentality was the “Bolshevik pace”. The historical value of journalistic sources is that the authors of the early 1930s directly assessed the contribution that international experts made to the establishment of Soviet industrial giants. At the same time, they were subject to the rules of the propaganda war between the USSR and Western powers.

Keywords: *Magnitka*, industrialisation in the USSR, journalistic sources, international experts in the USSR, international economic relations.

Цель исследования – выявление взаимоотношений советских и западных специалистов на строительстве Магнитогорского металлургического комбината на основе анализа комплекса публицистических и исторических источников. Показана актуальность данной темы в современной российской историографии, поскольку многие ее аспекты не изучены до настоящего времени. Рассмотрены вопросы роли иностранных инженеров и рабочих при возведении данного предприятия. Ценность публицистических источников состоит в том, что факты описаны самими участниками событий, однако, ввиду субъективности человеческого восприятия, требуется сопоставление информации с другими документальными свидетельствами. Проведен анализ причин как положительного, так и отрицательного отношения советских и западных специалистов друг к другу. Особое внимание уделено теме взаимного восприятия советских и зарубежных специалистов в годы первой пятилетки. Выявлена необходимость учитывать ряд факторов субъективного восприятия авторов: это страна происхождения, уровень образования, профессия, занимаемая должность, круг общения и влияние советской политической конъюнктуры. Вследствие этого начальник строительства ММК Я. С. Гугель, журналист С. Д. Нариньяни, американский рабочий Д. Скотт по-разному воспринимали и трактовали отношения советских и иностранных участников строительства Магнитки. Сделан вывод, что в основе взаимовосприятия были не столько личные качества людей, сколько различные подходы к решению производственных задач. Специфика Магнитки заключалась в столкновении двух тактик, определяемых как «западный консерватизм» и «советский авантюризм». В основе зарубежного (американского и германского) опыта лежали принципы четкого соблюдения технологического процесса, в основе советского менталитета – «большевистские темпы». Историческая ценность публицистических источников в том, что авторы начала 1930-х гг. непосредственно оценили тот вклад, который внесли иностранные специалисты в создание

гигантов советской промышленности. В то же время они подчинялись правилам пропагандистской войны между СССР и западными державами.

Ключевые слова: Магнитка, индустриализация в СССР, публицистические источники, иностранные специалисты в СССР, международные экономические отношения.

Восприятие в России зарубежных специалистов, актуальное для Нового и Новейшего времени, недостаточно раскрыто в историографии по ряду идеологических и источниковедческих причин. Конструктивным в этом аспекте становится обращение к историческому опыту, в частности, к проведению индустриализации в СССР, когда строительство крупных предприятий проходило в условиях тесного сотрудничества с зарубежными фирмами. Для иностранных предпринимателей уральский промышленный район представлял особую привлекательность, ибо здесь в годы первой пятилетки было возведено 149 заводов. Среди них наиболее крупным являлся Магнитогорский металлургический комбинат (далее – ММК). Причину интереса иностранного капитала к ММК американский историк Стивен Коткин (Stephen Mark Kotkin) объяснял тем, что советское правительство решило построить в Магнитогорске не просто сталелитейное предприятие. Этот завод должен был стать таким же большим и технологически современным, что и предприятие Гэри «Ю. С. Стил Компани», находившееся в штате Индиана, по модели которого и был построен магнитогорский комбинат. В законченном виде «советский Гэри» должен был производить ежегодно столько же стали, сколько весь Советский Союз производил за год до начала пятилетнего плана [Коткин, с. 23]. Внимание к истории ММК было значительным. Рассматривался вопрос и об участии иностранных специалистов в строительстве Магнитки. Советские историки делали упор на том, что западная помощь носила преимущественно консультативный характер. По их мнению, советские инженеры самостоятельно осваивали сложную передовую технику, преодолевая саботаж заносчивых американских специалистов [Сергеев, с. 41].

Современные авторы значительно расширили круг рассматриваемых вопросов. Ими изучаются отбор иностранных специалистов для работы в СССР, их взаимодействие с советскими коллегами, оплата труда иностранцев, особенности адаптации западных инженеров и рабочих к реалиям советской страны, их быт, восприятие ими советской повседневности и др. Но главное – изменилась оценка роли западных специалистов в строительстве советских предприятий. По словам В. П. Тимошенко, «иностранная помощь позволила разрешить технические проблемы проектирования, строительства и пуска Магнитогорского комбината, подготовить собственный инженерно-технический персонал, соответствующий по квалификации технологическому уровню вновь созданного производства»

[Тимошенко, с. 47]. Впервые историки обнародовали данные о количестве иностранных специалистов в Уральском регионе, отмечено, что их массовое прибытие пришлось на середину 1930-х гг. [Кучер, с. 63]². Менее изученным в современной литературе остается вопрос о восприятии иностранных специалистов советскими гражданами. Можно согласиться с утверждением, что «отношение властей и трудящихся советской России к иностранцам в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было противоречивым и непоследовательным, по сути, это было столкновение носителей разных политико-идеологических установок» [Богданов, с. 3], однако требуется наполнение этой формулы конкретным материалом.

В исследовательской литературе очень редко используется публицистика как исторический источник. Сказывается влияние советской традиции, оценивавшей публицистику «как особый вид литературных произведений, трактующих актуальные общественно-политические вопросы в периодической печати и в отдельных изданиях» [Черноморский, с. 228]. В многочисленных работах о Магнитострое много ссылок на периодическую печать, из которой извлекается фактический материал без указания на то, какой именно жанр советской периодики используется.

Только в самое последнее время отношение к публицистике как историческому источнику начинает пересматриваться [Плавская, с. 81–83; Камынин]. Доказывается, что в публицистике рассматриваются не только «актуальные общественно-политические вопросы», но, и главным образом вопросы повседневной жизни, взаимоотношения людей. Блестящий образец использования публицистики как источника по истории строительства соцгородов Урала в 1930-е гг. дал К. Д. Бугров, показавший, насколько благодаря этому может быть расширена источниковая база по интересующей нас проблеме. Им создана база данных, состоящая «из нескольких сотен текстов (главным образом газетных статей), описывающих облик и специфику, проблемы и перспективы нового советского города на конкретных примерах уральских новостроек» [Бугров, с. 10, 383–423].

Строительство ММК получило освещение в огромном количестве публицистических произведений. В публицистике о Магнитострое уникальным источником служат очерки С. Д. Нариньяни, на что указывает К. Д. Бугров: «Чрезвычайно важную роль в укреплении образа Магнитогорска как главной промышленной стройки Союза сыграл С. Д. Нариньяни, корреспондент “Комсомольской правды”, находившийся на Магнитострое в 1930–1932 гг.» [Там же, с. 369]. В своих мно-

² К июлю 1933 г. на Урале трудилось 5601 чел. из-за рубежа. Среди них насчитывалось инженерно-технических работников с высшим образованием 1050 чел., со средним техническим – 939, рабочих – 3612. По национальному составу иностранные специалисты на уральских предприятиях были представлены так: немцы – 1552, американцы – 287, австрийцы, венгры, чехи, словаки, болгары, югославы и поляки – 653, англичане – 24, представители других стран – 2085 чел. [Бедель].

гочисленных очерках, опубликованных по горячим следам в «Комсомольской правде» и «Магнитогорском рабочем», а затем в брошюрах 1930–1973 гг., С. Д. Нариньяни часто обращался к проблеме отношения советских людей к иностранным специалистам. В распоряжении исследователей творчества С. Д. Нариньяни имеется богатый набор эго-документов. Прежде всего это дневники самого С. Д. Нариньяни «Записи из блокнота», опубликованные в брошюре «Дорога в совершеннолетие» (1932) [Нариньяни, 1932], а также воспоминания о пребывании на Магнитострое «Как это было», вышедшие в книге очерков «Ты помнишь, товарищ...» (1957) [Нариньяни, 1957]. Свидетельства С. Д. Нариньяни верифицируются воспоминаниями управляющего Магнитостроем в 1931–1932 гг. Я. С. Гугеля. Степень компетентности и профессионализма этого человека высоко оценивают современные исследователи, характеризующие Я. С. Гугеля как руководителя с высоким уровнем профессионального образования и значительным опытом организатора металлургического производства [Кучер, с. 67].

Интересные сведения можно получить при сопоставлении публицистических произведений С. Д. Нариньяни с воспоминаниями американского рабочего Джона Скотта, прибывшего на Магнитострой в январе 1933 г.

Воспоминания Я. С. Гугеля и Дж. Скотта для верификации фактов и оценок С. Д. Нариньяни выбраны не случайно. Я. С. Гугель хорошо знал С. Д. Нариньяни и часто общался с ним. Гугель писал:

Нариньяни был всюду. Он сидел в печи, когда шла кладка, он сидел на бюро комсомола, когда решались оперативные вопросы комсомольской организации. Он сидел в редакции, организуя соборов, на складах, когда образовывалась железнодорожная пробка. Организовывал журналистов для проталкивания застрявших составов с грузами. Он же доставлял в Москву первый чугун. Энергичный, иногда злобный и ядовитый, он умел заставить считаться с ним административно-технический персонал стройки [Гугель, с. 24].

Хотя Дж. Скотт прибыл на Магнитострой уже после отъезда С. Д. Нариньяни, однако анализ его воспоминаний показал, что он был хорошо знаком с «Записями из блокнота» и использовал их в части III «Истории Магнитогорска» при описании строительства ММК до 1932 г. [Скотт, с. 75–88].

При анализе данных источников следует учитывать, что Я. С. Гугель, С. Д. Нариньяни и Д. Скотт имели различное происхождение, образование, профессии, должности и круг общения на Магнитострое, что не могло не сказаться на их оценках. Я. С. Гугель профессионально разбирался в вопросах участия иностранных фирм на вверенном ему предприятии и общался исключительно с их руководителями. Круг общения Д. Скотта ограничивался иностранными рабочими, при этом он часто посещал место проживания западных специали-

стов в Магнитке – «Березки» – и подробно осветил многие бытовые моменты жизни иностранцев.

У С. Д. Нариньяни круг общения был наиболее широким. Он описывал встречи как с руководителями и инженерами зарубежных фирм, так и с простыми рабочими. В отличие от Дж. Скотта, он не был допущен на территорию «Березок» и общался с некоторыми их обитателями лишь по телефону.

Для более полного и всестороннего восприятия публицистики С. Д. Нариньяни нами проанализированы архивные документы, которые содержат данные о положении иностранных специалистов и рабочих на Магнитострое, в том числе документы надзорных органов за деятельностью иностранцев.

При объединении «Востокосталь» был создан иностранный отдел (иноотдел), позднее преобразованный в иноуправление, а также комитет иностранной техники для сбора информации о новинках зарубежной металлургии и передаче этих сведений на отечественные предприятия. Одновременно при партийных органах, общественных организациях и заводских администрациях действовали иностранные бюро (инобюро). Большую роль в работе с иностранными специалистами играли переводчики, которых специально подбирали и обучали из политически образованных «партийцев и комсомольцев», отфильтровывая «политически нежелательных (из бывших)» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 63].

Производственная деятельность иностранных специалистов

Корреспондент С. Д. Нариньяни отмечал, что часть иностранных специалистов, прибывших в СССР еще в конце 1920-х гг., переезжали с одного предприятия на другое. Он писал, что американец Калдер работал вместе с ним на строительстве Сталинградского тракторного завода, и в 1930 г. они вместе с налаженного производства и из благоустроенного жилья приехали на Магнитку [Нариньяни, 1932, с. 26].

В воспоминаниях Дж. Скотта содержатся уникальные данные о количестве иностранных специалистов, проживавших в «Березках» в 1933 г. (300–400 немецких и американских специалистов), и о различных их категориях. Описывая посещение «Березок», Д. Скотт отмечал, что все они получали зарплату золотом и работали либо непосредственно на советское правительство, либо на иностранную фирму, чье оборудование устанавливали [Скотт, с. 105–106].

Подтверждение этой информации содержится в докладной записке управляющего объединением «Востокосталь» Я. П. Иванченко в обком ВКП(б) об эффективном использовании технической помощи иностранных фирм предприятиями Урала, составленной в 1930 г. В ней сказано о трех видах договоров с иностранными кадрами на советских предприятиях. Работы осуществлялись на основании индивидуальных договоров с иностранными фирмами,

индивидуальных договоров с советскими предприятиями и вербовки советской стороной за границей для работы на предприятиях СССР. По данным Я. П. Иванченко, последнюю категорию работников «вербовали исключительно на безвалютной основе» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 61].

Изучение документов позволяет установить соотношение «валютных» и «безвалютных» иностранцев на ММК. В записке иноотдела Магнитостроя за 1932 г. отмечалось, что из 339 иностранцев, среди которых было 116 рабочих и 123 специалиста, «за золотую валюту работали 43 человека» [Там же. Л. 76]. В докладной записке Я. П. Иванченко указано, что на содержание 62 иностранных специалистов, работающих в «Востокостали» по индивидуальным договорам, вместе со 100 зарубежными специалистами, работающими по договорам с западными фирмами, в 1930 г. было выплачено около 170 тыс. руб. в иностранной валюте [Там же. Л. 61 об.].

И С. Д. Нариньяни, и Дж. Скотт высоко оценивали эффективность участия западных специалистов на Магнитке, поскольку уровень их квалификации был намного выше, чем советских. По словам Нариньяни, именно у американца Стака многие такелажники обучались работе на западной строительной технике. При описании строительства коксохимкомбината С. Д. Нариньяни отметил вклад американской фирмы «Копперс», которая прислала в Магнитогорск чертежи опалубки бункеров угольных ям, подчеркнув, что технический отдел Союзкокса долго не мог в них разобраться [Нариньяни, 1932, с. 57]. О прибытии в Магнитогорск экскаватора «Марион» С. Д. Нариньяни писал, что машина вскоре была разбита, «став жертвой нашей технической безграмотности» [Там же, с. 74].

Отметим, что указание С. Д. Нариньяни на случаи безответственного отношения к импортной технике имеет документальное подтверждение. Я. П. Иванченко сообщал, что руководством ММК не извлекается технический опыт иностранных специалистов максимально, а их работа не увязывается с работой советских специалистов [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 64]. В другой докладной записке (об условиях работы западных рабочих) содержится информация, что эти кадры в литейном цехе загружены лишь на 50 % [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 696. Л. 66].

Представляется закономерным, что наиболее высоко оценивал вклад иностранных специалистов Дж. Скотт, считавший, что успехи производства на Магнитке напрямую связаны с американским участием. В своей книге он поместил таблицу, иллюстрирующую коэффициент использования экскаваторов на Магнитке в сравнении с американскими стандартами. По его данным, в период 1930–1931 гг., когда количество западных специалистов росло, коэффициент использования экскаваторов увеличился с 30 до 38 %, а в 1932 г. после отъезда многих из них он снизился до 11 % [Скотт, с. 268].

Взаимоотношения советских и иностранных специалистов

Значительное место в очерках С. Д. Нариньяни отведено теме восприятия западными специалистами трудового героизма своих советских коллег, работавших в тяжелых условиях. Он писал, что американский инженер Стак заявил: «Русские комсомольцы поразили меня. Еще вчера они были простыми чернорабочими, а уже сегодня пневматические молотки повинуются им, как прирученные звери» [Нариньяни, 1932, с. 31]. Также, по свидетельству С. Д. Нариньяни, представитель германской фирмы «Бергман» некто Поляс говорил, что в СССР могут работать лишь такие фанатики, как Мордухович, который по трое суток не выходил из котельного зала и самого Поляса заставил работать по 20 часов [Там же, с. 49].

С. Д. Нариньяни цитировал и слова американского инженера Герберга о коксохимкомбинате: «Таких темпов я не видел. Советские ударники работали, не считаясь со временем... только здесь я научился работать по-настоящему» [Там же, с. 60]. Также журналист описал недоумение германского инженера Гартмана, который не мог понять, почему «зольдат» Шамков и «мюжик» Чусов добровольно остаются после работы на пять-шесть часов, гонят по 60 труб за смену, хотя больше 40 он не требует [Там же, с. 48].

Эти наблюдения очевидца событий необходимо учитывать в контексте дискурса, который ведется по вопросу об эффективности использования иностранной помощи. Даже в современной литературе по-разному оценивается характер сотрудничества ММК и «Мак-ки». Часть авторов вслед за советскими коллегами [Паздников] указывают, что их отношения являются хрестоматийным примером неудачного взаимодействия с западными «дельцами». Фирму «Мак-ки» по-прежнему обвиняют в саботаже, некомпетентности, в пренебрежении к советским методам работы, что явилось причиной расторжения договора [Ваганова, с. 93–94].

Другая часть исследователей полагает, что специалисты «Мак-ки» были опытными инженерами, отвечающими за качество, и что они оказали огромную помощь строительству [Хламкин, с. 48]. По словам Л. П. Спасовой, главным препятствием к эффективному использованию опыта «Мак-ки» являлось нежелание советских инженеров признать их руководящую роль. Отношения между представителями «Мак-ки» и инженерами Магнитостроя, за редким исключением, были напряженные, что мешало контролю американцев над ходом работ [Спасова, с. 104].

По нашему мнению, дискурс в современной российской историографии отражает различные данные публицистических источников, которые порой противоречат друг другу. Как следует из текстов, очевидцы событий начала 1930-х гг. по-разному смотрели на этот вопрос.

С точки зрения С. Д. Нариньяни, ответственность за срыв сроков работы лежала в основном на советской стороне. При этом он ссылался на Гартмана, утверждавшего, что котлы нужно монтировать в готовом здании, и не принимал доводы советских рабочих, которые отсутствие крыш у цехов объясняли тем, что стропила задержаны конторой Стальмоста, а щебенки не хватает из-за «недостачи автотранспорта» [Нариньяни, 1932, с. 43].

Позитивное отношение к иностранному участию в строительстве ММК было характерно и для представителей администрации. В докладной записке Я. П. Иванченко приводился пример того, как немецкие рабочие Магнитостроя жаловались на своих советских коллег:

Снабдите русских товарищей, работающих рядом с нами, необходимым инструментом, потому что они, как только отвернешься, берут наш, и мы потом его должны искать – это приводит к растрате нашего времени [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 62].

Я. С. Гугель, вспоминая о сотрудничестве «Мак-ки» с руководством ММК, писал:

Мы были преисполнены самого искреннего желания организовать свою работу совместно с американской консультацией, максимально перенять их опыт, помочь им перестроить свою работу к требованиям, предъявляемым нашими большевистскими темпами, нашей большевистской решительностью, смелостью [Гугель, с. 17].

Директор Магнитостроя высоко ценил сотрудничество с В. Хейвеном. Он писал:

Мистер Хейвен, безусловно, знающий металлург. Он легко воспринимает масштабы Магнитостроя, это человек разносторонний, образованный, культурный. Я с удовольствием часами беседовал с ним [Там же, с. 18].

Интересны также наблюдения Д. Скотта о реакции начальника производства Сёмичкина на возражения иностранных специалистов по поводу «большевистских темпов». Он писал, что отношение к ним Сёмичкина было двойственным, поскольку «буржуи» не понимают их, зато разбираются в доменных печах намного лучше, чем он сам. Когда дело касалось таких вопросов, как сооружение фурмы или расположение кессонов, эти иностранцы наизусть знали, как построена любая доменная печь в мире [Скотт, с. 129].

Однако в публикациях отмечены и случаи негативного отношения советских специалистов к иностранцам. Корреспондент газеты «За индустриализацию» сообщал, что упоминаемый С. Д. Нариньяни американец Калдер жаловался ему, что такого отношения к себе, как здесь, он нигде не встречал:

Здесь не только старое инженерство считает, что, мол, «приехали учить»... но даже молодое инженерство находит, что у нас учиться нечему. Здесь не понимают, что лично меня советское правительство пригласило на работу, учитывая мою работу в Америке [За индустриализацию, с. 2].

Анализ документов подтверждает обоснованность мнения о добросовестном отношении иностранных специалистов к своему делу. В докладной записке Я. П. Иванченко указывалось на справедливость жалобы фирмы «Мак-ки» на то, что Магнитострой не выписывает из США то количество инженеров, которое требуется [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 61]. В переписке полномочного представителя ОГПУ по Уралу Матсона с первым секретарем Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаковым говорилось о халатном отношении советских инженеров к предложению американца Эйлисса, выбравшего место постройки Центральной электростанции (ЦЭС) Магнитостроя и предлагавшего передовые методы ускорения ее строительства. Результатом недопонимания стала значительная задержка возведения ЦЭС [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 253. Л. 76, 94, 95].

В то же время в документах зафиксировано негативное отношение к иностранцам, в большей мере характерное для представителей администрации уральских предприятий. Так, по словам Я. С. Гугеля, американцы пытались все и вся подчинить «американскому опыту». Начальник Магнитки отмечал, что постоянно наталкивался на капиталистическую рутину и высокомерный консерватизм [Гугель, с. 17]. Гугель отрицательно отзывался и о некоторых иностранных специалистах. Он писал про взаимоотношения с В. Хейвеном, возражавшим против пуска домны № 1 в зимнее время:

Основного не понимал мистер Хейвен – наших большевистских темпов. Он не понимал, зачем нужно торопиться и что такое срок. В его представлении срок – это тогда, когда все готово. В нашем представлении срок – это тогда, когда должно быть готово [Там же, с. 23].

Начальник Магнитостроя констатировал, что уже привык не разделять ответственности с корпорацией «Мак-ки»:

Пуск первой домны Магнитостроя при противодействии американцев был тяжел. Выручил тов. Серго (Г. К. Орджоникидзе. – В. К., Е. Л.). После того, как я подробно проинформировал его по телефону, он дал согласие и разрешение на пуск домны. Домна № 1 была пущена 31 января 1932 г. [Там же].

Кроме того, Я. С. Гугель вспоминал, что фирма «Мак-ки» присылала не всегда морально устойчивых работников.

Руководимые главным инженером фирмы мистером Стеком, жирным ирландцем, американские специалисты сильно пьянствовали. Стек, как правило, весь выходной пил, на второй день обязательно болел. После одной из попок, когда американские друзья и собутыльники были вынуждены связать своего шефа и отвезти домой, я потребовал, чтобы его убрали. Вместо Стека был назначен мистер Стак [Гутель, с. 17].

Руководство Магнитостроя поддерживало советских инженеров, действуя в интересах соблюдения сроков строительства. Я. С. Гутель вспоминал свой диалог по поводу установки наклонного моста домны в собранном виде с американским инженером Стаком, который возражал, мотивируя свою позицию тем, что в Америке нет такой практики. На это Гутель ему заметил, что в американской практике нет и Советской власти [Там же, с. 21].

Отметим, что и С. Д. Нариньяни много места отводил описанию дискуссий, происходивших между представителями германских фирм, монтировавших поставленное оборудование, и строителями Магнитки по поводу сроков сдачи объекта. Он привел слова представителя фирмы «КАСГ» Гартмана, говорившего, что, согласно его многолетней практике, топки котлов монтируются не менее 60 дней и 17 часов, и менять свои убеждения он не намерен [Нариньяни, 1932, с. 42]. Также С. Д. Нариньяни неоднократно упоминал о случаях высокомерного отношения иностранцев к советским рабочим:

В девять господин Гартман поругался с бригадиром Банных. В десять он крупно разговаривал с инженером Тумасовым и наконец дал приказ немецким монтерам бросить монтаж. Когда Банных попытался запротестовать, Гартман собрал чертежи и ушел с работы [Там же, с. 47].

Зачастую разногласия с советской стороной у иностранцев возникали по поводу качества выполнения работ. На вопрос Гартмана, «почему так мало рабочих на монтаже», последовал ответ, что рабочие прогуливают. Гартман посоветовал уволить прогульщиков и набрать новых из безработных, стоящих у ворот предприятия. Ответ советского инженера был следующим: «Передайте г-ну Гартману, что, во-первых, у нас еще не построены ворота, а, во-вторых, не имеется безработных» [Там же, с. 48].

С. Д. Нариньяни сообщал о фактах пренебрежительного отношения иностранных инженеров к советским рабочим. Он воспроизвел реакцию Гартмана на требования рабочего Магнитки увеличить темпы строительства. С. Д. Нариньяни писал: «Какие рабочие, – пренебрежительно говорит Гартман и смотрит на буденновку Шамкова. “Зольдат” Шамков и “мюжик” Чусов не могут спорить с фирмой “КАСГ”» [Там же, с. 46].

По свидетельству С. Д. Нариньяни, представитель германской фирмы «Бергман» Поляс говорил рабочим:

Сумасшедшая страна, больные люди! Вы требуете, чтобы мы смонтировали турбину на двенадцать тысяч киловатт за 20 дней, когда турбина фирмы монтировалась по 3–4 месяца. Я монтировал турбины в готовых стационарных зданиях. Вы предлагаете сокращать сроки монтажа в здании, где нет крыши, фундамента и окон.

В ответ на это советские рабочие предлагали: «Вы начинайте работу, а крышу мы будем стеклить одновременно с монтажом и вставкой оконных переплетов» [Там же, с. 44].

Причины негативного отношения советской стороны к иностранным специалистам были разными. Следует учитывать, что очевидцы событий являлись людьми своего времени и той конъюнктуры, которая формировалась в том числе советской пропагандой 1930-х гг. Несмотря на активное сотрудничество с западными странами, советское правительство требовало от СМИ критического отношения к иностранной помощи. А. Н. Макаров иллюстрирует заказ, спущенный «сверху» советским журналистам. Он пишет, что показательным был фотомонтаж в «Челябинском рабочем». Верхний снимок изображал магнитогорскую домну, а нижний, заимствованный из фотосерии М. Альперта и А. Смоляна «Гигант и строитель», магнитогорского ударника Виктора Калмыкова, штыковой лопатой азартно выбрасывающего вместе с комьями грунта рисованные ящики с надписями «Made in USA», «Катерпиллер», «Виккерс», а также очкариков в цилиндрах – ненавистных капиталистов [Макаров].

Отметим, что для публицистики С. Д. Нариньяни был характерен классовый подход в оценке взаимоотношений работников ММК. Он приводил примеры того, что отношение к советским порядкам было различным у иностранных инженеров и иностранных рабочих. Описывая частые споры, происходившие между представителями фирм, монтирующих свое оборудование, и строителями Магнитки, С. Д. Нариньяни заметил, что, когда Гартман в очередной раз ушел с монтажа с чертежами, обычный рабочий фирмы «КАСГ» начал объяснять русским коллегам, что чертежей не надо: «Десять топок мы смонтировали. Пусть Гартман кричит. Вы работайте, а мы поможем» [Нариньяни, 1932, с. 47]. Мотивы такого поведения немецких рабочих становятся понятными в том числе из докладной записки Я. П. Иванченко, который указывал, что среди немецких рабочих немало партийцев и красных фронтовиков [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 62].

Несомненно, что на классовых позициях стоял и Д. Скотт при характеристике причин негативного отношения иностранных специалистов к их советским коллегам. Рассказывая о настойчивости американского консультанта Гарриса, американский рабочий писал, что, понимая требования советской стороны, он, Гаррис, сам «был инженером-консультантом, которому платили кругленькую сумму в американских

долларах, снабжали его икрой в стране, где не хватало хлеба... для того чтобы он продвигал строительство Магнитки» [Скотт, с. 46]. Д. Скотт указывал на существенное различие материального положения и статуса иностранных специалистов и иностранных рабочих на Магнитке. Характеризуя условия проживания иностранцев, он вспоминал, как жил вместе с остальными иностранными рабочими в бараке, не имевшем удобств, в то время как «валютные» иностранцы и высокие советские должностные лица жили в «Березках», представляющих собой «замкнутый мирок» [Там же, с. 109–110].

Классовый подход был характерен и для руководства уральских предприятий. В докладе Я. П. Иванченко подчеркивалось:

Будучи элементом мелкобуржуазным, воспитанные в капиталистических принципах иностранные специалисты, даже добросовестно выполняя свои обязанности, приходят в тупик, когда внедрение нового технического опыта требует привлечения к делу рабочей общественности [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607. Л. 63].

Публицистические источники воспроизводят многие производственные, бытовые и личностные сюжеты взаимовосприятия советских и зарубежных специалистов в СССР в годы первой пятилетки. В публикациях отражены факты различного сознания и, соответственно, отношения к работе советских рабочих, мастеров и инженеров. Имели место случаи как прогулов, пьянства, халатности, безответственности и профессиональной безграмотности, так и быстрого обучения, сознательного овладения передовыми технологиями, высокой самоотверженности и принятия талантливых технических решений. В зависимости от конкретной ситуации, отношение западных специалистов варьировалось от неприязненного недоумения до уважения и восхищения трудовым героизмом своих советских коллег, вынужденных работать в тяжелых условиях.

При всех различиях в социальном статусе, уровне и характере образования, особенностях национальных культурных традиций авторы очерков, статей и мемуаров сходятся во мнении о добросовестном отношении иностранных специалистов к их профессиональным обязанностям. Из описаний следует, что в основе взаимовосприятия были не столько личные качества людей, сколько различные подходы к решению производственных задач. Специфика Магнитки в данном контексте заключалась в столкновении двух тактик – «западного консерватизма» и «советского авантюризма». В основе зарубежного, прежде всего американского и германского опыта, лежали традиции и принципы четкого соблюдения технологического процесса, в основе советского менталитета – «большевистские темпы». Историческая ценность публицистических источников состоит в том, что авторы начала 1930-х гг. имели возможность лично увидеть и оценить тот вклад, который внесли иностранные специалисты в создание гигантов советской

промышленности. В то же время они вынуждены были подчиняться правилам игры, predeterminedным развернувшейся пропагандистской войной между СССР и западными державами.

Список литературы

Бедель А. Э. Иностранцы рабочие и специалисты в промышленности Урала // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург : Академкнига, 2000. С. 227.

Богданов А. В. Иностранцы рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск : [Б. и.], 2011. 24 с.

Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.

Ваганова Н. А. Иностранцы граждане в промышленности и на стройках Южного Урала (1930-е гг.) // Выдающиеся представители общественно-политической и духовной жизни Урала : тез. докл. регион. науч. конф. Челябинск : Книга, 1997. С. 91–98.

Гугель Я. С. Воспоминания о Магнитке // Рифей : урал. лит.-краеведч. сб. Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во, 1980. С. 5–26.

За индустриализацию. 1931. 17 авг.

Камынин В. Д. Спецкор «Комсомольской правды» С. Д. Нариньяни на Магнитострое (к 90-летию со дня выхода первого номера газеты «Комсомольская правда») // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 4 (144). С. 97–106.

Коткин С. Будни сталинизма // Скотт Дж. За Уралом : Американский рабочий в русском городе стали. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 13–29.

Кучер В. Н. Первые сталинские начальники Магнитки // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 63–70.

Макаров А. Н. История строительства Магнитогорского металлургического комбината в отражении советского фоторепортажа 1930-х гг. // Наследие предков – молодым : VI Всерос. конкурс на лучшую работу по русской истории : [сайт]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1390-istoriya-stroitelstva-magnitogorskogo-metallurgicheskogo-kombinata-v-otrazhenii-sovetskogo-fotoreportazha-1930-kh-gg> (дата обращения: 08.12.2019).

Нариньяни С. Д. Дорога в совершеннолетие. М. : ОГИЗ : Молодая гвардия, 1932. 125 с.

Нариньяни С. Д. «Ты помнишь, товарищ...» : Очерки о комсомольцах первой пятилетки. М. : Молодая гвардия, 1957. 119 с.

Паздников В. С. Из истории строительства Магнитогорского металлургического комбината // Сб. науч. тр. Магнитогорск. горно-металлургич. ин-та. Вып. 105. Магнитогорск : [Б. и.], 1971. С. 3–13.

Плавская Е. В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестн. РГГУ. Сер.: Исторические науки. 2008. № 4. С. 81–93.

Сергеев С. Социалистическая индустриализация Урала в годы предвоенных сталинских пятилеток. Свердловск : Свердловск. обл. гос. книж. изд-во, 1951. 91 с.

Скотт Дж. За Уралом : Американский рабочий в русском городе стали. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 304 с.

Спасова Л. П. Магнитострой и «Мак-Ки»: столкновение деловых культур // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История и политология. 2010. Вып. 1 (12). С. 100–109.

Тимошенко В. П. Иностранная техническая помощь в Урало-Кузнецком проекте // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 42–47.

Хламкин В. А. Запад и индустриализация России: XX век // Уржумка. 1995. № 1. С. 46–53.

ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 607; Оп. 9. Д. 253; Оп. 10. Д. 696.

Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР : Советский период : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1976. 296 с.

References

Bedel', A. E. (2000). Inostrannye rabochie i spetsialisty v promyshlennosti Urala [International Workers and Specialists in the Industry of the Urals]. In *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*. 2nd Ed. Yekaterinburg, Akademkniga, p. 227.

Bogdanov, A.V. (2011). *Inostrannye rabochie i spetsialisty na predpriyatiyakh Chelyabinska i Magnitogorska (1929–1933 gg.)* [International Workers and Specialists at Chelyabinsk and Magnitogorsk Enterprises (1929–1933)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, S. n. 24 p.

Bugrov, K. D. (2018). *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [The Social Cities of the Greater Urals]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 472 p.

Chernomorskii, M. N. (1976). *Istchnikovedenie istorii SSSR. Sovetskii period. Uchebnoe posobie* [Sources of the History of the USSR. The Soviet Period. A Textbook]. 2nd Ed. Moscow, Vysshaya shkola. 296 p.

Gugel', Ya. S. (1980). Vospominaniya o Magnitke [Memoirs about Magnitogorsk]. In *Rifei. Ural'skii literaturno-kraevedcheskii sbornik*. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 5–26.

Kamynin, V. D. (2015). Spetskor "Komsomol'skoi pravdy" S. D. Narin'yani na Magnitostroe (k 90-letiyu so dnya vykhoda pervogo nomera gazety "Komsomol'skaya pravda") [Special Correspondent of *Komsomolskaya Pravda* S. D. Narignani on Magnitostroy (on the 90th Anniversary of the First Issue of *Komsomolskaya Pravda*)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. No. 4 (144), pp. 97–106.

Khlamkin, V. A. (1995). Zapad i industrializatsiya Rossii: XX vek [The West and the Industrialisation of Russia: The 20th Century]. In *Urzhumka*. No. 1, pp. 46–53.

Kotkin, S. (1991). Budni stalinizma [The Everyday Life of Stalinism]. In Scott, J. *Za Uralom. Amerikanskii rabochii v russkom gorode stali*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 13–29.

Kucher, V. N. (2011). Pervye stalinskie nachal'niki Magnitki [The First Stalinist Heads of Magnitogorsk]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (30), pp. 63–70.

Makarov, A. N. (2011). Istoriya stroitel'stva Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata v otrazhenii sovetskogo fotoreportazha 1930-kh gg. [The History of the Construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works as Reflected in Soviet Photographic Reporting in the 1930s]. In *Nasledie predkov – molodym : VI Vseros. konkurs na luchshuyu rabotu po russkoi istorii* [website]. URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1390-istoriya-stroitelstva-magnitogorchkogo-metallurgicheskogo-kombinata-v-otrazhenii-sovetskogo-fotoreportazha-1930-kh-gg> (accessed: 08.12.2019).

Narignani, S. D. (1932). *Doroga v sovershennoletie* [The Path to Adulthood]. Moscow, Ob"edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv, Molodaya gvardiya. 125 p.

Narignani, S. D. (1957). *Ty pommish', tovarishch. Ocherki o komsomol'sakh pervoi pyatiletki* [Do You Remember, Comrade. Essays on the Komsomol Members of the First Five-Year Plan]. Moscow, Molodaya gvardiya. 119 p.

Pazdnikov, V. S. (1971). Iz istorii stroitel'stva Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata [From the History of the Construction of the Magnitogorsk Iron and Steel Works]. In *Sbornik nauchnykh trudov Magnitogorskogo gorno-metallurgicheskogo instituta*. Iss. 105. Magnitogorsk, S. n., pp. 3–13.

Plavskaya, E. V. (2008). Publitsistika kak vid istoricheskikh istochnikov: problema opredeleniya [Journalism as a Form of Historical Source: The Problem of Determination]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 4, pp. 81–93.

Scott, J. (1991). *Za Uralom. Amerikanskii rabochii v russkom gorode stali* [Beyond the Urals. An American Worker in the Russian City of Steel]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 304 p.

Sergeev, S. (1951). *Sotsialisticheskaya industrializatsiya Urala v gody predvoennykh stalinskikh pyatiletok* [The Socialist Industrialisation of the Urals during the Years of the Pre-War Stalinist Five-Year Plans]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo. 91 p.

Spasova, L. P. (2010). Magnitostroi i "Mak-Ki": stolknovenie delovykh kul'tur [Magnitostroy and McKee: A Clash of Business Cultures]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya i politologiya*. Iss. 1 (12), pp. 100–109.

Timoshenko, V. P. (2011). Inostrannaya tekhnicheskaya pomoshch' v Uralo-Kuznetskom proekte [International Technical Assistance in the Ural-Kuznetsk Project]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (30), pp. 42–47.

TsDOOSO [Documentation Centre of Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 4. List 8. Dos. 607; List 9. Dos. 253; List 10. Dos. 696.

Vaganova, N. A. (1997). Inostrannye grazhdane v promyshlennosti i na stroikakh Yuzhnogo Urala (1930-e gg.) [Foreign Nationals in the Industry and Construction Sites in the Southern Urals (1930s)]. In *Vydayushchiesya predstaviteli obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Urala. Tezisy dokladov regional'noi nauchnoi konferentsii*. Chelyabinsk, Kniga, pp. 91–98.

Za industrializatsiyu [For Industrialisation]. (1931). Aug. 17.

The article was submitted on 15.01.2020

«ОГНЕННЫЙ ВАЛ»: ПИРОТЕХНОЛОГИИ В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ*

Сергей Туров

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

“BARRAGE FIRE”: PYROTECHNICS IN THE TRADITIONAL ECONOMY OF WESTERN SIBERIA AND THE TRANSFORMATION OF THE ENVIRONMENT**

Sergei Turov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article carries out a comprehensive study of the use of open fire in the traditional economy of Western Siberia between the eighteenth and nineteenth centuries. For this purpose, the author studies the use of fire in the Russian peasant economy and by the native population of the region. The region's environment was affected by the use of open fire while the effect of the pyrogenically altered agro-industrial structure of the region. In the article, special attention is paid to the traditional and administrative regulation of the use of fire in economic activities. The ecological-historical method considers landscape and climate zoning in the study of local economic structures. The author uses historical and ethnographic methods, handling data from field ethnography and agricultural history. Documents from the Forest Department of the Ministry of Agriculture and State Property have the greatest potential for the subject explored. Open fire was widely used by Russian peasant farms. Fields and their boundaries were singed in order to destroy stubble and weeds. Last season's grass was burnt in

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19–59–22008 «Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI в.: социально-экологические аспекты».

Citation: Turov, S. (2020). “Barrage Fire”: Pyrotechnics in the Traditional Economy of Western Siberia and the Transformation of the Environment. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1753–1766. DOI 10.15826/qr.2020.5.556.

Цитирование: Turov S. “Barrage Fire”: Pyrotechnics in the Traditional Economy of Western Siberia and the Transformation of the Environment // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1753–1766. DOI 10.15826/qr.2020.5.556 / Туров С. «Огненный вал»: пиротехнологии в традиционном хозяйстве Западной Сибири и трансформация среды обитания // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1753–1766. DOI 10.15826/qr.2020.5.556.

the spring on pastures and meadows. In the north of the region, Russians and indigenous peoples “renewed” the forest areas where they grew berries with the help of fire. The indigenous peoples of the taiga and tundra (Khanty, Mansi, Nenets) set the taiga on fire in order to attract fur-bearing animals and renew areas grown over with reindeer moss. In order to get rid of blood-sucking insects, both Russian cattle breeders and indigenous reindeer herders could not do without smudges. Russian peasants set forests on fire in order to create spacious insect-free pastures. All the aforementioned economic methods, as well as forest industries, often led to disastrous forest fires. They were especially destructive for the agro-industrial structure of northern floodwater cultivation, plunging the economy into a prolonged depression (impoverishment of hunting, fishing, and cedar production). Forest fires in the southern taiga and forest-steppe zones not only led to forest destruction but to soil degradation, marsh drainage, and the shallowing of rivers. The Russian and indigenous communities tried to regulate fire setting and singeing. However, the restrictions quite often existed on paper only. In the mid-nineteenth century, the administration started paying attention to the problem. As a result, singeing of meadows and fields was limited to a certain spring period. At the beginning of the twentieth century, because of mass migration, anthropogenic forest fires occurred more often and, consequently, resulted in a regional catastrophe. The pyrogenic changes in the environment had an adverse effect on the region’s agro-industrial structure. The administration tightened control of the use of open fire in order to achieve economic aims.

Keywords: Western Siberia, traditional agro-industrial structure, forest fires, environmental administration.

Поставлена цель комплексного изучения практик применения открытого огня в традиционном хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в. как русским крестьянством, так и аборигенным населением края. Прослежены последствия этих практик для природной среды региона и обратное воздействие пирогенно измененной среды на агропромышленную структуру. Уделено внимание традиционной регламентации и административному регулированию применения огня в хозяйственной деятельности. Автор применяет историко-этнографический метод, оперирует данными полевой этнографии и аграрной истории. Наибольшим информационным потенциалом по теме статьи обладают материалы фонда Лесного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ. Открытый огонь широко применялся в хозяйствах русского крестьянства региона. Поля и межи опалялись с целью уничтожения стерни и сорняков, выжигалась прошлогодняя трава на пастбищах и покосах. На севере региона русские и аборигены «поновляли» огнем лесные ягодные угодья. Аборигены тайги и тундры (ханты, манси, ненцы) поджигали тайгу с целью привлечения на гари промыслового зверя и обновления старых ягельников. Русское скотоводство и оленеводство аборигенов Севера не могли обходиться без «дымокуров» для отпугивания кровососущих насекомых. Русские крестьяне поджигали леса, чтобы приобрести просторные выпасы, свободные от насекомых. Перечисленные

хозяйственные приемы, а также лесные промыслы часто приводили к катастрофическим лесным пожарам. Особенно разрушительны эти катастрофы были для агропромышленной структуры северного пойменного типа, повергая хозяйство в затяжную депрессию (оскудение охотничьего, рыболовного и кедрового промыслов). Лесные пожары в зоне южной тайги и лесостепи приводили, помимо уничтожения леса, к деградации почвы, к осушению болот и обмелению рек. Показано, что русская и аборигенная общины пытались регламентировать «пожоги» и «палы». Однако часто эти ограничения выполнялись только на словах. В середине XIX в. на проблему обращает внимание администрация. Опаливание лугов и покосов ограничивается определенным весенним периодом. В связи с массовым переселенческим движением антропогенные лесные пожары в начале XX в. возникают все чаще, а их последствия носят характер катастроф регионального масштаба. Пирогенные изменения в среде обитания в конечном счете сказывались на агропромышленной структуре отрицательно. Администрация ужесточает надзор за применением открытого огня в хозяйственных целях.

Ключевые слова: Западная Сибирь, пиротехнологии, традиционная культура, лесные пожары, экологическое администрирование.

Лесные и напольные пожары в Сибири происходят регулярно, однако в последние годы их количество и интенсивность резко увеличились. Так, за период с июня по сентябрь 2019 г. количество пожаров превысило среднегодовые значения примерно в полтора раза. Они стали одними из наиболее масштабных за последние 20 лет, к середине августа охваченная огнем площадь превышала 5 млн га. Пожары стали причиной задымления в крупных городах Сибири и Урала [Сасевич, Васильева]. Сибирские пожары в 2019 г. вызвали широкий общественный резонанс. В результате начался процесс пересмотра законодательства об охране лесов и тушении лесных пожаров [Камзолова]. Насколько подобные катастрофы уникальны и насколько связаны с антропогенным фактором, а также каковы могут быть их последствия, помогают представить исторические свидетельства.

В западносибирской агротехнике XIX – начала XX в. широко применялся открытый огонь. В Тобольском уезде практиковался пожар на жниве с целью уничтожения стерни и сурняков [Власова, с. 30–31]. В Тарском уезде, кроме пашни, прибегали к пожару межей: «Пашни каждую весну опаливаются, и этим истребляются зародыши кобылки и других насекомых» [НА РГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 2]. Повсеместно в Западной Сибири опаливали покосы и пастбища. Именно за этим хозяйственным приемом закрепилось название «сибирский пал»: «Пал (речение областное) – выжигание старой сухой травы на лугах, чтобы она не препятствовала росту новой» [Академический словарь, с. 141]. Сенкосные уголья имелись в изобилии, и крестьяне, чтобы не допускать снижения продуктивности нескошенных в данном году участков, весной (апрель–май) старую траву на них выжигали [Кузне-

цов, с. 128]. Пал позволял также минимизировать трудовые затраты: «Многие косят траву среди кустарников, небольших лесков, на кочковатой и покрытой пнями почве, а приготовить для сенокоса определенные луга не хотят. Эта причина часто более всего заставляет их обращаться с таким усердием к палам» [Там же, с. 128]. На севере региона, в Кондинском крае, в начале XX в. (1915 г.) устраивались палы «в целях создания лучших покосов на межлесных полянах» [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 79–79 об.]. Согласно полевым разысканиям автора статьи, в этой местности покосы выжигали еще в 1950-е гг. На юге нынешнего Ямало-Ненецкого автономного округа (Шурьшкарский район) русские старожилы и коми-зыряне рассказывают, что покосы опаливали еще в 1920–1930-е гг. [Туров, 2011, с. 15].

В северных борах практиковался «ягодный пал». Тобольское управление Министерства земледелия и государственных имуществ (далее – МЗГИ) в 1915 г. сообщало, что в Кондинском крае «население иногда прибегает к огню для выжигания старых кустов ягод, как например брусники, клюквы... в целях освежения их...» [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 79]. С. К. Патканов считал, что кондинские манси и ханты начали выжигать боровые брусничники в 1860–1870-е гг. [Патканов, 2003, с. 37]. В экспедициях 1992–1993 гг. на р. Конду автору удалось записать сведения об этом хозяйственном приеме у местного русского старожильского населения. Так, после «опалки» бор дарил человека высокими урожаями ягод уже через три года. Следы данного хозяйственного приема остались в топонимах. В кондинской пойме есть немало боров с характерными названиями: «новый», «паленый». Пал часто становился причиной лесного пожара. Особенно большую опасность представлял собой пал в лесной полосе Западной Сибири, где было много «дубровных покосов» [Колмогоров, 1856б, с. 15; Патканов, 2003, с. 135]. По оценке С. К. Патканова, на севере региона особенно «чувствительны к огню» были береза и ель, меньше страдали сосна и осина. Он также отмечал, что пал менее всего опасен в низменных лугах [Патканов, 2003, с. 134–135]. По мнению П. И. Кириллова (1830-е гг.), именно палы приносили наибольший урон западносибирским лесам [Кирилов, с. 22]. Это же заключение содержится в материалах ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова (1850–1851 гг.):

Во всей Западной Сибири существует между крестьян обычай опаливать леса... обычай этот бывал нередко причиною истребления десятков тысяч десятин лесу... [РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 10950. Л. 136 об.].

Повсеместно в регионе отмечалось усиление пожароопасности в весенний период, и, конечно, это было связано с палами. Весенние пожары 1827 г. в лесных массивах Туринского уезда, «происходившие во многих местах... отчего подвергали опасности целые селения ясачных вогулов», были связаны с применением огня в крестьянской агротехнике [РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 27. Л. 23]. «Число пожаров в те-

чение этого времени (первая половина мая 1857 г. – С. Т.) сравнительно с предшествовавшими четырьмя месяцами 1857 года было значительно, именно 11; тогда как из числа 37 пожаров, бывших в первые месяцы сего года, не происходило и по пяти на каждые полмесяца» [О происшествиях, 1857, № 13, с. 102]. В мае 1857 г. близ г. Ишима бушевал сильный напольный пожар: «на довольно большом пространстве горели группы деревьев из породы тальника» [Ишимский обыватель, с. 41]. В том же мае 1857 г. в Ялutorовском и Курганском округах «от выжигания трав» сгорело два леса «более двадцати пяти верст в окружности, стадо баранов, несколько стогов сена» [О происшествиях, 1857, № 14, с. 115].

Таким образом, только за один год XIX в. пожары, спровоцированные палами, нанесли ощутимый ущерб в Тобольской губернии. Н. М. Ядринцев писал в 1880-х гг., что «чудовищные палы для выжигания трав» уничтожили строевые леса в Барабинском лесостепье [Ядринцев, с. 12]. Чиновники Томского управления МЗГИ в 1915 г. отмечали: «Из числа возникающих ежегодно в Томской губернии лесных пожаров 75–80 % приходится на апрель-май месяцы, и причиной возникновения их в это время почти исключительно, являются палы...» [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 131]. Главное управление Западной Сибири в начале 1850-х гг., опираясь на выводы ревизии Н. Н. Анненкова, предложило запретить палы. Однако по представлению Совета МЗГИ император утвердил 20 февраля 1853 г. лишь ограничения для «спуска палов» «по 1 мая с строгим наблюдением, постановленным по сему предмету в Уставе пожарных правил» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 2. Л. 2–3 об.]. Вновь вопрос о палах в конце XIX в. поставило Томское управление МЗГИ. 10 марта 1897 г. были утверждены «Правила о мерах предосторожности при выжигании полей, лугов и степей, а также при разведении огня в лесах Томской губернии». К сожалению, правила эти соблюдались плохо «благодаря отсутствию со стороны сельских волостных властей и крестьянских начальников надзора». Как следствие:

...Крестьянские начальники не входят в соглашение с лесничими о времени выжигания полей. Палы пускаются поэтому в большей части без надзора, почему и заходят с крестьянских земель в казенные лесные дачи, где благодаря безлюдью и бездорожью успевают охватить значительные площади...

Вообще Томское управление было за полное запрещение палов и объясняло свою позицию в 1915 г. следующим:

...Выжигание угодий вошло в обычай в то время, когда в пользовании каждого сибирского крестьянина находились сотни десятин, которые он далеко не в полной мере мог обрабатывать и выкашивать, теперь же старожилы обрезаны в своих владениях, и на обрезках, а равно на боль-

шинстве казенных удобных земель водворены переселенцы, и поэтому большинство земель используется населением, а неиспользованное вытаптывается скотом (это же обстоятельство в борьбе с сорными травами вполне заменяет выжигание). Поэтому, а также и потому, что огонь при выжигании полей уничтожает вместе с сорными травами и без того немногочисленный запас крестьянских и казенных лесов, особенно молодняка, а также налет семян, казалось бы своевременным совершенно отменить обычай пускать пал как более вредный, чем полезный, если не повсеместно в губернии, то, по крайней мере, в местах наиболее населенных [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 131–132].

«Спускание палов» регламентировалось крестьянской общиной. Так, кондинские старожилы рассказывали автору статьи, что бор палили весной, «когда вода еще под мхом». Решение об «обновлении бора» принимал деревенский сход. После опалки ягоду собирать запрещалось несколько лет. Для нарушителей заповеди предусматривалось наказание. Не следует, однако, переоценивать значение самоограничения крестьянской общины. Вот что писал по этому поводу С. К. Патканов в 1890-х гг.:

...День для пала выбирают по возможности тихий или, по крайней мере, такой, когда ветер не дует на селение или сплошной лес. Назначается этот день крестьянами на сельском сходе, причем о нем извещают и жителей всех соседних селений. Крестьяне каждого селения, участвующего в этой операции, ставят своих караульных для наблюдения за ходом огня. Но, конечно, *эти предосторожности часто соблюдаются лишь на словах* (выделено мной. – С. Т.) [Патканов, 2003, с. 135].

Однако, если бы даже удалось остановить палы, имелось достаточно хозяйственных занятий, которые часто приводили к пожарам. Комиссия «для ревизования государственных имуществ» Н. Н. Анненкова отметила, что многие из «сибирских жителей»

...занимаются на обширном пространстве пустопорожних мест одною лишь лесною промышленностью, часто по небрежности и беспечности своей, не имея за собой никакого надзору, подвергая леса пожарам, истребляющим их ежегодно во многих местах десятками тысяч десятин [РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 10950. Л. 167 об.].

В описываемый период время уборки урожая повсюду в России сопровождалось учащением пожаров. Дело в том, что оно совпадало с актуализацией лесных промыслов [Максимов, с. 20–24]. Так, за сентябрь 1852 г. только в Тарском и Омском округах произошло восемь крупных напольных пожаров от «неосторожно разведенного в поле огня, которые при сильной буре опустошили огромные пространства и стоили жизни нескольким десяткам человек» [Прошлогодние напольные пожары]. Тобольское Управление МЗГИ в 1915 г. следующим

образом ранжировало причины лесных пожаров за предшествовавший пятилетний период по степени их опасности: 1) опаливание полей и покосов; 2) выжигание переселенцами леса; 3) разжигание костров и дымокуров; 4) курение табака; 5) тлеющие патронные пыжи; 6) «злостные поджоги»; 7) молния; 8) искры из паровозных труб [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 79–79 об.].

Одним из самых пожароопасных хозяйственных применений огня была борьба с кровососущими насекомыми [Туров, 2018]. Дымокуры являлись необходимым элементом местного скотоводства.

Когда едешь, например, летом через Барабу... то вся окрестность кажется далеко застланною дымным туманом... У всех околиц поднимаются густые столбы дыма от зажженных навозных куч, складенных в глубокие ямы и прикрытых сверху дерном, чтобы они дымились, а не пылали [Завалишин, с. 12].

Не менее широко «курево» применялось и в лесной полосе края: «курева (кучи зажженного гнилого лесу и навозу) в домах, во дворах и на пастбищах» [Колмогоров, 1856а, с. 20]. Неудобства, причиняемые гнусом скотоводству, вынуждали крестьян лесных местностей округов Томского, Колыванского, Каинского, а в особенности Тарского, Тобольского, Тюменского и Туринского прибегать в середине XIX в. к поджогам лесов [Там же, с. 20–21].

Еще одной причиной применения огня в лесу являлось стремление приобрести новые пахотные угодья. Однако в Западной Сибири у старожильского крестьянства «росчисть» в рассматриваемый период не получила широкого распространения и еще реже сопровождалась «пожогом» [Туров, 1997]. Так, в Нарымском крае в начале XX в. (1901) в старожильческих населенных пунктах росчисть шла очень медленно. В каждом селении этим занимались не более одного-двух хозяев: «Население ниже Нарыма, в хозяйстве которого главную роль играет рыболовство, расчисткой пашни почти не занимается (Каргасок, Подъельник, с. Тымское)» [РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 208. Л. 69]. Осторожное применение пожога на росчисти в данной местности, возможно, кроме прочего, объясняется грандиозными лесными пожарами, бушевавшими здесь в начале 1830-х, начале 1870-х и в 1899 г. [Там же. Л. 59]. В лесостепной зоне (Северо-Западная Бараба) в начале 1860-х гг. в результате пожаров, которые проводились обычно в мае, в Каинском округе Томской губернии имел место «страшный опустошительный пожар». Крестьяне-старожилы после этой катастрофы стали прибегать к пожогу на росчисти еще реже [Филимонов, с. 151]. На севере региона, там, где заканчивалась зона возможного земледелия, пожары возникали из-за промысловой деятельности и по причине намеренного поджога лесов аборигенами. Уже упоминавшиеся выше кондинские ханты и манси «поновляли» огнем боры не только с целью увеличения урожая ягод, но и для при-

влечения лося на молодой лиственный подрост. Здесь же в бассейне р. Конды с той же целью в 1920-х гг. выжигали леса тупсайские манси [Адаев, с. 140–141]. По свидетельству землеустроителя Г. Н. Тарасенкова, в это же время ханты и манси Березовского района «иногда зажигают огромные массивы леса, но с целью создания молодой поросли для привлечения лося» [ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 601. Л. 19]. В 1918 г. сильно пострадали от огня леса на Надыме. Молва винила в этих пожарах ненцев [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 18–18 об.]. Если они выжигали на Надыме лес, то, вероятно, с целью привлечения на обновленные угодья промыслового зверя.

Возможно также, что в северной тайге боры опаливались с целью обновления ягельников. Так, например, в водоразделе рек Куновата и Казыма в 1931 г. были широко распространены боры, выгоревшие 25–35 лет назад. На р. Куновате они составляли около половины подобных угодий. В этих борах были самые продуктивные ягельники. Очень немного было боров, выгоревших относительно недавно и по этой причине лишенных ягеля. Дело в том, что в опаленных борах ягель появляется спустя несколько лет. Возможно, в данном случае мы имеем дело с управляемым процессом обновления ягельных угодий [Там же. Д. 30]. Причинами лесного пожара могли быть хозяйственные занятия аборигенов. Среди них выделяются дымокуры, призванные уберечь от кровососущих насекомых людей и оленей [Адаев, с. 14].

Результатами применения огня в северной тайге иной раз становились катастрофы регионального масштаба. В 1840-х гг. в Березовском округе лес был уничтожен «на многие сотни верст» [Миненко, с. 50]. Н. К. Хондажевский в 1870-е гг. видел по берегам Надыма обширные пожарища [Хондажевский, с. 14]. Скорее всего, это были следы пожаров, бушевавших здесь около 1853 г. К такому заключению пришли специалисты-землеустроители, побывавшие на Надыме в 1933–1934 гг. В этом же 1853 г. горели леса и в Приуральском районе. «Со слов местных жителей», по р. Собь-Юган в это время выгорели леса на площади в 500 га [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 18–18 об.]. Сильно горели леса на Надыме в 1883 г. Во время этих пожаров «деревья обгорали и валялись с вывернутыми из почвы корнями». Во время уже упоминавшихся пожаров на Надыме 1918 г. «было уничтожено все горючее, почва была оголена до песка» [Там же. Л. 32–38 об.].

Понятно, что в подобных случаях негативные последствия перекрывали все ожидаемые хозяйственные выгоды. Пожары-катастрофы, в результате которых выгорали леса на больших пространствах, повергали хозяйственную структуру оседлого населения средней тайги в депрессивное состояние. От них погибали или долго уходили далее в дебри животные. В конце 1860-х гг. по р. Демьянке, вплоть до Оби, огнем были уничтожены все леса [Патканов, 1999, с. 167]. Еще в 1890-х гг. по этой причине демьянские крестьяне вынуждены были «кортомить» кедровники у аборигенов на большом

удалении от своих поселений [Гамолецкий, с. 241]. Большинство кедровых боров на Средней Оби также погибло в пламени пожаров, часто спровоцированных человеком, уже в конце XIX в. В силу этого, например, старожилы Селеяровской волости Сургутского уезда вынуждены были покупать или «кортомить» кедровый лес в тех местах, где он еще оставался, – в юртах Алекиных, Елыковых, а также у остяков по рекам Малый и Большой Салым [Патканов, 2003, с. 100, 118].

Особенно страшные лесные пожары охватили Среднее Приобье в 1915 г., огромные массивы кедровников были полностью уничтожены. Дым застилал солнце на протяжении 45 дней, из-за чего было остановлено пароходное сообщение, надолго покинул местные урманы соболь, серьезно пострадал рыболовный промысел [Пирожников, с. 92, 123]. Во время катастрофических лесных пожаров в воду рек и озер попадали в большом количестве продукты горения, что могло привести к массовой гибели рыбы. «Жители Березова ранее были богаче, очень многие имели крытые лодки, плавали на промысла. Опустошительные пожары разорили народ», – писал о последствиях лесных пожаров 1890-х гг. в Березовском крае Н. Л. Скалозубов [Скалозубов, с. 360]. На юге региона еще в середине XIX в. отмечалось оскудение лесов в связи с антропогенными пожарами. Удручающей была обстановка, например, в Барабинском лесостепье: «В степи очень мало лесу. Лес давно выгорел. Кроме небольших берез по сторонам дороги, на тысячеверстном почти протяжении не видно никаких других деревьев» [НА РГО. Р. 55. Д. 19. Л. 10 об.].

Однако настоящая катастрофа разразилась в конце XIX – начале XX в., когда в Западную Сибирь двинулся нарастающий поток переселенцев из Европейской России. Данные по Тобольской губернии дают некоторое представление о случившемся. Так, в Тарском уезде рост числа пожаров от небрежного обращения с огнем начинался уже на стадии следования по лесным дорогам партий переселенцев и так называемых ходоков к выделенным участкам [РГИА. Ф. 387. Оп. 7. Д. 40785. Л. 3]. Затем переселенцы приступали к пожогу на рощистах: «...лес сразу не стораит, а обугливается, для уничтожения его переселенцы вынуждены пускать огонь ежегодно» [Там же. Л. 3 об.]. В результате пожоги приводили к лесным пожарам также ежегодно. Так, например, с 1898 по 1901 г. леса здесь горели практически непрерывно. Лес выгорал ежегодно десятками тысяч десятин. В 1901 г. из-за засушливого лета и осени пожары приняли «особенно значительные угрожающие размеры и положительно заволокли густым дымом все окрестности г. Тары» [Там же. Л. 2–3]. При этом первым делом гибли хвойные насаждения, и самые ценные из них – кедровники. От них оставались только топонимы: Николаевский, Васюшкин. Уничтожался плодородный слой почвы, «без которого в будущем едва ли возможно надеяться на урожай хлеба». Исчезновение лесов вело к осушению болот и обмелению рек. Так, в 1900 г. обмелели реки Уй, Шиш, Туй, «чего прежде никогда не бывало», обсохло большинство болот.

В результате в начале XX в. в Тарском уезде в три раза сократились посевы ржи [Там же. Л. 3–3 об.].

Описанные выше или подобные изменения в среде обитания происходили повсеместно. Леса в земледельческой полосе губернии горели сотнями тысяч десятин:

В 1901 г. пострадала от пожара самая ценная лесная дача Тобольской губ. – Илецко-Иковская Курганского у. общей площадью 90 000 дес. (самый южный сосновый массив в степной местности на границе Оренбургской губернии), из которой погибло около четвертой части [РГИА. Ф. 387. Оп. 13. Д. 55843. Л. 13].

В 1915 г. только в Северно-Туртасской казенной лесной даче лес горел на площади 800 тыс. десятин – это были почти все хвойные насаждения данного участка [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 77–77 об.]. В 1915 г. Тобольское управление МЗГИ подвело итог последствиям для лесов края от массивованного применения пожара на росчисти переселенцами:

Многолетний опыт по образованию переселенческих участков в Тобольской губ. показывает, что благодаря отводу таковых в центре дач без всякого соображения о возможности охранить последние от огня, которым поселенцы пользуются в широких размерах для образования на участках полевых угодий, повлекло за собою уничтожение лучших лесных массивов, и там, где лет 10–15 тому назад красовались сосняки и кедровники, ныне имеются лишь обгорелые пни и масса валежа [Там же. Л. 90 об.].

По мнению современных ученых-экологов, период XIX – начала XX в. стал эпохой наиболее интенсивного пирогенного воздействия на леса региона. Лесные пожары в это время происходили на порядок чаще, чем в XVII–XVIII вв. Пожары стали особенно обширными и продолжительными – они длились по несколько лет подряд. Выгорали огромные территории в несколько десятков миллионов гектаров. Особенно большой урон понесли южная тайга, подтаежная и лесостепная зоны. Экологи считают также, что общепринятое на сегодня ландшафтно-климатическое зонирование есть результат наблюдений исследователями начала XX в. уже измененного под антропогенным воздействием ландшафта и климата. Массивованное уничтожение леса антропогенными пожарами привело к почти полному замещению темнохвойных и широколиственных видов мелколистными, а также к аридизации климата [Харитоненков, с. 32].

Таким образом, в XIX – начале XX в. огонь широко применялся в хозяйстве западносибирского крестьянства и аборигенного населения севера региона. В качестве хозяйственного инструмента он являлся атрибутом экстенсивного хозяйствования в условиях слабой заселенности и предназначался для дешевого и быстрого введения

в хозяйственный оборот новых угодий или поддержания в продуктивном состоянии уже имевшихся. Часто огонь вырывался за предназначенные ему рамки хозяйственного инструмента, что приводило к катастрофическим последствиям как для природы, так и для агропромышленной структуры¹. Меры по регламентации и ограничению применения огня в хозяйственных целях, осуществлявшиеся населением и властями, не приносили существенных изменений в эту ситуацию. В результате антропогенных пожаров, вызванных прежде всего хозяйственной деятельностью, в XIX – начале XX в. резко сократились площади, занятые лесами, изменился их видовой состав. На юге региона, кроме этого, произошли кардинальные ландшафтно-климатические сдвиги. Однако только на первый взгляд рассмотренные выше хозяйственные практики и их последствия носили спонтанный характер, граничивший с хаосом. Несмотря на все издержки, вектор происходивших изменений был направлен на трансформацию природы (пространства) в среду обитания, в достаточной степени упорядоченную и отвечающую основным требованиям традиционной агропромышленной структуры.

Список литературы

Адаев В. Н. Дым над тайгой и тундрой: огонь в культуре северных народов Западной Сибири как средство преобразования среды обитания // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 138–145. DOI 10.20874/2071-0437-2018-41-2-138-147.

Академический словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Т. 3. 591 с.

Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1984. 232 с.

Гамолецкий К. В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1998. С. 218–299.

ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 601.

ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30, 80.

Завалишин И. Описание Западной Сибири : в 3 т. М. : Изд. О-ва распространения полезных книг, 1865. Т. 2. 276 с.

Ишимский обыватель. Сообщения из Ишима // Тобол. губерн. вedom. 1857. № 8. С. 41–42.

Камзолова А. Минприроды предлагает поменять систему тушения лесных пожаров // Рос. газ. : [сайт]. 2019. 26 сент. URL: <https://rg.ru/2019/09/26/minprirody-predlagaet-pomeniat-sistemu-tusheniia-lesnyh-pozharov.html> (дата обращения: 21.08.2020).

Кирилов П. И. Очерк Сибири. СПб. : [Б. и.], 1839. 41 с.

Колмогоров Г. Очерк лесов и лесных промыслов Северо-Западной Сибири // Журн. М-ва внутр. дел. 1856а. № 10. С. 12–29.

Колмогоров Г. Город Тара и его округ Тобольской губернии // Журн. М-ва внутр. дел. 1856б. № 20. С. 5–38.

Кузнецов Д. Сибирские палы // Томск. губерн. вedom. 1863. № 20. С. 125–128.

¹ Эти катастрофы своеобразно преломлялись в искусстве Урала: в живописи можно назвать картины А. К. Денисова-Уральского [Budrina], в литературе – произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка [Соболева].

- Максимов С. В.* По русской земле. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2013. 960 с.
- Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : ист.-этногр. очерк. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
НА РГО. Р. 55. Оп. 1. Д. 19; Р. 61. Оп. 1. Д. 24.
- О происшествиях в Тобольской губернии за первую половину мая 1857 года // Тобол. губерн. ведом. 1857. № 13. С. 102–103.
- О происшествиях в Тобольской губернии за вторую половину мая 1857 года // Тобол. губерн. ведом. 1857. № 14. С. 115–116.
- Патканов С. К.* По Демьянке: Бытовой и экономический очерк // Патканов С. К. Соч. : в 2 т. Тюмень : Изд-во Мандрика, 1999. Т. 1. С. 123–183.
- Патканов С. К.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии : в 5 т. Тюмень : Изд-во Мандр и К^о, 2003. Т. 4. Ч. 3. 336 с.
- Пирожников Г.* Обь-Иртышский Север : этногр. очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север : ист.-краеведч. сб. Ханты-Мансийск ; Сургут : Сев.-Сиб. регион. книж. изд-во, 2002. С. 90–191.
- Прошлогодние напольные пожары в Тобольской губернии // Журн. М-ва внутр. дел. 1853. № 3. С. 13–15.
- РГИА Ф. 387. Оп. 2. Д. 10950; Оп. 7. Д. 40785. Оп. 13. Д. 55843. Оп. 18. Д. 68903; Ф. 1265. Оп. 2. Д. 2; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 208; Ф. 1376. Оп. 1. Д. 27.
- Сасевич Ю., Васильева А.* Природа свое сожжет // Коммерсантъ. 2019. 13 авг. С. 3.
- Скалозубов Н. Л.* Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург : Средне-Урал. книж. изд-во, 1998. С. 359–390.
- Соболева Л.* Природные стихии в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 52–70. DOI 10.15826/qr.2015.2.095.
- Туров С. В.* К вопросу об экологических аспектах сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 141–148.
- Туров С. В.* Экологические аспекты производящих отраслей традиционного хозяйства старожильского населения (русские, коми) Обдорского края (конец XVIII – первая треть XX века) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитар. исслед. 2011. № 2. С. 12–19.
- Туров С.* Освоение Западной Сибири в аспекте исторической энтомологии (XVII – начало XX в.) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 2. С. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.
- Филимонов Е. С.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб. : Тип. «Счетовод» Г. Букешина, 1892. 212 с.
- Харитonenков М. А.* Преобразование лесного покрова юга Западно-Сибирской равнины в XVII–XIX вв. в результате ее освоения переселенцами // Лесоведение. 2012. № 5. С. 29–35.
- Хондажевский Н. К.* Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1880. Кн. 2. С. 78–109.
- Ядрищев Н. М.* Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1880. Кн. 2. С. 1–147.
- Budrina L.* Wildfire in A. K. Denisov-Uralsky's Canvases: Destinies of the Paintings // Quaestio Rossica. 2015. № 2. Р. 41–51. DOI 10.15826/qr.2015.2.094.

References

- Adaev, V. N. (2018). Dym nad taigoi i tundroi: ogon' v kul'ture severnykh narodov Zapadnoi Sibiri kak sredstvo preobrazovaniya sredy obitaniya [Smoke over Taiga and Tundra: Fire in the Culture of the Northern Peoples of Western Siberia as a Means of Transforming the Environment]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 2 (41), pp. 138–145. DOI 10.20874/2071-0437-2018-41-2-138-147.

Akademicheskii slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk v 4 t. [An Academic Dictionary of the Church-Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. (1847). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 3. 591 p.

Budrina, L. (2015). Wildfire in A. K. Denisov-Uralsky's Canvases: Destinies of the Paintings. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 41–51. DOI 10.15826/qr.2015.2.094.

Filimonov, E. S. (1892). *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Severo-Zapadnoi Baraby, ili Spasskogo uchastka Kainskogo okruga Tomskoi gubernii* [The Economic Life of State Peasants and Foreigners of the North-Western Baraba, or the Spassky Section of Kainsk District, Tomsk Province]. St Petersburg, Tipografiya "Schetovod" G. Bukeshina. 212 p.

Gamoletskii, K. V. (1998). Dem'yanskaya volost' [Demyansk Volost]. In *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka*. Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 218–299.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 3977. List 1. Dos. 601.

GAYaNAO [The Yamal-Nenets Autonomous District State Archive]. Stock 12. List 1. Dos. 30, 80.

Ishim citizen (1857). Soobshcheniya iz Ishima [Messages from Ishim]. In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 8, pp. 41–42.

Kamzolova, A. (2019). Minprirody predlagaet pomenyat' sistemu tusheniya lesnykh pozharov [The Ministry of Nature Suggests Changing the System of Fighting Forest Fires]. In *Rossiiskaya gazeta* [website]. 26 September. URL: <https://rg.ru/2019/09/26/minprirody-predlagaet-pomeniat-sistemu-tusheniia-lesnyh-pozharov.html> (accessed: 21.08.2020).

Kharitonov, M. A. (2012). Preobrazovanie lesnogo pokrova yuga Zapadno-Sibirskoi ravniny v XVII–XIX vv. v rezul'tate ee osvoeniya pereselentsami [Transformation of the Forest Cover of the South of the West Siberian Plain in the 17th–19th Centuries as a Result of Its Development by Settlers]. In *Lesovedenie*. No. 5, pp. 29–35.

Khondazhevskii, N. K. (1879). Zimnee issledovanie nagornogo berega Irtysha ot Tobol'ska do Samarova i severnykh tundr mezhdru Obskoyu guboyu i Surgutom [Winter Research of the Mountainous Shore Front of Irtysh from Tobolsk to Samarovo and the Northern Tundra between the Gulf of Ob and Surgut]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Book 2, pp. 78–109.

Kirilov, P. I. (1839). *Ocherk Sibiri* [An Essay on Siberia]. St Petersburg, S. n. 41 p.

Kolmogorov, G. (1856a). Ocherk lesov i lesnykh promyslov Severo-Zapadnoi Sibiri [Essay on Forests and Forest Industries of North-Western Siberia]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. No. 10, pp. 12–29.

Kolmogorov, G. (1856b). Gorod Tara i ego okrug Tobol'skoi gubernii [Tara Town and Its District of Tobolsk Province]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. No. 20, pp. 5–38.

Kuznetsov, D. (1863). Sibirskie paly [Siberian Sites of Fire]. In *Tomskie gubernskie vedomosti*. No. 20, pp. 125–128.

Maksimov, S. V. (2013). *Po russkoi zemle* [On Russian Soil]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 960 p.

Minenko, N. A. (1975). *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoi polovine XIX v. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – First Half of the 19th Centuries. An Historical and Ethnographic Sketch]. Novosibirsk, Nauka. 308 p.

NA RGO [Scientific Archive of the Russian Geographical Society]. Stock 55. List 1. Dos. 19; Stock 61. List 1. Dos. 24.

O proisshestviyakh v Tobol'skoi gubernii za pervuyu polovinu maya 1857 goda [On Incidents in Tobolsk Province in the First Half of May 1857]. (1857). In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 13, pp. 102–103.

O proisshestviyakh v Tobol'skoi gubernii za vtoruyu polovinu maya 1857 goda [On Incidents in Tobolsk Province in the Second Half of May 1857]. (1857). In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 14, pp. 115–116.

Patkanov, S. K. (1999). Po Dem'yanke: bytovoï i ekonomicheskii ocherk [Dem'yanka: An Essay on Everyday Life and Economy]. In Patkanov, S. K. *Sochineniya v 2 t.* Tyumen, Izdatel'stvo Mandrika. Vol. 1, pp. 123–183.

Patkanov, S. K. (2003). *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoi gubernii v 5 t.* [The Economic Way of Life of the State Peasants and Foreigners of Tobolsk District, Tobolsk Province. 5 Vols.]. Tyumen, Izdatel'stvo Mandr i Co. Vol. 4. Part 3. 336 p.

Pirozhnikov, G. (2002). Ob'-Irtyskii Sever. Etnograficheskii ocherk [The North of Ob-Irtysk. An Ethnographic Essay]. In *Takoi dalekii i takoi blizkii Ob'-Irtyskii sever. Istoriko-kraevedcheskii sbornik. Khanty-Mansiysk, Surgut, Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo*, pp. 90–191.

Proshlogodnie napol'nye pozhary v Tobol'skoi gubernii [Last Year's Field Fires in Tobolsk Province]. (1853). In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* No. 3, pp. 13–15.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 387. List 2. Dos. 10950; List 7. Dos. 40785; List 13. Dos. 55843; List 18. Dos. 68903; Stock 1265. List 2. Dos. 2; Stock 1273. List 1. Dos. 208; Stock 1376. List 1. Dos. 27.

Sasevich, Yu., Vasilieva, A. (2019). Priroda svoe sozhzhet [Nature Will Burn in Its Own Way]. In *Kommersant*. 13 August, p. 3.

Skalozubov, N. L. (1998). Dnevnik [Diary]. In *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh syl'nykh XIX – nachala XX veka.* Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 359–390.

Soboleva, L. (2015). Prirodnye stikhii v romane D. N. Mamina-Sibiryaka "Khleb" [Elements of Nature in D. N. Mamin-Sibiryak's Novel *Bread*]. In *Quaestio Rossica.* No. 2, pp. 52–70. DOI 10.15826/qr.2015.2.095.

Turov, S. (2018). Osvoenie Zapadnoi Sibiri v kontekste istoricheskoi entomologii (XVII – nachalo XX v.) [The Development of Western Siberia in the Context of Historical Entomology (17th – Early 20th Centuries)]. In *Quaestio Rossica.* Vol. 6. No. 2, pp. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.

Turov, S. V. (1997). K voprosu ob ekologicheskikh aspektakh sel'skogo khozyaistva Zapadnoi Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX vv. [The Ecological Aspects of Agricultural Issues in Western Siberia in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* Iss. 1, pp. 141–148.

Turov, S. V. (2011). Ekologicheskie aspekty proizvodnykh otarasel traditsionnogo khozyaistva starozhil'cheskogo naseleniya (russkie, komi) Obdorskogo kraia (konets XVIII – pervaya tret' XX veka) [The Ecological Aspects of Production Industries among the Old Resident Traditional Farming Population (Russians, Komi) in Obdorsk Region (Late 18th – First Third of 20th Centuries)]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya.* No. 2, pp. 12–19.

Vlasova, I. V. (1984). *Traditsii krest'yanskogo zemlepol'zovaniya v Pomor'e i Zapadnoi Sibiri v XVII–XVIII vv.* [Traditions of Peasant Land Tenure in Pomorye and Western Siberia in the 17th–18th Centuries]. Moscow, Nauka. 232 p.

Yadrintsev, N. M. (1880). Poezdka po Zapadnoi Sibiri i v Gornyi Altaiskii okrug [A Trip to Western Siberia and the Altai Mountain District]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva.* Book 2, pp. 1–147.

Zavalishin, I. (1865). *Opisanie Zapadnoi Sibiri v 3 t.* [Description of Western Siberia. 3 Vols.]. Moscow, published by Obshchestvo rasprostraneniya poleznykh knig. Vol. 2. 276 p.

The article was submitted on 17.05.2020

Hereditas:
nomina
et scholae

Nikolai Rubinstein in his study. Photograph.
Early 1960s

Hereditas:
nomina et scholae

PARTY POLITICAL COURSE AND UKRAINIAN HISTORY IN THE USSR* **

Yakov Lazarev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article offers contextual analysis of unpublished editorials from one of the issues of *Voprosy Istorii* academic journal, published in 1955. The issue focuses on the problems of studying the history of Ukraine and was written by N. L. Rubinstein, an outstanding Soviet historian and historiographer. The historian discusses the problems related to the history of Ukraine between the fifteenth and nineteenth centuries, as well as the formulation of the academic heritage of pre-revolutionary historians and the “school” of M. S. Grushevsky. The need to overcome a dependence on the conceptual heritage of “Ukrainian bourgeois-nationalist historiography”, which, according to the historian, practically leveled the achievements of Ukrainian scholars, is a red thread through the article. A kind of “familiar track effect” caused significant gaps in the study of Ukrainian 17th- and 18th-century history, as well as the dominance of negative assessments in understanding the process of integration of Ukraine into the Russian state. For the first time in Soviet historical science, the unpublished editorial voiced the need to overcome the monopoly on the study of Ukrainian history held exclusively by institutions of the Ukrainian SSR. In this regard, Rubinstein paid special attention to the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, which, in his view, had to be transformed into a key organisational centre for future research. All this suggests a potential divide in the academic study of Ukrainian history in the USSR and its conceptual rethinking, since Rubinstein was highlighting existing research issues. Via the case study of the unpublished Rubinstein editorial, the author demonstrates how the production of academic texts and regulation of research in the USSR were

* This work is financially supported by a grant of the president of the Russian Federation meant to support young Russian scholars; the topic of the research is *The ‘Cossack State’ in Moscow; Mechanisms of Preservation and Reproduction of the Ukrainian National Narrative in Soviet Academic Works (1934–1956)* (МК-73.2019.6). Agreement 075–15–2019–1134 as of 13.06.2019. The author would like to express warm gratitude to M. A. Kiselyov, PhD (History), senior researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences and V. V. Tikhonov, Dr. Hab. (History), for assistance, valuable advice, and comments which helped the author in carrying out the research.

** Citation: Lazarev Ya. (2020). Party Political Course and Ukrainian History in the USSR. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1769–1784. DOI 10.15826/qr.2020.5.557.

Цитування: Lazarev Ya. Party Political Course and Ukrainian History in the USSR // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1769–1784. DOI 10.15826/qr.2020.5.557.

closely intertwined with administrative academic positions and personal connections of Moscow academics and Ukrainian historians (sometimes informally). Under these conditions, the directives of the party leadership at the centre and in the provinces fell into a certain dependence on the internal organisation of the academic community. Existing personal connections opened the way for a kind of academic lobbyism. This kind of lobbying paved the way for the entry of controversial ideas, interpretations, and conceptions that did not fit into the existing ideological framework in the difficult political conditions of the day.

Keywords: history of Ukraine, Academy of Sciences, N. L. Rubinstein, A. M. Pankratova, *Voprosy Istorii*.

Представлен анализ концептуального, но неизданного проекта редакционной статьи журнала «Вопросы истории» (1955). Она была посвящена проблемам изучения истории Украины и написана выдающимся советским историком Н. Л. Рубинштейном. Основное внимание ученый сосредоточил на проблемах истории Украины XV–XIX вв., а также на рецепции научного наследия дореволюционных историков и школы М. С. Грушевского. Утверждалась необходимость пересмотра идей «украинской буржуазно-националистической историографии», которые практически нивелировали достижения украинских историков. Своеобразный «эффект колеи» обусловил существенные лакуны в изучении украинской истории XVII–XVIII вв., а также доминирование негативных оценок в понимании процесса интеграции Украины в состав Российского государства. Впервые в советской исторической науке озвучивалась мысль о необходимости преодоления монополии на изучение украинской истории институциями УССР. Особое внимание Рубинштейн уделял работе Института истории АН СССР, который следовало трансформировать в ключевой организационный центр научно-исследовательской деятельности. Все это создавало потенциальную развилку в научном изучении украинской истории в СССР и ее концептуальном переосмыслении. На примере сюжета с отказом в издании работы Н. Л. Рубинштейна в статье показывается, как производство научных текстов и регулирование научного процесса в СССР были тесно переплетены с научно-административными позициями и личными связями московских академических и украинских историков (подчас неформального характера), что открывало дорогу для своего рода «научного лоббизма». Это позволяло в непростых политических условиях обговаривать идеи, трактовки и концепции, не вписывавшиеся в существовавшие идеологические установки.

Ключевые слова: история Украины, Академия наук, Н. Л. Рубинштейн, А. М. Панкратова, «Вопросы истории».

To fully understand the development of Soviet historical studies, one must take into account the difficult question of the level of influence of contemporary political and ideological trends upon the writing

of history in the USSR. Sometimes such influence was elevated to the absolute, especially in the context of the study of national historiographies of the former Soviet republics. For this reason, it is important to describe the often invisible role of Moscow academic historians, i. e. their scholarly views and personal ties, with respect to their choosing and promoting of the 'politically proper' course for the interpretation of national histories and their conceptualization within the framework of the all-Union historiographic narrative. In modern Ukrainian historiography, Ukrainian historians of that time are mostly described as victims of the "totalitarian Moloch", fighting against the persistent denationalization of their own history, while managing to preserve their national historiographic heritage under the most challenging circumstances (primarily, the so-called "school" of M. S. Grushevsky) [Ясь].

I consider the problem stated above through a case study of the history of an unpublished editorial in the academic journal "Voprosy istorii", which formulated some of the problems facing the study of the Ukrainian history and, more broadly, the academic work of Ukrainian historians [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 12. Д. 12. Л. 2–10]. Intellectual history scholar, B. E. Stepanov, points out that "the study of Soviet periodicals in the post-war period remains a rather marginal field, both for intra-disciplinary historiographic reflection and for the history of Soviet science" [Степанов, с. 227]. It is difficult to disagree with his assessment, given the scarce developments in this area to date [Сидорова, 2000].

I chose to showcase the academic journal *Voprosy istorii* due to the fact that it has long had the status of a leading organ for historical studies in the USSR, including the Union republics. This journal was the only all-Union periodical that informed the wider public about developments in historical studies in the USSR (including the Union republics) and abroad. The journal reported on the work of academic and educational institutions, dissertation defenses, and reviewed important historical works. The decisive period in the history of the journal is associated with the leadership of Academician A. M. Pankratova. This prominent organizer of the historical scholarship of her time, and ardent conductor of the party line on the historical front, served as the journal's editor-in-chief between 1953 and 1957.

A key element in the construction of the journal's editorial policy were the editorial articles opening each issue. In the language of the time, such an editorial was called a *peredovaya*, and later, *peredovitsa*. These articles were often anonymous, symbolically emphasizing the unified, collective opinion of the Editorial Board, which gained a symbolic capital that was higher than that of regular academic discussions. Little is known about the authorship and pre-publication editing of these articles. As such, it is a great success to find a draft or manuscript copy of such an editorial (or prospective editorial).

In the case of the draft editorial by N. L. Rubinstein, it was written during the transformation of the journal "Voprosy istorii" in 1952–1953. At the closing stages of Stalinism in 1952, "Voprosy istorii" was

severely criticized for their unsatisfactory work, first in the “Bolshevik” magazine (No. 13), and then in the editorials of “Voprosy istorii” itself. The starting point for these attacks were critical remarks made at the 19th Congress of the VKP(b) – CPSU by G. M. Malenkov in his speech about the incorrect interpretation of the national histories of Kazakhstan and Azerbaijan. The 9th and the 12th issues of “Voprosy istorii” (1952) featured anonymous editorials that, in accordance with popular practice of “criticism and self-criticism”, indicated a number of “ideological and theoretical shortcomings” to the editors, headed then by P. N. Tretyakov. These shortcomings were primarily associated with criticism aimed at the work of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, and the journal in question was its de facto press organ. Among the identified shortcomings, the critics highlighted the following: first, the organization of the discussion “On the historical significance of the annexation of non-Russian nations to Russia”. Presumably, the concept of the “least evil” by M. V. Nechkina had been confusing historians of some national republics when assessing certain historical events, while also jeopardizing their fight against “bourgeois nationalism”. Secondly, not enough was done to “highlight the invaluable assistance that the great Russian nation provided to all the nations of our country.” The latter was explained by the remnants of the influence of the M. N. Pokrovsky historical school, as well as by the insufficient efforts of the Institute of History in “raising qualified specialists in the history of the Union republics”. The editorial board was reminded that “the party press has repeatedly pointed out the shortcomings and mistakes of the journal “Voprosy istorii””, so their activities were “by a special resolution of the Presidium Of the Academy of Sciences of the USSR on October 17, 1952, rightly evaluated as unsatisfactory” [За дальнейший подъем, с. 11–12]. Other comments criticized shortcomings in the study of the history of Soviet society (the descriptive nature of works, the lack of proper criticism of a number of studies), as well as the lack of criticism of the unwelcome theories of N. Ya. Marr in archaeology (pejoratively referred to as “marrism”) [Против субъективистских ошибок; Покончить с проявлениями марризма]. Such devastating criticism should have been followed by serious organizational reforms. However, such reforms were implemented only after Joseph Stalin’s death in the spring of 1953.

On 28 May 1953, the head of the Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU, A. A. Rumyantsev, prepared a report on the journal, “Voprosy istorii”, addressed to N. S. Khrushchev. It summed up the previously stated shortcomings, which did not allow the journal “to fulfill the role of the leading organ for the historical science”, and to participate in “a resolute struggle against bourgeois-nationalist perversions”. The author of the report stressed that the journal did not pay attention to the work of “central or local research institutions” and did not influence them in any way (one of the examples being the Institute of History of the USSR Academy of Sciences). Moreover, the journal’s

editorial board broke away from the “wider academic community”, relied on a “narrow circle of authors”, and did not provide adequate assistance to young researchers. As a result, Rumyantsev proposed to appoint A. M. Pankratova (a member of the “Voprosy istorii” editorial board) as the new Editor-in-Chief, and E. N. Burdzhakov as her Deputy [Академия наук в решениях Политбюро, с. 65–66].

An abridged version of Rumyantsev’s proposals were included in the Resolution of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU from 28 May 1953, “On measures to improve the journal “Voprosy istorii”, which was classified as “top secret”. The final version of the document omitted the most odious charges, such as manifestations of “liberalism” towards “marrism” “in the field of history”, the “narrowness” of the circle of published authors, the wrongness of the “direction” of academic institutions, including the USSR Academy of Sciences Institute of History, and removed ideological slogans about turning the journal into the “leading organ of the Soviet historical studies.” However, the final resolution did preserve Rumyantsev’s key objection, that the journal “does not pay due attention to the study of the history of the nations of the USSR¹, nor does it provide due assistance in this matter to historians of the Soviet republics” [Академия наук в решениях Политбюро, с. 63–64]. Thus, the harsh criticism of the journal “Voprosy istorii”, which unfolded at the end of Stalin’s primacy, became the basis for re-organizational decisions, taken later, after the former leader’s death and the associated collapse of the “zhdanovschina”² (1946–1953) in historical studies. As a result, the main and permanent objective that was formulated for the new editorial board, headed by A. M. Pankratova (1897–1957), was active participation of the journal in the study of the history of the constituent nations of the USSR, as well as it giving academic and methodological assistance to historians in the republics. Taking into account such objectives, the choice of A. M. Pankratova to head the journal looked absolutely logical. Pankratova had previously led the publication of a number of collective works on the history of the nations of the USSR (“History of the Kazakh SSR”, 1943). She had also actively participated in discussions on the processes through which various Soviet nations entered into the Russian state, and acted as a leading expert on the mistakes made by historians of the Soviet republics (“History of Ukraine: a Short Course”, 1940) [Тихонов 2016, с. 105, 192–193; Письма Панкратовой, с. 54–56, 59, 62–66; Єкельчик, с. 145–180; Сидорова, 2012; Інститут історії України, 2011, с. 587–588]. To understand how Pankratova followed the above mentioned objectives, which had their roots in the late Stalinist era, our focus now turns to one important source: a draft editorial written by the Soviet historian *Nikolai Leonidovich Rubinstein* (1897–1963), dedicated

¹ The draft resolution included “history of the formation and the development of the Soviet Socialist Nations”.

² Repressive policy against the creative class, the intelligentsia, is originally associated with the name of A. A. Zhdanov (1896–1948), who was fond of the practice coined as “criticism and self-criticism”.

to the problems in the study of Ukrainian history in the USSR. This historian is better known as a specialist in the historiography of Russia³, rather than Ukrainian history. An exception is in the portrayal offered within the comprehensive academic memoir by S. S. Dmitriev (1964), in which the author, who was a friend and colleague of Rubinstein, used many of the historian's personal papers. The Ukrainian researcher N. N. Yusova also adds much to our understanding of Rubinstein's academic interests. The academic life of N. L. Rubinstein was rather difficult. According to Rubinstein himself, and his biographer, S. S. Dmitriev, the historian became interested in the conceptual study of Russian history as early as his gymnasium studies, before divining his calling as the study of the socio-economic history of Russia in the 18th and the 19th centuries. [Рубинштейн, 1962; Запуба, с. 265]. However, in the context of Ukrainization of higher education in the Ukrainian SSR (teaching in Ukrainian, emphasis on the history of the Ukraine), Rubinstein had to adjust his initial plans, turning instead to the study of the history of Kievan Rus. Despite this reorientation, Rubinstein's letters to his family reveal that new Ukrainian history themes – the era of Bohdan Khmelnytsky and Russian-Ukrainian relations in the 17th and the 18th centuries – greatly attracted the young researcher during his postgraduate studies at the Odessa Institute of Public Education (under the supervision of M. E. Slabchenko) [Дмитриев, с. 434]. In the 1920s and 1930s, Rubinstein began to explore the field of historical sociology, engaging in discussions about creating a real Marxist concept for Ukrainian history, which should be freed from the legacy of “old nationalistic concepts”⁴. The analysis of Rubinstein's writings and documents from this period shows that the politicized discussions among various Ukrainian historians about formulating the “right course” for the history of Ukraine were an important issue for Rubinstein. As a result of these discussions, a number of Ukrainian researchers were subjected to political repression as “bourgeois nationalists” (arrest of M. I. Yavorsky; criticism and defeat of the “school” of M. S. Grushevsky) [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 12. Д. 1. Л. 39–39 об.]. This stage in the development of Soviet Ukrainian studies coincided with Rubinstein's move from Odessa to Moscow. The historian's relocation to the capital coincided with a break with his academic supervisor, M. E. Slabchenko, for whom Rubinstein turned from being one of the most talented and promising students into “a socially alien element for the Soviet science.” This conflict was evidently worsened by a heavy teaching load, tiring teaching in the Ukrainian language⁵ and various

³ It is enough to refer to the contents of the first obituaries and the latest biographical publications. In addition, N. L. Rubinstein himself did not specifically mention the works he wrote or lectures on Ukrainian history [Рубинштейн, 1962].

⁴ The First all-Union conference of Marxist Historians (December 28, 1928 – January 4, 1929) may be considered the starting point.

⁵ “I work in the IPE. Ukrainian language spoils my mood. <...> I feel quite silly when a student addresses me in Russian during classes, and I – following the orders – answer him in Ukrainian.”

part-time jobs outside the University, which jeopardized the academic work of Rubinstein [ДМИТРИЕВ, с. 437, 444; Заруба, с. 153–154, 228]. In Moscow, Rubinstein did not relinquish his historical and sociological studies and even expanded into teaching special courses and seminars on Ukrainian history and historiography at the Moscow Institute for Philosophy, Literature and History (MIFLI)⁶ (1936–1937), as well as at Moscow State University (1940–1941). The historian periodically gave additional, standalone lectures at the Historical and Philosophical Institute of the People's Commissariat for Education⁷ (1936), where he also conducted seminars that were interrupted in the early 1940s. In the 1930s, N. L. Rubinstein did, however, give up writing articles on the history and historiography of Ukraine. An explanation for this shift is preserved in one of the undated versions of the historian's brief autobiography (possibly drafted in the late 1930s). According to Rubinstein, his "broader academic work was hindered by my fundamental differences with employees who were in charge of academic work at that time" – namely, S. I. Piontkovsky and N. N. Vanag (both executed in 1937). The latter, according to Rubinstein, criticized Rubinstein's "minor research work" on the "national-class struggle in Ukraine in 1648–1654", as "inconsistent with the general party line" and barred it from publication [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 1. Д. 1. Л. 18 об.]. Despite this set back, Rubinstein subsequently managed to take on an important role as a specialist in Ukrainian history. This was not even prevented by the persecution that the historian was subjected to as part of the campaign against cosmopolitanism in historical studies in the late 1940s [ТИХОНОВ, 2016, с. 89, 134–135, 162, 174, 201–202, 204–205, 207]. As a reviewer, he analyzed academic articles and monographs of Ukrainian historians that were being prepared for publication or had already been published [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 1. Д. 6, 13, 14; К. 24. Д. 7, 20; Рубинштейн, 1954]⁸. Close cooperation with the "Voprosy istorii" journal played an important part in securing Rubinstein's status as a non-Ukrainian expert on Ukrainian history.

Largely due to this acknowledged expert status, N. L. Rubinstein was commissioned to prepare an editorial on the study of Ukrainian history in the USSR. The historian worked on the project in the first half of 1955, after the celebration of the 300th anniversary of the reunification of Ukraine with Russia. We can only guess about his true motives for writing the piece. In an undated letter to the Deputy editor-in-chief of "Voprosy istorii", E. N. Burdzhhalov⁹, Rubinstein wrote that "upon agreement", he submitted "a draft of some of my ideas on the desirable content of the planned article

⁶ Moscow Institute of Philosophy, Literature and History named after N. G. Chernyshevsky, later merged with Moscow State University in 1941.

⁷ People's Commissariat of the Enlightenment.

⁸ In this case, we are talking about the remarks and reviews of N. L. Rubinstein on published or prepared for publication or defense works of Ukrainian historians of the Soviet era (V. A. Golubitsky, K. G. Guslisty, etc.).

⁹ Most likely, the letter refers to the first half of 1955.

on the history of Ukraine, and a number of outlines for the specific subject”, the typescript of which was attached to the letter. According to Rubinstein, his observations were “merely indicative” in nature. At the end of the letter, he expressed hope that his notes “will not be completely useless” during the preparation of the editorial [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 12. Д. 12. Л. 1].

Rubinstein’s “notes” constitute a detailed analysis of the successes and, most importantly, the problems and shortcomings evident in the study of Ukrainian history. It is the latter that deserves our closest attention. The first important point made by Rubinstein was his emphasis of the low number of publications by Ukrainian historians, who at that time had neither completed work on an academic two-volume History of the Ukrainian SSR, nor had they published sufficient “serious academic monographs”, preferring to publish “popular science publications and bulletins”. Another shortcoming of the Ukrainian academic community was the irregularity in its issuing of various “Academic notes” – often the only source for recent academic studies in provincial centers. As a result, “certain periods and stages of Ukrainian history were researched inadequately.” Rubinstein gave as an example the study of the formation of the “Ukrainian people-nation” in the 14th-16th centuries, which in the interpretation of the leading Moscow slavist, V. I. Picheta, was “not supported by serious research”, and “the formulation of questions of economic and social development of this period ... did not go beyond the factual material accumulated by bourgeois historiography and <therefore> required critical assessment, analysis and reinterpretation from the standpoint of Marxist methodology” [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 12. Д. 12. Л. 3–4]. Rubinstein’s dissatisfaction with one of the leading Soviet slavists could have been caused by the differences between Picheta and Rubinstein in their perception of the above issue, following correspondence between them which discussed the problem of understanding the history of Russia and Ukraine in the 17th and the 18th centuries¹⁰.

Rubinstein, in particular, pointed to significant gaps in the study of 17th and 18th century Ukrainian history. The key factor hindering the academic study of this period was, according to the historian, the “perversions” of Ukrainian bourgeois-nationalist historiography. Rubinstein made his case by studying the socio-economic and political aspects of Russian-Ukrainian relations:

“The development of serfdom relations in Ukraine has not been properly studied, as a result of which there are still claims that serfdom in Ukraine was imposed by Russian politics, following the unification of Ukraine with Russia.

Ukrainian bourgeois-nationalist historiography also introduced many ‘perversions’ into the interpretation of Russian-Ukrainian relations in the first quarter of the 18th century (e. g., I. Dzhidzhora’s works). Likewise,

¹⁰ In this case, we are talking about the review by V. I. Picheta of the article by N. L. Rubinstein titled “History of the USSR” (232 p.) in the “Great Soviet Encyclopedia” (1947). This review contained numerous comments about Ukrainian history of the 17th and 18th centuries. Picheta noted: “It was not the division (of Ukraine under the Andrusov Truce of 1667. – *Ya. L.*) that generated discontent with the Russian government, but its overall policy. Why hide it? After all, Moscow sought to destroy the autonomy of Ukraine” [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 28. Д. 18. Л. 9].

Soviet historians referred to this issue only in passing (e. g. V. Shutoy's book about the Great Northern War). The subsequent development of Russian-Ukrainian relations and the reunification of Ukrainian lands with Russia during the 18th century had not been studied at all" [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 12. Д. 12. Л. 5–6].

In his critical notes for the "Voprosy istorii" editorial, N. L. Rubinstein also attacked the concept of the "least evil", in which the process of Ukrainian integration was viewed in a negative way. Behind his fiery rhetoric, a well-balanced analysis of accepted ideas and the criticism of their sources is clearly visible. Assessing the degree and quality of the study of serfdom in Ukraine, the historian repeated the criticism expressed by the famous pre-revolutionary historian V. A. Myakotin, who later emigrated from Russia.

The central thread of his prospective editorial was the conviction that it was necessary to overcome the dependence upon the conceptual heritage of "Ukrainian bourgeois-nationalist historiography", which practically leveled the achievements of Ukrainian historians (for example, in the study of the history of the 19th century)¹¹. As N. L. Rubinstein believed, in "researching the questions of historiography" "there is still a lack of any serious attempts at critique and academic rebuttal of Grushevsky's nationalist school of history, whose theories continue to be widely popular in bourgeois historical literature abroad." Moreover, the "Soviet historians of Ukraine" not only withdrew from proper research of these issues, but also mixed up the legacy of outstanding historians of the Ukrainian peasantry, such as A. M. Lazarevsky and V. M. Barvinsky, with the same school [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 12. Д. 12. Л. 8–9].

In conclusion, the historian gave recommendations on "the development of academic historical work in Ukraine", consisting of six points aimed at transforming the Institute of History of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR "into a true organizational center for academic research", focusing on the need to improve its professional level, create a coordinating body, and regularly publish journals. Rubinstein also stressed the need to "establish a close connection with researchers from other republics". The last (sixth) point of Rubinstein's proposals deserves special attention. Here, the historian gave a harsh evaluation of the Institute of History of the USSR and their research work: "problems of the history of Ukraine, as well as the history of other peoples of the USSR have not yet taken their proper place among the research themes" [НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 12. Д. 12. Л. 9–10].

Part of the problems raised by N. L. Rubinstein, such as strengthening the position of the Institute of History of the Ukrainian AS, reinterpretation of the pre-revolutionary heritage (the school of M. S. Grushevsky), and wider academic journals publishing, had been actively discussed by the Ukrainian historians from the mid-1940s onwards (discussions that, at times, were quite heated) [Інститут історії України, 2011, кн. 1, с. 581]. At the same time,

¹¹ In this aspect, N. L. Rubinstein pointed out the works of B. L. Pogrebinsky, O. D. Bagaley, I. A. Gurzhiya, K. G. Guslistyi, and F. A. Yastrebov.

cooperation with Moscow academic historians was beginning to increase. For the first time, Rubinstein voiced the need to overcome the monopoly on the study of Ukrainian history held by academic organizations of the Ukrainian SSR, which should be seen as an entirely academic effort to close the gaps that existed in the study of Ukrainian history, and to overcome existing academic “provinciality”. The problems voiced by Rubinstein were very much in tune with the comments that led to the change of the editorial board of “Voprosy istorii” in May 1953. This created a very interesting fork in the academic study of Ukrainian history in the USSR and its conceptual reinterpretation for the future, since Rubinstein pointed out real research problems that were essential for the study of history.

However, Rubinstein’s draft editorial never saw the light of day. Instead, in the 7th issue of “Voprosy istorii”, published in 1955, another anonymous editorial article appeared instead: “For the profound study of the history of the Ukrainian people” [За глубокое изучение]. The article noted the success of Ukrainian historians and local academic institutions, whose research “was fruitfully influenced by the works of B. Grekov, V. Picheta, M. Tikhomirov, S. Yushkov, and other Russian Soviet scholars”. An important focus of the editorial was on the celebration of the 300th anniversary of the reunification of Ukraine with Russia and the academic publications prepared for it, which demonstrated that “Ukrainian Soviet historians have undeniable achievements in covering and popularizing the history of the Ukrainian people.” At the same time, the sharpness of Rubinstein’s criticism was noticeably smoothed out. The published version habitually stated that it was necessary to study the history of Ukrainian lands from various aspects, starting from the 14th century, with special emphasis on “the relations of the Ukrainian people with the Russian, Belorussian and Moldavian peoples”. Then the anonymous author(s) went on to call for active participation “in the research of some fundamental problems raised by Soviet historiography” on the history of Kievan Rus and the economy of Ukraine “in the era of imperialism”. In the same style, using stereotypical slogans, the anonymous author(s) called for the continuation and deepening of criticism of “bourgeois-nationalist historiography” and “the fight against reproduction of the Grushevsky school concepts”, in order to develop a critical understanding of the pre-revolutionary heritage.

The author(s) of the editorial did not, however, ignore shortcomings in the study of Ukrainian history, referring to the Institute of History of the Ukrainian AS, where supposedly “the need for monographic publications on major problems of the history of Ukraine” was seriously overlooked. In addition, it was noted that “some employees of academic institutions in Ukraine do not produce academic outcomes for longer periods of time”, and therefore such employees should be “replaced by the historians who are capable of creative academic activity”. This argument was reinforced by the statement that “creative discussions on the most important problems of history are rarely held in Ukraine”, “academic sessions and conferences are usually convened on the occasion of certain anniversaries and often have a ceremonial character” [За глубокое изучение, с. 4, 5, 8, 10].

Thus, the very specific, practical comments provided by N. L. Rubinstein were replaced with vague recommendations that simply focused on the relevance of studying the history of Soviet society. The editorial board chose to completely ignore the historian's thoughts about the role of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences and other non-Ukrainian research centers in the study of Ukrainian history. It might be assumed that the final version of the "Ukrainian" editorial forced Rubinstein to reconsider his criticisms of the field, forcing him to choose carefully which ones he could publicly voice in the future. As an example, let us refer to Rubinstein's lengthy letter to the Editor-in-Chief of "Voprosy istorii", A. M. Pankratova, dated 20 June 1956¹², where the historian discussed the problems of the development of Soviet historical studies that should have been brought to the attention of the Communist Party leadership¹³. Rubinstein devoted only a few lines to the problem of studying Ukrainian history per se, noting the great influence ("the monopoly") of the "Ukrainian counter-revolutionary emigration (Doroshenko and others)" on the interpretation of the "liberation war of the Ukrainian people" (1648–1654) and the apologetics of Hetman B. M. Khmel'nitsky [АПАН. Ф. 697. Оп. 3. Д. 465. Л. 6].

As far as we can judge from the available documents, the published editorial did not have the effect that it might have had in the original Rubinstein version. Heads of some departments of the Institute of History of the Ukrainian AS often recirculated the published editorial using ideological clichés, noting that the existing thematic omissions would have been eliminated in the course of the 5-year plan (I. A. Gurzhiy¹⁴), or with the help of strengthening of personnel (F. E. Los'¹⁵), as well as by improving professional skills (such as learning foreign languages), purchasing academic literature in "capitalist countries", and foreign academic trips to the countries with people's democratic regimes (M. A. Rubach¹⁶). In isolated cases, there were notes of criticism for the academic work carried out at the Institute, but they mainly concerned the history of Ukraine during the period of capitalism and socialist development (about dogmatism and excessive scholastics in some unnamed works). Afterwards, the Academic Council of the Institute of History decided to inform the editorial board of the journal "Voprosy istorii" about the results of this meeting [У лещатах тоталітаризму, ч. 2, с. 192–201].

¹² In the upper-left corner of the letter there was a black pencil note: "The letter is printed. Ask if she is acquainted with its contents? A. M."

¹³ The matter in question was the upcoming Plenum on ideology and the development of Social Sciences.

¹⁴ I. A. Gurzhiy (1915–1971), head of the Department of Feudal History, and from 1958, Deputy Director of the Institute of History of the Ukrainian SSR Academy of Sciences, researcher of the history of Ukraine of the 18th–19th centuries.

¹⁵ F. E. Los' (1908–1980), head of the Department of the History of Capitalism (Institute of History of the Ukrainian AS), researcher of Ukrainian history (late 19th – early 20th centuries).

¹⁶ M. A. Rubach (1899–1980), head of the Department of Archaeography (Institute of History of the Ukrainian AS), researcher of agricultural relations between 1917–1920.

The history of the rejection of L. N. Rubinstein's editorial and the subsequent underplaying of criticism in the journal might need an explanation as to the "inner kitchen" of academic knowledge production in the USSR. As I see it, an important role here could have been played by the existing personal contacts between the Moscow academic circles and the Ukrainian historians that had been established back in the pre-war period [Ясь, с. 81–82, 104]. In addition to purely academic interests, these connections could have worked to adjust the political course of researchers and academic institutions, and to smooth out the sharper criticism. For example, this was true for the connections of A. M. Pankratova herself, through whom the Director of the Institute of History of the Ukrainian AS, A. K. Kasimenko¹⁷, tried to enlist support ("we ask for your sympathy, support and assistance") in "approving the blueprint" for the "Short Course in the History of Ukraine" in November 1947 [АПАН. Ф. 697. Оп. 3. Д. 323. Л. 1]. As subsequent events have shown, such hope was justified. For Pankratova, Kasimenko was an important figure within the academic administration, through whom she could implement the party ideals of the enlightenment in the right direction. In 1951, and not by chance, Pankratova supported Kasimenko's candidacy as a corresponding member of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, citing the latter's highest level academic, pedagogical, editorial and administrative abilities over the last 20 years, which had been manifest both in the international arena and in the domestic academic field (Kasimenko developed a new periodization for Ukrainian history, and published a two-volume work on the history of the Ukrainian SSR) [АПАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 48. Л. 3–4]. Interestingly, Pankratova herself received controversial information about the difficult relationships in the research department led by Kasimenko, when his subordinates requested not just an intercession, but also for researchers to have an opportunity to use "Voprosy istorii" as a public platform for answering an unfair opponent¹⁸. At the same time, the criticisms of N. L. Rubinstein indirectly, and in places directly, hit the reputation of the current leaders of historical science in the Ukrainian SSR, as well as the memory of former scholars (e. g., N. N. Petrovsky¹⁹). As such, the editorial was deemed inappropriate in its original version, which contained harsh criticism of the work of Ukrainian researchers and academic institutions. This was emphasized by the tone of the editorial that was ultimately published in the journal; the final version actually reinforced personal praise for Kasimenko and Petrovsky.

It should be added that the rest of the academic community in Moscow was sympathetic to the work of their Ukrainian colleagues. This can be

¹⁷ As the first among the "first phalanges of Ukrainian historians who were taking the first steps towards establishing the deepest and the closest ties with the historians of Moscow".

¹⁸ The unfolding of the conflict between the two leading Ukrainian historians – E. S. Kompan and D. I. Myshko – researchers at the Institute of History of the Ukrainian AS – is noteworthy. As far as one can tell, this conflict went beyond the limits of merely academic discussion [АПАН. Ф. 697. Оп. 3. Д. 337. Л. 1, 3–5 (Письма Е. С. Компан к А. М. Панкратовой от 1 и 3 марта 1955 г.)].

¹⁹ The candidacy of N. N. Petrovsky as a full member of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR was also supported by A. M. Pankratova in 1951, who noted his outstanding contribution to exposing the "bourgeois-nationalist anti-scientific views" (for example, the "school" of M. S. Grushevsky) [АПАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 48. Л. 1–2].

seen, for example, in the content of reviews for Ukrainian publications, as well as in reviews for works and dissertations that were being prepared for publication [Зимин, Мочалов, Новосельский; АРАН. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 83. Л. 27; Д. 85. Л. 10–18; Д. 86. Л. 48–54]. Moscow historians did not mention serious theoretical and methodological problems in the works of their Ukrainian colleagues, focusing solely on the value of the archival research, on historiographical study of the topic, and on the relevance of the conclusions made. In this regard, particularly noteworthy is a 1954 review of the first volume of the “History of the Ukrainian SSR”, published in “Pravda”, one of the leading socio-political newspapers in the USSR. The authors of the review (M. N. Tikhomirov, V. K. Yatsunsky, E. D. Chermensky, and S. S. Dmitriev) gave a generally positive assessment of the publication, despite some shortcomings.. Most importantly, Moscow academic historians united in a public defense of their Ukrainian colleagues from the criticism of P. Vershigora, a prominent figure in the partisan movement in Ukraine. The “politically erroneous and grossly tactless attack” of the latter, which denigrated this collective study, contained accusations regarding a lack of “creativity among the masses” and “patriotism” [Тихомиров, Яцунский, Черменский, Дмитриев].

This situation was almost a complete copy of a September 1948 controversy, when a group of Moscow academic historians, led by A. M. Pankratova (M. N. Tikhomirov, B. D. Grekov, S. V. Bakhrushin, and S. V. Yushkov), were focused on assessing the draft of the reviewed “Short Course of the History of Ukraine”, which appeared as a result of harsh criticism from the Communist Party administration of the USSR (Propaganda Department of the CC CP(b)U). Local party officials claimed that the authors of the previous 1940 version of the “History” “borrowed key provisions, distorting the course of the historical process in favor of nationalism, from the bourgeois-nationalist historians such as Grushevsky, Antonovich, and others,” and separated Ukrainian history from the history of other peoples of the USSR. However, Moscow historians had not identified significant errors in the presented draft, except for the insufficiently clear “class” identification of some historical figures (B. M. Khmel'nitsky, I. S. Mazepa, among others), which was pointed out by Pankratova herself [Сидорова, 2012; Інститут історії України, 2011, с. 587–588].

In my opinion, the draft of N. L. Rubinstein’s article that was sounding in unison with “zhdanovism” in historical research, and the criticism of “Voprosy istorii” from the central party authorities, proved to be doubly inappropriate; from the point of view of the changed political conditions, and because the attitude of Russian academic historians to their Ukrainian colleagues had not changed since the post-war years. In this regard, an attempt by Rubinstein, a historian who neither had his own “school”, nor Academy of Sciences affiliation, to stage a small academic coup, had no chance of practical implementation.

The story of an unpublished Rubinstein’s editorial for “Voprosy istorii” demonstrates that the production of academic texts and the overall regulation of academic research in the USSR were closely intertwined with the administrative academic positions and personal connections of Moscow-

based scholars and Ukrainian historians (sometimes of an informal nature). It was this factor that allowed the academic community to preserve and maintain a relatively autonomous sphere of academic knowledge, where this dynamic was supported by various combinations of disputes, personal ambitions and controversies²⁰. At the same time, personal connections opened the way for a kind of academic lobbying. Such lobbying allowed researchers to push controversial ideas, interpretations, or concepts that did not fit into existing ideological framework, but nevertheless gained “class” legitimacy in spite of difficult political conditions. The latter mostly concerns Ukrainian history of the 17th and the 18th centuries as understood by M. S. Grushevsky, who created in his works a negative image of the Russian state and government, and viewed critically the processes of integration of Ukrainian lands that, according to him, were damaging the development of the Ukrainian nation and its statehood. Despite the repeatedly declared policy of fighting “bourgeois nationalism” and the “school” of Grushevsky, such an approach was relatively easy to integrate into the all-Union narrative, becoming an important tool in exposing the “predatory plans” and “colonial policy” of “Russian tsarism”. Notwithstanding the conditions of partial rehabilitation of the pre-revolutionary (“Imperial”) narrative and the rise of the concept of “reunification” of Ukraine with Russia, this approach has undergone but minor changes.

Список литературы

- Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / отв. сост. В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков. М. : РОССПЭН, 2010. Т. 2. 1952–1958. 1279 с. АРАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 48; Оп. 3. Д. 323, 337, 465; Ф. 1714. Оп. 1. Д. 83.
- Дмитриев С. С.* К истории советской исторической науки : Историк Н. Л. Рубинштейн (1897–1963) // Уч. зап. Горьк. гос. ун-та. 1964. Сер.: Историко-филологическая. Вып. 72. С. 415–478.
- Скельчик С.* Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ : Критика, 2008. 303 с.
- За глубокое изучение истории украинского народа // Вопр. ист. 1955. № 7. С. 3–10.
- За дальнейший подъем исторической науки в СССР // Вопр. ист. 1952. № 9. С. 3–16.
- Заруба В. М.* Михайло Слабченко в епістолярній та мемуарній спадщині (1882–1952). Дніпропетровськ : Юрид. акад. М-ва внутр. справ ; Ліра ЛТД, 2004. 352 с.
- Зимин А. А., Мочалов В. Д., Новосельский А. А.* Ценный труд по истории Украинской ССР // Вопр. ист. 1954. № 6. С. 128–132.
- Институт історії України НАН України : Документи і матеріали. 1936–1991 : у 2 кн. Київ : Інститут історії України НАН України, 2011. Кн. 1. 1936–1947. 630 с.
- НИОР РГБ. Ф. 521. Оп. 1. К. 1. Д. 1; К. 12. Д. 12; К. 23. Д. 6, 13, 14; К. 24. Д. 7, 20; К. 28. Д. 18.
- Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопр. ист. 1988. № 11. С. 54–79.
- Покончить с проявлениями марксизма в археологии // Вопр. ист. 1952. № 12. С. 11–17.
- Против субъективистских ошибок в изучении истории советского общества // Вопр. ист. 1952. № 12. С. 3–10.
- Рубинштейн Н. Л.* Две научные работы по истории Освободительной войны украинского народа 1648–1654 годов // Вопр. ист. 1954. № 11. С. 133–139.

²⁰ This fact may be proved by referring to discussions of the history of the Central Asian republics of the USSR [Тихонов, 2017].

Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 8–114.

Сидорова Л. А. «Вопросы истории» академика А. М. Панкратовой // Историк и время : 20–50-е годы XX века. : А. М. Панкратова. М. : Изд-во РУДН : Мосгорархив, 2000. С. 76–84.

Сидорова Л. А. «Краткий курс истории Украины» в контексте советской исторической науки конца 1940-х гг. // Былые годы. 2012. № 2 (24). С. 48–53.

Степанов Б. Е. Советская историческая периодика в 1950–1960-е годы: рамки и пределы модернизации // Сад ученых наслаждений : сб. тр. ИГИТИ к юбилею проф. И. М. Савельевой / отв. ред. Е. А. Вишленкова, А. Н. Дмитриева, Н. В. Самутина. М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 227–250.

Тихомиров М., Яцунский В., Черменский Е., Дмитриев С. Научный труд по истории Украины // Правда. 1954. № 108 (13 041). С. 2–3.

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.

Тихонов В. В. Российский государственный архив новейшей истории: документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР // Вестн. архивиста. 2017. № 4. С. 135–146. DOI 10.28995/2073-0101-2017-4-135-146.

У лештатах тоталітаризму: Перше двадцятиріччя Інституту історії України НАН України (1936–1956 рр.) : збірник документів і матеріалів : у 2 ч. Київ : Інститут історії України НАН України, 1996. Ч. 1. 146 с. Ч. 2. 247 с.

Ясь О. «На чолі республіканської науки...». Інститут історії України (1936–1986) : Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (до 80-річчя установи). Київ : НАН України : Ін-т історії України, 2016. 542 с.

References

Afiani, V. Yu, Esakov, V. D. (Eds.) (2010). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) – KPSS. 1922–1991* [Academy of Sciences in the Decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) – VCP(b) – CPSU]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 1952–1958. 1279 p.

ARAN [Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow]. Stock 697. List 2. Dos. 48; List 3. Dos. 323, 337, 465; Stock 1714. List 1. Dos. 83.

Dmitriev, S. S. (1964). K istorii sovetskoi istoricheskoi nauki. Istorik N. L. Rubinshtein (1897–1963) [On the History of Soviet Historical Science. Historian N. L. Rubinstein (1897–1963)]. In *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriko-filologicheskaya*. Iss. 72, pp. 415–478.

Ekel'chik, S. (2008). *Imperiya pam'yati. Rossiis'ko-ukrains'ki stosunki v radyans'kii istorichnii uyavi* [The Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination]. Kiïv, Kritika. 303 p.

Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni. Dokumenti i materialy. 1936–1991 u 2 kn. [Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. Documents and Materials. 1936–1991. 2 Books]. (2011). Kiïv, Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni. Book 1. 1936–1947. 630 p.

NIOR RGB [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 521. List 1. Carton 1. Dos. 1; Carton 12. Dos. 12; Carton 23. Dos. 6, 13, 14; Carton 24. Dos. 7, 20; Carton 28. Dos. 18.

Pis'ma Anny Mikhailovny Pankratovoi [Letters from Anna Mikhailovna Pankratova]. (1988). In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 54–79.

Pokonchit' s proyavleniyami marrizma v arkheologii [To End the Marrism in Archaeology] (1952). In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 11–17.

Protiv sub"ektivistskikh oshibok v izuchenii istorii sovetskogo obshchestva [Against Subjectivist Errors in the Study of the History of Soviet Society] (1952). In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 3–10.

Rubinshtein, N. L. (1954). Dve nauchnye raboty po istorii Osvoboditel'noi voyny ukrainskogo naroda 1648–1654 godov [Two Scholarly Works on the History of the War

of Independence of the Ukrainian People in 1648–1654.]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 133–139.

Rubinshtein, N. L. (1962). O putyakh istoricheskogo issledovaniya [On Ways of Historical Research]. In *Istoriya SSSR*. No. 6, pp. 8–114.

Sidorova, L. A. (2000). “Voprosy istorii” akademika A. M. Pankratovoi [“Voprosy istorii” by Academician A. M. Pankratova]. In *Istoriik i vremya. 20–50-e gody XX veka. A. M. Pankratova*. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Mosgorarkhiv, pp. 76–84.

Sidorova, L. A. (2012). “Kratkii kurs istorii Ukrainy” v kontekste sovetskoj istoricheskoi nauki kontsa 1940-kh gg. [“A Short Course in the History of Ukraine” in the Context of Soviet Historical Science of the Late 1940s.]. In *Bylye gody*. No. 2 (24), pp. 48–53.

Stepanov, B. E. (2017). Sovetskaya istoricheskaya periodika v 1950–1960-e gody: ramki i predely modernizatsii [Soviet Historical Periodicals in the 1950s and 1960s: Scope and Limits of Modernisation]. In Vishlenkova, E. A., Dmitrieva, A. N., Samutina, N. V. (Eds.). *Sad uchenykh naslazhdenii. Sbornik trudov Instituta gumanitarnykh istoriko-teoreticheskikh issledovaniy k yubileyu professora I. M. Savel'evoi*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, pp. 227–250.

Tikhomirov, M., Yatsunskii, V., Chermenskii, E., Dmitriev, S. (1954). Nauchnyi trud po istorii Ukrainy [Scholarly Work on the History of Ukraine]. In *Pravda*. No. 108 (13 041), pp. 2–3.

Tikhonov, V. V. (2016). *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [The Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science]. Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya. 424 p.

Tikhonov, V. V. (2017). Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii: dokumenty Otdela nauki i kul'tury TsK KPSS (mart 1953 g. – sentyabr' 1955 g.) o kontrole nad “natsional'nymi istoriyami” narodov SSSR [Russian State Archive of Contemporary History: Documents of the Department of Science and Culture of the CPSU Central Committee on Control over “National Histories” of the Peoples of the USSR]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 135–146. DOI 10.28995/2073-0101-2017-4-135-146.

U leshchatakh totalitarizmu: Pershe dvadtsyatirichchya Institutu istorii Ukraini NAN Ukraini (1936–1956 pp.). *Zbirnik dokumentiv i materialiv u 2 ch.* [In the Grip of Totalitarianism: The First 20th Anniversary of the Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine (1936–1956). Collection of Documents and Materials. 2 Parts]. (1996). Kiiv, Institut istorii Ukraini NAN Ukraini. Part 1. 146 p. Part 2. 247 p.

Yas', O. (2016). “Na choli respublikans'koï nauki...”. *Institut istorii Ukraini (1936–1986). Narisi z institutsional'noi ta intelektual'noi istorii (do 80-richchya ustanovi)* [“At the Head of the Republican Science”. Institute of History of Ukraine (1936–1986). Essays on Institutional and Intellectual History (To the 80th Anniversary of the Institution)]. Kiiv, NAN Ukraini, In-t istorii Ukraini. 542 p.

Za dal'neishii pod'em istoricheskoi nauki v SSSR [For the Further Rise of Historical Science in the USSR]. (1952). In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 3–16.

Za glubokoe izuchenie istorii ukrainskogo naroda [For Deep Study of the History of the Ukrainian People]. (1955). In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 3–10.

Zaruba, V. M. (2004). *Mikhailo Slabchenko v epistolyarnii ta memuaranii spadshchini (1882–1952)* [Mykhailo Slabchenko in the Epistolary and Memoir Heritage (1882–1952)]. Dnipropetrovs'k, Yuridichna akademiya Ministerstva vnutrishnikh sprav, Lira LTD. 352 p.

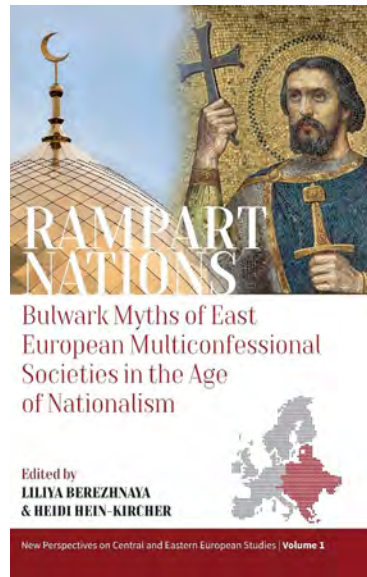
Zimin, A. A., Mochalov, V. D., Novosel'skii, A. A. (1954). Tsenniye trud po istorii Ukrainskoi SSR [Valuable Work on the History of the Ukrainian SSR]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 128–132.

The article was submitted on 20.07.2020

Translated by Anna Dergacheva

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ПОЧИТАНИЯ КНЯЗЯ ФЕДОРА ЧЕРНОГО*

Рец. на: Ленхофф Г. Князь Федор Черный в русской истории и культуре:
Исследование и тексты. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019. – 352 с.

Андрей Усачев
МГИМО Университет,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

A NEW LOOK AT THE HISTORY OF THE VENERATION OF PRINCE FYODOR THE BLACK

Rev. of: Lenhoff, G. (2019). *Knyaz' Fedor Chernyi v russkoi istorii i kul'ture. Issledovanie i teksty* [Lenhoff G. Prince Fyodor the Black in Russian History and Culture. Research and Texts]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 352 p.

Andrei Usachev
MGIMO University,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

This review examines *Prince Fyodor the Black in Russian History and Culture. Research and Texts* (2019) by G. Lenhoff, an American Slavonic scholar, written with the participation of Russian scholars V. P. Efimenko and B. M. Kloss. Regarding the monograph as a very useful work on the history and literature of the Russian Middle Ages, the reviewer makes some remarks. First, it is necessary to clarify the spread of hagiographical texts in mediaeval Russia; second, it is important to consider the history of the veneration of Fyodor the Black in the context of ideological campaigns of the Russian Church and the secular authorities in the mid-sixteenth century; third, a more thorough examination of the account of Fyodor's life written by Andrei Yuryev is required; and, finally, it is necessary to refer to some works on the hagiography of Tver and Suzdal and on manuscripts.

Keywords: Russian history, Old Russian literature, hagiography, Prince Fyodor the Black, 16th-century, manuscripts.

* *Citation:* Usachev, A. (2020). A New Look at the History of the Veneration of Prince Fyodor the Black. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1787–1794. DOI 10.15826/qr.2020.5.558.
Цитирование: Usachev A. A New Look at the History of the Veneration of Prince Fyodor the Black // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1787–1794. DOI 10.15826/qr.2020.5.558 /
Usachev A. Новый взгляд на историю почитания князя Федора Черного // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1787–1794. DOI 10.15826/qr.2020.5.558.

В рецензии рассматривается монография «Князь Федор Черный в русской истории и культуре. Исследование и тексты» (2019), подготовленная американским славистом Г. Ленхофф при участии российских исследователей В. П. Ефименко и Б. М. Клосса. Определяя работу как полезный труд по истории и литературе русского Средневековья, рецензент высказывает и ряд замечаний. К их числу относятся следующие: необходимость прояснить вопрос о степени соотношения распространения житийных и агиографических текстов в средневековой Руси; поместить рассмотрение истории почитания Федора Ярославского в контекст идеологических мероприятий, проводившихся русскими церковными и светскими властями в середине XVI в.; более детально рассмотреть редакцию жития Федора Андрея Юрьева; привлечь ряд работ по тверской и суздальской агиографии, а также по рукописной книге.

Ключевые слова: история России, древнерусская литература, агиография, князь Федор Ярославский, XVI в., рукописная книга.

В Санкт-Петербургском издательстве «Альянс-Архео», специализирующемся на выпуске литературы по русскому Средневековью, вышла монография «Князь Федор Черный в русской истории и культуре. Исследование и тексты» [Ленхофф]¹. Она посвящена биографии и истории почитания заметной фигуры в политической истории Руси второй половины XIII в. – смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича, а также его сыновей Давыда и Константина. Основной текст книги написан известным американским славистом Г. Ленхофф, долгие годы занимающейся памятниками древнерусской литературы. Данное издание представляет собой значительно переработанное и дополненное издание англоязычной монографии исследовательницы, вышедшей в свет в 1997 г. [Lenhoff]. Перевод на русский язык выполнен Г. Ленхофф. В роли литературного редактора выступила Е. И. Кислова, научное редактирование текста осуществил известный специалист по средневековой Руси А. А. Горский. К работе над отдельными разделами книги также были привлечены российские исследователи (авторство соответствующих разделов указано во вводной части монографии, а также в оглавлении). В. П. Ефименко написал текст 4-й главы монографии, посвященной изучению источников и характера взаимоотношений списков древнейших литургических текстов, посвященных Федору Ярославскому. 5-ю главу, содержащую археографический обзор привлеченных рукописей, подготовил Б. М. Клосс.

Рассматриваемая монография продолжает наметившуюся в историографии тенденцию к изучению биографии и последующего восприятия потомками в Средневековье, Новое и Новейшее время крупнейших фигур политической истории русского Средневековья: крестителя

¹ Далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

Руси князя Владимира [Korpela], владимирского князя Георгия Всеволодовича [Сиренов; Кузнецов], Александра Невского [Isoaho; Шенк; Кривошеев, Соколов; Александр Невский], Ивана Грозного [Perric; Мутья]. В данной книге упор делается на свидетельства разноплановых источников (агиографических, летописных, актовых и иных).

Структура книги вполне закономерна. Первая часть монографии «Исследование» состоит из пяти глав. Первая посвящена характеристике основных фактов биографии Федора Ярославского, вторая – истории его канонизации, третья – житию, четвертая (автор – В. П. Ефименко) – службам Федору и его сыновьям, пятая (автор – Б. М. Клосс) – археографическому обзору хранящихся в собраниях Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ярославля и ряда других городов 203 манускриптов, содержащих списки произведений, посвященных главному герою монографии и его сыновьям.

Во второй части книги представлены подготовленные Г. Ленхофф к печати тексты различных редакций Жития Федора Ярославского – Проложной, Анонимной, иеромонаха Антония, Степенной книги, редакции середины XVII в., а также редакции Андрея Юрьева. Кроме того, в данном разделе опубликованы тексты служб и песнопений Федору. Издание снабжено указателями: именным, географическим и использованных рукописей. Последнее существенно повышает ее значение как для специалиста по русской средневековой истории и литературе, так и для археографа-«рукописника».

Отмечая очевидные достоинства книги, хотелось бы обратить внимание и на те ее стороны, которые, на наш взгляд, могли быть прописаны четче. Это позволило бы более рельефно представить несомненные достоинства монографии.

Очевидным (возможно, главным) достоинством книги является особое внимание к службам Федору Ярославскому. Как правило, ранее изучение истории почитания основывалось на рассмотрении текстов житий, похвал и чудес, посвященных тому или иному святому. Службам уделялось сравнительно меньше внимания². Работа, безусловно, только выиграла бы, если бы в ней была бы акцентирована очевидная вещь: анализ именно регулярно используемых во всех церквях служб для изучения истории почитания того или иного святого не только в крупных монастырях, но и в прочих населенных пунктах имеет ключевое значение. Тексты житий были распространены несравнимо уже текстов служб. Это, в частности, проявилось в репертуаре манускриптов, переписанных и хранившихся в русских библиотеках эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Например, списки Четых миней в них встречались крайне редко. Как правило, они хранились при монастырских библиотеках или у очень

² К числу исследователей, осознававших ограниченность подобного подхода, можно отнести О. В. Творогова. Он предлагал изучать «агиографический цикл» в целом, включающий в себя всю совокупность текстов, посвященных тому или иному святому [Творогов].

состоятельных лиц, принадлежавших к церковно-политической элите³. Служебные минеи были распространены гораздо шире – их списками располагали не только либерии крупных, средних и относительно небольших монастырей, но и приходские библиотеки. Самое приблизительное представление о соотношении ареалов распространения Четых и служебных миней дают итоги анализа данных датированных рукописных книг XVI в., имеющих выходные записи. Из 734 известных нам датированных манускриптов этого столетия списков Четых миней 19 (то есть около 2,5 % от общего числа), в то время как служебных – 76 (то есть около 10,4 %). По своему числу последние уступают лишь спискам Евангелия (тетр и др.)⁴. Если происхождение выявленных нами датированных списков Четых миней было связано исключительно с крупными книжными центрами (Москва, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский монастыри и др.), то ареал переписки списков служебных миней был существенно шире, включая в себя сельские приходы [Усачев, 2018, т. 1, с. 289].

Г. Ленхофф справедливо отмечает, что в 40–50-е гг. XVI в. интерес Ивана IV к святым ярославским князьям существенно повышается. Его предшественники Иван III и Василий III такого внимания Федору и его сыновьям не уделяли (с. 58–60). На наш взгляд, контекст рассмотрения можно было представить шире, нежели это сделано в монографии. Повышение интереса представителей церковной и политической элиты к святым княжеского происхождения можно было бы более тесно связать с изменением статуса династии в середине XVI в., отразившимся в памятниках письменности и изобразительного искусства. В ходе знаменитых церковных соборов 1547–1549 гг. был канонизирован ряд представителей династии. В Степенной книге, ряде других литературных памятников, на иконе «Благословенно воинство Царя Небесного» и в росписи Архангельского собора Московского Кремля представлены выдержанные в агиографических тонах портреты русских государей, включая и тех, кто еще не были причтены к лику святых. Автор Степенной книги выражал уверенность в том, что их святость, несомненно, будет признана «еще не zde, то в будущей век» [Степенная книга, т. 1, с. 334]. Очевидно, что увеличение числа святых князей-Рюриковичей независимо от степени близости их родства к московским государям повышало статус рода потомков крестителя Руси Владимира, к которому принадлежал Иван IV. В монографии можно было подчеркнуть, что повышение авторитета династии в этот период являлось насущной проблемой русских властей

³ Например, известен вклад полного комплекта Четых миней и еще трех книг сына влиятельного боярина Василия III М. В. Тучкова-Морозова в Кирилло-Белозерский монастырь [Алексеев, с. 33]. Единственным известным нам светским лицом, в XVI в. заказавшим переписку комплекта Четых миней, являлся Иван IV, по распоряжению которого они переписывались в Александровой слободе на рубеже 60–70-х гг. XVI в. [Усачев, 2018, т. 1, с. 63–64, 412].

⁴ Их нами выявлено 110 (то есть около 15 % от числа датированных манускриптов XVI в.) [Усачев, 2018, т. 1, с. 41].

в силу того, что, приняв в 1547 г. царский титул, русский государь, по сути, занял место главы православного мира, которое оказалось вакантным после падения Византии в 1453 г.⁵

Рассматривая памятники агиографии, посвященные ярославским святым, Г. Ленхофф справедливо обращается к анализу тенденций, присущих житийной литературе различных русских земель (с. 80–82). В весьма кратком обзоре памятников региональной агиографии недостает экскурсов в историю суздальской и тверской житийной литературы, которая специально рассматривалась в историко-филологической литературе второй половины XX – начала XXI в. [Колобанов; Клосс; Конявская; и др.]. Привлечение этих работ позволило бы Г. Ленхофф более полно представить литературный контекст, оказавший влияние на появление памятников, посвященных ярославским князьям.

На наш взгляд, в работе не в полной мере использованы имеющиеся возможности рассмотрения истории распространения списков Жития Федора Ярославского. Подробно изучая в первой части исследования различные редакции жития, Г. Ленхофф специально не анализирует редакцию Андрея Юрьева, текст которой публикуется во второй части монографии (с. 275–281). Между тем, судя по сохранившимся спискам, ее текст в первой половине – середине XVI в. был распространен как на северо-востоке страны, так и в ее центре. Список 1515 г., по-видимому, был переписан или, по крайней мере, бытовал на территории Углицкого удела князя Дмитрия Ивановича Жилки (вероятно, он и владел манускриптом) [Усачев, 2018, т. 2, № 89]. Список 1555/56 г. был выполнен «на Москве» писцом Иудой Ивановым сыном Юшкой Сасиновым (возможно, для столичного Новоспасского монастыря). Переписчик, по-видимому, также был связан и с Троице-Сергиевым монастырем [Усачев, 2018, т. 1, с. 288–290]. Учет данных фактов мог бы обогатить историю почитания Федора Ярославского новыми интересными подробностями, позволяющими расширить контекст изучения его почитания в первой половине – середине XVI в.

Подготовленное Б. М. Клоссом весьма содержательное описание привлеченных к исследованию манускриптов в перспективе может быть дополнено ссылками на ряд работ последних лет, в которых соответствующие кодексы либо описывались, либо так или иначе исследовались. Историографические лакуны, по-видимому, обусловлены тем, что основной текст археографического обзора был подготовлен для монографии 1997 г., и далеко не все работы последних двух десятилетий при его доработке были учтены (например, см.: [Рукописи XVI–XX вв.; Славяно-русские рукописные книги; Усачев, 2018, т. 2; Сеницына]).

⁵ Подробнее об идейной атмосфере эпохи митрополита Макария см.: [Усачев, 2009, с. 563–686].

Приведенные выше замечания носят характер дополнений и уточнений к этой полезной книге. Монография несомненно займет заметное место в ряду работ, посвященных истории почитания русских святых и русской средневековой агиографии.

Список литературы

- Александр Невский : государь, дипломат, воин. М. : Р. Валент, 2010. 536 с.
- Алексеев А. И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестн. церковной истории. 2010. № 3–4. С. 17–117.
- Клосс Б. М.* Избранные труды : [в 2 т.] М. : Языки рус. культуры, 2001. Т. 2. 488 с.
- Колобанов В. А.* Владимиро-суздальская литература XIV–XVI веков : спецкурс по древнерусской литературе. Владимир : Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского, 1975–1978. Вып. 1–3.
- Коняевская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М. : Свой круг, 2007. 400 с.
- Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память : ист. очерки. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 240 с.
- Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века : Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2006. 540 с.
- Ленхофф Г.* Князь Федор Черный в русской истории и культуре : Исследование и тексты. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019. 352 с.
- Мутья Н. Н.* Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб. : Алетей, 2010. 490 с.
- Рукописи XVI–XX вв. из коллекции института истории СО РАН / сост. А. И. Мальцев, Т. В. Панич, Л. В. Титова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. 400 с.
- Синицына Е. В.* Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен до начала XX в. : Опыт реконструкции. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 399 с.
- Сиренов А. В.* Путь к граду Китежу : Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 227 с.
- Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли : каталог. Тверь : Книж. клуб, 2012. 224 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Ленхофф. М. : Языки славян. культур, 2007. Т. 1. 598 с.
- Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография : Исследования. Публикации. Полемика. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 3–58.
- Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. 760 с.
- Усачев А. С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей : [в 2 т.] М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2018. Т. 1. 472 с. Т. 2. 528 с.
- Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М. : Новое лит. обозрение, 2007. 589 с.
- Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia : Warrior and Saint. Leiden ; Boston : Brill, 2006. 417 p.
- Korpela J.* Prince, Saint and Apostol: Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, His Posthumous Life and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden : Harrassowitz, 2001. 267 p.
- Lenhoff G.* Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black. Wiesbaden : Harrassowitz, 1997. 496 p.
- Perrie M.* The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. Basingstoke : Palgrave, 2001. XV, 255 p.

References

- Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, vojn* [Alexander Nevsky. Prince, Diplomat, Warrior] (2010). Moscow, R. Valent. 536 p.
- Alekseev, A. I. (2010). Pervaya redaktsiya vkladnoi knigi Kirillova Belozerskogo monastyrja (1560-e gg.) [The First Edition of the Contribution Book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1560s)]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. No. 3–4, pp. 17–117.
- Isoaho, M. (2006). *The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint*. Leiden, Boston, Brill. 417 p.
- Kloss, B. M. (2001). *Izbrannye trudy [v 2 t.]* [Selected Works. [2 Vols.]]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 2. 488 p.
- Kolobanov, V. A. (1975–1978). *Vladimiro-suzdal'skaya literatura XIV–XVI vekov. Spetskurs po drevnerusskoi literature* [Vladimir-Suzdal Literature of 14th–16th Centuries: A Special Course on Old Russian Literature]. Vladimir, Vladimirkii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute P. I. Lebedeva-Polyanskogo. Iss. 1–3.
- Konyavskaya, E. L. (2007). *Ocherki po istorii tverskoi literatury XIV–XV v.* [Essays on the History of Tver Literature of the 14th–15th Centuries]. Moscow, Svoi krug. 400 p.
- Korpela, J. (2001). *Prince, Saint and Apostol: Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, His Posthumous Life and the Religious Legitimization of the Russian Great Power*. Wiesbaden, Harrassowitz. 267 p.
- Krivosheev, Yu. V., Sokolov, R. A. (2009). *Aleksandr Nevskii: epokha i pamyat'. Istoricheskie ocherki* [Alexander Nevsky: Epoch and Memory. Historical Essays]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 240 p.
- Kuznetsov, A. A. (2006). *Vladimirkii knyaz' Georgii Vsevolodovich v istorii Rusi pervoi treti XIII veka. Osobennosti prelomleniya istochnikov v istoriografii* [Prince Georgiy Vsevolodovich of Vladimir in the History of Russia in the First Third of the 13th Century. Features of the Refraction of Sources in Historiography]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. 540 p.
- Lenhoff, G. (2019). *Knyaz' Fedor Chernyi v russkoi istorii i kul'ture. Issledovanie i teksty* [Prince Fyodor the Black in Russian History and Culture. Research and Texts]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 352 p.
- Lenhoff, G. (1997). *Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black*. Wiesbaden, Harrassowitz. 496 p.
- Mal'tsev, A. I., Panich, T. V., Titova, L. V. (Eds.). (1998). *Rukopisi XVI–XX vv. iz kolleksii instituta istorii SO RAN* [Manuscripts of the 16th–20th Centuries from the Collection of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 400 p.
- Mut'ya, N. N. (2010). *Ivan Grozny: istorizm i lichnost' pravatelya v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* [Ivan the Terrible: Historicism and Personality of the Ruler in Russian Art of the 19th–20th Centuries]. St Petersburg, Aleteiya. 490 p.
- Perrie, M. (2001). *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia*. Basingstoke, Palgrave. XV, 255 p.
- Pokrovskii, N. N., Lenhoff, G. (Eds.) (2007). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam v 3 t.* [The Book of Degrees of Royal Genealogy in Ancient Copies. 3 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. 598 p.
- Shenk, F. B. (2007). *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamyati: svyatoi, pravitel', natsional'nyi geroi (1263–2000)* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, and National Hero (1263–2000)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 589 p.
- Sinityna, E. V. (2018). *Knizhnye sobraniya Rostovo-Yaroslavskoi eparkhii s drevneishikh vremen do nachala XX v. Opyt rekonstruktsii* [Collections of Manuscripts of the Rostov-Yaroslavl Diocese from Old Times to the Early 20th Century. Experience of Reconstruction]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 399 p.

Sirenov, A. V. (2003). *Put' k gradu Kitezhu. Knyaz' Georgii Vladimirskii v istorii, zhitiyakh, legendakh* [The Way to the City of Kitezh. Prince Georgy of Vladimir in the History, Lives of Saints, Legends]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 227 p.

Slavyano-russkie rukopisnye knigi XIV–XVI vekov v khranilishchakh Tverskoi zemli. Katalog [Slavonic-Russian Handwritten Books of the 14th–16th Centuries in the Repositories of the Tver Lands. Catalogue] (2012). Tver', Knizhnyi klub. 224 p.

Tvorogov, O. V. (2005). O "Svode drevnerusskikh zhitiy" [On *The Compendium of Old Russian Lives of Saints*]. In *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 3–58.

Usachev, A. S. (2009). *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya* [The Book of Royal Degrees and Old Russian Book Culture in the Age of Metropolitan Makarii]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 760 p.

Usachev, A. S. (2018). *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei [v 2 t.]* [Writing Books in Russia in the 16th Century: With Reference to Dated Colophons]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Vol. 1. 472 p. Vol. 2. 528 p.

The article was submitted on 18.12.2019

IVAN THE TERRIBLE AND RUSSIAN FEUDALISM IN THE WORKS OF HUNGARIAN AND RUSSIAN HISTORIANS OF THE SOVIET ERA*

Rev. of: Szvák, G. (2019). *Opyt mikroistoriografii* [An Attempt at Microhistoriography]. Moscow, Akvilon. 288 p.

Charles J. Halperin

Independent Scholar,
Bloomington, Indiana, USA

In his book *An Attempt at Microhistoriography* (Rus. *Опыт микроисториографии*), Gyula Szvák, an outstanding Hungarian specialist in Russian history, republishes seven of his earlier articles and presents a previously unpublished eighth article on the Soviet historiography of the key issues of 16th-century Russian history. The articles consider Ivan Peresvetov's works, reforms and oprichnina between the middle and second half of the sixteenth century; also, they compare the reigns and personalities of Ivan the Terrible and Peter the Great. Additionally, the author explores the personal stories of his mentors, Russian historian Ruslan Skrynnikov and Hungarian József Perényi. The book reviewed presents a kind of panorama of two historiographic traditions of studying the Russian Middle Ages in the Soviet Union and Hungary before the collapse of the communist regime there. The author returns to the peculiarities of Russia's historical development and comprehension of the concept of "Russian feudalism" and reflects on the fate of historians who were engaged in the study of mediaeval Russia under rigid ideological principles.

Keywords: Gyula Szvák, historiography, Ivan IV, feudalism, Ruslan Skrynnikov, József Perényi.

В книге «Опыт микроисториографии» выдающийся венгерский специалист по русской истории Дюла Свак переиздал семь своих прежних и представил ранее не опубликованную восьмую статью о советской исто-

* *Citation:* Halperin, Ch. J. (2020). Ivan the Terrible and Russian Feudalism in the Works of Hungarian and Russian Historians of the Soviet Era. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1795–1801. DOI 10.15826/qr.2020.5.559.

Цитирование: Halperin Ch. J. Ivan the Terrible and Russian Feudalism in the Works of Hungarian and Russian Historians of the Soviet Era // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1795–1801. DOI 10.15826/qr.2020.5.559.

риографии ключевых проблем истории России XVI в.: творчества Ивана Пересветова, реформ и опричнины середины – второй половины XVI столетия, сопоставления правления и личностей Ивана Грозного и Петра Великого. Он также исследовал персональные истории своих наставников, русского историка Руслана Скрынникова и венгерского Йозефа Перени. В рецензируемом издании разворачивается своеобразная панорама двух историографических традиций изучения русского Средневековья в Советском Союзе и Венгрии до падения там коммунистического режима. Автор вновь возвращается к проблемам специфики исторического развития России, осмысления концепта «русский феодализм», размышляет о судьбах историков, занимавшихся исследованиями средневековой Руси в условиях господства жестких идеологических установок.

Ключевые слова: Дюла Свак, историография, Иван IV, феодализм, Руслан Скрынников, Йозеф Перени.

In his *An Attempt at Microhistoriography (Опыт микроисториографии)*, Gyula Szvák [Свак, 2019], professor emeritus of Eötvös Loránd University, Budapest, presents eight articles, seven of which were first published between the 1970s and 1980s, primarily on Soviet historiography about Ivan the Terrible and the question of feudalism in Russian history. He provides a wealth of insights into Soviet historical scholarship. Although he clearly states that his goal was to study historiography, not history, nevertheless his own historical views are of considerable interest.

The book contains a preface, seven unnumbered chapters, and another article functioning as a conclusion. Part 1 “Microhistoriographical Studies” (*Микроисториографические очерки*) contains five chapters; in Part 2 “The Personality in Historiography” (*Личность в историографии*), there are two chapters.

In the “Foreword. From Historiographic “Microphilology” to Microhistoriography and Beyond” (*Предисловие: от исторической «микрофилологии» к микроисториографии и дальше*) written in 2018 (с. 5–20), Szvák provides the reader with an illuminating intellectual autobiography. He was an undergraduate student in Leningrad State University but completed his Bachelor’s Degree at Eötvös Loránd University, and later, in 1984, completed his Candidate’s Degree (*kandidatskaia dissertatsiia*) as a Corresponding (*zaochnyi*) graduate student, under the supervision of Ruslan Skrynnikov, on the historiography of Ivan the Terrible. He wrote his master’s dissertation, defended in 1999, on the topic of feudalism in Russia, in Hungary under the supervision of József Perényi. Szvák’s experience gave him an insider’s view of Soviet historiography. He met leading historians and had full access to current historical publications. As a citizen of what was then called in the US a “satellite” country, he was both an insider and an outsider. An insider, because he had to adhere, however loosely, to the shibboleths of Soviet Marxist historiography, but an outsider, because he was not Soviet. The goal of his publications was to provide a bridge

between East and West. Szvák fairly observes that despite Marxism, Soviet historians did good research, and that despite the Cold War, so did Anglo-Saxon historians. Although his *metier* was historiography, the analysis of the differing views of different historians gave him space to express his own views. The change of regime in Hungary with the overthrow of the Soviet empire created new opportunities but studying Russian history in a country that could now express considerable hostility toward Russia created difficulties. It took Szvák years to build an institutional structure for graduate study of Russia in Hungary. As a result of his outstanding organizational work, a Center and (remote) graduate program were established. However by the turn of the twenty-first century, in part because of political developments in Hungary, he had retreated from “big questions” to “small questions” (hence the neologism “microhistoriography”), although that change of focus did not for one moment impede his monumental editing, writing, and publishing activities. He retired in 2018. As of 2020 he has written or edited 143 books, mostly in Hungarian or Russian.

The first chapter in Part 1, from 1978, is “On the Assessment of Ivan Peresvetov’s Activities” (*К вопросу об оценке деятельности Ивана Пересветова*, с. 21–56), in which Szvák primarily takes issue with assertions that Peresvetov was a heretic. He concludes that Peresvetov’s influence and originality have been exaggerated and that we have no evidence that he was a spokesman for the gentry. Yet he lauds Peresvetov as a literary genius who transformed his personal dilemma into a treatise on the dilemma of Russia at the time. In passing he remarks that Peresvetov manifested an ambivalent attitude toward the Ottomans: they were better than the Greeks, but otherwise bad. Szvák makes fun of the concept of the Russian Pre-Renaissance advanced by Dmitry Likhachev by asking rhetorically if Russia could have a Pre-Renaissance if it did not have a Renaissance. Despite the bibliographic breadth of this chapter, Szvák did not have access to Werner Philipp’s 1935 monograph [Philipp] or Daniel Matuszewski’s 1972 doctoral dissertation [Matuszewski].

The second chapter published in two parts in 1985 and 1987, “Soviet Historiography of Reforms in the Mid-16th Century” (*Советская историография реформ середины XVI в.*, с. 60–137), based upon his candidate’s dissertation, is exhaustive. Szvák calls into question the conflict model of relations between the boyars and the gentry, which impugns the value of Aleksandr Zimin’s thesis that the government of the 1550s pursued a “policy of compromise” between the two antagonistic social classes. Nor, Szvák continues, did Zimin take sufficiently into account Vladimir Kobrin’s point that the anti-brigandage legislation was instituted during the period of so-called “boyar rule,” so the argument that the boyars were against centralization lacks credibility. Szvák endorses Skrynnikov’s concept of the boyar class as comprised of several distinct elements, each of which had a separate policy toward the tsar’s authority. It must be said that despite Szvák’s personal relationship with Skrynnikov, he treats Skrynnikov’s research objectively and shows no favoritism. In line with what was going

on in US scholarship in the 1980s, Szvák called for more research in social history in order to put political history into a proper context. This chapter illustrates very well Szvák's tactic of using one Soviet historian's research to question another Soviet historian's conclusions. Given the great disagreements among Soviet historians on specific questions (not on the "Party line," of course), it was always possible for Szvák to find defensible support for his own conclusions.

The third chapter, from 1987, "The Question of the Historical Significance of the Oprichnina in Soviet Historical Studies" (*Вопрос исторического значения опричнины в советской исторической науке*, с. 138–196) connects both early and later Soviet scholarship on the *oprichnina* to imperial Russian precedents. For example, he associates Zimin's views with those of Vasily Klyuchevsky and Boris Veselovsky, and Skrynnikov's interpretation to that of Sergei Platonov and Petr Sadikov, although these connections are only suggestive. As Szvák well knew, each historian articulated his own composite and original interpretation, so it was extremely rare for any two historians to agree completely. In retrospect, the major contested issues of the late 1980s have remained unsolved for over thirty years later, none more central than, in Soviet terminology, the relative weight of objective factors (political and social history) and subjective factors (Ivan's personality) in the history of the *oprichnina*, in other words, how much of what happened may be ascribed to Ivan himself. Szvák scrupulously identifies the strengths and weaknesses of each publication he discusses.

The fourth chapter, the only previously unpublished essay in the book, "Some Parallels between the Images of Ivan the Terrible and Peter the Great in Russian Historical Thought" (*Некоторые параллели между образами Ивана Грозного и Петра Великого в русской исторической мысли*, с. 197–205) was delivered as a guest lecture at the University of Hawaii, Manoa, in 1987. Here Szvák declared (before the "change of regime" in Hungary) that Ivan the Terrible was famous for trying but failing to create a "totalitarian dictatorship" in Russia (с. 197). Both Ivan and Peter the Great were tyrants, but historians took a more ambivalent attitude toward Peter because westernization was considered a good thing. The 1860s saw the strongest criticism of Ivan, and the 1890s with Pavel Milyukov, the strongest criticism of Peter. Because of Stalinist xenophobia for the first and last time in Russian historiography Ivan became more important in Russian history than Peter. Stalin blamed Peter for class oppression but forgot Ivan's class repression. Of course, for his lecture, Szvák had to simplify some things, but his analysis is thought-provoking. It would have been marvelous if Szvák had later had the opportunity to review Kevin Platt's 2011 monograph comparing the myths of Ivan the Terrible and Peter I [Platt]. Unfortunately, this chapter would have greatly benefited from proof-reading and copy-editing by a native speaker of English.

The fifth chapter, from 1988, which completes Part 1, "Concepts of 'Russian Feudalism' in Russian Historiography" (*Концепт «русский феодализм» в российской историографии*, с. 206–232) pays the most

attention to imperial Russian, not Soviet, historiography, because Soviet historiography became monotonous after Boris Grekov had laid down the Party line that Kievan Rus' was feudal. The question of feudalism in Russia cannot be separated from the problem of Russia and the West. Szvák relates the acceptance of Nikolai Pavlov-Silvansky's thesis of feudalism in medieval Russia to the political conjuncture of the time in which the Revolution of 1905 had inspired hopes that Russia would begin to develop Western-style parliamentary and democratic government institutions. I wonder what Szvák thinks about recent western scholarship on medieval history, and its backlash, which impugns the entire paradigm of "feudalism" as a later, artificial, and anachronistic construct.

Part 2 does not confine itself to Soviet historiography but includes post-Soviet Russian historiography and Hungarian historiography.

In the first chapter in Part 2, from 2011, "R. G. Skrynnikov: The Historian and the World – the World of the Historian (Reconstruction Experience)" (*Р. Г. Скрынников: историк и мир – мир историка (опыт реконструкции)*), с. 233–248), Szvák highlights the evolution of Skrynnikov's thoughts in the 1990s as he sought to emancipate himself intellectually from Soviet historiography and to return to the democratic values of the Imperial Russian historiographic tradition. Sometimes the conflict between Skrynnikov's factographic exposition and the Procrustean bed of Soviet dogmatism before 1991 led to inconsistencies in his conclusions. No one is more qualified to explore those anomalies than Szvák. By 1991 with the publication of *Tsarstvo terrora*, Ivan's rational autocratic *oprichnina* had become Ivan's self-destructive despotic *oprichnina*. Szvák notes in passing his response to my emphasis upon the continuity of Skrynnikov's evaluation of Ivan¹. I have no problem with Szvák's conclusion that while keeping his main points intact, Skrynnikov's exposition grew in profundity and generalization. At least in part, I would explain our different views by chronology. Szvák read Skrynnikov's publications on Ivan as they appeared, whereas I read virtually all of them in one fell swoop after 2000 when I began working in earnest on Ivan the Terrible. And, of course, I also had the benefit of reading Szvák's articles on Skrynnikov on Ivan before I wrote my own essay. Finally, Szvák has some interesting things to say on the friction between Skrynnikov and Igor' Froyanov. Szvák notes, with some disdain, that no one ever even nominated Skrynnikov for admission to the Academy of Sciences. He attributes this failure not to the competition between the Moscow and St Petersburg "schools" of Russian history but to Moscow domination of the Academy hierarchy and center-periphery attitudes. Leningrad/St. Petersburg historians did emphasize their separation from their Moscow colleagues by creating a Leningrad (now St. Petersburg) Branch (*otdelenie*) of the Institute of History of the Academy of Sciences, and even a separate branch of the Academy's publishing house *Nauka*. Nevertheless,

¹ Szvák did not update his reference (с. 243, n. 22) to my then unpublished article; now see [Halperin].

the reasons for Skrynnikov “exclusion” from the Academy of Sciences, if it was that, require further study.

In the second chapter of Part 2, from 2012, “Parallel Biographies – the Fate of a Historian in the Soviet Union and Hungary: Brushstrokes to the Portraits of Ruslan Skrynnikov and József Perényi” (*Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии: штрихи к портрету Руслана Скряникова и Йозефа Перени*, с. 249–263), Szvák pays tribute to his two mentors by comparing their careers. Certainly, Perényi had greater career difficulties because he had to adjust to the imposition of Communist rule; for a while, he had to support himself by manual labor. Skrynnikov at his worst had to teach at Herzen State University instead of Leningrad State University. Skrynnikov achieved international fame, while Perényi did not receive adequate recognition in Hungary. The most interesting material in this chapter to me is the portrait of the historical profession in a “satellite” country.

An Attempt at Microhistoriography (Опыт микроисториографии) concludes with the “Instead of a Conclusion. An Attempt at Creating a New State Concept of the History of Russia” (*Вместо заключения: опыты создания новой государственной концепции истории России*, с. 264–282) from 2017. It consists of two segments, the first on the attempt of the Putin government to impose a new standard and textbook on Russian history, which ultimately failed, and the second considers Russian historical memory, revealed by several projects by the television program *Имя России* which sponsored contests via online voting to identify the greatest heroes of Russian history and the most important historic geographic sites. I found several of Szvák’s obiter dicta more interesting than the subjects of this chapter, for example, that contemporary Hungarian historians have revived the Cold War treatment of Stalin and Hitler as equally totalitarian, or that Hungarians were surprised that Leo Tolstoy did not make the top-ten list of the greatest personalities in Russian history.

I would have preferred if it had omitted his substitute “conclusion” and instead reprinted his 2003 article on Soviet and post-Soviet Russian historiography about Ivan from 1989 to 2001 in Part 1 [Свак, 2003]. Overall, he emphasizes the durability of Zimin’s ideas and the continuity of Skrynnikov’s conclusions. He remarks that Andrei Yurganov’s eschatological interpretation of the *oprichnina* rests on no more than a guess that Ivan was thinking of the Day of Judgment when he created the *oprichnina*. In his last works Skrynnikov expressed similar skepticism.

Of course, in the best of all possible worlds we would have the benefit of Szvák’s evaluation of the full panoply of post-Soviet Russian historiography about Ivan the Terrible, from the gamut of scholarly views to the extremism of the amateur authors of the New Chronology, the attempt to persuade the Russian Orthodox Church to canonize Ivan, and the Neo-Stalinists. But that would require another book. In the meantime, anyone interested in Soviet historiography, particularly about medieval and early modern Russian history, would benefit greatly from reading *Опыт микроисториографии*, another product of Gyula Szvák’s outstanding scholarship.

Список литературы

Свак Д. Еще раз об историографии царствования Ивана Грозного // Московская Русь: специфика развития / под ред. Д. Свак. Будапешт : Magyar Ruzsisztika Intézet, 2003. С. 69–75.

Свак Д. Опыт микроисториографии. М. : Аквилон, 2019. 288 с.

Halperin C. J. Ruslan Skrynnikov on Ivan IV // *Dubitando : Essays in Culture and History in Honor of Donald Ostrowski* / ed. by B. J. Boeck et al. Bloomington, IN : Slavica Publ., 2012. P. 193–207.

Matuszewski D. C. Peresvetov: The Ottoman Example and the Muscovite State : PhD Diss. Washington : [S. n.], 1972. 308 p.

Philipp W. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches. Berlin : Ost-Europa-Verlag, 1935. 123 S.

Platt K. M. F. *Terror and Greatness. Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2011. XI, 294 p.

References

Halperin, C. J. (2012). Ruslan Skrynnikov on Ivan IV. In Boeck, B. J. et al. (Ed.). *Dubitando. Essays in Culture and History in Honor of Donald Ostrowski*. Bloomington, IN, Slavica Publ., pp. 193–207.

Matuszewski, D. C. (1972). *Peresvetov: The Ottoman Example and the Muscovite State*. PhD Diss. Washington, S. n. 308 p.

Philipp, W. (1935). *Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches*. Berlin, Ost-Europa-Verlag. 123 S.

Platt, K. M. F. (2011). *Terror and Greatness. Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca, Cornell Univ. Press. XI, 294 p.

Szváák, G. (2003). Eshche raz ob istoriografii tsarstvovaniya Ivana Groznogo [Again on the Historiography of the Reign of Ivan the Terrible]. In Szváák, G. (Ed.). *Moskovskaya Rus' : spetsifika razvitiya*. Budapest, Magyar Ruzsisztika Intézet, pp. 69–75.

Szváák, G. (2019). *Opyt mikroistoriografii* [An Attempt at Microhistoriography]. Moscow, Akvilon. 288 p.

The article was submitted on 06.06.2020

BORDERS AND THEIR MYTHS: BASTIONS OF FAITH AND NATION* **

Rev. of: Berezhnaya, L., Kein-Kircher, H. (Eds.). (2019). *Rampart Nations. Bulwark Myths of East European Multiconfessional Societies in the Age of Nationalism*. N. Y., Oxford, Berghahn Books. 406 + X p.

James M. White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The reviewer examines a recent anthology on the transformations of the *antemurale* myth in the borderlands of Eastern Europe during the age of nationalism. Edited by Lilya Berezhnaya and Heide Kein-Kircher, the volume contains thirteen essays by fourteen international authors. After briefly defining the *antemurale* myth, its most famous version (the *antemurale christianitatis*), and the ongoing relevance of the subject, the reviewer discusses the structure of the book and the content of the essays. Praise is offered to the wide number of cases analysed, the decision to open the collection with a contextual essay on the fifteenth-century history of the myth and to close it with discussions about the modern situation, the collective and individual strength of the essays, and the inclusion of numerous pieces discussing the material dimension of the myth and its spread (alongside more traditional evaluations of its discursive formulation). Criticism is largely directed at the peculiar structuring of Parts II and III, which produces a rather confused impression on the reader. On the whole, however, the book is heartily recommended, along with the hope that future scholarship will apply its approach to other geographical areas.

Keywords: *antemurale*, bastion, bulwark, multiconfessional, nationalism, Eastern Europe.

Автор анализирует недавно изданную антологию, посвященную трансформации *antemurale* («бастионного») мифа, который бытовал на пограничных территориях Восточной Европы в период национализма. Книга опубликована Лилией Бережной и Хайде Кайн-Кирхером. Труд содержит

* This review was written with the financial support of the Russian Science Fund (RNF), project No. 18-18-00216.

** *Citation:* White, J. M. (2020). Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1802–1806. DOI 10.15826/qr.2020.5.560.

Цитирование: White J. M. Borders and Their Myths: Bastions of Faith and Nation // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1802–1806. DOI 10.15826/qr.2020.5.560.

13 эссе, написанных 14 авторами. После краткого объяснения, чем является *antemurale* миф, в том числе в его наиболее распространенной концепции *antemurale christianitatis* (лат. «бастион христианства»), и комментария причин неугасаемой актуальности данной темы дается представление о содержании как данной работы в целом, так и ее отдельных эссе. В основном статьи оценены довольно высоко благодаря сюжетам, которые раскрываются в рецензируемых исследованиях. Кроме того, автор подчеркивает особую структуру данного издания, которая начинается с эссе о мифе и его появлении в XV в., а заканчивается дискуссией о современном состоянии изучения предмета, рассуждениями над слабыми и сильными сторонами каждого из эссе с привлечением дополнительного материала о создании мифа и его распространении (наряду с упоминанием более традиционного влияния дискурсивных формулировок). Критика в основном направлена на отдельные части (II и III), которые могут вызвать смешанные чувства у читателей. Тем не менее, автор рекомендует книгу с надеждой, что она окажется полезной будущим исследованиям, посвященным другим географическим регионам.

Ключевые слова: антемурал, бастион, оплот, многоконфессиональное общество, национализм, Восточная Европа.

Defined on its most basic level, the myth of the *antemurale* assigns a borderland the role of defender of a civilization against out-groups designated as not belonging to said civilization. It is hence both an inclusionary and exclusionary mechanism: inclusionary because the borderland is definitively assigned membership of the civilization it supposedly defends and exclusionary because it places some groups beyond the pale of that civilization. It can function as a rallying call on national and international levels. In terms of the borderland nation itself, the assignment of a special historical destiny, sometimes given the gloss of the sacred, can be used to summon citizens to fight. Internationally, other nations belonging to the in-group in need of defence might be expected to contribute to the battle. However, it can be as divisive as unifying: turned inwards, the myth can be used to identify and direct policies towards 'internal enemies', be they populations within the borderlands themselves or nations which are defined to have somehow 'lost' the attributes of the defended civilization. The *antemurale* myth is a discourse of identity and space given shape not only in text, but also in material objects (maps, paintings, and other artefacts) and particular geographical places (specific features, cities, and sites).

Perhaps the most famous example of the *antemurale* myth, the *antemurale christianitatis*, occurred in Renaissance Europe when Hungary was conceptualised as the bulwark of Catholic Christendom against the invading Islamic Ottoman Empire, partially in the hope of rallying the princes of Europe to launch crusades. Later, Venice and Poland also received and identified with this role. In terms of the latter, the myth was expanded to place Orthodox Muscovy firmly beyond the gates of Europe.

As we see here, European civilization was primarily defined in confessional terms: civilization was Catholic, non-civilization either Orthodox or Islamic. Hungary and Poland, the borderlands of Europe, had the holy duty of protecting this civilization from the external forces that would threaten it. In both countries, the myth proved enduringly popular, even as rising nationalism in the nineteenth and twentieth centuries intertwined with or subsumed earlier confessional forms of identity: as a consequence, the notion of civilizational bulwark became increasingly nationalised.

At the same time, the discourse was turned inwards as much as outwards. The conceptualisation of the *antemurale* depends on clear and clean border lines: here be we, there be dragons. However, the real situation in the region was an extremely complex array of linguistic, religious, and ethnic diversity. Thus, bulwark rhetoric was often directed at various minorities: in the case of Poland, Ukrainians and Jews were defined, confessionally, linguistically, and racially, as outsiders whose presence in the country was threatening on a civilizational level. This, of course, had disastrous consequences in the bloody decades of the twentieth century. The rise of the Soviet Union after 1917 gave the myth a distinctively anti-Bolshevik slant, casting many countries as a wall against an oncoming tide of atheism and collectivism: this often fused quite easily with existing anti-Semitic and russophobic tropes. The so-called 'Miracle on the Vistula' in 1920 gained pivotal status in this new Polish version of *antemurale* rhetoric, just as earlier Polish versions had heralded the siege of Vienna in 1683. Today, Polish and Hungarian governments continue to aim the myth at Middle Eastern refugees, post-Soviet Russia, internal opponents, EU institutions, and the 'decadent' countries of the West, casting themselves as protectors of a mythic 'true' Europe constituted by a loosely defined adherence to Christianity, traditional values, and certain racialized traits.

The thirteen authors (with fourteen chapters and an introduction) in Berezhnaya and Kein-Kircher's new anthology, launched as a result of collaborative research at the University of Münster and the Institute of the Leibniz Association in Marburg, seek to investigate the transformation of *antemurale* myths in the east European borderlands during the age of nationalism. The editors have included cases beyond the traditional ones of Poland and Hungary. Hence, several contributors examine Ukrainian and Russian versions of bulwark nationalism. One, Zaur Gasimov, also tackles a Turkish version propagated following the country's admission to NATO and thus the West's anti-Soviet blockade. Meanwhile, Jürgen Heyde and Ciprian Ghisa provide essays on the Jewish ghetto and Romanian Uniates in Transylvania, respectively. Ironically, the *antemurale* myth knows no borders, spreading transnationally to be used in a variety of different geographical contexts.

Although the essays mostly cover the nineteenth and first half of the twentieth centuries, the volume is bookended by parts I and IV, which offer pieces examining the pre-modern historical context and the situation following the collapse of the communist bloc. In the former, Kerstin Weiland examines the

propagation of the *antemurale* discourse through the speeches of Enea Silvio Piccolomini (the future Pope Pius II) at the Holy Roman diets of 1454–1455, where he demanded assistance for the Hungarian king against the Ottoman Empire. Although he did not invent this discourse, his mastery of rhetoric combined with Renaissance networks and new printing technology spread his words all over Europe: the result was his distinct imprint on many similar treatises written in the ensuing decades. Although Piccolomini's definition of Europe was primarily a religious one, he also cast it in terms of humanity and culture: the Turks were correspondingly described as monstrously cruel creatures with a hatred for learning and other achievements.

Part IV features works by Pål Kolstø and Paul Srodecki, who reflect on the endurance of bulwark rhetoric in modern Eastern Europe and beyond. These two essays demonstrate the timeliness and relevance of the current volume, since numerous parties across the continent are busy deploying versions of the *antemurale* myth in their quest for electoral and cultural dominance. They are joined by some political scientists, most famously Samuel Huntington, whose schema of modern civilizations and their conflicts remains highly dependent on the same religious definitions included in the original mythos [Huntington]. Kolstø also makes an effort to relate the emergence of *antemurale* myths to power asymmetries, i. e. such myths typically arise and are sustained in smaller, weaker countries in the face of larger, stronger neighbours. However, this seems to be somewhat at variance with other essays in the work, which demonstrate that quite powerful states, both historical and modern, also propagated bastion narratives. Perhaps it would be better to say that *perceived* power asymmetries had a role in the creation and perpetuation of these identities.

The other two parts focus on the sacralisation and nationalisation of the bulwark myth (Part II) and the means by which the myth was spread (Part III). So, for instance, in Part II we find Kerstin S. Jobst's essay on the variety of historical (semi-)myths employed to transform the Crimea into an Orthodox Russian space during the second half of the nineteenth century, while in Part III Philipp Hofeneder examines textbooks and the education system in the Habsburg province of Lvov to demonstrate how even small changes made during translation from Polish to Ukrainian helped turn school books into transmitters of a Ukrainian self-conception as a bulwark nation.

One area where a critique can be levelled at this volume is its organisation. On the one hand, the order of the essays might have better planned. Paul Srodecki's piece on Polish/Hungarian anti-Bolshevism and its roots in fact delves quite deep into the historical past of these *antemurale* myths, going back to their first occurrences in the fifteenth and sixteenth centuries. This would make the essay a fitting continuation to Weiland's aforementioned chapter at the end of Part I, which concludes with a consideration of the dispersal of Piccolomini's bulwark conception to these eastern kingdoms. Equally, it would seem fitting to have placed Volodmyr Kravchenko's interrogation of why Ukrainian *antemurale* myths did not arise until the second half of the nineteenth century much earlier in the volume. However, Srodecki's work

does not appear until Chapter 11, Part III (while Kravchenko's is Chapter 8, Part III). Instead, the essay that opens Part II is Ghisa's on the Romanian Greek Catholic Church of Transylvania, which is an exception in terms of both subject and argument: this is the only piece to deal with Romanians and is the only one to conclude that an *antemurale* myth did not arise (instead, the Uniates insisted on their membership in a larger Catholic community). On the other hand, some of the chapters would have been better suited thematically to another section. Berezhnaya's research on Orthodox and Uniate monasteries as national bulwarks, currently in Part II, in many ways better fits Part III, given that her focus here is largely on the role of these religious institutions in the dispersal of *antemurale* myths through print media, pilgrimages, and frescos. The logic of the anthology's structure is thus rather hard to discern, making a rather muddled impression on the reader who tackles the volume as a whole rather than its individual essays.

These organisational gripes aside, the vast majority of these essays are worthy contributions. One highly positive aspect of the collection is that while this is a subject which inclines itself more towards discourse analysis, a number of the authors demonstrate that material objects, institutions, and places were just as important in the formulation and spread of bulwark concepts. Already mentioned are Berezhnaya's and Hofender's discussions of monasteries and schools: to this can be added Steven Seeler's investigation of mapping practices from the perspectives of famous German, Polish, and Ukrainian geographers, Heidi Hein-Kircher's consideration of travel guides of Lvov as presentations of the Polish bulwark, and Steven M. Norris' examination of Vasilii Vasnetsov's painting *Warriors (Bogatyri)* not only in terms of its execution and reception, but also in the very sensual response it evoked: Norris highlights how both imperial and Soviet audiences sometimes noted that they could smell whiffs of medieval Rus upon seeing a painting which deliberately evoked both the strength of Russia's defenders and its claims on the legacy of the Kievan state.

In general, this is a very strong assortment of essays from a well-chosen and varied team of international collaborators. Besides the rather confused and confusing structure, the other only flaw is that the editors might have intervened more strongly in one or two of the essays to get the authors to stick more closely to the volume theme. Otherwise, the book is an excellent and eloquent contribution to a topic that is only becoming more relevant both within historiography and the modern political context. The editors deserve praise not only for the commendable work in putting together this cooperative piece but also for the admirable introduction, which provides a thorough discussion of the available scholarly literature on the *antemurale* myth. They themselves recommend a further direction for future study when admitting to the presence of geographical caesuras in the book: examinations of bulwark nationalisms in the lands of Bohemia, the Balkans, and the Baltic will surely be based on insights derived from this volume.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКЕ СИБИРИ*

Игорь Стась

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

STUDIES OF URBAN IDENTITIES IN SIBERIAN URBAN HISTORY**

Igor Stas'

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article considers the main results of identity research on Siberian urban history. The author identifies the seven most extensively developed topics in studying the history of urban identities. The first topic focuses on the formation of a city's general identity in the initial stages of its formation. Historians aim to reveal the mechanisms of general city identification, as well as the sources, criteria, and values underlying the identity of a particular city. The second topic includes studies of the drift of urban production and industrial identities in the context of industrialization: quite often, it was industrial markers that determined the direction of a city's identification. The third topic covers the study of ethnicity in urban spaces. Historians reveal the reaction of ethnicity to processes of adaptation and acculturation. The fourth issue concerns the study of gender identity in the context of the masculine orientation of urbanisation processes. Historians focus on the study of mechanisms underlying the dominance of masculine culture in the urban environment and the development of the socio-cultural significance and functions of women, their limitations and emancipation. The fifth topic concerns the identification of social stratification in urban systems.

* Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 20-78-10010 «Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930–1980-е гг.): регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры и идентификационные стратегии».

** Citation: Stas', I. (2020). Studies of Urban Identities in Siberian Urban History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561.

Цитирование: Stas' I. Studies of Urban Identities in Siberian Urban History // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561 / Стась И. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561.

Urban history gains new knowledge through studies which examine urbanisation as a factor of differentiation in urban society and classical structures of society (estates and classes), as well as in works on the identification of the middle class, social mobility, the formation of marginal groups, and vernacular culture. The sixth topic is expanded by works dealing with the historical imagology of the city. Images are forms of identity representations in cultural and public discourses. Therefore, in studying them, urban history today makes a practical contribution to the development of modern urbanism. The seventh topic focuses on the historiographical analysis of the identification research strategies of urban historians themselves. In the process of revealing urban identities, the research model should be based on a wide range of sources of a predominantly narrative nature and the anthropological approach. It seems appropriate to use the potential of memoirs, oral history, periodicals, fiction, and journalistic literature. Studies on the identity palette of Russian urban history go beyond purely historical issues and are based on deep interdisciplinary interaction.

Keywords: urban identity, gender, images, ethnicity, urban history.

Рассматриваются основные результаты исследований идентичности в сибирской исторической урбанистике. Автор выделяет семь наиболее разрабатываемых тем в изучении истории городских идентичностей. Первая концентрируется на раскрытии формирования общегородской идентичности в процессе начального становления городов. Историки стремятся выявить механизмы выстраивания общегородской идентификации, ее источники, критерии и ценности, на которых она строится в том или ином городе. Вторая включает исследования дрейфа городских производственно-отраслевых идентичностей в контексте индустриализации: нередко именно промышленные маркеры определяли путь общегородской идентификации. Третья тема охватывает изучение этничности в городских пространствах. Историки выявляют реакции этничности к процессам адаптации и аккультурации. Четвертая затрагивает исследования гендерной идентичности в контексте маскулинной направленности урбанизационных процессов. В центре внимания ученых – изучение механизмов доминирования маскулинной культуры в городской среде и раскрытие социокультурной значимости и функций женщины, ее ограничений и процесса эмансипации. Пятая тема посвящена выявлению социальной стратификации в городских системах. Урбан-история получает новое знание в исследованиях урбанизации как факторе дифференциации городского социума и классических структур общества – сословий и классов, а также в трудах по идентификации среднего класса, социальной мобильности, формированию маргинальных групп и вернакулярной культуры. Шестая расширяется за счет работ в рамках исторической имагологии города. Образы являются формами репрезентации идентичностей в культурном и публичном дискурсах, поэтому, изучая их, урбан-история сегодня вносит практический вклад в развитие современной урбанистики. Седьмая тема фокусируется на историографическом анализе идентификационных исследовательских стратегий самих урбан-историков. Исследовательская модель выявления

городских идентичностей должна базироваться на широком круге источников преимущественно нарративного характера и антропологическом подходе. Представляется целесообразным использование возможностей мемуаров, устной истории, периодики, художественной и публицистической литературы. Изучение палитры идентичностей в российской урбан-истории выходит за рамки сугубо исторической проблематики и основывается на глубоком междисциплинарном взаимодействии.

Ключевые слова: городская идентичность, гендер, образы, этничность, историческая урбанистика.

Современное исследование исторической урбанистики в России содержит несколько приоритетных тематических направлений, среди которых особенно выделяется область изучения идентичности и процессов идентификации, где происходит новое сближение истории с социокультурной антропологией, этнологией, культурологией и географией. Проблемы кросскультурных трансформаций становятся важнейшими в современном мире и приобретают особую актуальность в сибирском контексте [Человек в меняющемся мире].

Концептуализация идентичности характерна только для постсоветского научного сообщества. В предшествующие годы историческая наука практически не затронула практики идентификации, хотя с 1960-х гг. в этнографии появились работы, описывавшие самосознание этнических групп и индигенного населения. В новейших разработках историки сконцентрировались на периодах поздней империи и советского периода, которые обладают источниками, позволяющими успешно уловить идентичность современников.

Изучение феномена локального текста и идентичности связано в первую очередь с городами по следующим причинам: 1) каждый город, в отличие от деревни, обладает уникальностью – «лицом»; 2) локальная идентичность для городского сообщества имеет большую актуальность; 3) города значительно вовлечены в систему коммуникации, в силу чего настроены на самопрезентацию; 4) в городах развита сеть институтов, конструирующих и транслирующих локальную идентичность [Алексеевский, Ахметова, Лурье, с. 20].

Можно выделить несколько наиболее разрабатываемых тематик исследований процессов идентификации:

1. *Изучение формирования общегородской идентичности в процессе начального становления городов.* Историков интересует, через какие механизмы выстраивается общегородская идентификация, что является ее источником и на каких критериях и ценностях она строится в том или ином городе. На этапах городского становления идентификация реализовывалась в мечтательной и креативной форме, что социолог М. Кастельс назвал проектной идентичностью, когда социальные субъекты на основе культуры выстраивают новую идентичность, которая переопределяет их положение в обще-

стве и таким образом стремится к трансформации социальной структуры [Castells, vol. 2, p. 8].

Для изучения идентичности в контексте сибирской урбанизации исследователи особо рассматривают период 1960–1980-х гг., когда доминирование надлокальной идентичности (например, «сибирство») сменилось преобладанием поселенческих (город, село) и территориально-административных (область, край, республика, округ) идентичностей. В результате в новых урбанистических центрах мало проявлялся дух «сибирства», его символов и сибирских традиций, существовала оторванность от природы [Бороноев, с. 15]. «Мечтательные» формы идентификации при возведении нового города были нормой в период городскихстроек в Сибири в 1950–1970-х гг. [Салахова]. Мечта о Новом городе носила сюрреалистический характер («город как идея»), не была привязана к конкретным пространственным границам и являлась способом организации пространства и времени [ср.: Ефремова]. К подобным выводам приходит и И. А. Разумова на основании изучения Европейского Севера России. Анализ исторической ситуации в молодых городах способен прояснить, каким образом происходило рождение социокультуры, далеко не всегда преемственно связанной с иными этнолокальными очагами [Разумова, с. 153–154]. При этом городская идентификация продолжалась в среде постоянных мигрантов [Гонина, 2015]. Сценарии формирования общегородской идентичности пишутся посредством анализа практики реализации нормативно-законодательных документов, ведомственных решений и организации местного самоуправления. Поиск идентичности выступает преимущественно инструментом анализа [Плотникова].

2. *Исследование дрейфа производственно-отраслевых идентичностей в контексте индустриализации.* Идентификация горожанина со своим местом работы, предприятием и коллективом нередко была движущей силой обретения общегородской идентичности. В производственных стратегиях идентификации завод становился «вторым домом», а люди, говоря о себе, использовали не топографическое понятие (место проживания), а называли место работы. Н. В. Гонина окрестила это явление «патернализмом крупного предприятия». Но связанные с этим доминирующие производственные и профессиональные идентичности неизбежно дрейфовали в сторону развития личности посредством свободы от ограничений и поиска новых идентичностей в сферах не только производства, а в образовании, художественном творчестве, спорте, девиантном поведении. Происходил переход от патернализма и коллективизма к индивидуализации, осознанию самоценности личности и потребительской культуре [Гонина, 2014, с. 50].

Сопоставление с кейсами из исследований городов Европейского Севера России подтверждает этот дрейф. Сыктывкарские историки указывали, что воркутинская идентичность базировалась

на социально-профессиональном фундаменте и шахтерской солидарности, а вот в Сыктывкаре, где население не было спаяно узлами социально-профессиональной солидарности и схожестью личных судеб, формирование общей идентичности происходило затруднительно [Шабаев, Рогачев, Рябинкин, с. 90].

Исследование городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса показывает, что производственная (ведомственная, микро-районная) культура вела к формированию у жителей городов общинно-коммунального духа, более характерного для деревень и поселков. Большинство жителей городов нефтяников не идентифицировали себя как горожан. Мало было тех, кто мог спокойно себя назвать сургутянином, нижевартовцем или нефтеюганцем. В информационном, административном и даже поэтическом дискурсах фиксировалась организованная, а не естественная идентификация населения, базировавшаяся на отношении к труду – «трудящиеся», «рабочие», «работающие» – это в широком плане, а в более узком был задействован профессионально-отраслевой критерий – «нефтяники», «геологи», «строители», «газовики», «энергетики».

На протяжении 1960–1970-х гг. совокупность всех отраслевых идентичностей в нефтегазовом комплексе Западной Сибири едва образовывала категорию «горожане», потому что не сложилось постоянное городское население, находившееся скорее в мобильном состоянии и готовое уехать из региона в любой момент из-за плохих условий жизни. Улучшение инфраструктуры и жилищного строительства в 1980-х гг., увеличение естественного прироста населения привели к формированию общегородской идентичности.

Идентификационный дрейф показателен для северных промышленных центров, где миграционная текучесть предопределяла гибкость социальных локализаций. Там же, где миграционные потоки ослабевали, индустриальное освоение могло вести к большей связанности отраслевых и городских общностей. Исторической науке еще предстоит разрешить проблему социальных взаимодействий в сибирских городах в эпоху промышленного строительства. В этом контексте возникает вопрос о практиках идентификации населения в закрытых городах Сибири. Несмотря на фундаментальные исследования этих административно-территориальных образований, в том числе и в социокультурном аспекте [Реут], историография пока не дала на него ответа.

3. *Трансформации этничности в городе.* В условиях урбанизации и глобализации проблема сохранения этнической идентификации особенно актуальна. Она пересекается с этноязыковыми и религиозными адаптивными практиками горожан, с изучением трансформации интернациональной и наднациональной идентичности в городской среде.

Данная тема подразумевает, что главной исследовательской целью становится реакция этничности на всепоглощающие процессы адаптации и аккультурации. Это продемонстрировано в оригинальной кон-

цепции иркутских ученых об этнизации городских пространств, выступающей процессом актуализации этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями в конце XIX – начале XXI в. [Дятлов, Григоричев].

И здесь российский город представляет собой систему с дисперсным характером расселения этнических групп в пределах городской черты (в отличие, например, от американских поселений), что затрудняет его историко-этнографическое изучение. Для преодоления этого объективного барьера кемеровский исследователь В. В. Поддубиков призывает изучать этничность коренных народностей, этнические группы мигрантов, диаспоры в городах и то, как сохраняются или трансформируются их этническая идентичность, этнокультурные традиции, какая вырабатывается стратегия участия в смешанных браках [Поддубиков].

Наиболее продуктивной в сибирской историографии представляется проблема этнической идентификации коренных народов в условиях урбанизации. Л. Н. Хаховская выделяет следующие формы проявления аборигенной этничности в городе: обыденный (семья и друзья), публичный (этнические праздники и фестивали, форумы, СМИ) и профессиональный (чиновник, культработник, свободный художник, предприниматель). Демонстрация аборигенной культуры в городе уже не выступает как традиция, а является лишь ответом на общественный запрос «на экзотику», становясь тем самым частью элитарной культуры, создаваемой профессионалами [Хаховская, с. 56].

Однако, несмотря на актуализацию данной тематики, в историографии мало исследованы вопросы, связанные с состоянием этнической идентификации у коренных народов Сибири в контексте урбанизационного развития и национальной политики в период СССР. Политика коренизации в 1920–1930-х гг. рассматривается только в связи с деятельностью государственно-партийного аппарата без учета социальных и культурных трансформаций коренных национальностей. Такой вывод можно сделать при анализе основных трудов по истории хантов, манси, ненцев и других сибирских этносов в XX в.

4. *Исследование гендерной идентичности в контексте урбанизационных процессов.* Бурное городское развитие, как правило, порождается и протекает параллельно с интенсивной индустриализацией, когда создается градообразующая база, что, в свою очередь, определяет маскулинную направленность урбанизации. В центре исследований стоит изучение роли, и нередко – доминирования маскулинной культуры в городской среде; раскрытие социокультурной значимости и ограничений женских функций, а также процесса эмансипации.

Урбанизация в поздней империи вела к увеличению количества разводов и, вследствие этого, к росту количества одиноких женщин, которые были экономически и социально незащищенными. Ю. М. Гончаров доказал, что в городах имперской России осуществ-

влялся контроль над женской сексуальностью [Гончаров, 2011], которая являлась важнейшим проявлением гендерной идентичности.

Особенный интерес вызывает период 1920–1930-х гг., когда женщина обретала «новый образ». В оригинальных трудах М. В. Васехи раскрывается, что в эту эпоху городские женщины «подписали» новый гендерный контракт, когда они, получая «двойную занятость», должны были выполнять функцию «работающей матери»: нести обязанности матери – хранительницы семейного очага и работницы-общественницы [Васеха, с. 58].

Исследовательские сибирские кейсы показывают, что советский «этакратический» контракт уже в послевоенные годы не получал реализации, так как «в большинстве случаев женщины, создав семью, посвящали ее обеспечению все свое свободное время, отказываясь от обучения и самореализации вне домашнего очага» [Гонина, Вавиленко, с. 143]. Это, в свою очередь, вело к относительному росту материального благополучия, из-за чего распространилась практика сознательного ограничения деторождения. В исторических трудах по гендеру редко, но прописывается тенденция, что урбанизация Сибири 1950–1960-х гг. даже в малых городах постепенно формировала новую категорию женщин, которые активно пользовались благами городской жизни [Вавиленко, с. 11]. Задача выявления роли феминной культуры в развитии территориально-производственных комплексов Сибири ждет своего решения.

5. *Исследования социальной стратификации в городе.* Первостепенную нишу в этой теме занимают исследования сословий и классов в целях выявления их трансформации в условиях урбанизации. Однако значительный пласт этих трудов не затрагивает контекст урбанизации и городской среды. Нередко историки включают в границы урбанистических трудов, которые посвящены изучению социальных страт, но скорее принадлежащие к другим сферам исторической науки – экономической истории (история предпринимательства), социальной истории (история купечества, рабочих, интеллигенции) и т. д. Анализируя особенности городских слоев населения, историки зачастую не раскрывают системный и всеобщий урбанизационный процесс.

Конструктивным исключением являются комплексные исследования Ю. М. Гончарова, в которых раскрывается, что к началу XX в. сословное деление российского общества становилось анахронизмом, в городах постоянно появлялись новые категории населения, выделяемые по профессиональному признаку вне традиционной сословной системы [Гончаров, 2013, с. 129]. Весомым исследованием следует назвать монографию В. Г. Рыженко о городской интеллигенции Сибири 1920-х гг. [Рыженко, 2003]. Исследовательнице удалось репрезентовать не только традиционные характеристики интеллектуального сообщества, но и его сочленение с городским культурным пространством (благоустройством, символами, образами). Эпоха советских «шестидесятников» оказалась продуктивным полем для

анализа идентификационных стратегий по отношению к городскому образу жизни в моделях С. А. Рафиковой, на красноярском материале раскрывающей, что количество горожан было существенно меньше данных официальной статистики [Рафикова].

В историографии городских дифференциаций серьезной методологической проблемой является использование понятийного аппарата. Находясь под сильным влиянием социальной истории, в тематике городских стратификаций лишь эпизодически применяются понятия идентификационного анализа. Поэтому историки чаще обделяли вниманием не только урбанизацию и город как контекстуализирующий фактор дифференциации общества, но и появление маргинальных групп и вернакулярной культуры в городском пространстве вследствие социального разделения и неравенства. До сих пор не исследованы сценарии поселкового и деревенского образа жизни в структуре городского общества. Нет ответа о типах адаптации сельчан к городской среде. Эти антропологические проблемы могли бы стать стержнями для будущих исследовательских схем социальной стратификации в сибирской урбан-истории.

6. *Историческая имагология в городских исследованиях.* Поскольку урбанизация неизбежно ведет к формированию новых культурных пространств, центрирование которых происходит вокруг учреждений социальной сферы, культуры и спорта, парковых и символических мест, в приоритете исторической науки остается раскрытие всей палитры и иерархии идентичностей и образов в городской среде. Тема эволюции образов в данном случае может быть аккумулирующей для других направлений в комплексных исследованиях городских идентичностей.

Образы города являются важнейшим вербальным и визуальным источником познания процессов идентификации в истории, а также формами репрезентации идентичностей в культурном и публичном дискурсах. Именно дискурс-анализ становится эффективной методикой при изучении трансформации городских образов и знаковых локальных мест, процессов их производства и потребления в истории [Бреславский, 2012]. Современные исследования образа, в том числе в истории, стремятся познавать проблемы идентичности с точки зрения формирования бренда, который рассматривается как концептуальный конструкт, воспроизводящийся еще со второй половины XIX в. [Агеев].

Одним из наиболее успешных примеров исследования исторической урбан-имагологии является монография В. Г. Рыженко, которая в векторе интеллектуальной истории показала, как образы городов в условиях активной урбанизации возникают в виде конструкта интеллигентского сообщества, а затем закрепляются в исторической памяти горожан в форме легенд, мифов, литературных и изобразительных текстов [Рыженко, 2010]. По мнению М. Ю. Тимофеева, в промышленных городах именно представители местного интеллек-

туального сообщества выступают в качестве хранителей традиций и трансляторов местных мифологем [Тимофеев, с. 36].

Задача историков – включиться в процесс производства экспертного знания, предотвратив негативные социальные и политические эффекты от использования городской истории [Бреславский, 2011], то есть присоединиться к формированию городских брендов и идентичностей, что позволит усилить их качество и историчность. Тем самым, исследуя городские образы прошлого и настоящего, урбан-история вносит практический вклад в процессы разработки региональных культурных политик, брендинга, сохранения историко-культурного наследия и исторической памяти, обоснования туристических зон и инвестиционной привлекательности.

7. Историографический анализ самопонимания исторической урбанистики. Интерес к данной тематике вызван неоднозначным современным историческим сообществом, занимающимся изучением городов и урбанизации России, но все еще не имеющим выраженной самоидентификации в концепте исторической урбанистики, замкнутым в краеведческой локальности. Поэтому необходимы «автобиографические» работы, раскрывающие историко-урбанистическое наследие разных научных центров.

Впервые анализ состояния городских исследований в отечественной исторической науке был проведен в конце 1980-х гг. Именно тогда историки стали идентифицировать себя как историков-городоведов. В этом была большая заслуга Д. Я. Резуна, который назвал историографию городов Сибири новым термином «урбанистика» [Резун]. С 1990-х гг. институционализации исторической сибирской урбанистики способствовали Новосибирский, Барнаульский и Омский научные центры, которые пытались осмыслить новое направление посредством конференций и конкретно-исторических исследований [Исаев; Рыженко, 2006; Гончаров, 2005]. В 2014 г. такая попытка «самопонимания» была предпринята в Сургуте посредством заочного форума «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города» [Баканов].

Накопленный историко-урбанистический бэкграунд остается фрагментированным и недостаточным для создания научной сети сибирских и российских урбан-историков. Идентификационная тактика содействует пониманию исторической урбанистики как социального феномена научного воспроизводства посредством деятельности исследователей с различными тождествами по отношению к научным школам, историческим направлениям и проблематикам.

Урбанизация рассматривается современной социально-гуманитарной наукой не только как социально-экономическое явление, но и как процесс формирования и интеграции городского сознания и образа жизни, без которых невозможно создание городской среды, но которые очень сложно воспроизвести в исторической ретроспективе. Главной задачей урбан-истории в области исследования процессов идентификации является определение факторов и меха-

низмов формирования, стратификации и образности идентичностей (проектных, производственно-отраслевых, этнических, гендерных и др.) в условиях урбанизации в разные исторические периоды.

Сложнейшей проблемой в урбан-истории остается разработка теоретико-методологической основы в исследованиях городских идентичностей. Удачную модель предложила О. С. Чернявская. Она заключается в рассмотрении процесса формирования идентификации в трех измерениях: 1) в физическом пространстве города посредством анализа индикаторов освоенности/неосвоенности, присвоенности/чуждости, детализации/схематичности, комфортности/неуютности, разнообразия/гомогенности, формальных/личных границ территории; 2) в информационном пространстве через выявление наличия позитивности/негативности и желаемости образа своего города, эмоционального отношения к нему, включенности в циркуляцию информации в нем, интереса к его истории; 3) в социальном пространстве за счет анализа ситуаций употребления самоназвания горожан, территориального сообщества, оснований для гордости, интереса к актуальным событиям и проблемам и к будущему города [Чернявская, с. 97–99]. Эта модель может быть работающей и в ретроспективных исследованиях.

Отечественные историки ограниченно используют методику социологических и антропологических деконструкций идентичности, при которых выделяются ее категории, атрибуты, нормы и правила, а также практики конкретных случаев взаимодействия сообществ. Зачастую отсутствует устоявшаяся в антропологической мысли ясность реализации жизненных личностных интеракций в широком спектре императивных/вариативных, реляционных/ситуативных, аномальных и других категоризаций идентичности.

Для построения исследовательской модели необходимо привлечь широкий круг источников, а также иметь концептуальную антропологическую базу для интерпретации фрагментарных источников. Представляется целесообразным использование возможностей мемуаров, устной истории, периодики, художественной и публицистической литературы, на основании которых можно раскрыть исторический процесс формирования городских идентичностей. Опираясь на мнение Д. С. Конькова, нельзя не согласиться, что при анализе этих источников необходимо выявить и структурировать личностные интенции автора источника (особенно это касается эгоисточников) либо через раскрытие автором своей идентичности, либо через особенности структурного и лексического построения текста [Коньков, с. 81]. При этом не принципиально знать, кем является автор текста, важнее определить его принадлежность к той или иной культурной и социальной группе, для чего в источнике выделяются метафоричные и обыденные образы автора, идеалы и ценности, мотивы и желания, восприятие ими «своих» и «чужих», объекты критики и позитива, дискурс и контекст создания документа.

Эти категории, не прописанные открыто, скорее конструируются исследователем и сопоставляются в рамках позитивистской аналитики с фактологической информацией из нормативных, делопроизводственных, статистических и материальных источников. При изучении этих категорий, вероятно, окажется, что, в силу повышенной динамики урбанизма идентификация горожан движется с удивительной скоростью, когда в течение нескольких лет или даже месяцев доминирующие идентичности в городе меняются коренным образом под влиянием региональной или общегосударственной пропаганды, миграции больших масс, строительства новых районов, исторического контекста или каких-либо местных событий. Как правило, эти идентичности синтезируются с городскими образами, отраслями и профессиями, социальными и субкультурными группами. Некоторые городские идентичности могут быть императивными, жизнеспособными в долговременной исторической ретроспективе, особенно это характерно для априорной идентификации по этническим, мифологическим, религиозным, гендерным и возрастным критериям.

Таким образом, исследования палитры идентичностей в сибирской урбан-истории выходят за рамки сугубо исторической проблематики и базируются на глубоком междисциплинарном взаимодействии в контексте изучения формирования общегородской, производственно-отраслевых, этнических, гендерных и других идентичностей, их стратификации, пространственного и образно-дискурсивного воспроизводства. Раскрытие разнообразия идентификационных форм в условиях урбанизации обеспечивается только путем теоретико-методологического моделирования и интерпретации фактов и нарративов, основанных на широком источниковом материале.

Список литературы

Агеев И. А. Брендинг города и региона как средство формирования территориальной идентичности: исторический опыт сибирских городов // *Вестн. науки Сибири.* 2015. № 2 (17). С. 155–163.

Алексеевский М. Д., Ахметова М. В., Лурье М. Л. Исследования города // *Антропологический форум.* 2010. № 12. С. 16–25.

Баканов С. А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 198–201. DOI 10.24411/2542-0275-2016-00027.

Бороноев А. О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // *Сибирь : Проблемы сибирской идентичности.* СПб. : Астерион, 2003. С. 9–20.

Бреславский А. С. Городская история, исторический дискурс, критический дискурс-анализ // *Урал. ист. вестн.* 2011. № 1 (30). С. 102–105.

Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 156 с.

Вавиленко А. Ю. Модернизация труда и быта женщин малого сибирского города в 1959–1979 гг. (на материалах г. Боготола) // *Гендерные исследования в гуманитарных науках* : сб. ст. по материалам III междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2015. С. 5–13.

Васеха М. В. «Новая советская женщина»: конструирование образа в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири) // Вестн. РФФИ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 57–67.

Гонина Н. В. Трансформация социокультурной идентичности горожан в условиях индустриализации во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. (на материалах Ангаро-Енисейского региона) // Лабиринт : журн. соц.-гуманитар. исслед. 2014. № 1. С. 49–56.

Гонина Н. В. Синдром полярной идентичности: норильчанин между Севером и Югом // Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы междунар. междисциплинар. конф. Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2015. С. 95–104.

Гонина Н. В., Вавиленко А. Ю. Многодетная мать в восточносибирском городе: провинциальные аспекты демографического перехода (вторая половина 1950-х – начало 1980-х годов) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 16. 2017. № 1. С. 135–147.

Гончаров Ю. М. Барнаульская школа исторического городоведения // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. : сб. науч. тр. Барнаул : Аз Бука, 2005. С. 30–40.

Гончаров Ю. М. Одинокие женщины в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. исследования. 2011. № 2. С. 142–148.

Гончаров Ю. М. Проблемы изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2013. № 4–1. С. 124–130.

Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.

Ефремова Е. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Исаев В. И. Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитар. науки в Сибири. 2010. № 1. С. 17–20.

Коньков Д. С. Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 409. С. 79–84. DOI 10.17223/15617793/409/12.

Плотникова М. М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. 191 с.

Поддубиков В. В. Этнокультурное пространство российского города: некоторые проблемы этнологического исследования // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 137–147.

Разумова И. А. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 148–156.

Рафикова С. А. «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 13. 2014. № 1. С. 115–122.

Резун Д. Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVII – первой половины XIX вв. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX вв. Новосибирск : Наука, 1987. С. 222–247.

Реут Г. А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск : Красноярск. гос. аграр. ун-т, 2012. 349 с.

Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2003. 370 с.

Рыженко В. Г. Сибирское городоведение рубежа XX–XXI веков: поиски подходов к изучению культурного пространства города // История и культура городов

России: от традиции к модернизации : материалы Всерос. науч. конгр., посв. 290-летию г. Омска (Омск, 12–14 октября 2006 г.). Омск : Наука, 2006. С. 14–17.

Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2010. 340 с.

Салахова Л. М. Мечта о Новом городе: привязка к местности и обстоятельствам // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2013. № 2–2. С. 44–52.

Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт : журн. соц.-гуманитар. исслед. 2013. № 5. С. 29–41.

Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сиб. ист. исслед. 2014. № 2. С. 39–59.

Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : программа и тезисы. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2014. 328 с.

Чернявская О. С. Изучение идентичности горожан // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 96–102.

Шабаетов Ю. П., Рогачев М. Б., Рябинкин Г. С. Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность // Человек. Культура. Образование. 2012. № 2. С. 85–94.

Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture : 2 Vols. West Sussex : Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 2. 538 p.

References

Ageev, I. A. (2015). Branding goroda i regiona kak sredstvo formirovaniya territorial'noi identichnosti: istoricheskii opyt sibirskikh gorodov [Branding of the City and Region as a Means of Territorial Identity Formation: The Historical Experience of Siberian Cities]. In *Vestnik nauki Sibiri*. No. 2 (17), pp. 155–163.

Alekseevskii, M. D., Akhmetova, M. V., Lur'e, M. L. (2010). Issledovaniya goroda [City Research]. In *Antropologicheskii forum*. No. 12, pp. 16–25.

Bakanov, S. A. (2016). Istoricheskaya urbanistika v Rossii zayavlyaet o sebe [Urban History in Russia Speaks about Itself]. In *Magistra Vitae. Elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*. No. 2. pp. 198–201. DOI 10.24411/2542-0275-2016-00027.

Boronoev, A. O. (2003). "Sibirstvo" kak forma territorial'noi identichnosti ["Siberia" as a Form of Territorial Identity]. In *Sibir'. Problemy sibirskoi identichnosti*. St Petersburg, Asterion, pp. 9–20.

Breslavskii, A. S. (2011). Gorodskaya istoriya, istoricheskii diskurs, kriticheskii diskurs-analiz [Urban History, Historical Discourse, Critical Discourse Analysis]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (30), pp. 102–105.

Breslavskii, A. S. (2012). *Postsovetskii Ulan-Ude: kul'turnoe prostranstvo i obrazy goroda (1991–2011 gg.)* [Post-Soviet Ulan-Ude: Cultural Space and Images of the City (1991–2011)]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 156 p.

Castells, M. (2010). *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. 2 Vols. West Sussex, Wiley-Blackwell. Vol. 2. 538 p.

Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noi adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya. Programma i tezisy [Man in a Changing World. Issues of Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology, Methods, and Practices of Research. Programme and Theses]. (2014). Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 328 p.

Chernyavskaya, O. S. (2012). Izuchenie identichnosti gorozhan [A Study of Citizens' Identity]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. No. 2 (26), pp. 96–102.

Dyatlov, V. I., Grigoriev, K. V. (2014). Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obschestva [Siberia: The Dynamics of Urban Space Ethnicisation in Migrant Societies]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. Vol. 10, pp. 8–19.

Efremova, E. (2015). "Zdes' budet gorod-sad": utopicheskii obraz goroda v zavodskoi gazete Uralmasha [*Here Will be a Garden-City: Utopian Image of a City in the Uralmash Plant Newspaper*]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Goncharov, Yu. M. (2005). Barnaul'skaya shkola istoricheskogo gorodovedeniya [The Barnaul School of Local Urban History]. In *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII–nachala XX vv. Sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul, Az Buka, pp. 30–40.

Goncharov, Yu. M. (2011). Odinokie zhenshchiny v gorodakh Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Single Women in the Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. No. 2, pp. 142–148.

Goncharov, Yu. M. (2013). Problemy izucheniya sotsial'noi stratifikatsii naseleniya gorodov Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Issues of Studying the Social Stratification of the Population of Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–1, pp. 124–130.

Gonina, N. V. (2014). Transformatsiya sotsiokul'turnoi identichnosti gorozhan v usloviyakh industrializatsii vo vtoroi polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. (na materialakh Angaro-Eniseiskogo regiona) [The Transformation of Social and Cultural Identity of Citizens in the Conditions of Industrialisation in the Second Half of the 1950s – Early 1980s (with Reference to Angara-Yenisei Region)]. In *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, No. 1, pp. 49–56.

Gonina, N. V. (2015). Sindrom polynarnoi identichnosti: noril'schanin mezhdru Severom i Yugom [The Polar Identity Syndrome: Norilsk between North and South]. In *Identichnost' i migratsiya v menyayushchemsya mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya. Materialy mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii*. Yekaterinburg, Ural'skii federal'nyi universitet, pp. 95–104.

Gonina, N. V., Vavilenko, A. Yu. (2017). Mnogodetnaya mat' v vostochnosibirskom gorode: provintsial'nye aspekty demograficheskogo perekhoda (vtoraya polovina 1950-kh – nachalo 1980-kh godov) [Mother of Many Children in an East Siberian City: The Provincial Aspects of the Demographic Transition (Second Half of 1950s – Early 1980s)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 16. No. 1. pp. 135–147.

Isaev, V. I. (2010). Problemy izucheniya istorii stanovleniya industrial'no-urbanisticheskogo obshchestva v Sibiri [Issues of Studying the History of the Formation of Industrial and Urban Society in Siberia]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1. pp. 17–20.

Khakhovskaya, L. N. (2014). Aborigeny v gorode: etnokul'turnyi oblik zhitelei Magadana [Indigenous People in the City: The Ethno-Cultural Appearance of the Inhabitants of Magadan]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 39–59.

Kon'kov, D. S. (2016). Nuzhna li identichnost' istorii: k kritike kontseptsii identichnosti [Do We Need an Identity for History: Critique of the Concept of Identity]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 409, pp. 79–84. DOI 10.17223/15617793/409/12.

Plotnikova, M. M. (2014). *Formirovanie kollektivnoi identichnosti v gorodakh Vostochnoi Sibiri v kontse XVIII – nachale XIX v.* [The Formation of Collective Identity in the Cities of Eastern Siberia in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 191 p.

Poddubikov, V. V. (2010). Etnokul'turnoe prostranstvo rossiiskogo goroda: nekotorye problemy etnologicheskogo issledovaniya [The Ethno-Cultural Space of the Russian City: Some Problems of Ethnological Research]. In *Antropologicheskii forum*. No. 12, pp. 137–147.

Rafikova, S. A. (2014). "Shkala identifikatorov gorozhan" kak metod kachestvennykh urbanisticheskikh issledovaniy [The "Identification Scale of City-Dwellers" as a Method of Qualitative Urban Studies]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 13. No. 1. pp. 115–122.

Razumova, I. A. (2010). Issledovaniya goroda [City Research]. In *Antropologicheskii forum*. No. 12, pp. 148–156.

Reut, G. A. (2012). *Zakrytye administrativno-territorial'nye obrazovaniya Sibiri: sotsializm za kolyuchei provolokoi* [The Closed Administrative Territorial Formations of Siberia: Socialism behind Barbed Wire]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. 349 p.

Rezun, D. Ia. (1987). *Sovremennaiia urbanistika i sibirskoe gorodovedenie XVII – pervoi poloviny XIX vv.* [Modern Urban Studies and Siberian Urban History of the 17th – First Half of the 19th Centuries]. In *Istochnikovedenie i istoriografiia gorodov Sibiri kontsa XVI – pervoi poloviny XIX vv.* Novosibirsk, Nauka, pp. 222–247.

Ryzhenko, V. G. (2003). *Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gody: voprosy teorii, istorii, istoriografii, metodov issledovaniya* [Intellectuals in the Culture of a Large Siberian City in the 1920s: Questions of Theory, History, Historiography, Research Methods]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. M. Dostoevskogo. 370 p.

Ryzhenko, V. G. (2006). *Sibirskoe gorodovedenie rubezha XX–XXI vekov: poiski podkhodov k izucheniyu kul'turnogo prostranstva goroda* [Siberian Urban Studies at the Turn of the 21st Century: In Search for Approaches to the Study of the Cultural Space of the City]. In *Istoriya i kul'tura gorodov Rossii: ot traditsii k modernizatsii. Materialy Vserossiiskogo nauchnogo kongressa, posvyashchennogo 290-letiyu goroda Omska (Omsk, 12–14 oktyabrya 2006 g.)*. Omsk, Nauka, pp. 14–17.

Ryzhenko, V. G. (2010). *Obrazy i simvol'y sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyi aspekt* [Images and Symbols of the Soviet City in Modern Research: The Regional Aspect]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. M. Dostoevskogo. 340 p.

Salakhova, L. M. (2013). *Mechta o Novom gorode: privyazka k mestnosti i obstayatel'stvam* [The Dream of a New City: Binding the Place and Circumstances]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 2–2, pp. 44–52.

Shabaev, Yu. P., Rogachev, M. B., Ryabinkin, G. S. (2012). *Antropologiya goroda: kul'turnoe prostranstvo stolitsy Komi i gorodskaya identichnost'* [The Anthropology of the City: The Cultural Space of the Capital of Komi and Urban Identity]. In *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. No. 2, pp. 85–94.

Timofeev, M. Yu. (2013). *Goroda i regiony Rossii kak (post)industrial'nye brendy* [Cities and Regions of Russia as (Post)Industrial Brands]. In *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. No. 5, pp. 29–41.

Vasekha, M. V. (2017). “Novaya sovetskaya zhenshchina”: konstruirovaniye obraza v 1920-e gody (po materialam yuga Zapadnoi Sibiri) [The “New Soviet Woman”: The Construction of the Image in the 1920s (Based on the Materials of the South of Western Siberia)]. In *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. No. 2 (87), pp. 57–67.

Vavilenko, A. Yu. (2015). *Modernizatsiya truda i byta zhenshchin malogo sibirskogo goroda v 1959–1979 gg. (na materialakh g. Bogotola)* [The Modernisation of Labour and the Life of Women in a Small Siberian City in 1959–1979 (with Reference to the Town of Bogotol)]. In *Gendernyye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh. Sbornik statei po materialam III mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Novosibirsk, SibAK, pp. 5–13.

The article was submitted on 11.11.2019

THE ECONOMIC POLICIES OF THE KHRUSHCHEV DECADE: HISTORIOGRAPHY* **

Evgeny Artemov

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Evgeny Vodichev

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia;
National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia

This paper analyses the historiography of the economic policy of the Khrushchev decade, revealing debated issues and gaps in the study of the field. The authors review works published on this issue, relying on the principles of historicism traditional for historiographical research, i. e. grouping methods based on the classification of problem fields in academic literature and methodological approaches used in scholarship. As a result of the research, the authors conclude that despite a solid groundwork in the study of the economic policy of the Khrushchev decade, a few fundamental issues have not yet been resolved. In particular, there is no universal periodisation. It is also not clear at what expenses were planned for increasing the economy's efficiency, why this could not be achieved, and what role was played by scientific and technological progress. Additionally, it is not quite clear to what extent this was based on borrowing foreign technologies and/or practical mastery of the results of research produced in the country and how the military-industrial orientation of economic policy was supplemented by the consumer-oriented component and what consequences this led to. Furthermore, there are no special studies on several aspects of the integrated economic policy, such as investment, fiscal and monetary policies, price and income regulation, and the planning and financing of the defense

* The study was supported by the Russian Federal Foundation for Fundamental Research, project No. 20–09–0006.

** *Citation*: Artemov, E., Vodichev, E. (2020). The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1822–1839. DOI 10.15826/qr.2020.5.562.

Цитирование: Artemov E., Vodichev E. The Economic Policies of the Khrushchev Decade: Historiography // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1822–1839. DOI 10.15826/qr.2020.5.562.

industry. The authors consider the study of these topics, along with deepening the historiographical directions that have already been developed, an urgent task.

Keywords: economic history of Russia, N. S. Khrushchev, mobilisation economy, economy of approvals, economic policy, scientific and technical policy, transit of power, historiography.

Представлен анализ историографии экономической политики времен «хрущевского десятилетия», выявлены имеющиеся в ней дискуссионные проблемы и лакуны. Обзор массива публикаций проведен с использованием традиционных для историографического исследования принципов историзма, методов группировки на основе классификации сложившихся в научной литературе проблемных полей, используемых методологических подходов. В ходе исследования установлено, что, несмотря на солидный задел в изучении экономической политики «хрущевского десятилетия», ряд принципиальных вопросов пока еще не нашел своего решения. Отсутствует ее общепринятая периодизация. Нет ясности, за счет чего планировалось добиться повышения эффективности экономики и почему это не удалось сделать, какая роль в ускорении темпов экономического роста отводилась научно-техническому прогрессу, заимствованию зарубежных технологий и практическому освоению результатов собственных исследований, как военно-промышленная направленность экономической политики была дополнена потребительски ориентированной составляющей, и какие это имело последствия. Также отсутствуют специальные исследования ряда составляющих единой экономической политики: инвестиционной, бюджетно-финансовой, кредитно-денежной, регулирования цен и доходов, планирования и финансирования оборонной промышленности. Сделан вывод о том, что разработка этих тем, наряду с углублением сложившихся в историографии направлений, является насущной задачей.

Ключевые слова: экономическая история России, Н. С. Хрущев, мобилизационная экономика, экономика согласований, экономическая политика, научно-техническая политика, транзит власти, историография.

The Khrushchev decade was one of the most dynamic but also controversial periods of Soviet history. This was most significantly manifested in the country's political and public life. At the same time, noticeable changes occurred in socio-economic policy and the dynamics of economic processes. It is no coincidence that historians have paid close attention to them. And yet, despite the large number of publications, there is a strong feeling that the Khrushchev period has been studied in much less detail than the preceding Stalin era. This can be seen in historiographical reviews, in particular those by V. N. Starikov [Стариков] and A. V. Trofimov [Трофимов, 1997; Трофимов, 2000], and in a number of dedicated teaching aids [Историография истории России; Современная российская историография, etc.]. From the methodological point

of view, the institutional approach, theories of groups and conflicts of interest and concepts of modernisation, the command (mobilisation) economy and the approval economy (the mechanism of “bureaucratic bargaining”) are the starting points of this study. Political science studies devoted to the analysis of the transition of power and the rules and procedures for developing political decisions in Soviet society have also been used. This area of research has a great international historiographical tradition, especially in English. However, the heuristic potential of this tradition has not been adequately taken into account in Russian methodological discourse [Хоскинг; Tarschys; Kelley; Sakwa; Hosking; et al.]. Nonetheless, the results of studies in this vein are difficult to exaggerate, even if the fundamental methodological positions of their authors are not shared by other researchers.

The study of the British political scientist R. Sakva, who analyses the relationship between continuity and innovations in Soviet society in different historical periods, is of particular interest. The author convincingly shows that in all post-Stalin discussions on the development of the Soviet economy, including those between Khrushchev and Malenkov, only issues of “fine tuning the system founded by Stalin, and not about its destruction” [Sakwa, p. 14] could be debated.

No less relevant are studies attempting to comprehensively present Khrushchev as a leader of the country and to identify the place of the Khrushchev era in the history of Soviet society. A monograph published in West Germany back in 1960 was one of the first works of this kind. Nowadays, there are many similar studies in the non-Russian historiography [Breslauer; Crankshaw; Frankland; Hyland, Shryock; Leonhard; Tatu; et al.]. The fundamental monograph of the American historian and political scientist W. Taubman [Таубман; Taubman] is now considered a classic and is repeatedly cited. C. Linden’s substantive work is less known in Russia. In its latest edition, the author draws important parallels between the Khrushchev era and Gorbachev’s perestroika [Linden]. The historical study of another British author, W. Tompson [Tompson], is also among such works. While his assessment of Khrushchev’s activities as leader remains within the popular framework of a struggle between two bureaucracies, those of the Communist Party and the state, he shares the views of R. Tucker, one of the oldest “Sovietologists”. Noting the “voluntarism and subjectivity” in Khrushchev’s activities, the author praises him as the politician who undermined the foundations of the Stalinist model [Tucker, p. 284, 285]. Other historical and biographical studies that clarify important features of power in the Khrushchev era have been released in Russia and abroad [Никонов; Сушков; Хрущев С. Н., 2017; Шаттенберг].

The approaches developed by international researchers have had a significant impact on the Russian historiography. In Russia, serious interest in the Khrushchev era appeared only during perestroika. However, initially the amount of research remained insignificant. The situation only changed after the expansion of the information base and the introduction

of a significant number of historical sources into academic circulation in the post-Soviet epoch. This is sometimes referred to as a real “archival revolution”, which made it possible to achieve profound scholarly generalisations. Among the first Russian studies about Khrushchev and the Thaw, in which an attempt was made to analyse his policies and their results, the collective monograph *The Twentieth Congress of the CPSU and Its Historical Realities* [XX съезд КПСС] stands out. This publication, written in the spirit of the perestroika methodological paradigm, remains one of the best general works devoted to this historical period.

In the post-Soviet historiography, O. L. Lejbovich made the next attempt at a comprehensive monograph [Лейбович]. His conclusion about an overdue correction of the USSR's political and economic course was further developed in a number of other publications [Аксютин; Аксютин, Пыжиков; Грушин; Данилов, Пыжиков; Пыжиков; Емельянов, 2005; Зубкова, 1993; Зубкова, 1999; Козлов]. The desire of these authors to assess political and economic changes in the Khrushchev era in the context of the entire history of late Soviet society is an important merit of these works. The memoirs of Khrushchev himself [Хрущев Н. С.], as well as numerous other memoirs and belletristic works [see, for example: Medvedev R. A., Medvedev Zh. A., 1976; Попов, Аджубей; Бурлацкий; Медведев; Хрущев С. Н., 1994; Хрущев С. Н., 2017; at al.], should also be mentioned in this respect.

At the same time, a number of controversial issues remain. Among them are the imperatives behind Khrushchev's reforms, their prerequisites and the driving force and nature of the post-Stalin transformations in Soviet society. Answers to these questions have largely been determined by the methodological position and political preferences of historians. In both the Russian and international historiography, the interpretation of the Thaw as a consequence of the growing contradictions of Stalinism and the impending crisis of the regime (associated with both discontent among the people and “fermentation” among the elite) has become widespread. This point of view is expressed by the Italian historian J. Boffa [Боффа]. O. V. Khlevnyuk and J. Gorlitsky [Хлевнюк, Горлицкий]. Some other researchers also maintain this standpoint. The conclusion that “the overall economic crisis caused by the spasmodic increase in capital investments to the Group A” industries and the decomposition of the labor camp economy led to the main political decisions in the spring of 1953 has become a major argument for explaining the signs of crisis in Stalinist society [Заклученные на стройках коммунизма, с. 27]. This view remains one of the most popular approaches in the modern historiography on late Stalinism and the Thaw.

Another opinion is based on the interpretation of the Thaw as a natural transformation in the status and mentality of bureaucratic *nomenklatura*, which dates back to the work of M. Jilas [Джилас]. The ups and downs of politics associated with Khrushchev's rise to power are explained by the desire of the *nomenklatura* to maintain the status acquired during the years of Stalinism while also getting rid of the threat of repression and gaining social stability. The initial support of Khrushchev's policy provided by

the Soviet bureaucracy (and his ultimate removal from power) are largely explained by this factor (see, for example, [Кремлев]).

Often, Khrushchev's personal interest in strengthening his own power by discrediting political competitors is also considered as the main motivating factor in the reforms. Such an interpretation is typical, for example, of W. Tompson's monograph [Tompson] and dominates Yu. V. Emelyanov's work [Емельянов, 2006]. In general, the Khrushchev epoch is evaluated in a rather positive way, even if it is characterized as a time of "missed opportunities". However, there are some purely negative assessments as well. In such works, the Khrushchev Thaw is called the "Slush", which launched destructive changes in Soviet society, ultimately resulting in the collapse of the "great power" [Спицын].

These and many other works serve as a kind of background for any concrete historical research on Khrushchev's economic policy, its achieved (and unattained) results and the possible alternatives. The "Beria-Malenkov platform" is referred to as such an alternative. M. I. Geft'er was one of the first Russian historians to note that it included accelerating the development of "Group B" industries, easing the position of the peasantry and lessening administrative methods of management [Гегтер]. Malenkov's initiatives have always attracted close attention from Sovietologists (see, for example, works by R. Tucker, W. Tompson, etc.) [Tompson; Tucker]. According to some researchers, the practical implementation of such a programme could have opened the way for more radical reforms than the policies of Khrushchev. In this sense, Khrushchev's victory in the struggle for power after Stalin's death blocked more progressive social transformations in the economic sphere. L. A. Openkin and R. G. Rykhoa [Опенкин, 1988; Опенкин, 1990; Опенкин, 1991; Пихоя] provide similar arguments.

In some historical studies, it is argued that many of Malenkov's projects were used by Khrushchev to a certain extent; however, the question of how deeply the leader strove to practically implement them remains open. A number of researchers emphasise that he constantly maneuvered between relatively conservative and relatively liberal scenarios of economic development, voicing ideas about the priorities of socio-economic strategy depending on the political situation. According to Linden, "at times, political necessity forced Khrushchev to dress up in the colors of a militant Orthodox. Appropriateness often led him to a centrist position, but personal convictions made him more and more moving in the direction of radical reforms, remaining within the framework of the existing party regime" [Linden, p. 23]. A very simplified version of Khrushchev's "radicalism" in relation to economic transformation is simultaneously underlined. In contrast to Malenkov, who emphasised the need to take into account the activities of enterprises, Khrushchev focused mainly on the organisational side of economic reform [Зубкова, 1991].

There is also an established opinion that there were no fundamental differences in the views of the former Stalinists. All of them, one way or another, supported an accelerated pace of military and industrial growth

and a corresponding investment policy. This was so in the first post-war years, and it remained unchanged after Stalin's death. It is pointed out that the stated differences of opinion did not have a fundamental basis and can instead be explained by political rivalry, as well as departmental and group interests [Бородкин]. On the whole, this rivalry between various interest groups embodied in the personalities of political leaders never went beyond the boundaries defined by the current system [Griffiths, p. 335; Sakwa, p. 187–193]. They always remained within the framework of a “corporation”, aptly named by Alex Nove, a prominent British economist and a native of Russia, as “the USSR Ltd.” [Nove, p. 7], controlled by directive methods and “administrative pressure”.

The study of industrial policy in the context of overall economic development is an important direction in the historiography of the Khrushchev era. In the Soviet heritage, it is necessary to highlight M. I. Khlusov's works, written more than 40 years ago but still relevant today [Хлусов]. The seven-volume *History of the Socialist Economy* [История социалистической экономики], which contains a lot of factual data, should also be noted. However, it needs a new reading based on information and statistics that became available later.

In the post-Soviet historiography, a substantial monograph authored by V. A. Shestakov, dedicated to the socio-economic policy of the Soviet state in the 1950s and mid-1960s [Шестаков], should be mentioned first. However, this work does not answer a few important questions, particularly those relating to the drivers and imperatives behind the strategy for economic development. However, both Russian and international researchers have paid much attention to the problem of centralised economic management. An important conclusion has been made that its role should not be exaggerated. The allocation of resources and the formation of cooperative links between enterprises were largely corrected by quasi-market, limited monetary relations [Хлевнюк, с. 75]. As a result, the prescriptive nature of the Soviet economy can only be discussed with a certain degree of conventionality. However, it is not clear what has changed in this respect in connection with the economic reforms initiated by Khrushchev.

In general, several economic reforms have been given significant attention in research literature. First of all, the transformation of the industrial and construction management system, the so-called “Sovnarkhoz” reform: a thorough analysis of this was carried out back during perestroika [Веденев]. In the post-Soviet years, E. V. Demichev's monograph [Демичев], dedicated to the reform of the industrial and construction management system between 1957 and 1965, was released. The prerequisites and consequences of these transformations are analysed in the aforementioned book by V. A. Shestakov [Шестаков]. They are also touched upon in the works of Yu. V. Izmestiev [Измestьев, с. 419, 420], E. Yu. Zubkova [Зубкова, 1993; Зубкова, 1999], and Yu. V. Aksyutin [Аксютин], as well as in a collective work on the Soviet economic history [Экономическая история СССР] and a number of publications by international researchers [Miller; Schroeder].

Almost all authors note the political background of the reforms associated with attempts to weaken Khrushchev's opponents in the economic apparatus. However, very contradictory conclusions are reached. Most researchers, in one way or another, note the "voluntarism and subjectivity" of "Soviet economic reform" and its negative consequences for the controllability of the economy. In a number of works, the reforms receive a sharply negative assessment if they started "destroying" the effective Stalinist model of economic development for the sake of narrow selfish interests [Катасонов, с. 39, 92–102]. But still, more balanced evaluations dominate. It is noted that Khrushchev's reforms responded to real problems: the courage of the attempt to decentralise the economy and the reform's positive, albeit short-term, effects in terms of overcoming industry barriers at the level of individual regions are pointed out. Moreover, some experts are of the opinion that the work of the Economic Councils was extremely effective [Щербакова]. However, their argumentation is not seen as too solid [Артемов, 2020]. A more objective picture of economic development in the Khrushchev era and assessments of the long-term consequences of the reforms can be found in the fundamental work by G. I. Khanin [Ханин, 2008, т. 1, с. 92–306].

Studies of scientific and technological policy are also noticeable in historiography. The first significant publications devoted to this appeared as early as perestroika (see: [Лельчук; Лахтин]). However, the most significant results were achieved in the post-Soviet years. The monographs by A. B. Bezborodov and B. I. Kozlov [Безбородов; Козлов] are examples of this. We have also made a contribution to the analysis of Khrushchev's scientific and technological policy, particularly its territorial dimensions [Артемов, 2006; Водичев, 1994; Водичев, 2012; Водичев, 2014]. As could be expected, much attention is paid to the decentralisation of science as part of the economic system and the creation of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, which has become a kind of "calling card" of the Khrushchev era [Российская Академия наук]. Recently, new shades have appeared in this topic, such as the de-mythologisation of the history of the Novosibirsk Akademgorodok. Within the framework of this approach, the significance of Khrushchev's technological policy for the development of Soviet science and society is not questioned. However, emphasis is placed on hidden motives, imperatives and determinants in this process, as well as its conflicting consequences in a longer term perspective [Артемов, 2011; Водичев, 2018a; Водичев, 2018b; Кузнецов; Josephson].

Research on the military and industrial aspects of economic policy is now being intensively conducted. In this framework, most attention is paid to the development of the scientific and industrial defense complex and the creation of new weapons systems [Безбородов; Быстрова; Вооружение России; История советского атомного проекта; Симонов]. The history of the nuclear project, strongly associated with outstanding breakthroughs in science and technology in the public mind, has been most thoroughly studied [Артемов, 2017; Холловэй]. Over the past three decades alone, more than 170 books have been published in Russia

devoted to various aspects of mastering nuclear energy: the creation of the nuclear industry, the organisation and activities of its enterprises, design bureaus and research institutes, the construction of closed “atomic” cities, the contribution of intelligence and the USSR’s efforts in the development of scientific research and technologies [Артемов, 2017, с. 9, 10; Мельникова, Джозефсон]. Among them, one can single out studies which attempt to reconstruct the atomic project as a phenomenon of the “command” economy [Артемов, 2017; Холловэй]. It should be noted that this line of research is far from exhausted, since there is still no complete understanding of how the nuclear industry was integrated into the Soviet economic system and what consequences this brought.

Agrarian policy is definitely one of the special directions in the historiography of the economic history of the Khrushchev decade. Its analysis constitutes a very specific research task, since, as rightly noted in a number of studies, it was agriculture that became the main tool and argument in Khrushchev’s struggle for power, and failure in this area to a large extent determined his fall. Khrushchev’s political rivals deliberately left him this choice, believing that sooner or later it would become fatal. According to Tompson, Khrushchev’s rivals believed that, having taken up agriculture, the leader would have “a rope that he himself would tighten around his own neck” [Tompson, p. 135].

Among studies where the subject is precisely the economic side of the agrarian policy of the 1950s, M. A. Vyltsan’s work, published almost half a century ago, retains its significance [Вылцан]. Subsequently, this line of enquiry was continued by O. M. Verbitskaya [Вербицкая], I. E. Zelenin [Зеленин] and S. N. Andreenkov [Андреенков, 2007; Андреенков, 2016]. The agrarian economy under Khrushchev is also a subject in works from a number of English-speaking authors [Leonard; Hahn; Karcz; et al.]. Naturally, the main emphasis here is on the development of virgin and fallow lands, but other aspects of Khrushchev’s agrarian policy have also attracted substantial attention, including the reorganisation of the machinery and tractor stations system, the reduction of purchase prices for agricultural products and the struggle against private farms. According to the established point of view, through the development of virgin land, which initially looked like a strategy but turned out to be only a tactical measure, it was possible to obtain certain positive effects. These, however, were short-term and unstable. Later, this campaign led to the degradation of newly developed lands and a sharp drop in grain production, which was one of the causes of the food crisis in the USSR in the early 1960s [McCauley].

There are works in which even the short-term results of agricultural policy are questioned [Андреенков, 2007]. Their authors note the chaotic nature of Khrushchev’s transformations in the agrarian economy, which led to a large-scale crisis in agriculture, mass migrations from villages to urban areas, changes in the socio-demographic landscapes of rural locales and the desolation of vast territories [Иванов, с. 169]. However, there is also an alternative point of view, according to which Khrushchev’s agrarian policy,

despite all its inconsistencies and eclecticism, should be evaluated more positively [Зеленин; Коньшев].

In conclusion, a number of remarks can be made. Despite the attractiveness of the Khrushchev period for studying various aspects of the transformation of Soviet society and the abundance of publications produced by Russian and non-Russian authors, an analysis of the historiography shows that many fields are still open for further development. Assessments of the economic history of the Khrushchev decade, a dynamic and extremely controversial stage in the development of the Soviet economy, sometimes clash. On the one hand, researchers underline the expanding production of food and industrial consumer goods and the increased purchasing power of the population, which resulted in supplementing the military-industrial orientation of Soviet economic policy with a consumer-oriented component in the mid-1950s. Awareness of the value of scientific and technological progress for ensuring sustainably high rates of economic growth is also positively assessed. On the other hand, the unfeasibility of simultaneously solving three costly tasks at once (transferring the economy onto an intensive path of development, achieving parity with a “likely adversary” in defense capabilities and creating a socialist analogue of the “consumer society”) is noted [Артемюв, 2020]. It is argued that the mismatch of the strategic goals of economic policy, complemented by the reluctance to “sacrifice the principles of socialism” in reforming economic mechanisms, did not allow the authorities to find the “fundamental factors for increasing production efficiency”, which is believed to have resulted in a dampening of economic growth [Ханин, 1991, с. 190, 191].

Of course, this argument needs an expanded justification. Historians also must overcome the mechanical use of methodological approaches originally intended to explain the development of other national societies (modernisation theory, the concept of totalitarianism, etc.) and simplistic, a priori theoretical constructs, such as claims about the “inborn” inefficiency and “fundamental irresponsibility” of the Soviet economy [Эрикссон]. Hence, there is a need to widen research into the economic history of the Khrushchev period. This will clarify the balance between conservative continuity and innovation in economic policy, show how strategic planning was carried out and how its priorities were defined and demonstrate the reason for the failure of the ambitious plans of “communist construction” and who was to blame: the jockey (the leadership and its policies) or the horse (the system itself).

There are also unsolved problems connected with the clarification of certain aspects of integrated economic policies. In fact, there is still no specialised research on several economic policies, such as investment, structural, fiscal, and monetary policies, the regulation of prices and income, and planning and financing in the defense industry. Special attention should be paid to the nearly unstudied relationship between changes in political and strategic priorities and military-economic policy. Along with deepening research within the existing historiography, the elimination of

these “historiographical gaps” is crucial for understanding Soviet society as a whole and the logic of post-Soviet economic developments.

Список литературы

Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 486 с.

Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В. Постсталинское общество: проблемы лидерства и трансформации власти. М. : Науч. кн., 1999. 412 с.

Андреенков С. Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1954–1964 гг. Новосибирск : Ин-т ист. СО РАН, 2007. 210 с.

Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск : Сибпринт, 2016. 254 с.

Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. 254 с.

Артемов Е. Т. Как принимались решения в советской системе управления : (Случай создания Сибирского отделения АН СССР) // Урал. ист. вестн. 2011. № 3 (32). С. 129–138.

Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М. : РОССПЭН, 2017. 343 с.

Артемов Е. Т. От Сталина к Хрущеву: мотивы и результаты новаций в экономической политике // Урал. ист. вестн. 2020. № 1 (66). С. 62–70. DOI 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-62-70.

Безбородов А. Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х годов. М. : Изд-во объединения «Мосгорархив», 1997. 214 с.

Бородин Л. И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Урал. ист. вестн. 2019. № 2 (63). С. 127–136. DOI 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-127-136.

Бовфа Д. История Советского Союза : в 2 т. М. : Междунар. отношения, 1994. Т. 1. 628 с. Т. 2. 632 с.

Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники : О Хрущеве, Андропове и не только о них... М. : Политиздат, 1990. 384 с.

Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М. : ИРИ РАН, 2006. 702 с.

Веденев Ю. А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР : Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М. : Наука, 1990. 250 с.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву : Середина 40-х – начало 60-х гг. М. : Наука, 1992. 222 с.

Водичев Е. Г. Путь на восток : Формирование и развитие научного потенциала в Сибири. Новосибирск : Экор, 1994. 202 с.

Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск : Гео : Ин-т нефтегаз. геологии и геофизики СО РАН, 2012. 346 с.

Водичев Е. Г. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.

Водичев Е. Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы // Идеи и идеалы. Т. 10. 2018а. № 1 (35). С. 9–26. DOI 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26.

Водичев Е. Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья вторая: реалии // Идеи и Идеалы. Т. 10. 2018б. № 2 (36). С. 28–50. DOI 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50.

Вооружение России : в 2 т. М. : Оружие и технологии, 2010. Т. 1. Советская военная мощь. 648 с.

Вьлицан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). М. : Мысль, 1976. 263 с.

Гейфтер М. Судьба Хрущева : История неусвоенного урока // Октябрь. 1989. № 1. С. 154–181.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения : Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4 кн. М. : Прогресс-Традиция, 2001. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. 624 с.

Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М. : РОССПЭН, 2001. 302 с.

Демичев Е. В. Реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. М. : Ин-т бизнеса и политики, 2011. 279 с.

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М. : Новости, 1992. 539 с.

Емельянов Ю. В. Хрущев: смутьян в Кремле. М. : Вече, 2005. 416 с.

Емельянов Ю. В. Сталин: на вершине власти. М. : Вече, 2006. 539 с.

Заклученные на стройках коммунизма : ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР : собр. док. и фотографий. М. : РОССПЭН, 2008. 448 с.

Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М. : ИРИ РАН, 2001. 304 с.

Зубкова Е. Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» // История отечества: люди, идеи, решения. М. : Политиздат, 1991. С. 284–320.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы : 1945–1964. М. : Россия молодая, 1993. 198 с.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность : 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.

Иванов Л. И. Экономика и экономисты // Октябрь. 1988. № 7. С. 166–180.

Изместьев Ю. В. Россия в XX веке : Исторический очерк. 1894–1964. Нью-Йорк : Перекличка, 1990. 456 с.

Историография истории России : учеб. пособие для бакалавров / под ред. А. А. Чернобаева. М. : Юрайт, 2015. 552 с.

История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. М. : Янус-К, 1998. Вып. 1. 392 с. СПб. : РХГИ, 2002. Вып. 2. 656 с.

История социалистической экономики. М. : Наука, 1980. 589 с.

Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. 416 с.

Козлов Б. И. Академия наук СССР и индустриализация России : очерк социальной истории 1925–1963. М. : Academia, 2003. 269 с.

Коньшев Д. Н. Аграрные реформы Н. С. Хрущева: попытка концептуального осмысления // Вопр. ист. 2019. № 1. С. 25–42.

Кремлев С. Т. Берия. Лучший менеджер XX века. М. : Яуза : ЭКСМО, 2008. 1180 с.

Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО : всерос. экон. журн. 2019. № 11. С. 172–192. DOI 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-11-172-192

Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М. : Наука, 1990. 217 с.

Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993. 182 с.

Лельчук В. С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М. : Наука, 1979. 285 с.

Медведев Р. А. Никита Хрущев: отец или отчим советской «оттепели». М. : Яуза, 2006. 476 с.

Мельникова Н. В., Джозефсон П. Р. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 37. 2016. № 1. С. 85–109.

Никонов В. Молотов. М. : Молодая гвардия, 2017. 631 с.

Опенкин Л. А. Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е и 60-е годы? // Вопр. ист. КПСС. 1988. № 8. С. 52–65.

Опенкин Л. А. На историческом перепутье (штрихи к портрету Г. М. Маленкова) // Вопр. ист. КПСС. 1990. № 1. С. 105–119.

Опенкин Л. А. Оттепель: как это было : 1953–1965 гг. М. : Знание, 1991. 63 с.

Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть : Сорок лет после войны, 1945–1985. М. : АСТ, 2007. 716 с.

Попов Г. Х., Аджубей Н. А. Пять выборов Никиты Хрущева. М. : Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2008. 414 с.

Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М. : ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с.

Российская Академия наук. Сибирское отделение : ист. очерк. Новосибирск : Наука, 2007. 508 с.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : РОССПЭН, 1996. 336 с.

Современная российская историография новейшей истории России и истории СССР : учеб.-справ. пособие / под ред. В. И. Меньковского. Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2006. 169 с.

Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть : Советская держава в 1953–1964 годах. М. : Концептуал, 2019. 608 с.

Стариков Н. В. Эпоха «оттепели» и этапы эволюции сталинизма: вопросы историографии // Советская историография. М. : РГГУ, 1996. С. 316–348.

Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг. : Личности и власть. Екатеринбург : УрО РАН, 2009. 386 с.

Таубман У. Хрущев. М. : Молодая гвардия, 2008. 850 с.

Трофимов А. В. Экономическое развитие Советской страны в 1953–1964 годах (проблемы историографии). Екатеринбург : УрГЭУ, 1997. 217 с.

Трофимов А. В. Власть и историческая наука: проблемы отечественной историографии послесталинского десятилетия. Екатеринбург : УрГЭУ, 2000. 248 с.

Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск : Наука, 1991. 267 с.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : в 2 т. Новосибирск : НГТУ, 2008. Т. 1. 516 с.

Хлевнюк О. В. Сталинский период советской истории : Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Урал. ист. вестн. 2017. № 3 (56). С. 71–80.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир : Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2011. 229 с.

Хлусов М. И. Развитие советской индустрии : 1946–1958. М. : Наука, 1977. 280 с.

Холловэй Д. Сталин и бомба : Советский Союз и атомная энергия (1939–1956). Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997. 627 с.

Хоскинг Д. История Советского Союза : 1917–1991. М. : Вагриус, 1994. 510 с.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. Воспоминания : в 4 кн. М. : Моск. новости, 1999.

Хрущев С. Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М. : Новости, 1994. 495 с.

Хрущев С. Н. Никита Хрущев : Творец оттепели. М. : Вече, 2017. 576 с.

Шаттенберг С. Леонид Брежнев : Величие и трагедия человека и страны. М. : РОССПЭН, 2018. 623 с.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х гг. М. : Наука, 2006. 295 с.

Щербакова Т. И. Реформа управления промышленностью 1952–1964 гг.: проблемы осуществления и результаты // Экономическая история. 2010. № 9. С. 73–82.

Экономическая история СССР : очерки / рук. авт. колл. Л. И. Абалкин. М. : ИНФРА, 2007. 486 с.

Эриксон Р. Командная экономика и ее наследие // Экономика России : Оксфордский сборник. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. С. 101–165.

XX съезд КПСС и его исторические реальности. М. : Политиздат, 1991. 416 с.

- Breslauer G. W.* Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics. L. : Allen & Unwin, 1982. 318 p.
- Crankshaw E.* Khrushchev. L. : Collins, 1966. 311 p.
- Frankland M.* Khrushchev. N. Y. : Stein and Day, 1969. 213 p.
- Griffiths F.* A Tendency Analysis of Soviet Policy-Making in Skilling // Interest Groups in Soviet Politics. Princeton ; N. J. : Princeton Univ. Press, 1971. P. 335–378.
- Hahn W. G.* The Politics of Soviet Agriculture. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1972. 311 p.
- Hosking G.* A History of the Soviet Union. L. : Fontana Press : Collins, 1985. 527 p.
- Hyland W., Shryock R.* The Fall of Khrushchev. N. Y. : Funk & Wagnalls, 1986. 209 p.
- Josephson P. R.* New Atlantis Revisited. Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton : Princeton Univ. Press, 1997. 351 p.
- Karcz J. F.* The Economics of Communist Agriculture. Bloomington : Intern. Development Inst., 1979. 494 p.
- Kelley D. R.* The Politics of the Developed Socialism: The Soviet Union as a Post-industrial State. N. Y. : Greenwood Press, 1986. 215 p.
- Leonhard W.* The Kremlin since Stalin. L. : Oxford Univ. Press, 1962. 403 p.
- Linden C. A.* Khrushchev and the Soviet Leadership: With an Epilogue on Gorbachev. Baltimore ; L. : John Hopkins Univ. Press, 1990. 287 p.
- McCauley M.* Nikita Khrushchev. L. : Cardinal, 1991. 128 p.
- Medvedev R. A., Medvedev Zh. A.* Khrushchev : The Years in Power. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1976. 198 p.
- Miller R. F.* Khrushchev and the Soviet Economy: Management by Reorganization // Khrushchev and the Communist World. L. : Groom Helm, 1984. P. 108–138.
- Nove A.* The Soviet Economic System. L. : Allen & Unwin, 1977. 399 p.
- Sakwa R.* Soviet Politics. An Introduction. L. ; N. Y. : Routledge, 1989. 356 p.
- Schroeder G. E.* The Soviet Economy on a Treadmill of “Reforms” // Soviet Economy in a Time of Change. Vol. 1. Washington, DC. : US Government Printing Office, 1979. P. 312–341.
- Tarschys D.* The Soviet Political Agenda: Problems and Priorities. 1950–1970. L. ; Basingstoke : Macmillan Press, 1979. 217 p.
- Tatu M.* Power in the Kremlin : From Khrushchev’s Decline to Collective Leadership. L. : Collins, 1969. 570 p.
- Taubman W.* Khrushchev : The Man and His Era. N. Y. : Norton, 2003. 876 p.
- Tompson W. J.* Khrushchev. Political Life. N. Y. : St Martin’s Press, 1995. 341 p.
- Tucker R. C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev. L. ; N. Y. : W. W. Norton & Company, 1987. 214 p.

References

- Abalkin, L. I. (Ed.) (2007). *Ekonomicheskaya istoriya SSSR. Ocherki* [The Economic History of the USSR. Essays]. Moscow, INFRA. 486 p.
- Aksyutin, Yu. V. (2004). *Khrushchevskaya “ottepel” i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev’s “Thaw” and Public Sentiment in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 486 p.
- Aksyutin, Yu. V., Pyzhikov, A. V. (1999). *Poststalinskoe obshchestvo: problemy liderstva i transformatsii vlasti* [Post-Stalinist Society: Issues of Leadership and the Transformation of Power]. Moscow, Nauchaya kniga. 412 p.
- Andreenkov, S. N. (2007). *Agrarnye preobrazovaniya v Zapadnoi Sibiri v 1954–1964 gg.* [Agrarian Transformations in Western Siberia in 1954–1964]. Novosibirsk, Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN. 210 p.
- Andreenkov, S. N. (2016). *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946–1964 gg.: funktsionirovanie i reformirovanie* [The Collective Farm and State Farm System in Siberia in 1946–1964: Functioning and Reform]. Novosibirsk, Sibprint. 254 p.
- Artemov, E. T. (2006). *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetsoi modeli pozdneindustrial’noi modernizatsii* [Science and Technology Policy in the Soviet Model of Late Industrial Modernisation]. Moscow, ROSSPEN. 254 p.

Artemov, E. T. (2011). Kak prinimalis' resheniya v sovetskoj sisteme upravleniya. (Sluchai sozdaniya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR) [How Decisions Were Made in the Soviet System of Management. (The Case of the Creation of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (32), pp. 129–138.

Artemov, E. T. (2017). *Atomnyi projekt v koordinatakh stalinskoi ekonomiki* [The Nuclear Project in the Coordinates of the Stalinist Economy]. Moscow, ROSSPEN. 343 p.

Artemov, E. T. (2020). Ot Stalina k Khrushchevu: motivy i rezul'taty novatsii v ekonomicheskoi politike [From Stalin to Khrushchev: The Motives and Results of Innovations in Economic Policy]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (66), pp. 62–70. DOI 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-62-70.

Bezborodov, A. B. (1997). *Vlast' i nauchno-tehnicheskaya politika v SSSR serediny 50-kh – serediny 70-kh godov* [Power and Scientific and Technical Policy in the USSR in the mid-1950s – mid-1970s]. Moscow, Izdatel'stvo ob"edineniya "Mosgorarkhiv". 214 p.

Boffa, D. (1994). *Istoriya Sovetskogo Soyuza v 2 t.* [A History of the Soviet Union. 2 Vols. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 1. 628 p. Vol. 2. 632 p.

Borodkin, L. I. (2019). Vyzovy nestabil'nosti: kontseptsii sinergetiki v izuchenii istoricheskogo razvitiya Rossii [Challenges of Instability: Synergetic Concepts in the Study of the Historical Development of Russia]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 2 (63), pp. 127–136. DOI 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-127-136.

Breslauer, G. W. (1982). *Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics*. L., Allen & Unwin. 318 p.

Burlatskii, F. M. (1990). *Vozhdi i sovetniki. O Khrushcheve, Andropove i ne tol'ko o nikh...* [Leaders and Counsellors. On Khrushchev, Andropov and Not Only Them...]. Moscow, Politizdat. 384 p.

Bystrova, I. V. (2006). *Sovetskii voenno-promyshlennyi kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-e gody)* [The Soviet Military-Industrial Complex: Problems of Formation and Development (1930–1980s)]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 702 p.

Chernobaev, A. A. (Ed.) (2015). *Istoriografiya istorii Rossii. Uchebnoe posobie dlya bakalavrov* [Historiography of the History of Russia. Textbook for Bachelor's Students]. Moscow, Yurait. 552 p.

Crankshaw, E. (1966). *Khrushchev*. L., Collins. 311 p.

Danilov, A. A., Pyzhikov, A. B. (2001). *Rozhdenie sverkhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody* [The Birth of a Superpower: The USSR in the First Post-War Years]. Moscow, ROSSPEN. 302 p.

Demichev, E. V. (2011). *Reformy upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. v kontekste spetsifiki otechestvennoi istorii* [Reforms of Industrial and Construction Management of 1957–1965 in the Context of the Specifics of National History]. Moscow, Institut biznesa i politiki. 279 p.

Emel'yanov, Yu. V. (2005). *Khrushchev: smut'yan v Kremle* [Khrushchev: The Troublemaker in the Kremlin]. Moscow, Veche. 416 p.

Emel'yanov, Yu. V. (2006). *Stalin: na vershine vlasti* [Stalin: At the Top of Power]. Moscow, Veche. 539 p.

Erickson, R. (2015). Komandnaya ekonomika i ee nasledie [Command Economy and Its Heritage]. In *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, pp. 101–165.

Frankland, M. (1969). *Khrushchev*. N. Y., Stein and Day. 213 p.

Gefter, M. (1989). Sud'ba Khrushcheva. Istoriya neusvoennogo uroka [The Fate of Khrushchev. The Story of an Unlearned Lesson]. In *Oktyabr'*. No. 1, pp. 154–181.

Griffiths, F. (1971). A Tendency Analysis of Soviet Policy-Making in Skilling. In *Interest Groups in Soviet Politics*. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press, pp. 335–378.

Grushin, B. A. (2001). *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4 kn.* [Four Lives of Russia in the Mirror of Opinion Polls.

Essays on the Mass Consciousness of Russians in the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev, and Yeltsin. 4 Books]. Moscow, Progress-Traditsiya. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva. 624 p.

Hahn, W. G. (1972). *The Politics of Soviet Agriculture*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press. 311 p.

Hallway, D. (1997). *Stalin i bomba. Sovetskii Soyuz i atomnaya energiya (1939–1956)* [Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Nuclear Energy (1939–1956)]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 627 p.

Hosking, G. (1985). *A History of the Soviet Union*. L., Fontana Press, Collins. 527 p.

Hosking, G. (1994). *Istoriya Sovetskogo Soyuza. 1917–1991* [A History of the Soviet Union. 1917–1991]. Moscow, Vagrius. 510 p.

Hyland, W., Shryock, R. (1986). *The Fall of Khrushchev*. N. Y., Funk & Wagnalls. 209 p.

Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki [A History of the Socialist Economy] (1980). Moscow, Nauka. 589 p.

Istoriya sovetskogo atomnogo proekta: dokumenty, vospominaniya, issledovaniya [The History of the Soviet Nuclear Project: Documents, Memoirs, Research] (1998). Moscow, Yanus-K. Iss. 1. 392 p. (2002). St Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyi institut. Iss. 2. 656 p.

Ivanov, L. I. (1988). *Ekonomika i ekonomisty* [Economics and Economists]. In *Oktyabr'*. No. 7, pp. 166–180.

Izmesťev, Yu. V. (1990). *Rossiya v XX veke: istoricheskii ocherk. 1894–1964* [Russia in the 20th Century: Historical Outline. 1894–1964]. N. Y., Pereklichka. 456 p.

Jilas, M. (1992). *Litso totalitarizma* [The Face of Totalitarianism]. Moscow, Novosti. 539 p.

Josephson, P. R. (1997). *New Atlantis Revisited. Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton, Princeton Univ. Press. 351 p.

Karcz, J. F. (1979). *The Economics of Communist Agriculture*. Bloomington, Intern. Development Inst. 494 p.

Katasonov, V. Yu. (2014). *Ekonomika Stalina* [Stalin's Economy]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 416 p.

Kelley, D. R. (1986). *The Politics of the Developed Socialism: The Soviet Union as a Post-industrial State*. N. Y., Greenwood Press. 215 p.

Khanin, G. I. (1991). *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [The Dynamics of the Economic Development of the USSR]. Novosibirsk, Nauka. 267 p.

Khanin, G. I. (2008). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveishee vremya v 2 t.* [The Economic History of Russia in Modern Times. 2 Vols]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Vol. 1. 516 p.

Khlevnyuk, O. V. (2017). *Stalinskii period sovetskoii istorii. Istoriograficheskie tendentsii i nereshennyye problemy* [The Stalin Period of Soviet History. Historiographical Trends and Unresolved Problems]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (56), pp. 71–80.

Khlevnyuk, O. V., Gorlitski, I. (2011). *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoi diktatury* [The Cold World: Stalin and the End of the Stalinist Dictatorship]. Moscow, ROSSPEN. 229 p.

Khlusov, M. I. (1977). *Razvitie sovetskoii industrii. 1946–1958* [The Development of Soviet Industry. 1946–1958]. Moscow, Nauka. 280 p.

Khrushchev, N. S. (1999). *Vremya. Lyudi. Vlast'. Vospominaniya v 4 kn.* [Time. People. Power. Memoirs. 4 Books]. Moscow, Moskovskie novosti.

Khrushchev, S. N. (1994). *Nikita Khrushchev: krizisy i rakety* [Nikita Khrushchev: Crises and Missiles]. Moscow, Novosti. 495 p.

Khrushchev, S. N. (2017). *Nikita Khrushchev. Tvorets ottepli* [Nikita Khrushchev. The Creator of the "Thaw"]. Moscow, Veche. 576 p.

Konyshchev, D. N. (2019). *Agrarnyye reformy N. S. Khrushcheva: popytka kontseptual'nogo osmysleniya* [Agrarian Reforms of N. S. Khrushchev: An Attempt at Conceptual Understanding]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 25–42.

Kozlov, B. I. (2003). *Akademiya nauk SSSR i industrializatsiya Rossii: ocherk sotsial'noi istorii 1925–1963* [The USSR Academy of Sciences and the Industrialisation of Russia: An Essay on Social History, 1925–1963]. Moscow, Academia. 269 p.

Kremlev, S. T. (2008). *Beriya. Luchshii menedzher XX veka* [Beria. The Best Manager of the 20th Century]. Moscow, Yauza, EKSMO. 1180 p.

Kuznetsov, I. S. (2019). Novosibirskii Akademgorodok: “oasis svobody” ili “relikt stalinizma”? [Novosibirsk Akademgorodok: “An Oasis of Freedom” or “A Relic of Stalinism”?]. In *ECO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. No. 11, pp. 172–192. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2019-11-172-192 .

Lakhtin, G. A. (1990). *Organizatsiya sovetskoi nauki: istoriya i sovremennost'* [The Organisation of Soviet Science: History and Modernity]. Moscow, Nauka. 217 p.

Leibovich, O. L. (1993). *Reforma i modernizatsiya v 1953–1964 gg.* [Reform and Modernisation in 1953–1964]. Perm', Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 182 p.

Lel'chuk, V. S. (1979). *Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i promyshlennoe razvitiye SSSR* [The Scientific and Technological Revolution and Industrial Development of the USSR]. Moscow, Nauka. 285 p.

Leonhard, W. (1962). *The Kremlin since Stalin*. L., Oxford Univ. Press. 403 p.

Linden, C. A. (1990). *Khrushchev and the Soviet Leadership: With an Epilogue on Gorbachev*. Baltimore, L., John Hopkins Univ. Press. 287 p.

McCauley, M. (1991). *Nikita Khrushchev*. L., Cardinal. 128 p.

Medvedev, R. A. (2006). *Nikita Khrushchev: otets ili oichim sovetskoi “otpepli”* [Nikita Khrushchev. Father or Stepfather of the Soviet “Thaw”]. Moscow, Yauza. 476 p.

Medvedev, R. A., Medvedev, Zh. A. (1976). *Khrushchev: The Years in Power*. N. Y., Columbia Univ. Press. 198 p.

Mel'nikova, N. V., Josephson, P. R. (2016). Amerikanskii i rossiiskii issledovaniya istorii atomnogo proekta SSSR: sravnitel'nyi analiz [American and Russian Studies of the History of the USSR's Nuclear Project: Comparative Analysis]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. Vol. 37. No. 1, pp. 85–109.

Men'kovskii, V. I. (Ed.). (2006). *Sovremennaya rossiiskaya istoriografiya noveishei istorii Rossii i istorii SSSR. Uchebno-spravocnoe posobie* [Contemporary Russian Historiography of the Recent History of Russia and the History of the USSR. A Textbook]. Minsk, Respublikanskii institut vysshei shkoly. 169 p.

Miller, R. F. (1984). Khrushchev and the Soviet Economy: Management by Reorganization. In *Khrushchev and the Communist World*. L., Groom Helm, pp. 108–138.

Nikonov, V. (2017). *Molotov* [Molotov]. Moscow, Molodaya gvardiya. 631 p.

Nove, A. (1977). *The Soviet Economic System*. L., Allen & Unwin. 399 p.

Openkin, L. A. (1988). Byli li povoroty v razvitiu sovetskogo obshchestva v 50-e i 60-e gody? [Were There Any Turns in the Development of Soviet Society in the 1950s and 60s?]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 8, pp. 52–65.

Openkin, L. A. (1990). Na istoricheskom pereput'e (shtrikhi k portretu G. M. Malenkova) [At the Historical Crossroads (Strokes to the Portrait of G. M. Malenkov)]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 1, pp. 105–119.

Openkin, L. A. (1991). *Otpepl': kak eto bylo. 1953–1965 gg.* [The “Thaw”: How it Was. 1953–1965]. Moscow, Znanie. 63 p.

Pikhoya, R. G. (2007). *Moskva. Kreml'. Vlast'. Sorok let posle voyny, 1945–1985* [Moscow. The Kremlin. Power. Forty Years after the War, 1945–1985]. Moscow, AST. 716 p.

Popov, G. Kh., Adzhubey, N. A. (2008). *Pyat' vyborov Nikity Khrushcheva* [Five Choices of Nikita Khrushchev]. Moscow, Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve. 414 p.

Pyzhikov, A. V. (2002). *Khrushchevskaya “otpepl'”* [Khrushchev's “Thaw”]. Moscow, OLMA-Press. 509 p.

Rossiiskaya Akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie. Istoricheskii ocherk [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Historical Essay] (2007). Novosibirsk, Nauka. 508 p.

Sakwa, R. (1989). *Soviet Politics. An Introduction*. L., N. Y., Routledge. 356 p.

Schroeder, G. (1979). The Soviet Economy on a Treadmill of “Reforms”. In *Soviet Economy in a Time of Change. Vol. 1*. Washington, DC, Government Printing Office, pp. 312–341.

Shattenberg, S. (2018). *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of the Man and the Country]. Moscow, ROSSPEN. 623 p.

Shcherbakova, T. I. (2010). Reforma upravleniya promyshlennost'yu 1952–1964 gg.: problemy osushchestvleniya i rezul'taty [Industry Management Reform, 1952–1964: Implementation Challenges and Results]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 9, pp. 73–82.

Shestakov, V. A. (2006). *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh gg.* [The Socio-Economic Policy of the Soviet State in the 1950s – mid 1960s]. Moscow, Nauka. 295 p.

Simonov, N. S. (1996). *Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [The Military and Industrial Complex of the USSR in the 1920s–1950s: The Rate of Economic Growth, Structure, Organisation of Production, and Management]. Moscow, ROSSPEN. 336 p.

Spitsyn, E. Yu. (2019). *Khrushchevskaya slyakot'. Sovetskaya derzhava v 1953–1964 godakh* [Khrushchev's Slush. The Soviet State in 1953–1964]. Moscow, Kontseptual. 608 p.

Starikov, N. V. (1996). Epokha “ottepeli” i etapy evolyutsii stalinizma: voprosy istoriografii [The “Thaw” Era and the Stages of the Evolution of Stalinism: Questions of Historiography]. In *Sovetskaya istoriografiya*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 316–348.

Sushkov, A. V. (2009). *Prezidium TsK KPSS v 1957–1964 gg. Lichnosti i vlast'* [The Presidium of the Central Committee of the CPSU in 1957–1964. Persons and Power]. Yekaterinburg, Ural'skoe otdelenie RAN. 386 p.

Tarschys, D. (1979). *The Soviet Political Agenda: Problems and Priorities. 1950–1970*. L., Basingstoke, Macmillan Press. 217 p.

Tatu, M. (1969). *Power in the Kremlin: From Khrushchev's Decline to Collective Leadership*. L., Collins. 570 p.

Taubman, W. (2003). *Khrushchev. The Man and His Era*. N. Y., Norton. 876 p.

Taubman, W. (2008). *Khrushchev* [Khrushchev]. Moscow, Molodaya gvardiya. 850 p.

Tompson, W. J. (1995). *Khrushchev. Political Life*. N. Y., St Martin's Press. 341 p.

Trofimov, A. B. (2000). *Vlast' i istoricheskaya nauka: problemy otechestvennoi istoriografii poslestalinskogo desyatiletia* [Power and Historical Science: Problems of Russian Historiography of the Post-Stalin Decade]. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet. 248 p.

Trofimov, A. V. (1997). *Ekonomicheskoe razvitiye Sovetskoy strany v 1953–1964 godakh (problemy istoriografii)* [The Economic Development of the Soviet Country in 1953–1964 (Issues of Historiography)]. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet. 217 p.

Tucker, R. C. (1987). *Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev*. L., N. Y., W. W. Norton & Company. 214 p.

Vedenev, Yu. A. (1990). *Organizatsionnye reformy gosudarstvennogo upravleniya promyshlennost'yu v SSSR. Istoriko-pravovoe issledovanie (1957–1987 gg.)* [Organisational Reforms of the State Administration of Industry in the USSR: A Historical and Legal Study (1957–1987)]. Moscow, Nauka. 250 p.

Verbitskaya, O. M. (1992). *Rossiiskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh — nachalo 60-kh gg.* [The Russian Peasantry: From Stalin to Khrushchev. The Mid-1940s – Early 1960s]. Moscow, Nauka. 222 p.

Vodichev, E. G. (1994). *Put' na vostok: Formirovanie i razvitiye nauchnogo potentsiala Sibiri* [A Way to the East: The Formation and Development of the Scientific Potential of Siberia]. Novosibirsk, Ekor. 202 p.

Vodichev, E. G. (2012). *Nauka na vostoке SSSR v usloviyakh industrializatsionnoi paradigmy* [Science in the USSR's East in the Industrialisation Paradigm]. Novosibirsk, Geo, Institut neftegazovoi geologii i geofiziki Sibirskogo otdeleniya RAN. 346 p.

Vodichev, E. G. (2014). Sovetskaya nauchnaya politika v period “pozdnego stalinizma” (vtoraya polovina 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.): markery i metamorfozy [Soviet Science Policy during the Period of “Late Stalinism” (Second Half of the 1940s – Early 1950s): Markers and Metamorphoses]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 2 (28), pp. 41–53.

Vodichev, E. G. (2018a). Vsegda li “Ponedel’nik nachinaetsya v subbotu”, ili Mify i realii sibirskoi “Novoy Atlantidy”. Stat’ya pervaya: mify [Does “Monday Always Begin on Saturday”, or the Myths and Realities of the Siberian “New Atlantis”. Article One: Myths]. In *Idei i ideally*. Vol. 10. No. 1 (35), pp. 9–26. DOI 10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26.

Vodichev, E. G. (2018b). Vsegda li “Ponedel’nik nachinaetsya v subbotu”, ili Mify i realii sibirskoi “Novoy Atlantidy”. Stat’ya vtoraia: realii [Does “Monday Always Begin on Saturday”, or the Myths and Realities of the Siberian “New Atlantis”. Article Two: Realities]. In *Idei i ideally*. Vol. 10. No. 2 (36), pp. 28–50. DOI 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50.

Vooruzhenie Rossii v 2 t. [The Armament of Russia. 2 Vols.] (2010). Moscow, Ouzhie i tekhnologii. Vol. 1. Sovetskaya voennaya moshch’. 648 p.

Vyltsan, M. A. (1976). *Vosstanovlenie i razvitie material’no-tekhnicheskoi bazy kolkhoznogo stroya (1945–1958 gg.)* [The Restoration and Development of the Material and Technical Basis of the Collective Farm System (1945–1958)]. Moscow, Mysl’. 263 p.

XX s’ezd KPSS i ego istoricheskie real’nosti [The 20th Congress of the CPSU and Its Historical Realities]. (1991). Moscow, Politizdat. 416 p.

Zaklyuchennyye na stroikakh kommunizma: GULAG i ob’ekty energetiki v SSSR. Sobranie dokumentov i fotografii [Prisoners at the Construction Sites of Communism: The Gulag and Energy Facilities in the USSR. Collection of Documents and Photographs] (2008). Moscow, ROSSPEN. 448 p.

Zelenin, I. E. (2001). *Agrarnaya politika N. S. Khrushcheva i sel’skoe khozyaistvo* [The Agrarian Policy of N. S. Khrushchev and Agriculture]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 304 p.

Zubkova, E. Yu. (1991). Posle voiny: Malenkov, Khrushchev i “ottepel’” [After the War: Malenkov, Khrushchev, and the “Thaw”]. In *Istoriya otechestva: lyudi, idei, resheniya*. Moscow, Politizdat, pp. 284–320.

Zubkova, E. Yu. (1993). *Obshchestvo i reformy. 1945–1964* [Society and Reform. 1945–1964]. Moscow, Rossiya molodaya. 198 p.

Zubkova, E. Yu. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost’*. 1945–1953 [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN. 229 p.

The article was submitted on 02.03.2020

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Антонс Ян-Хиннерк, PhD, старший преподаватель, Университет Гельмута Шмидта.
22043, Германия, Гамбург, Holstenhofweg, 85.
ORCID 0000-0002-9888-0645
antonsj@hsu-hh.de

Артемов Евгений Тимофеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0002-3683-1063
iia-history@mail.ru

Водичев Евгений Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет; профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет.
630073, Россия, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 3б.
ORCID 0000-0001-8266-1723
vodichev@corp.nstu.ru

Гальперин Чарльз, PhD, независимый исследователь, Блумингтон, Индиана, США.
ORCID 0000-0002-6667-0555
chalperi@iu.edu

Ермакова Ольга Константиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; старший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-2095-1001
ermakovaok@mail.ru

Каменская Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-3487-5791
ekam82@yandex.ru

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0001-5564-4602
kamyninv@yandex.ru

Койвунен Пиа, PhD, старший преподаватель, Университет Турку.
FI-20014, Финляндия.
ORCID 0000-0001-6142-1595
pia.koivunen@utu.fi

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, профессор,
Нижегородский государственный лингвистический университет имени
Н. А. Добролюбова.
603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а.
ORCID 0000-0002-7587-9027
svetlakor0808@gmail.com

Лазарев Яков Анатольевич, кандидат исторических наук, научный
сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный
университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6141-2215
9lazarev@gmail.com

Лазарева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-0268-6643
levburo@mail.ru

Литвин Юлия Валерьевна, кандидат исторических наук, научный
сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного
центра РАН.
185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11.
ORCID 0000-0002-2369-4987
litvinjulia@yandex.ru

Маловичко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор,
Государственный гуманитарно-технологический университет; профессор,
Российский государственный гуманитарный университет; старший научный
сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный
университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
142611, Россия, Московская область, Орехово-Зуево, ул. Зеленая, 22.
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-8321-9563
sergei.malovichko@gmail.com

Миронов Арсений Станиславович, кандидат филологических наук,
ректор, Московский государственный институт культуры.
141406, Россия, Московская область, Химки, ул. Библиотечная, 7.
ORCID 0000-0002-4344-6489
arsenymir@yandex.ru

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Ярос-
лавский государственный педагогической университет имени К. Д. Ушинского.
150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.
ORCID 0000-0001-8476-4400
nagornaja.oxana@mail.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет.

180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2.

ORCID 0000-0001-9006-9738

cambala2007@yandex.ru

Нисковская Мария Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

drowning-psyche@yandex.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Соколов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-2647-7355

sokolovsv@urfu.ru

Стась Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет.

625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.

ORCID 0000-0003-4198-7481

igor.stas@mail.ru

Суворова Анна Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.

ORCID 0000-0002-6421-8514

suvorova_anna@mail.ru

Туров Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет.

625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.

ORCID 0000-0002-6985-8799

svtur57@mail.ru

Уайт Джеймс, PhD, старший научный сотрудник, Лаборатория археографических исследований, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-4549-9381

james.white@eui.eu

Усачев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет); профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.

ORCID 0000-0003-4436-6269

asuuas1@mail.ru

Шимкевич Николай Валерьевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Екатеринбург, Россия.

ORCID 0000-0002-6018-7554

shimkevich@yandex.ru

Antons Jan-Hinnerk, PhD, Senior Lecturer, Helmut-Schmidt-University.

85, Holstenhofweg, 22043, Hamburg, Germany.

ORCID 0000-0002-9888-0645

antonsj@hsu-hh.de

Artemov Evgeny, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3683-1063

iia-history@mail.ru

Ermakova Olga, PhD (History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-2095-1001

ermakovaok@mail.ru

Halperin Charles, PhD, Independent Scholar, Bloomington, Indiana, USA.

ORCID 0000-0002-6667-0555

chalperi@iu.edu

Kamenskaya Ekaterina, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3487-5791

ekam82@yandex.ru

Kamynin Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-5564-4602

kamyninv@yandex.ru

Koivunen Pia, PhD, Senior Lecturer, University of Turku.

FI-20014, Finland.

ORCID 0000-0001-6142-1595

pia.koivunen@utu.fi

Koroleva Svetlana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Linguistic University of Nizhny Novgorod.

31a, Minin Str., 603155, Nizhny Novgorod, Russia.

ORCID 0000-0002-7587-9027

svetlakor0808@gmail.com

Lazarev Yakov, PhD (History), Research Fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6141-2215

9lazarev@gmail.com

Lazareva Elena, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0268-6643

levburo@mail.ru

Litvin Yulia, PhD (History), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

11, Pushkinskaya Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia.

ORCID 0000-0002-2369-4987

litvinjulia@yandex.ru

Malovichko Sergey, Dr. Hab. (History), Professor, State University of Humanities and Technology; Professor, Russian State University for the Humanities; Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

22, Zelenaya Str., 142611, Orekhovo-Zuevo, Moscow Region, Russia.

6, Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-8321-9563

sergei.malovichko@gmail.com

Mironov Arseny, PhD (Philology), Rector, Moscow State Institute of Culture.

7, Bibliotechnaya Str., 141406, Khimki, Moscow Region, Russia.

ORCID 0000-0002-4344-6489

arsenymir@yandex.ru

Nagornaia Oksana, Dr. Hab. (History), Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

108/1, Respublikanskaya Str., 150000, Yaroslavl, Russia.

ORCID 0000-0001-8476-4400

nagornaja.oxana@mail.ru

Nikitina Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Pskov State University.
2, Lenin Sq., 180000, Pskov, Russia.
ORCID 0000-0001-9006-9738
cambala2007@yandex.ru

Niskovskaya Mariya, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
26, Kommunisticheskaya, 167982, Syktyvkar, Komi Republic, Russia.
drowing-psyche@yandex.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica Journal*, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-3431-1662
landrat14@mail.ru

Shimkevich Nikolai, PhD (Philology), Independent Scholar, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6018-7554
shimkevich@yandex.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica Journal*, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Sokolov Sergei, PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2647-7355
sokolovsv@urfu.ru

Stas' Igor, PhD (History), Senior Researcher, Laboratory for Historical Geography and Regionalistics, Tyumen State University.
23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.
ORCID 0000-0003-4198-7481
igor.stas@mail.ru

Suvorova Anna, PhD (Art History), Associate Professor, Perm State National Research University.
15, Bukirev Str., 614990, Perm, Russia.
ORCID 0000-0002-6421-8514
suvorova_anna@mail.ru

Turov Sergei, PhD (History), Associate Professor, Tyumen State University.
23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.
ORCID 0000-0002-6985-8799
svtur57@mail.ru

Usachev Andrei, Dr. Hab. (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Professor, Russian State University for the Humanities.

76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.

6, Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-4436-6269

asuuas1@mail.ru

Vodichev Evgeny, Dr. Hab. (History), Professor, Novosibirsk State Technical University; Professor, National Research Tomsk State University.

20, Karl Marx Ave., 630073, Novosibirsk, Russia.

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.

ORCID 0000-0001-8266-1723

vodichev@corp.nstu.ru

White James, PhD, Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4549-9381

james.white@eui.eu

СОКРАЩЕНИЯ

ABBREVIATIONS

АРАН – Архив Российской академии наук
ARAN – Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ГАЯНАО – Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
GAYaNAO – Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga

НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра РАН
NA KarNTs RAN – Nauchnyi arkhiv Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN

НА РГО – Научный архив Русского географического общества
NA RGO – Nauchnyi arkhiv Russkogo geograficheskogo obshchestva

НА РК – Национальный архив Республики Карелия
NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР РНБ – Отдел рукописей. Российская национальная библиотека
OR RNB – Otdel rukopisei. Rossiiskaya natsional'naya biblioteka

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
RGANI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

ФА ИЯЛИ – Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
FA IYaLI – Fonogrammarkhiv Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
TsDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti

ABA – Arbejdermuseet og Arbejderbevægelsens Bibliotek og Arkiv

BArch – Bundesarchiv

BStU – Die Behörde des Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 8, 2020, № 5

Редакторы *Е. Берзина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Дата выхода в свет 22.01.2021. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 29,3. Усл. печ. л. 31,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 316.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru